

Дарья Кузнецова

ЗМЕЛОВ БОЛЬШЕ НЕТ

ПРОЛОГ

Над площадью плыл навязчивый, густой запах гари и паленой плоти. Он стелился в неподвижном, стылом воздухе даже теперь, когда костры уже прогорели и тянулись вверх серыми тонкими дымками. С неба падал тяжелый редкий снег, похожий на хлопья пепла. Слякоть оттепели, разогнавшая по домам самых упорных зевак, не несла свежести и не скрадывала запах, а даже как будто усиливала. Словно змеиная сырость радовалась недавней казни.

Я хорошо ее понимала. С самого начала простояла в первом ряду, прямо за оцеплением. Слушала улюлюканье толпы, ругань и проклятья, которыми щедро осыпали друг друга приговоренные и зеваки, а потом — недолго — крики боли с помоста. Сквозь дым смотрела, как корчатся в огне знакомые лица, стараясь запечатлеть в памяти каждое мгновение. И в груди ширилось, росло чувство громадного облегчения. Словно там, у закопченных каменных столбов, очистительное пламя съедало не только горстку недавно очень важных людей, но все мои сомнения, страхи, тяжелые мысли и само прошлое.

Старого коршуна больше нет, подумать только. Нет его, нет правой и левой руки, нет многих, очень многих чудовищ, которые давно не вызывали у меня никаких чувств, кроме омерзения, а у разошедшихся зевак — страха и ненависти. Сейчас я жалела только об одном: что нет возможности повторить казнь, еще раз остро и пронзительно ощутить полученную свободу. Не мной полученную — нашим многострадальным миром.

Король был абсолютно прав. Смерть на костре — лучший финал для этих мразей, другого они не заслужили. Нельзя марать о подобных благородную сталь, нельзя осквернять их кровью городскую брусчатку. Только огонь; они ведь так его любили...

— Госпожа змеелов! — вывел меня из оцепенения звонкий голос.

Это был совсем еще мальчишка — тонкий, восторженный. Форма королевской стражи почти висела на щуплых плечах, но эту неловкость компенсировал горящий гордостью взгляд. Наверное, всего пара дней как приняли, пока доверяют только дела «подай-принеси», но мальчишеского счастья это не умаляет.

— Госпожа змеелов! — окликнул он меня снова, протянул руку, но коснуться плеча не решился.

— Змееловов больше нет. — Голос прозвучал резко и сипло, и страж растерялся, явно с трудом поборол порыв отпрянуть. — Что случилось? — откашлявшись, добавила я уже мягче.

— За вами послали, его величество желает видеть, — ответил мальчишка с трепетом в голосе.

Короля в страже не просто любили — его боготворили. Да и в народе пока тоже, что не могло не радовать.

Я кивнула и двинулась вслед за гонцом через площадь к дворцу, отделенному узкой полосой почерневшего парка, укутанного мокрым и грязным снежным одеялом. Начало зимы здесь, в Релке, всегда до отвращения сырое и промозглое, а вот к середине погода разгуляется, и станет чище.

На этом унылом фоне дворец казался особенно нарядным. Огромное, величественное многоярусное строение, серебристо-серое под алыми крутыми скатами бесчисленных крыш, напоминающих крылья бабочки-огневки. Его так и называли при постройке — «Тысяча Бабочек».

В последние десятилетия за резиденцией закрепилось другое имя — «Огненный Кулак», на который здание тоже походило. На огромную боевую перчатку, шипы которой щедро залиты кровью или увенчаны застывшим пламенем. Но сейчас верилось, что бабочки вернуться.

В конце концов, змееловов действительно больше нет. И, наверное, что-то должно измениться к лучшему!

Глава 1

СОЛНЦЕ ЗА ОБЛАКАМИ

Внутри дворец походил на пещеру — гулкую, серую, сырую. Казалось бы, сырость и пещеры — это вотчина Долгой Змеи, а тем, кто прославляет Создателя, больше по статусу сухой теплый воздух. Но сюда, под прикрытие каменных стен, словно пробралась поздняя осень и осталась навсегда.

Говорят, раньше, до того как это место облюбовал Великий Змеелов, под крышей Тысячи Бабочек было иначе. Звучал смех, пестрели яркие наряды, спешили слуги, в цветных витражах множились солнечные блики. Потом витражи выцвели, пожухли обои, и даже круглый год пляшущий в бесчисленных зевах каминов огонь не мог справиться с сыростью, а слуги — с пылью и плесенью, затянувшими стены. Слово здание по воле Змеи как могло мстило старику, страдающему артритом и ревматизмом.

Сейчас дворец как будто замер в напряженном ожидании. Принюхивался черными дырами каминов, прислушивался потемневшими полотнищами стен. Ждал. Он тоже пока еще не верил в перемены, он привык к сырости и холоду.

Однако жизнь внутри продолжалась. С парадной лестницы уже сняли темно-красный, цвета запекшейся крови ковер, и пара хмурых мужчин драила серые ступени. Сквозь тлен и плесень проступал белый мрамор. Надолго ли? Змееловы пытались бороться с этой дрянью, но всех усилий хватало на пару дней. А потом перестали, плюнули и предпочитали не замечать кислого запаха гнили, пропитавшего дворец.

В галерее на втором этаже гулял ветер. И хотя на улице вроде бы царила не меньшая сырость, внутри от запаха мокрого снега становилось свежее и... чище. Распахнутые витражи тоже пытались отмыть, и тоже, как и на лестнице, это пока удавалось.

Королевские слуги старательно будили дворец, и я искренне надеялась, что у них получится. Было бы хорошо взглянуть на него потом — такой, каким его изображали в старых книгах. Живой, цветной, дышащий.

Под свой кабинет его величество временно определил комнату, которую раньше занимал дворцовый распорядитель — тогда, когда эта должность еще существовала.

А помещения, которые полагались монарху по статусу... Когда Змееловы обосновались во дворце, их предводитель занял королевские покои. И они пустовали с тех пор, как там похозяйничала стража, прощупав каждый сантиметр стен и изучив каждый обрывок бумаги. Я хорошо понимала его величество, брезгавшего жить там, где все пропахло старым коршуном.

По обе стороны от двери стояли личные стражи короля. Ладные, невысокие мужчины в черном с неприметными лицами. От них потянуло стужей, когда они прожгли меня пристальными взглядами. Орден Отрицающих. Жуткие типы: они полностью амагичны, рядом с ними перестают действовать любые чары, причем только по их желанию. Корона издавна использовала Отрицающих для охоты на самых сильных и опасных магов. Великий Змеелов тоже пытался перетянуть их на свою сторону, но орден отказался, храня верность первой присяге. И им за это ничего не было: с Отрицающими даже старый коршун не рискнул ссориться.

— Светлого вечера, ваше величество, — поклонилась я, войдя в кабинет. Приемной тут не предполагалось, поэтому стол для секретаря приткнули в углу у двери. — Вы желали меня видеть?

— Здравствуй, Норика. — Король устало улыбнулся из-за бумаг. — Да, проходи, садись. Я... ничего не нарушил?

— Нет, я увидела все, что хотела, благодарю. Они... хорошо горели. — Улыбка механически, против воли растянула губы, и его величество смущенно кашлянул в ответ.

Иногда кажется, что он считает меня сумасшедшей. Порой не вызывает сомнений, что это действительно так.

— Хорошо. Я хотел поговорить с тобой о будущем. Ты не задумывалась, чем заняться дальше?

— Имеете в виду, кроме поисков? — уточнила я. — Нет, не думала.

— Я так и предполагал и позволю себе кое-что предложить. Ты согласна выслушать? — спросил, кажется, с искренним беспокойством. Когда я кивнула, заговорил чуть более оживленно: — Позволь, я найду несколько издалека, чтобы описать всю картину. Как ты знаешь, змееловы очень старательно работали над общественным мнением, пытаюсь привить повсеместную ненависть к змеям. Многое у них получилось, и, несмотря на то, что народ устал от междоусобицы и поддержал

уничтожение ордена, отношение... напряженное. Создатель знает сколько пройдет времени, прежде чем удастся навести порядок. Но ненависть к змеям — это только одна из проблем. Вторая состоит в том, что очень многие знания оказались утрачены или по меньшей мере забыты. Магия змеев — другая, и если на уровне самоконтроля и управления силой все одинаково, то тонкостей люди не знают. При этом сами змеи никуда не делись. Юные и необученные.

— Ваше величество, вы зашли слишком издалека. Может, ближе к сути? — не выдержала я.

— Да, прости, — немного смутился он. — Если сразу к главному, то речь идет о школе. Такой, где могли бы учиться одновременно и дети, и змееныши. Как было раньше. Пока, впрочем, почти одни змеи, сироты или беспризорники... В общем, я бы хотел попросить тебя возглавить эту школу, ты неплохо управляешься с молодежью.

— Ваше величество, я управлялась с орденовыми курсантами, это ведь почти армия! К тому же я плохой организатор...

— Как раз то, что надо, — уверенно отмахнулся король. — Хороший хозяйственник там будет, от тебя нужны общее руководство, безопасность, дисциплина. Устав, простые и понятные для всех правила — это лучшее начало для таких детей. Они не привыкли к нежностям и просто не поверят, если обращаться с ними как-то иначе. А здесь все легко и понятно: что запрещено, что разрешено, и все абсолютно одинаково для всех. Кроме того, там будут и... твои.

Орлен бил наверняка, последним уточнением он купил меня с потрохами.

Под «моими» подразумевались змееныши, которых я прятала от собратьев по ордену. Собственно, именно с одного из таких подростков начался мой путь туда, где я сейчас находилась: я не исполнила приказ, просто не смогла. Не убила, скрыла это от Великого Змеелова, постаралась спрятать того мальчишку. Их было много потом, этих детей. Для меня — много, в масштабах мира — капля... Но закономерным итогом того маленького протеста стал большой бунт. Жалость к змеенышам вылилась в предательство ордена. Тайная поддержка короля, шпионаж в его пользу и, наконец, почти без боя сданный дворец вместе с Великим Змееловом и его ближайшими соратниками.

— И чему я смогу научить их, ваше величество? — все же постаралась я мыслить здраво. — Я тоже человек и тоже ничего не знаю об их магии.

— Змеи не сгинули совсем, бесследно. Некоторое их количество сумело... найти укрытие, — огорошил меня король. — Они согласились помочь и прислать нескольких учителей.

— Как вы их уговорили? — вырвалось у меня.

— Это в их интересах, они тоже хотят вернуться домой, к нормальной жизни. Для переговоров в Релку прибудет целая делегация, а эта школа — наш первый шаг друг другу навстречу.

— Но я же должна буду находиться там постоянно и не смогу...

— Я сделаю все возможное, — серьезно, веско ответил Орлен. — Если есть шанс его найти, если он до сих пор жив — я его найду и приведу к тебе, сразу. Без подвоха и шантажа. Слово короля.

— Спасибо, — только и сумела выдать я. Глубоко вздохнула, будто собираясь нырнуть в холодную воду, и попыталась улыбнуться. — Тогда у меня нет никаких причин отказываться. Готова служить моему королю и дальше. А где, кстати, разместится школа?

— Поместье Стреллист, — не сдержал веселой, мальчишеской улыбки его величество. — То самое.

— Это символично, — у меня вырвался нервный смешок. — А...

— Там как раз закончили уборку, вывезли лишнее и вот-вот должны приготовить все для детей. А еще там хорошая охранка. Я очень надеюсь, что она не пригодится и никто не попытается навредить детям, но подстраховаться нелишне. Ты же, насколько помню, хорошо знаешь сторожевые чары змееловов?

— Разберусь, — отмахнулась оптимистично. — Я правильно понимаю, что отбыть на место стоит как можно скорее?

— У тебя есть пара дней на сборы и подготовку, пока закончат с ремонтом. Можно прибыть и раньше, но это будет неудобно всем — и тебе, и тем, кто сейчас там работает. Держи. — Он придвинул по столу пухлую папку и пояснил: — Это все материалы, какие мы смогли подготовить. Полный довоенный учебный план, конечно, не отыскали, но... Это все, что есть. Разумеется, только скелет, вы вольны менять его так, как считаете нужным, — ты, остальные учителя. Вас пока будет пятеро, трое — змеи. Учеников пока двадцать шесть, возраст и состояние разное. Большинство — с

недавно проснувшись даром, змееловы не успели с ними разобраться. Тех, кого забрали из семей, мы попытаемся вернуть, а эти приютские, возвращаться им некуда. Главное, они почти ничего не знают о своей силе, хотя кое-кто инстинктивно научился маскировке. Материалы по детям уже в поместье, туда же должны прибыть твои коллеги и остальные служащие. Все — проверенные и надежные. Поезжай, Норика. Тебе это тоже будет на пользу. Там теплее и в это время года гораздо уютнее.

— Благодарю, ваше величество. Постараюсь... оправдать доверие, — ответила я и поднялась.

По привычке щелкнула каблуками, коротко поклонилась и вышла, зажимая под мышкой пухлую папку. Стрелолоист находится на юго-восточном побережье. Телепортом быстро, а вот червем добираться туда как раз почти двое суток. Собраться успею за полчаса, оставаться дольше в столице — нет смысла, вот и ознакомлюсь с документами по дороге. Если смогу сосредоточиться.

Это поместье прежде принадлежало Великому Змеелову. Тогда, когда он еще не примерил на себя это звание и роль вершителя судеб, а звался Яребом Ворицом, был талантливым алхимиком и носил баронский титул. Родовое гнездо. Потом оно номинально считалось собственностью ордена, хотя, конечно, посторонних туда не пускали. Только хозяин изредка приезжал отдохнуть от столичной суеты и погреть старые кости.

Понимание, что именно там будут учиться змееныши, поднимало настроение почти так же, как сама смерть Великого Змеелова.

Нет, не змееныши — дети, школа же смешанная. Ведь раньше именно так собирательно называли всех, независимо от расы. На «змеенышей» никто не обижался, конечно, но обычно под словами «дети» и «люди» подразумевались обе расы. Никому просто в голову не приходило искать в этом оскорбление. Никому — до основания ордена Змееловов.

Пока я шла через дворец к выходу, поняла, что с намерением выехать прямо сейчас поспешила. Это же не на несколько дней рабочая поездка, а надолго, легче считать — навсегда. Недалеко от поместья есть небольшой приморский городишко — не то Столбы, не то Столы, — поэтому с покупкой чего-то важного и неотложного проблем быть не должно, но это уже на крайний случай. Лучше бы сразу собраться основательно.

В первую очередь, конечно, купить одежду. У меня ведь почти ничего нет, кроме формы змееловов. До сих пор это не доставляло неудобств, потому что сначала я носила ее по праву и долгу службы, а последнюю пару дней было вообще не до бытовых мелочей. Что там одежда — я даже не могла вспомнить, когда и что последний раз ела! А вот сейчас, шагая через площадь и лоя на себе напряженные, испуганные, подобострастные, а порой и ненавидящие взгляды, вдруг осознала простую истину: очень плохая идея — являться в форме мертвого ордена в школу, где предстоит учить юных змеенышей. Не нужно мозолить им глаза лишним напоминанием о пережитых ужасах.

На улицах столицы ощущалось настороженное ожидание. Опасения, сомнение, тревога. Мир изменился, жизнь изменилась, но люди пока боялись в это поверить. А некоторые, может, и не хотели — из тех, кому при Великом Змеелове жилось привольно и сладко. Их наверняка терзал страх скорой расправы. Впрочем, если они неглупы, то уже успели убраться подальше от столицы.

Снег кончился, а когда я дошла до конца площади, через небольшую прореху в тучах неожиданно проглянуло солнце. Вызолотило серый камень, заиграло бликами в ледяной каше под ногами и на ключьях снега на подоконниках и ветках деревьев, раскрасило теплыми тонами бледные, осунувшиеся лица прохожих.

На короткое мгновение появилось чувство, будто я вынырнула из смрадного болота. Густая чавкающая зелень вдруг расступилась и выплюнула наверх. Легкие до боли расширились, наполняясь воздухом, и накатило шальное, огромное, повергающее в смятение своей остротой чувство: я жива. Жива! Сожри меня Долгая Змея, я все еще хожу, говорю, и время мое еще не закончилось! И мысли о том, что в этой жизни ничего не осталось, не стоят пыли под ногами, потому что главное — вот оно. Я жива, я чувствую, я дышу, а все прочее — мелочи.

Солнце скрылось, улицы Релки опять окутали серый сумрак и белая пелена снега. Но идти было по-прежнему легко, словно оставленный за спиной дворец Тысячи Бабочек забрал часть тяжести с моих плеч, впитал, укрепив ею свой фундамент и стены.

Странная ассоциация.

В любом случае в сторону каморки, которую снимала в одном из домов соседнего квартала, я двинулась с воодушевлением, которое впервые за долгое время породила не жажда мести.

Ордену Змееловов, помимо занятого ими дворца, принадлежало несколько особняков и доходных домов в городе, поэтому большинство моих бывших... коллег не задумывалось о вопросах жилья. В своем прежнем статусе я могла претендовать даже на покои во дворце, но постоянное общество

змееловов угнетало, и съемное жилье оказалось лучшим выходом из положения. Тепло, сухо, есть горячая вода и теплая постель — а больше ничего и не нужно.

О расставании с этим временным прибежищем я не жалела. Не стану скучать и о Релке, мне всю жизнь претили тесные лабиринты ее улиц и налепленные друг на друга дома старого города. В предместьях просторнее, но когда я в них бывала! За последние годы ни разу не выбиралась из столицы, вся жизнь — от каморки до орденской учебки и обратно, если не считать регулярных визитов в резиденцию ордена.

Я вообще сейчас ни о чем не жалела и чувствовала себя удивительно свободной. Странное, наверняка временное ощущение. Но сейчас я слышала, как рвутся цепи, казалось намертво сковавшие меня с Релкой, и — наслаждалась.

Сво-бо-да. Сложное слово. Пугает с непривычки.

Истинная причина, но которой король постарался скорее меня спровадить под благовидным предлогом, тоже не задевала. Больше того, вызывала одобрение.

Орлен — умный правитель. Ему еще нет тридцати, но он уже дальновиден, умеренно циничен и лишен наивных идеалов. Да, моя помощь, мое предательство оказались кстати, и его величество благодарен за это. Но никто не станет чествовать предателя как героя, я сыграла свою роль и больше не нужна. Даже почти опасна, потому что могу послужить клином между ним и настоящими, идейными соратниками. Для них я — недобиток, тот самый предавший однажды, который обязательно предаст вновь. Так зачем мозолить глаза, рисковать и провоцировать на решительные поступки тех, кто перерезал всю верхушку змееловов? И ради чего?

Нет, король выбрал лучший из возможных вариантов, я была готова искренне его поблагодарить. Это ведь даже не ссылка, а действительно важное, ответственное поручение, которое пойдет на пользу всем сторонам. Изящное и остроумное решение сразу нескольких проблем — и моих, и лично королевских, и государственных.

Да и оплатили мне эту работу более чем достойно, и речь не о деньгах. Королевское слово стоит гораздо дороже, и возможностей у него куда больше, чем было у меня даже в лучшие дни на взлете карьеры в ордене. Поэтому стоит оставить поиски профессионалам, а самой исполнить вассальный долг.

Съемная комната встретила сухой тишиной, легким запахом пыли и сумраком старой норы. Я пустила искру силы в хрустальную сферу светильника под потолком, и по стенам и полу расплескался теплый уютный свет. Несложная и повсеместно распространенная штука — запертый в стекле огонь. Но я способна лишь пробудить его импульсом магии, как любой другой обыватель, а создают подобные вещи артефакторы.

Пыльный чемодан выполз из-под кровати неохотно, словно за время покоя успел прорасти в доски пола или уж как минимум — присох. Окинув его взглядом, я решительно распахнула треугольное окно, впустила в комнату ветер и задала ему направление. Сквозняк пронзительно просвистел в петлях и замках чемодана и вынес грязную серую тучку на улицу, заодно прихватив пыль из-под кровати и шкафа.

Змеелову в звании ястреба, боевому магу немного стыдно в этом признаваться, но такие мелкие бытовые заклинания всегда меня особенно очаровывали. В них куда больше волшебства, чем в стелющемся по земле ревущем пламени или других, даже самых грозных, боевых чарах. Святотатство, но, кажется мне, Создатель на заре времен наводил порядок в юном мире именно такими вот бытовыми чарами, потому что жизнь в любом новом доме начинается с уборки строительного мусора.

На дно чемодана легла завернутая в лоскут пара коротких мечей в ножнах — парадная часть формы, традиция, дань которой я последний раз отдавала пару лет назад. Также напоминание о змееловах, но бросать их было жаль, уж очень хороша работа кузнеца, поэтому решила оставить как сувенир. Сменная обувь, теплый плащ, несколько сорочек, пара старых, невесть откуда взявшихся платьев — я даже сомневалась, что влезу в них, но мерить все равно не стала. Несколько книг и потертых тетрадей, а больше у меня ничего не было.

На вешалках в скрипучем дощатом шкафу осталось несколько комплектов ржавой, с золотым шитьем формы — такой же, какая была сейчас на мне. Высокие сапоги, черные узкие штаны с галуном вдоль внешних швов и китель с вышитым на груди и спине ястребом, держащим в когтях змею.

Несколько секунд я смотрела на эти вещи, а потом без сожалений сорвала с вешалок, свалила кучей на пол и отправила в груды одежды сгусток пламени. Подумав, стащила китель с себя и добавила его к небольшому костру. Пожара не боялась: не просто так ведь я считалась одним из лучших боевых магов ордена — что-то умела, поэтому огонь никогда не вырвется за отведенные ему

границы.

Все еще гуляющий по комнате сквозняк приятно охлаждал спину сквозь тонкую ткань блузки и клубами выталкивал на улицу густой дым. Стало еще немного легче.

Такими темпами я, глядишь, доберусь до Стреллиста уже совсем другим человеком.

Когда огонь догорел, все, с чем он не справился — золу и оплавившиеся куски металла, — я аккуратно собрала в мусорное ведро.

Подумав, перед выходом все-таки вынула из чемодана длинный, подбитый мехом плащ и накинула на плечи. Холод огненному магу не страшен, но штаны у меня есть только форменные, а так их проще всего спрятать. Они, конечно, не настолько бросаются в глаза, как китель, но зачем рисковать? А вот менять сапоги я не собиралась. Привычные, отличного качества, без опознавательных знаков — какой смысл искать замену?

Поход по магазинам занял неожиданно много времени, несмотря на скромный список необходимого. Я не приняла в расчет, что уже давно не занималась покупками, довольствуясь тем, что давал орден, и плохо представляла, где можно достать все нужные вещи. Пришлось поискать лавки, да и там я долго не могла определиться: а что вообще хочу?

Наверное, провозилась бы и дольше, но в третьем по счету месте меня взяла в оборот бойкая особа с хитрым лисьим взглядом, которая ответила на этот вопрос и на десяток других, которые я сама и не сообразила бы задать. Расстались мы вполне довольные друг другом: я — с ворохом новых вещей, девушка — с хорошей выручкой.

Между делом успела завернуть на городской вокзал, ознакомиться с расписанием и взять билет на ночного червя как раз до нужного города, который все-таки оказался Столбами.

В итоге с окончания сборов до момента посадки у меня оставалось почти три часа, которые я решила провести на вокзале. Перекусила в местном кафе, весьма недурном, и устроилась в зале ожидания на неожиданно удобной жесткой деревянной скамье со спинкой, развернув газету. Букв, правда, не видела, отрешенно наблюдая поверх листа за вокзальной суетой.

Жизнь продолжалась. Здесь, где сходятся разные дороги, это ощущалось особенно отчетливо. Несмотря на броские заголовки газет, несмотря на катящиеся по стране перемены, люди продолжали куда-то спешить. Шумно радовались встрече, со слезами расставались, тараторили напутствия, суетливо озирались и порой даже пробежали мимо, пытаясь под грузом вещей. Под гулким куполом просторного зала звучный голос — низкий женский или высокий мужской — объявлял об отпращивании, прибытии, изменениях в расписании.

Оглашая пространство хлопаньем крыльев, от стены к стене перелетала стая вокзальных серо-зеленых голубей — бесплатные посыльные, которых даже кормить не приходилось, пищу они добывали себе сами. Особая порода, они чувствительны к магии и питаются отчасти ее обрывками. При необходимости можно было подозвать птицу легким магическим импульсом, доступным любому взрослому человеку, и отправить с письмом куда-нибудь недалеко, в черте города. Например, попросить прислать забытые документы или еще какую мелочь.

В метре от меня проществовало степенное семейство — солидный отец, круглая мать с задранном носом и трое детей. Две хорошеньких девочки постарше и серьезный мальчик лет десяти. Я проводила его взглядом, привычно пытаюсь угадать — кем он окажется через пару лет, когда с взрослением придет сила? Человек это или змееныш?

Мальчишка, кажется, ощутил слишком пристальный взгляд. Обернулся. Издалека почудилось, что глаза блеснули желтым, но я отвернулась и не стала дольше нервировать ребенка. Даже если я угадала, у него есть время, чтобы король успел навести относительный порядок. Надеюсь, через пару лет, даже если мальчик окажется змеенышем, над ним не нависнет угроза смерти, от него не станут шараться как от чумного бывшего друга или даже родные.

Змеев всегда рождалось немного меньше, где-то два к трем в пропорции к людям. Как с этим обстояло сейчас, я не знала. Великий Змеелов каждый раз твердил, что гадов все меньше, что скоро удастся вытравить скверну, гнилое семя из человеческого рода. Но я давно перестала ему верить, а взять точные цифры было негде, никто не вел подсчетов.

Понять, змей или человек вырастет из ребенка, невозможно: один корень, одна кровь. Только боги, сообща творившие мир и его обитателей, знают, почему кто-то так и остается ходить на двух ногах и ведает огнем и ветром, а кто-то — обретает второй облик и управляется с землей и водой. Так было всегда, так остается поныне, несмотря на то что змееловы потратили уйму сил и времени на эксперименты и поиски ответов, пытаюсь найти способ выявления змеенышей еще в зародыше или вовсе — научиться предотвращать их появление.

Подробностей я не знала и никогда не интересовалась ходом экспериментов. Только малодушно радовалась, что я боевой маг, а не ученый, и не имела касательства к этим исследованиям: слишком хороню знала методы и жестокость ордена. И с облегчением принимала отсутствие каких-то значимых подвижек, о которых непременно объявили бы всем.

Наверное, не просто так старый коршун столь высоко ставил это исследование, потому что именно его неудача в конечном итоге уничтожила почти четверть века царствования Великого Змеелова. Можно бояться змеев издавек, можно ненавидеть, можно кидать камни в пойманных «гадов»: человеке стадо жестоко. Но далеко не каждый сумеет отдать своего ребенка палачам. Даже не младенца — уже почти взрослого сына или дочь. Может быть, единственное дитя. И чаша терпения переполнилась.

Сейчас, оглядываясь назад и вспоминая истоки этого безумия, этой самоубийственной слепой резни, многие задавали себе вопрос: как такое получилось? Почему братья, сестры, родители и дети вдруг стали чужими друг другу? Всеобщее умопомрачение, массовая истерия — иначе не скажешь.

Все началось со страшного мора. Зеленая гниль выползла из Чумных болот — мертвых земель далеко на западе, вблизи которых селились неохотнее всего и только самые отчаявшиеся, пропащие.

За считанные дни эпидемия докатилась до столицы. Оборвались порталные связи с соседними мирами, мы оказались заперты наедине со страшной, мучительной смертью. С болезнью, сжиравшей людей за несколько дней. Змеев зеленая гниль по какой-то причине щадила, а их целительная магия не могла помочь умирающим, лишь немного облегчала муки.

И вот тогда появились змееловы — на волне ужаса перед смертью, на волне зависти к тем, кому не грозила болезнь. Они обвинили во всем Долгую Змею и ее детей, и семена эти упали в благодатную почву, щедро удобренную смрадными трупами жертв мора. И заживо гниющий мир щедро умылся кровью.

В связи с этим закрытые порталы оказались даже благом. Пожелай кто-то захватить нас, и противиться было бы некому, а вот люди, готовые предать родину ради шанса на безопасность в другом мире, нашлись бы в изобилии. Открыли бы, впустили, да еще и помогли.

Сейчас, с высоты прожитых лет и через призму полученных знаний, я воспринимала подростковые воспоминания о том перевороте совершенно иначе. Тогда было просто страшно, и змееловы, с их хорошими речами и добротой к человеческим детям, казались посланниками Спасителя, поэтому в орден я вступила не раздумывая. А теперь — с трудом верила, что Великий Змеелов не приложил руку к тому мору. Нет, это было бы слишком даже для старого коршуна, и на допросе он пел о другом, но все же... Все же поверить в подобное куда проще, чем в совпадение и тот бред, который нес старик.

Но если вдруг вскроется причастность ордена к эпидемии и открытие это станет достоянием общественности, мне останется забиться в какую-нибудь глухую нору и молить богов о легкой смерти. Потому что гражданскую войну рядовым змееловам еще могут простить, а вот если они приложили руку к мору...

Из размышлений меня вырвал бой вокзальных часов, провозгласивших полночь, и почти сразу после них глас с потолка объявил о начале посадки на мой рейс.

В просторной двухместной каюте предстояло провести чуть больше полутора суток. Неприятный серо-зеленый цвет шершавых, чуть теплых и как будто постоянно влажных на ощупь стен в первом классе закрывали плотные гобеленовые драпировки — ненавязчиво-однотонные, темно-золотистые. Две широкие койки через проход, занятый полированным деревянным столом теплого, красновато-коричневого оттенка, наверху — две багажных полки и белая полусфера светильника в середине потолка.

Я подняла край клетчатого пледа, застлавшего мою койку, с удовольствием оценила хрустящую белизну чистого белья. Заметила висящий сбоку от двери большой пушистый халат.

Прекрасные маленькие радости жизни. Неприхотливая в быту, путешествовать я в последние годы предпочитала с комфортом, довольно уже натирать мозоли седлами. Это в молодости можно было себе позволить, а сейчас я предпочитала никуда не спешить, а если спешить — то только телепортом. Не говоря уже о том, что в комфортабельной каюте гораздо удобнее знакомиться с бумагами.

Вспомнив про них, я достала из чемодана панку и приподнялась на носочках, чтобы затолкать его на верхнюю полку.

— Ух, как мне с соседкой повезло! Хороша! — Одобрительный комментарий сопровождал звучный шлепок по заднице. По моей.

Я настолько оторопела, что в первый момент не отреагировала вовсе. Не то что оплеухой не ответила, даже молнией не ударила, что обычно происходило рефлекторно. Потом резко развернулась на каблуках... и порадовалась собственной заторможенности. Ведь убила бы дурака!

На соседней койке, весело болтая ногами, сидел маленький, сухонький старичок. Он, наверное, и в юности статью не отличался, а сейчас вовсе был мне в лучшем случае по плечо.

— Хороша! — повторил он, восхищенно прицокнув языком и глядя снизу вверх хитрющими, ясными глазами без малейшего признака старческого слабоумия. Сосед задорно улыбался и азартно потирал ладони. — Ну что, будем знакомиться?

— Скажите, вы желаете сойти с этого червя живым? — ровно спросила его.

— Ух, грозная какая! А ты не смотри, что я старенький, я, может, еще о-го-го!

— Я боевой маг, — продолжила тем же тоном, хмуро глядя на попутчика. Того, правда, совсем не принимал тяжелый взгляд, отработанный на курсантах и младших членах ордена. — Я сначала бью, потом разговариваю. Чудо, что сдержалась сейчас!

— Ух! Говорю же, хороша! Люблю женщин в форме! — мечтательно зажмурился он и даже звонко причмокнул. — А так, может, и не худший конец для старика — от руки красотки, а?

Попутчик рассмеялся своей шутке, а я лишь пожала плечами, села на койку и начала стаскивать сапоги. В любом случае он предупрежден и совесть моя чиста. А если желает сунуть голову Змее в пасть — кто ему запретит! Видимо, пожил достаточно и терять ему нечего.

Не получив ответа, старичок не расстроился и бодро затрещал обо всем на свете. Я мрачно спросила себя, почему не взяла одноместную каюту, и тут же ответила: на этом рейсе таких попросту не было. А добраться с пересадкой или ждать еще почти сутки совершенно не хотелось.

Сбросив сапоги на пол, я устроилась на койке с ногами и погрузилась в изучение выданных королем бумаг. Пока сосед не распускал руки, я вполне могла потерпеть его, причем без особых неудобств.

Расчет оказался верен, и даже не пришлось прибегать к защитным заклинаниям. Стоило немного отвлечься, и я просто перестала воспринимать болтовню попутчика, а тому, кажется, и не требовалась реакция слушателя, хватит и молчания.

Поначалу игнорировать его вот так было неловко. Старый человек, вероятно одинокий, не так уж часто ему доводится поговорить хоть с кем-то! Но я быстро заткнула совесть напоминанием о начале знакомства. Сам виноват: не стал бы распускать руки, я бы наверняка пожалела его и постаралась поддержать светский разговор.

Все-таки репутация змееловов имела свои плюсы: никому бы и в голову не пришло хватать ястреба за задницу, это очень неприятный способ самоубийства. А сейчас... Легкомысленная голубая блуза навыпуск, удлиненный светло-серый жилет с тонким поясом — и кто под всем этим отличит военную выправку от отличной осанки?

Каютка мелко задрожала, по стенам прокатился длинный, протяжный стон — сигнал о погружении. Койка дернулась, заставив меня ухватиться для надежности за стол и придержать второй рукой бумаги на коленях. Пол накренился, тряска усилилась. Сейчас червь полз по спирали вниз, к близким в этом месте водам Океана: именно толщина породы определяла, где можно, а где нельзя строить червячные станции.

Спуск занял немногим больше получаса. Еще один стон другой тональности — и мир вокруг выровнялся, а тряска прекратилась.

Я с минуту прислушивалась к наступившей тишине — не считая болтовни соседа, — и старалась дышать ровно, чтобы унять застучавшее в горле сердце.

В такие моменты всегда не по себе. Жутко думать, что длинное гибкое тело извивается над Бездной, почти прижимаясь спиной к Тверди. А внизу, под ногами и его брюхом, — изначальный безбрежный и бездонный Океан. И живущие в его глубинах древние чудовища, которые вечно парят в толще воды.

Говорят, воды Океана в глубине столь прозрачны, что сквозь них, особенно у края Тверди, можно увидеть блеск чешуи. Глупости, конечно: Долгая Змея для этого слишком далеко, ее даже сквозь толщу воздуха видно очень редко. Вот если немного отплыть от берега, тогда — да, можно увидеть. Но близко все равно не подобраться: вдоль края Мира, там, где лежит в воде ее бесконечное темное тело, удерживая небосвод, вихряются такие течения и такие ветры — никак не добраться. Говорят, если нырнуть на черве поглубже, можно преодолеть эту преграду, но там свои опасности. Если у кого-то подобное и получилось, он промолчал.

Черви считаются самым надежным транспортом. С ними почти не случается аварий, они прекрасно дрессируются, послушны погонщику, а существа из глубин, которые способны причинить им вред, почти не поднимаются к Тверди. Но все равно страшно, потому что здесь от тебя уже ничего не зависит, и если с червем что-то случится — это смерть.

Раньше погонщиками служили в основном змеи. Потом червей почти не осталось, как и чешуйчатых; насколько я знала, сейчас их работало меньше десятка. Но дефицит не грозил, потому что путешественников тоже стало гораздо меньше: население Мира с прихода зеленой гнили и по сей день сократилось как минимум втрое.

Великий Змеелов утверждал, что остальных червей увели змеи-погонщики, унося в их чревах сородичей, и сетовал на то, что там проклятых гадов не достать. Где — «там», не ответил ни разу. В последние годы я надеялась, что это было именно так. Не представляла, где эти беглецы могли найти прибежище, но — надеялась.

Может, Долгая Змея смилостивилась над своими детьми и дала им прибежище на кончике хвоста? Где-то же спрятались змеи-беглецы! Вполне возможно, что именно те беглецы, которые украли червей, и пытались сейчас договориться с королем. Если это на самом деле так, если они выжили... Один червь способен унести полтысячи пассажиров, а их было несколько десятков! Может, не так уж мало змеев уцелело?

Прошла официантка, предлагая всем желающим чай и легкие закуски. Я отказалась, а сосед на некоторое время умолк, шумно хлюпая и дуя в высокую кружку с удобным широким дном. Потом погас общий свет, и некоторое время я читала под небольшим ярким светильником, расположенным в изголовье койки. За это время старик, вздыхая и охая, продолжая болтать, судя по шуршанию, переоделся ко сну и забрался под одеяло.

Некоторое время повисела тишина, а потом...

Тому, что он храпит, я уже не удивилась, как и бормотанию во сне. Но это мелкое неудобство всерьез не обеспокоило, хватило накинуть полог тишины — незаменимые чары в дороге.

Ложилась я уже ближе к утру, когда слова начали скакать и расплываться перед глазами, а нос пару раз чуть не уткнулся в листы. Не спать, увы, невозможно, а спать... Я знала, что меня там ждет. От кошмаров уже давно ничто не помогало — ни чары, ни снадобья, ни самоубеждение. Каждый раз оставалось лишь надеяться, что сегодня повезет: все же сны были милосердны и приходили раз в три-четыре дня, не чаще, иначе я давно бы уже окончательно сошла с ума или свела счеты с жизнью.

Впрочем, именно сейчас надежда была очень слабой: слишком насыщенным выдался день.

Днем ранее

Времена каменных застенков, сырых и провонявших кислой кровью пыточных прошли давно. Ушли в прошлое зловещие, безобразного вида конструкции, один облик которых вызывал у неподготовленных людей тошноту. Сейчас допросная больше напоминала больничную палату или, скорее, ту часть морга, где прозекторы проводят свои исследования.

На белом мраморном столе, изрезанном символами и запутанными линиями, напоминающими трещины в камне, сейчас лежал старик. Рубаха из небеленого полотна и такие же портки отчасти скрывали тощие телеса, покрытые желто-серой кожей с пигментными пятнами и пучками седых волос. Тщедушное тело порой выгибалось от боли — насколько позволяли держащие его ремни. Когда судорога проходила, на головы окружающих и тех, кого здесь не было, сыпались проклятья.

Четверо, собравшиеся вокруг стола, не обращали внимания на ругань: все ждали.

Роль палача при артефакте исполнял невозмутимый, как глыба льда, мужчина средних лет — подтянутый, обаятельный: когда он улыбнулся мне при знакомстве, на щеках появились трогательные ямочки. Сейчас, правда, он был спокоен и сосредоточен — работал. Сидел в изголовье стола, там, где располагались управляющие пластины, и, подобно композитору, создающему новую пьесу, порой задумчиво касался клавиш в одном ему понятной последовательности.

Король сидел в кресле сбоку от стола, чуть поодаль. Он буравил взглядом основание стола и порой недовольно кривился — происходящее было ему противно. Рядом со столом, следя за ломкой магических и психических барьеров с академическим интересом, стоял молодой энергичный мужчина — Мориц Сеннад, занимавший при короле должность начальника службы безопасности. Его любопытство вызывало главным образом время, которое затратит палач на подготовку

«материала для допроса».

А напротив него, через стол, стояла я, сцепив за спиной руки. И получала удовольствие.

Было так ново и так приятно видеть Великого Змеелова столь жалким, беспомощным, обреченным. Маленький, трусливый, убогий человечек, состоящий почти из одной ненависти, — я даже предположить не могла, откуда ее столько взялось. Хитрый и изворотливый, этого не отнять; безжалостный, с удовольствием ломавший судьбы. Никому не нужный теперь, кроме своих палачей.

— Можно начинать, — через некоторое время разрешил артефактор. И Сенад с предвкушением в глазах открыл свой блокнот с заметками.

Великий Змеелов плевался ядом, но отвечал на вопросы. О приказах и казнях, о грешках своих любимцев и захвате власти. О Создателе, который явился ему во сне незадолго до появления зеленой гнили и назвал его, Ворику, спасителем. О том, как придумал делать из крови змеев лекарство от болезни, как использовал его для манипуляции людьми...

Много чего говорил, заполняя один за другим звуковые кристаллы для архива. Под конец осип и он, и следователь, и даже я была к этому близка, хотя вопросов задавала куда меньше, чем Мориц. О тех вещах, в которых, отлично зная орден изнутри, понимала куда больше сторонних наблюдателей.

Когда кристаллы закончились, пришлось слать одного из ожидавших за дверью людей за новыми.

— Тварь! — прошипел мне Великий Змеелов. Молчать на этом столе сложно, мучительно больно — рвется наружу все то, что прежде было сокрыто. И если не задавать нужных вопросов, объект обычно начинает говорить обо всем, что приходит в голову. — Змеиная подстилка! Надо было сжечь тебя еще тогда, вместе с ублюдком...

— Ты свою возможность упустил, — ответила я, равнодушно пожав плечами. — Теперь я погреюсь у твоего костра.

Провоцировала. Низко, недостойно — издеваться над тем, кто не может ответить, бить лежачего. Но я слишком ненавидела этого человека, чтобы помнить о каком-то благородстве.

Вместо внятного ответа он опять разразился бранью. Кажется, та грязь, которую исторгал Великий Змеелов сейчас, составляла основу его сущности.

— Проклятье, — пробормотал Орлен. — Мориц, в следующий раз будь более предусмотрительным!

— Простите, ваше величество, — развел руками тот. Он тоже, как и я, давно примостился на табуретке. Стоять столько времени почетным караулом у одра старого коршуна — много чести. — У меня никогда допросы не затягивались на шесть часов без перерыва. И, надеюсь, впредь не затянутся!

— Надо было придушить отродье сразу, брюхо тебе вспороть. Зря решил использовать... — прокашлял Великий Змеелов.

Меня словно окатило холодной водой.

— Мой сын... жив? — подалась я вперед, приподнявшись на стуле.

— Сдох уже небось в какой-то канаве, — хрипло расхохотался старик.

— Он родился живым?! Куда ты его дел, падаль?! Говори!

— Норика, прекрати! — рявкнул Мориц, вскакивая. С грохотом упал его стул.

Подоспел со своего места король, сообщая мужчины оттащили меня от Великого Змеелова.

— Ты его прикончишь и тогда точно ничего уже не узнаешь! — пытался воззвать к здравому смыслу Орлен.

— Норика, это будет слишком легкая смерть, не надо!

Меня трясло. Я даже не вспомнила сейчас о магии, хотелось голыми руками разорвать на части дряблое, высохшее тело, вырвать горло, чтобы только не слышать хриплого издевательского смеха. Я не слышала ничего, кроме этого смеха, и хорошо, что физически мужчины были сильнее: слова их до меня не доходили и никакого воздействия не имели.

Безобразие прекратил палач. Он на несколько секунд оставил свое место, налил воды из графина в стакан и выплеснул мне в лицо.

— Прошу прощения, ваше величество, в вас я попасть не хотел, — флегматично уронил в наступившей тишине мужчина, тихо поставил стакан и вернулся к своему месту.

— Ничего страшного, — кашлянул Орлен, по-простецки утирая брызги с лица рукавом.

— Простите за эту вспышку, — ломким, дрогнувшим голосом проговорила я, следуя королевскому примеру и утираясь рукавами формы. — Я...

— Сядь. Сейчас все выясним. — Мориц кивнул на стул, и я обессиленно на него опустилась. От накатившей слабости подгибались колени.

Вот только ничего больше о моем ребенке Великий Змеелов сказать не мог. В приюте, куда его отдали, случился пожар, и след мальчика, которому тогда было четыре года, оборвался. Его никто особо не искал, не видели смысла: я и так слушалась отлично и не давала повода усомниться в верности ордену. «Сдох — и сдох твой ублюдок!» — хрипло каркал старик.

Но поверить в это снова? О нет, это тогда я была глупой девчонкой, которая не ставила под сомнение слова наставников. А теперь у меня появилась цель в жизни, смысл. Хотя бы на короткое время, пока не выяснится, что...

Нет, вот об этом точно не стоит думать. Не сейчас.

Глава 2

ОКЕАН У НОГ

Мне снился огонь. Старое сухое здание трещало, дым ел глаза и забивал горло. Злое, ревущее пламя клацало пастью и отказывалось подчиняться. Вырвавшись из-под контроля, оно бесновалось, стремилось сожрать все, до чего могло дотянуться. Мстило за годы, века рабства.

Горела кожа, горели руки, глаза. Боль выгибала распятое на мраморном столе тело, выжигая кровь и даже душу.

А потом слышные сквозь вой пламени крики и плач утонули в грохоте рухнувших перекрытий. И я проснулась, рывком села на кровати, загнанно дыша. Дрожащей ладонью стерла пот со лба.

От резкого движения истончившийся за ночь полог тишины лопнул, поэтому вежливое «доброе утро, красавица» соседа я услышала и даже ответила чуть хриплым со сна голосом. Не глядя в его сторону, набросила халат поверх длинной свободной сорочки, в которую переделалась перед сном, и отправилась умываться.

К тому моменту, как привезли завтрак, я успела привести себя в порядок в уборной и вернуться посвежевшей. Строгая, точная и расторопная, как хорошо отлаженный механизм, горничная в несколько секунд расставила тарелки, так же механически пожелала приятного аппетита и ушла в следующую каюту, а мы остались вдвоем.

Сосед сегодня был неожиданно, я бы даже сказала, пугающе молчалив. Сосредоточенно жевал омлет, прихлебывая ягодный компот. Глядел в тарелку, изредка косился в мою сторону.

— Плохо? — спросил наконец.

— Почему же? Весьма недурно готовят, — возразила я.

Старичок захихикал в кулак, потом прокашлялся и пояснил:

— Сны. — Сосед кивнул на мою койку. — Могу средство дать. От совести, конечно, не поможет, но спать будешь лучше.

— Оставляя за скобками вопросы совести... Вы действительно думаете, что я возьму какое-то средство у полоумного старика, который при первой встрече схватил меня за задницу? — спросила с легкой растерянностью.

Он опять захихикал.

— А у Язода Самоса?

— Тем более! — ответила без раздумий, чем вызвала еще один приступ веселья.

— Я дурного не думаю, помочь хочу, — попытался он настоять на своем.

— В помощи не нуждаюсь.

— Ишь ты, гордая какая! — Кажется, старый алхимик немного обиделся. — Наказываешь себя?

— Вам не верю, — возразила спокойно. — И не поверю, можете не пытаться.

Он вновь хмыкнул, но умолк, продолжая коситься. Пристальные взгляды раздражали больше болтовни, но недостаточно, чтобы вывести из себя.

Как интересно повернулась жизнь. Мы одинаково верно служили змееловам, потом оба вовремя их предали и теперь бежали на юг — не то от прошлого, не то в надежде на будущее.

— Моя жена была змеей, — задумчиво проговорил Самос. — Я продал душу Ворику в обмен на ее жизнь. Двадцать лет она почти не выходила из дома, чтобы не привлекать внимание. Моя Тинни никогда не говорила об этом, но я чувствовал, она бы предпочла такой жизни смерть. Только меня не хотела обидеть и не могла бросить. Но все равно зачала. Да.

— Сочувствую вашему горю, — проговорила я. Вполне искренне: неведомую Тинни, которая провела двадцать лет в заключении и постоянном страхе, было жаль.

— Я потому и говорю, что про совесть знаю все. Точно не хочешь зелье?

— Воздержусь.

— Я в Столбы еду, — сменил тему Самос. — Везу Тинни к морю. — Он похлопал себя по груди напротив сердца. — Она по нему больше всего скучала, а раз змееловов больше нет — то и толку от меня немного. Поживу там сколько-то. Если вдруг нужен будет старый алхимик — заходи, гостевой дом «Красная крыша».

— Спасибо за предложение.

Как он догадался, кто я, спрашивать не стала. Среди верхушки ордена было не так много женщин, а Язод Самос был вхож к Великому Змеелову. Где-то там и пересекались. Может, нас даже познакомили, но у меня дурная память на лица.

Алхимия... странная наука. То ли дело артефакторика — все просто, логично, важна каждая закорючка, и расположена она на строго определенном месте. А алхимия почти как кулинария, только на порядок сложнее; я никогда не могла ее понять. Щепотку того, на глаз этого, приправить случайностью, довести до кипения в полнолуние за час до рассвета и пять раз подпрыгнуть на левой ноге. И при точном следовании рецепту у одного получится именно то, на что он рассчитывал, а у другого — слабительное вместо обезболивающего, и это в лучшем случае. Дар к алхимии либо есть, либо нет, и чаще всего именно его наличие определяет стремление к котлам и ретортам. Очень редко алхимиком пытается стать бесталанный в этом деле человек или змей, и ничем хорошим это обычно не заканчивается.

У алхимиков чаще всего очень слабый магический дар. Например, какая-нибудь домохозяйка или пастух из глухой деревни были потенциально сильнее Великого Змеелова. Мне кажется, отчасти поэтому тщеславный барон так ненавидел весь мир: не хотел довольствоваться единственным талантом, мечтал стать лучшим во всем. Изыскивал способ отъема магии и использования ее в личных целях.

Я давно это подозревала, а на допросе только нашла подтверждение: меня он выделил, приблизил и после оставил в живых в первую очередь с этой целью. Чтобы под рукой всегда находился кто-то с незаурядными способностями, кого при необходимости можно пустить под нож. Да и власть над сильными магами очень ему нравилась. А потом, когда исследования провалились, я уже начала приносить пользу.

Сожри Долгая Змея его душу... Не хочу больше думать об этом человеке!

Весь день сосед больше помалкивал, в отличие от вчерашнего. Сказались грустные воспоминания о покойной супруге или он просто выговорился вечером — не знаю, меня одинаково устраивали оба варианта. После завтрака алхимик сидел с какой-то толстенной книгой, порой что-то выписывая в потертый блокнот, а после обеда вовсе ушел, оставив меня до ужина в одиночестве.

Я смутно припомнила, что в описании этого червя упоминались какие-то общие развлечения вроде ресторана и игровых комнат. Кроме того, за день транспорт несколько раз поднимался к поверхности, делая промежуточные остановки и предоставляя желающим размяться.

Одиночество, с одной стороны, принесло облегчение: отпустило напряжение, вызванное близостью постороннего человека, то есть потенциальной опасности. Умом я понимала, что Самос, вероятно, был искренен в своем сочувствии: вряд ли у него имелся резон вредить случайной попутчице или личные счеты ко мне. Но подозрительность все равно заставляла ждать подвоха.

А с другой — в тишине и пустоте каюты стены вдруг начали давить и словно понемногу сближаться. Остро кольнуло чувство собственной ничтожности и ненужности.

Снова вспомнилось, что я болтаюсь над Бездной внутри огромной твари, совершенно беззащитной перед чудовищами глубин. Когда погонщиками работали змеи, владеющие магией воды, они обеспечивали безопасность и червя, и пассажиров, а сейчас оставалось рассчитывать только на везение. И если случится катастрофа, обо мне никто не вспомнит и уж точно не станет грустить. Потому что нет ни родных, ни друзей, ни цели в жизни — одни лишь кошмары и грязное прошлое.

Но эту минутную слабость и пораженческие мысли я быстро преодолела. Напомнила себе о слове короля и потерянном сыне, о школе и детях, которым нужна помощь, и решительно вернулась к документам.

За ужином Самос опять попытался всучить мне зелье.

— Пойми, наказывая себя, ты никому не сделаешь лучше! — Алхимик тщетно взывал к моему благоразумию.

— Я не наказываю, — наконец ответила старику, все-таки бросив на него взгляд поверх стопки листов. — Глупо истязать себя, когда ты — единственное, что у тебя осталось, вам не кажется? Известные зелья мне не помогают, а экспериментировать с неизвестными... Я уже говорила, что не настолько вам доверяю.

— Не настолько — или вообще? — хихикнул он.

— Вообще.

— Такая красивая, а такая сердитая! — укорил алхимик. — Чем тебе слабый старик повредить может?

— Великий Змеелов тоже был слабым стариком, — усмехнулась я.

— М-да. Уела, — смущенно кашлянул попутчик.

На этом разговор снова оборвался, и остаток вечера прошел в тишине. На удивление спокойной и даже уютной. Непривычное ощущение.

Кажется, я слишком отвыкла от обычного человеческого общения. Когда некто просто находится рядом — случайно, потому что так получилось, — и ему от тебя совершенно ничего не нужно, как и тебе от него. Когда необязательно взвешивать каждое слово, следить за лицом и даже мыслями, когда попутчик — просто попутчик, а не возможный собрат по ордену с очередной проверкой лояльности.

Создатель! Интересно, я когда-нибудь сумею опять стать нормальным человеком? Или уже поздно?

К счастью, вторая ночь в каюте прошла спокойнее. Сосед опять громко храпел, опять пришлось накладывать полог, но на этот раз обошлось без кошмаров и пробуждения в холодном поту. Если мне что-то и снилось, наутро я этого не помнила и чувствовала себя отдохнувшей, неожиданно умиротворенной и готовой к встрече с будущим. Даже настроение еще немного улучшилось.

Ироде бы за время дороги ничего не изменилось и не произошло, но та Норика, что готовилась сойти в Столбах, была уже немного не той Норикой, что покинула Релку. Знакомое, но неизменно чарующее явление: необъяснимая магия путешествия на черве, которая не срабатывает при верховой поездке или тем более перемещении порталом. Что-то необратимо меняется внутри в такие моменты, когда ты полностью изолирован от привычных вещей и понятий, когда ты еще не «там», но уже не «здесь», подвешен во времени и пространстве и как будто не существуешь для Мира.

И дело, конечно, не в самом черве, это ведь обычное животное. Скорее, Изначальный Океан, окружающий со всех сторон, вынимает из души беспокойство, страхи и прочий мусор, омывает и врачует раны своими целительными водами, освобождает место для чего-то нового, свежего. Считается, что собственной магии он не имеет, но, скорее всего, мы просто не способны ее осознать — слишком малы и ничтожны в сравнении с Бездной.

Транспортные черви — весьма несимпатичные существа. Одно дело — понимать, что ты путешествуешь в брюхе какого-то огромного животного, не видя его, а совсем другое — пройти внутрь, взглянув на склизкую серо-розовую шкуру длинной слепой кольчатой твари. Поэтому перевозчики стараются сделать так, чтобы пассажиры поменьше видели. Пристань неизменно являет собой отрезок огромной трубы, вмурованной в стену, которая отделяет техническую часть порта от общественной. Червь обхватывает огромной беззубой пастью этот отнорок, и люди без суеты выходят по широкому, удобному коридору, видя за спиной только декоративную загородку, за которой прячутся пандусы и длинные переходы для живности и работников.

Здесь же черви подплывали сразу со стороны Океана, не было нужды городить сложную сеть переходов. Вокзал прорубили прямо в скале на краю Тверди или даже воспользовались естественной пещерой.

Посадочная палуба была выложена веселеньким желтым и розовым камнем, образующим ненавязчивый геометрический узор. Отсюда вверх, к вокзалу, поднималась широкая лестница.

Пахло свежо и сыро, как после дождя на недавно скошенном лугу, — обычный запах моря. Все из-за водорослей, в изобилии растущих на затопленной поверхности Тверди. Вода у побережья из-за них отличается от обычной речной или той, что на глубине: имеет странный сладковатый привкус. С непривычки противно, а местным, наоборот, нравится. Говорят даже, она очень полезная.

Я шла медленно, вместе с соседом. У старика имелся небольшой, но весьма увесистый саквояж; не знаю, как он дотащил его до каюты, — сам или с чьей-то помощью, но сейчас вещи несла я. Так было даже удобнее — уравнило. Может, знакомство началось не очень-то приятно и желания продолжать общение со стариком у меня не было, но это не отменяло уважения и снисходительности к возрасту. Не бросать же его наедине с этой тяжестью, явно ведь сам не дотащит!

Наверное, начни я предлагать помощь, Самос отказался бы, но я не стала спрашивать, просто подхватила саквояж вместе со своим чемоданом и сообщила, что помогу донести до вокзала, а там

можно и носильщика нанять. Алхимик семенил рядом, покашливая и поглядывая виновато, но благоразумно не спорил.

Распрощались мы в здании вокзала, и распрощались тепло. На площади я взяла открытый экипаж — погода оказалась чудесной, не чета столичной. Поместье Стрелolist в качестве пункта назначения вызвало у извозчика любопытство, но не более. Главное, он точно знал, куда ехать. Правда, перед этим я решила сделать остановку в порталном пункте, где на всякий случай взяла координатную привязку. Школа стоит далеко за городом; мало ли какие срочные надобности возникнут. А перемещаться можно только в то место, магический слепок которого помнишь. Специалисты-портальщики умеют хранить по сотне таких слепков, а моей нетренированной памяти хватает едва ли на десяток.

Дорога сначала вилась по городу — запутанному, вроде бы не менее тесному, чем Релка, но гораздо более обаятельному благодаря погоде. Здесь еще хватало зелени и цветов, а над головой в синем небе сияло солнце. Приятное впечатление оставляли и шумные, оживленные улицы, на которых не ощущалось никакой нервозности и настороженности, словно последние десятилетия обошли этот чудесный уголок стороной. Но в Столбах я прежде не бывала и не могла уверенно судить, всегда ли они остаются такими жизнерадостными.

Вынырнув из города, дорога запетляла по берегу. Невысокие пологие горы кое-где обрывались живописными скалами, желтыми и розовыми на срезе, как камень в отделке вокзала. Да и дома в городе были явно сложены из того же материала. На холмах буйно зеленело что-то вечнозеленое — никогда не разбиралась в растениях.

А сбоку синел Океан. Покрытая мелкой рябью поверхность напоминала шкуру какого-то огромного зверя, который ежился от легкого ветерка и медленно ворочался во сне. Вдали, у самого горизонта, через голубую дымку угадывалось что-то темное, ровное. Кажется, сейчас был один из тех редких дней, когда воздух чист и прозрачен до такой степени, что взгляд может различить тело Долгой Змеи.

Океан выглядел умиротворенным. Сонным. Задумчивым. Чем дальше я на него смотрела, тем внимательней смотрел он в ответ, заглядывая в самые глубины мыслей и памяти. И тем безмятежней, разглаженная его отстраненным вниманием, становилась душа.

Пожалуй, стоит еще раз, уже гораздо более искренно и осознанно, поблагодарить Орлена за эту ссылку. Даже если мое состояние заботило его в последнюю очередь, королевская воля отправила меня туда, где мне точно было лучше, чем в столице. Пока. Загадывать на более отдаленное будущее я избегала, но уже смотрела в него не просто спокойно, а даже как будто с осторожным оптимизмом.

Жизнь не закончилась. Больше того, это даже не ее середина. Мне всего сорок три, я здорова и сильна, у меня есть голова на плечах и магия в крови. А это уже куда больше, чем у огромного количества людей, и эти люди тоже живут, даже бывают счастливы. Так почему мне не найти свое место здесь, у побережья?

Пусть не счастье, пусть временно, но покой я уже обрела. Я не могла вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя так легко и невозмутимо. И это дорогого стоило.

Поместье Стрелolist вольготно раскинулось на склоне холма в живописной бирюзовой бухте. В стороне от него пестрел крышами крошечный городок или большая деревня. У многочисленных причалов виднелись весельные лодки и зияли заметные провалы: рыбаки еще не вернулись с промысла. Вверх от побережья тянулось, наброшенное на пологие склоны, лоскутное одеяло полей и садов — зеленое, золотое, красновато-коричневое на убранных и распаханых участках. Плодовые деревья, овощи, злаки, выше — уходящие за перегиб виноградники, словно причесанные редким гребнем.

На улице было малоллюдно, хотя ветер доносил то голоса, то смех, то задорную южную перебранку. Местные дети, наверное, занимались в школе, взрослые — хлопотали по хозяйству. Те немногие встречные, кто нам попадался, откладывали дела и глазели с интересом, порой приставляя ладони козырьками ко лбу, чтобы лучше разглядеть против солнца. Ни опасения, ни враждебности не ощущалось, и это показалось хорошим знаком. Не для меня, конечно, — для детей, которым предстоит тут учиться.

Территория поместья встретила тишиной, но совсем не гнетущей, уютной. Дорога стрелой пронзала старый фруктовый сад и в конце делала лихой вираж, чтобы подойти к парадной лестнице длинного здания, вытянутого вдоль бухты.

Когда мы подъехали ближе, оказалось, что поместье состоит из трех связанных между собой крыльев, за которыми, очевидно, помещались хозяйственные постройки.

Экипаж закономерно никто не встречал, о прибытии-то их не предупредили. Но пока я выгружалась

и расплачивалась с извозчиком, из глубины парка вынырнул крепкий, приземистый мужчина с широченными плечами и длинными руками. Не вызывало сомнений, что незнакомец очень силен, это ощущалось в самой его фигуре, в каждом шаге.

— Норика Неро? — приблизившись, спросил мужчина. Когда я кивнула, продолжил, протянув лапу для рукопожатия: — Мрон Таврик, артефактор. Я тут по хозяйственной части. Пойдемте, покажу что и где.

— Спасибо, — с удовольствием приняла я помощь. Тон его поначалу показался враждебным, но вскоре стало понятно, что это видимость, просто странная манера разговора.

Под ручку чемодана у мужчины поместились только три пальца, а веса он и вовсе словно не чувствовал, так что отстаивать самостоятельность тут я не стала. Рвущийся с языка вопрос, как он с такими руками может быть артефактором, конечно, проглотила: слишком уж грубо, а ему вряд ли легко в этом ремесле.

— Кто-то уже прибыл?

— Только Фалин Вилор, человек. Сидит в кабинете, который по плану как учительскую определили, с делами знакомится.

Фамилия показалась смутно знакомой, но я так и не вспомнила, где ее слышала. Король вроде бы не называл... Но эту мысль я вскоре откинула, вспомнив пару курсантов, носивших ее.

— Что вы можете о нем сказать? — Если его величество охарактеризовал местных служащих и особенно этого специалиста по хозяйственной части как надежных проверенных людей, надо думать, доверять можно не только их профессиональным качествам.

— Да вроде нормальный мужик, — пожал могучими плечами Мрон. — Деловой, шустрый, вежливый. Щуплый. Вы-то покрепче будете.

И хотя сказал он это с неизменным выражением лица, у меня на последних словах все равно появилось ощущение улыбки. Артефактор определенно иронизировал, почти неуловимо. Занятная манера.

Внутри особняк выглядел забавно. Прямо напротив входа, между двух полукруглых лестниц, на том месте, где должен висеть парадный портрет хозяина, — большой и подробный план школы и ее территории. По обе стороны от него две белых квадратных доски, пока одинаково пустые, одна из которых озаглавлена «Объявления», вторая — «Расписание».

На втором этаже, куда мы не спеша поднялись, нашлась копия плана. Я на несколько секунд задержалась возле него. Левое крыло здания называлось теперь жилым корпусом, правое — учебным, среднее — главным.

Всю лишнюю мебель куда-то утащили, на обоях четко проступали контуры снятых картин — часть из них тот, кто руководил процессом, посчитал неподходящими для учебного заведения. Остались в основном пейзажи и натюрморты, в одном месте попался старинный гобелен со сценой охотничьего завтрака. Убрали ковры и портьеры, кое-где навесили новые двери, которые резко выделялись своей простотой на фоне окружающей роскоши. На дверях красовались свеженькие, блестящие таблички с аккуратно выведенными краской номерами комнат.

А вот покои, которые мне выделили, следов ремонта не несли, только легкий намек на тщательный обыск — мебель явно двигали, но потом постарались вернуть обратно. В некоторых местах на обивке и дереве виднелись свежие потертости и царапины. Небольшая гостиная, она же кабинет, спальня, пустая гардеробная и роскошная ванная — все, что может понадобиться, и даже больше.

Здесь Мрон меня оставил и отправился заниматься своими делами. А я освежилась после дороги, сменила одежду и, не разбирая остальные вещи, с папкой наперевес отправилась знакомиться с первым из будущих коллег.

Данная специалистом по хозяйственной части характеристика Фалина оказалась исчерпывающе точной, разве что мужчина был не таким уж щуплым, скорее — поджарым. Кудрявые рыжие вихры и солнечная улыбка располагали к нему с первого взгляда. В какое-то мгновение мне показалось, что я видела его раньше, но ощущение быстро прошло: дело было в очень ярком, буквально хрестоматийном типаже.

— Доброе утро. Вы Норика?

— Да, а вы — Фалин? Очень приятно. Успели выяснить что-нибудь интересное?

— Пока только поверхностно посмотрел личные дела и разложил по возрасту, — ответил рыжий. —

Я сам только-только прибыл. Хотя стыдно, конечно, я жил тут неподалеку, в часе неспешной езды верхом. Но столько всего всплыло, и обязательно на день отъезда... Хотелось решить все сразу, чтобы полностью сосредоточиться на деле. Меня попросили помочь тут буквально несколько дней назад, а вырваться не так-то просто, надо же было своих ребят еще кому-то передать, поговорить с каждым, чтобы никто не расстроился, — скучать ведь будут.

— Своих ребят? — вычленила я из сказанного.

Оказалось, в отличие от меня, Фалин Вилор был настоящим учителем, причем основной областью его работы являлись как раз подростки с только-только пробудившимся даром. Ценнейшее приобретение для школы. Он знал решительно все о проблемах этого возраста и написал несколько научных работ по проблемам таких детей. Кроме того, свою работу Фалин явно искренне любил. И воспитанники наверняка очень любили его, я готова была за это поручиться. Осталось надеяться, что на запуганных, нервных змеенышей его обаяние тоже произведет благоприятное впечатление.

Отрекомендовавшись, учитель поделился собственными предварительными выводами и опасениями. Среди воспитанников попалось несколько... особенных даже на фоне всех остальных, самым примечательным из которых, безусловно, являлся молодой человек около двадцати, плюс-минус пара лет. Он был слишком не в себе, чтобы назвать возраст, а других источников информации не нашлось. Именно о нем, кажется, говорил король, упоминая об инстинктивно постигнутом умении маскироваться и прятаться. Бедолага умудрился несколько лет прожить в столичной канализации в змеином облике. В конце концов его все же поймали, но казнить не успели: орден Змееловов умер раньше.

С карточки на нас хмуро, исподлобья смотрел светловолосый мальчишка с изможденным худым лицом, который выглядел от силы лет на пятнадцать. Змеиный облик у него был невыразительным, серо-зеленым — во всяком случае, на снимке. Мы с Фал и ном, переглянувшись, единогласно решили, что проблем с парнем будет много. Вся надежда оставалась на наших змеиных коллег, мне же к этому... Кергалу лучше вообще не подходить.

А самой младшей оказалась девочка восьми лет, Огаша, которая попала сюда со старшим братом. У детей не осталось родственников, росли они в приюте, откуда и сбежали, когда в Шелете проснулся змеиный дар. Брат не смог бросить сестру в приюте и прятался с ней вместе, как мог, заботился. Их, к счастью, нашли уже не змееловы, а королевская стража.

Случай был не уникальный, я знала еще одну похожую семью и ждала их приезда с остальными. Только там четырнадцатилетний мальчишка сбежал из родного дома вместе с младшими сестрами-близняшками, которые обе оказались змеями. Родители были законопослушными гражданами, а еще у них было шестеро детей, поэтому двух девочек они сдали без особых сожалений. Эту тройцу четыре года назад нашла именно я и помогла укрыться в глухой деревушке почти у самых Чумных болот, куда вряд ли могло занести случайного человека. Сейчас старшему уже исполнилось восемнадцать, и его тоже предстояло учить.

Все старшие дети были из спасенных — мною, еще кое-кем из змееловов, у кого тоже не поднималась рука убивать беззащитных. Восемь младших — из тех, у кого только-только пробудился дар.

— Неужели так мало выживших? — рассеянно проговорил Фалин, когда мы повторно пересмотрели все бумаги.

— Конечно нет, — успокоила его. — Это те, кого удалось быстро собрать. Хотя мне, безусловно, интересно, у кого из королевских порталщиков нашелся маяк в той глухой местности у Чумных болот.

— Ты уверена? — На «ты» мы перешли очень быстро, с рыжим по-другому и не получалось.

— Здесь даже из «моих», спрятанных во времена службы, далеко не все, а были ведь и другие. Наверное, кого-то привезут позже, его величество говорил о чем-то таком. Кроме того, здесь только те, у кого нет родных или от которых без сожалений отказались. Не знаю, как будет с остальными. Но, надеюсь, наш король что-нибудь придумает. Надо сказать, скорость создания этой-то школы впечатляет. Уж не знаю, кто этим занимался, но он достоин восхищения.

— Про твою службу... — неуверенно начал Фалин, кажется, опасаясь ненароком влезть в душу, но любопытство не позволяло молчать. — Какую службу? Ты...

— Я была змееловом, — после короткой заминки все-таки ответила правду. Лучше о подобного рода вещах предупреждать заранее, особенно — союзников. Мы же пока заодно, верно? А то такие подробности имеют обыкновение всплывать в самый неподходящий момент. — Уже лет десять — ястребом, если быть точной. Поверь мне, далеко не каждый из змееловов мог недрогнувшей рукой оборвать детскую жизнь, так что наверняка найдется еще много таких вот счастливиц.

— Ястребом? — потерянно, недоверчиво переспросил мужчина. — Но ты такая молодая! И... ну... нормальная, что ли? Не верится.

— Это долгая и скучная история, — поморщилась я. — Может, как-нибудь и расскажу под кружку чего-то покрепче. Надеюсь, ты после этого не станешь считать меня шпионом?

— Если тебе верит король, чтобы доверить этих детей, то мне тем более стыдно думать всякие гадости. Главное, что сейчас война кончилась и можно начать новую жизнь. Верно? — Он ободряюще сжал мое плечо, и я даже сумела не дернуться и не ударить по чужой руке.

— Верно, — согласилась и даже молча дождалась, пока он сам уберет руку. И только после этого, глубоко вздохнув для успокоения нервов, осторожно попросила: — Фалин, небольшая просьба. Не нужно меня трогать, хорошо? Особенно внезапно. Ничего личного, просто... Есть люди, которых это успокаивает. Меня — нервирует. Извини.

— Нет-нет, надо было сразу сказать, что ты! Я все понимаю, — заверил он. Потом взгляд его стал неожиданно тяжелым, мрачным, дав понять, что Фалин далеко не всегда такой жизнерадостный балагур, в глубине под этой маской есть что-то еще. Интересное открытие. — Это... — начал он и запнулся.

— Это не то, о чем ты подумал, — хмыкнула я.

— А откуда ты знаешь, о чем я подумал? Я же ничего не сказал!

— У тебя выразительная мимика. Нет, это не результат насилия или чего-то вроде. Конечно, в моем прошлом и в моей голове водится много всякой нечисти, но ничего такого. Просто особенность восприятия. Давай лучше оставим мою жизнь и подумаем над тем, чему учить этих детей в первую очередь.

К нашему облегчению, младшую школу посещали все будущие ученики, так что как минимум азы общих, немагических дисциплин они освоили. То есть умели читать, писать, знали историю, пусть и в подправленном змееловами виде, землеописание и тому подобное.

Проблемы с этим наблюдались только у самой младшей девочки, которую мы предварительно решили устроить в деревенскую школу. Конечно, школьную программу мог объяснить и Фалин, и даже я, если припрет, но ведь это — время, отнятое у остальных учеников. Вот если окажется, что для учебы со здешними детьми она слишком запугана, или всплывут другие проблемы, — тогда и будем думать. Ну и с Кергалом все было туманно, но его проблемы предстояло решать постепенно. И очень долго.

Рыжий вызвался прогуляться в деревню, посмотреть, что и как, и я не стала возражать, как и против всех остальных его предложений по организации учебы и изменениям предварительного расписания. Он-то специалист, не то что некоторые! К тому же Фалин привез с собой кучу конспектов и черновых планов, в которых прекрасно ориентировался и которые оказались отличным подспорьем.

На этом мы и разошлись, вполне довольные друг другом. Я все еще смутно представляла, чему смогу учить змеенышей, так что к собственным обязанностям решила приступить с другой стороны, с бытовой, то есть для начала проверить комнаты, предназначенные для учеников. Не то чтобы я не доверяла Мрону Таврику и остальным организаторам, просто считала своим долгом удостовериться, что разместят детей хорошо. Да и вообще, неплохо бы выяснить, что есть в поместье и где это находится.

Поскольку особняк изначально не задумывался как общежитие, тем, кто занимался перепланировкой, пришлось проявить немалую фантазию. Где-то, например, заложили или прорубили заново двери, в основном для того, чтобы новые обитатели могли без проблем пользоваться уборными. Строители явно старались, все выглядело аккуратно и чисто, и хотя выдержать единый стиль комнат не получилось, но и ощущения разрухи не возникало. Интересно, не приложили ли к этому руку змеи со своей магией? В строительстве больше всего магии земли, а это по их части.

Забавнее всего выглядела мебель. Куда-то стащили роскошные кровати из гостевых спален, в другие — перенесли мебель из комнат прислуги. Куда-то мебель пришлось докупать — тумбочки, шкафы, столы и некоторые кровати блестели свежим лаком. Не шедевры, какие приобретал хозяин и его предки, но добротные, надежные вещи. Расселять учеников планировалось по несколько человек, в зависимости от размеров комнат. В одни влезало по две-три кровати, в другие — по шесть и даже восемь, но даже в последних не возникало ощущения скученности и тесноты. Имелись тумбочки, шкафы, столы — все нужное для жизни.

Зашла я и в библиотеку, где внезапно обнаружила еще одного обитателя особняка, хозяйку этого книжного царства. Бодрая и энергичная молодая особа старательно наводила порядок в своей

вотчине и посетителя встретила с искренним любопытством.

Женщина — или даже девушка, уж очень юно она выглядела, — производила приятное впечатление. Может, потому, что мы с ней походили друг на друга: одинаковые каштановые, в рыжину волосы, собранные в практичные косы, и глаза у обеих серые, разве что у меня светлее. Даже в чертах лица прослеживалось что-то общее — не то форма носа, не то бровей. На первый взгляд нас вполне можно было принять за сестер, правда, с натяжкой: Ежина гораздо милевиднее. Ее мордашке подходило определение «кукольная» — пухлые губы, пышные ресницы, детская открытая улыбка. А у меня звание на лбу написано, если уметь читать: строгие и резковатые черты, а ухмылка выходит кривой и недоброй, даже когда я искренна и в хорошем настроении. Новобранцы побаивались.

Общий язык с Ежиной мы нашли едва ли не быстрее, чем с Фалином. Она оказалась дружелюбной, общительной, очень энергичной и жизнерадостной — этакое маленькое солнце в человеческом обличье. Задавать вопросы о том, как меня сюда занесло, она не спешила, хотя взгляды кидала любопытные. Да и я не стала пока лезть в душу, больше заинтересованная сейчас не новыми знакомствами, а школой.

Новости оказались приятными, у нас даже имелись учебники. Правда, пока Ежина не могла точно сказать, какие и сколько, многие еще лежали в коробках. Но некоторые явно недавно сошли с печатного станка.

Я определенно хочу познакомиться с тем, кто руководил подготовкой поместья к новой роли, — это человек незаурядных управленческих талантов и предусмотрительности. Ладно мебель, толковых плотников можно собрать по окрестным деревням. Но за пару дней, при общей царящей в стране разрухе и сумятице, добыть где-то новые учебники, прежде запрещенные... Может, где-то на типографских складах нашли старые материалы?

— Тебе нужна помощь? — неуверенно предложила я, окинув взглядом неразобранные ящики.

— Ой, только Мрона не зови! — всполошилась Ежина. — Он, когда коробки таскал, умудрился мне несколько книг испортить, даже не доставая из ящиков! Ума не приложу, как он вообще артефактором работает с такой ловкостью?

— Ну, артефактор он, кажется, толковый. — Я осторожно попыталась защитить нового знакомого, хотя сама недавно задавалась тем же вопросом.

— Это-то и удивляет!

В итоге мы договорились, что я закончу осмотр школы и присоединюсь к Ежине, а потом подберу кого-нибудь из учеников потолковее, когда те придут, или пришлю Фалина, если у него найдется время. Во что совсем не верилось: скорее всего, когда появятся дети, именно у него окажется больше всего работы.

После библиотеки я добралась до столовой, которую расположили в просторном зале для приемов. И простые столы с лавками на фоне богатого убранства с зеркалами и золотом еще немного повысили мне настроение.

Да, злорадство — низкое чувство, но сейчас я даже не пыталась с ним бороться. Был бы жив Великий Змеелов, его бы при виде нынешнего Стрелолиста хватил удар. Представлять это было приятно.

Повариха произвела неизгладимое — в хорошем смысле — впечатление. Строгая, боевитая женщина, которая виртуозно владела воздушной стихией и почти не нуждалась в помощниках, настолько ловко управлялась с тысячей предметов одновременно. Сейчас она занималась заготовками всего чего можно: чистила, резала, доводила до полуготовности и заполняла полки хранилища, где, благодаря магии, все это могло долго ждать своего часа. Казалось, кухня жила своей жизнью, и, если бы я не видела магические потоки, поверила бы в сказки про незримых помощников и чудесные вещи. Или не поверила, что все это делает один человек.

Вот уж где подлинное могущество! Никогда прежде не встречала мага, способного сразу контролировать такое количество мелких заклинаний. Откуда только она взялась?!

Впрочем, на этот вопрос повариха ответила сама, не дожидаясь, пока я решусь его задать, буквально с него и начала. Что колдовала на королевской кухне еще до переворота, потом бежала вместе с королевой, служила ей верой и правдой. А теперь вот решила, что довольно с нее королевских особ, да и климат в Релке — совсем не то, что надо старым костям. Предложение его величества о работе в школе показалось идеальным вариантом: детей женщина любила и жалела, так что с удовольствием взялась им помогать.

Долго путаться под ногами поварихи я не стала. Удостоверилась, что здесь все в надежных руках, и

потихоньку вернулась на помощь к Ежине.

Открытые в честь хорошей погоды окна библиотеки выходили аккуратно на подъездную дорогу, поэтому мы загодя слышали характерный шум повозок, разбавленный громкими, невнятными из-за расстояния голосами и смехом. Правда, не сразу обратили на него внимание, а потом мне понадобилось какое-то время, чтобы осознать: это действительно к нам.

Из библиотечного окна было не разобрать подробностей, но по дороге катились четыре длинных, разномастных омнибуса, и у одного я даже разглядела номер на боку — повозку явно сняли с маршрута. Из открытых окон то и дело высовывались руки и головы, и помимо шороха колес слышались голоса и громкий смех — многоголосый шум, производимый большим количеством возбужденных и совершенно нормальных детей.

Конечно, я надеялась, что дети к нам приедут не слишком взвинченные и заморенные. Надеялась, но толком не верила: все они, включая «моих», жили в постоянном страхе разоблачения, а это не способствует легкости нрава. И тут вдруг — подобное. Да еще по дороге, на каких-то странных тарантасах!

Ничего не понимаю. У короля не нашлось другого транспорта? Честно говоря, я ожидала, что учеников приведут порталами: порталный зал в поместье имелся, находился в отличном состоянии и, кажется, единственный не претерпел никаких изменений.

Покинув библиотеку, я отправилась на крыльцо разбираться. Ежина из любопытства увязалась следом.

Пока дошли, из омнибусов уже высыпалась толпа юношей и девушек разного возраста. Сейчас они делили багаж и галдели не хуже птичьего базара. В смятении я застыла на верхней ступеньке: среди прибывших не было ни одного знакомого лица — из тех, кого мы ждали.

Ничего не понимаю! Не мог же король *так* ошибиться?

Первый извозчик уже тронулся с места, и я наконец нашла среди детской толпы сопровождающего мужчину — высокого змея в расцвете лет. Отсюда было прекрасно видно черный, с золотой пылью узор чешуи на висках и скулах. Мужчина и не пытался его скрыть, наоборот, аккуратно брил виски, чтобы подчеркнуть «красоту». У него вообще была очень своеобразная прическа: на макушке волосы коротко подстрижены, а на затылке длинные, до лопаток пряди собраны в небрежный хвост. На пальцах змея, кажется, темнели черные треугольные когти. Вторая или даже третья линька.

Видимо, один из тех, кто согласился помочь со школой. Уверенный в себе, спокойный, с широко расправленными плечами и привычкой командовать. Я таких очень давно не видела, с юности, пожалуй. Не взрослых, а столь невозмутимых и расслабленных, чувствующих себя по-хозяйски. Спокойствие его, впрочем, не удивляло: судя по энергетической оболочке, змей — явно боевой маг, а тут до моря рукой подать, так что сил ему сейчас не занимать.

Откуда только взялся, недобиток!

Я с досадой одернула себя и мысленно отвесила подзатыльник. Не ляпнуть бы такое вслух!

Что поделаться, старые привычки изжить сложно. Если змеенышей не получалось считать врагами — дети же, то вот с такими, взрослыми, нередко приходилось сталкиваться в бою. Нужно время и терпение, чтобы побороть вбитые рефлексy и научиться воспринимать их как... своих.

Черный змей, кажется, почувствовал мой взгляд, отвлекся от попыток организовать детей и обернулся. Глаза желтые, а зрачки — пока еще обычные, круглые. Три линьки, точно. Пик силы. Закономерно — вряд ли сюда рискнули бы отправить кого-то слабого.

Я спокойно встретила неподвижный взгляд, коротко кивнула в знак приветствия. Змей двинулся навстречу — легко, пружинисто, с угрозой в каждом жесте. Но к этому я оказалась морально готова, потому стояла и ждала в спокойной, расслабленной позе, сложив руки за спиной. Внутри, правда, подобалась: Создатель знает, что этому чешуйчатому может прийти в голову!

— Добро пожаловать, — ровно проговорила, когда змей подошел к лестнице. Не опуская глаз, протянула ладонь.

Змей остановился, не доходя до меня одну ступеньку — так мы оказались почти вровень. Мельком глянул на повисшую в воздухе руку, внимательно осмотрел меня.

— Норика, — назвалась я. Пауза начала затягиваться и вплотную приближалась к гой грани, за которой она и отсутствие ответа превращались в оскорбление.

— Зарк, — не стал обострять змей и ответил в том числе и на рукопожатие.

Ладонь твердая, прохладная, крепкая. Мужская. Пожал крепко, уверенно, но без ребячества с демонстрацией силы. Это радовало: во-первых, он при желании мог бы легко сломать мне пальцы, все-таки силы змеям мужского пола не занимать, а во-вторых, значит, он готов если не к перемирию, то уж хотя бы к вооруженному нейтралитету.

— А это... — Я кивнула в сторону притихшей молодежи.

— Наши воспитанники, — пояснил Зарк. — В последний момент все-таки решились их взять, не успели предупредить. Надеюсь, места хватит на всех?

— Пока точно хватит, — прикинула я.

Однако следовало сообщить королю, что нас уже больше, чем предполагалось. Создатель со спальнями, в крайнем случае можно будет еще немного потесниться. Но содержание-то школе пока выписано на тех двадцать шесть змеенышей, которые еще не появились! Хорошо, если король сумеет быстро увеличить финансирование, а если нет? Ладно, что-нибудь придумаем.

Пока мы знакомились, змееныши разобрали свои вещи и притихли. Я отвлеклась от Зарка, чтобы пересчитать их взглядом... И едва поборолась сначала порыв отшатнуться, потом — протереть глаза.

По лестнице к нам шли двое. Молодая женщина — маленькая, стройная, черноволосая и большеглазая; от ученицы ее отличал только узор чешуи на висках, дававший понять, что первую линьку она уже прошла, а может, и вторую. Брюнетка держала под руку высокого статного мужчину, светлокожего блондина, словно специально созданного природой в противовес Зарку. Его белые волосы были коротко острижены, чешуя оказалась белой, с серебром, и занимала она большее пространство, чем у второго: узор покрывал скулы, виски, заползал на лоб вдоль линии роста волос. На внешних краях бровей забавно торпорцились мелкие лазоревые перышки. Этот — старше, уже была четвертая линька. А глаза с вертикальными трещинками зрачков — голубые, как дымка над Океаном. По-прежнему. Редкая масть у змеев.

Прошло много лет с нашей последней встречи, он успел два раза перелинять и не прятал теперь змеиные черты, но я просто не могла не узнать или перепутать, слишком отчетливо и детально помнила это лицо.

И все бы ничего, но я была уверена, что этот змей сгорел на костре. Сама, правда, не видела, но... Неужели Великий Змеелов и тут соврал? Но зачем?! Он же видел мою злость и ненависть, неужели не верил в их искренность?!

Усилием воли я задушила полыхнувшую в груди ярость, не позволив выплеснуться наружу, успокоила взбурлившую силу. Даже, готова поручиться, удержала лицо, уж в этом искусстве я достигла небывалых высот. Даже Великий Змеелов до последнего, при всей своей подозрительности, не знал, насколько я его ненавижу, а он за годы жизни отлично научился читать чужие души.

— Это Сверта, это Аспис, — представил их Зарк.

— Норика.

Я по очереди пожала ладони. Женскую — осторожно, уж очень она выглядела хрупкой, а ее хозяйка — явно настороженной и даже почти испуганной. Мужскую — крепко, спокойно, глядя в глаза. Или Аспис тоже научился виртуозно владеть лицом, или попросту меня не узнал, во что трудно поверить.

Впрочем, как бы ни лихорадило меня сейчас, умом я понимала, что оба варианта лучше старых счетов. Для нас всех лучше. Прошлое надо оставить прошлому, особенно сейчас. Есть общее дело, есть дети, которым нужно помочь. В конце концов, я тоже не добрый дух и сделала в жизни много плохого, а Аспис... Это была война, мы были по разные стороны. Он ничего мне не должен.

Будем надеяться, ненависть скоро утихнет. Хотя бы в той степени, чтобы не приходилось ежесекундно контролировать взбешенную стихию.

Сожри меня Змея, почему я не спросила его величество, кто те змеи, что согласились помочь?! Может, за время пути хоть немного переварила бы новость...

— Давайте сначала попробуем разместить учеников, — заговорила я. — Список комнат я, правда, не захватила, но что-нибудь придумаем.

— Разберемся, — согласился Аспис за всех троих.

Расселение происходило... организованно. Более чем. Мы просто шли по коридору, открывали двери подряд, заглядывали внутрь. Блондин быстро называл имена, и указанные змееныши

послушно проходили с вещами внутрь, без пререканий и кислых мин. К слову, ни одну из комнат не заняли полностью, пришлых детей явно планировали смешать с местными. Кажется, змеи основательно подготовились к этой поездке, что не может не радовать. Успели заранее предупредить своих? Или просто у этих учеников настолько железная дисциплина?

Новеньких было двадцать два. В основном ребята постарше, только в трех мальчишках сила проснулась совсем недавно, причем один из них оказался человеком. Главное, все они выглядели совсем не напуганными, лишь настороженными и полными любопытства.

Я точно знала, что внимания ордена не хватало на каждый уголок мира и вдали от столицы нравы были куда более вольными. Но одно дело — несколько змеев, затерявшихся среди местных жителей, а совсем другое — такая большая, организованная группа. Знай о ней Великий Змеелов, он бы непременно попытался разобраться с врагами.

Интересно, где именно скрывались змеи? На каком-то образом закрытом от змееловов участке побережья? В больших пещерах? Может быть, в фоте в недрах Тверди, куда можно попасть только с воды? Или в Океане нашелся пригодный для жизни остров?

В любом случае подтверждение информации о спасенных грело душу. Я радовалась и за этих детей, и за тех, что приедут позже: с такими сверстниками им будет гораздо легче успокоиться и вернуться к нормальной жизни. Если, конечно, они не разобьются на два лагеря...

Примерно через час, когда змеи заняли собственные комнаты и вернулся Фалин, мы впятером собрались в учительской. Змеи знакомились с личными делами будущих учеников и обменивались короткими фразами, в которых звучали имена, — прикидывали, куда лучше их расселять. Мы же с рыжим только слушали и в разговор не лезли: пришельцам явно виднее, кто из их детей с кем найдет общий язык.

— Значит, мы правильно предполагали с самого начала, — подытожил результат беглого знакомства Зарк. — Сверта как раз работала с детьми, которые только-только обрели силу, она и займется большинством ребят.

— Вместе с Фалином, — добавила я, кивнув на Вилора. — Методики контроля для всех одинаковые.

— А тонкости мне можно и объяснить, — с воодушевлением поддержал тот. — Я быстро учусь.

— Не слишком ли вы юны для работы со сложными детьми? — рассеянно спросил Аспис, чуть склонив голову к плечу.

Меня передернуло от знакомого жеста, который когда-то казался забавным.

— Я работаю со сложными детьми уже лет двадцать, — не обиделся жизнерадостный Фалин и искренне улыбнулся. — Так что, надеюсь, сумею им помочь. Да и не так уж я юн, просто маленькая собачка — до старости щенок.

— А вы, Норика? — Блондин перевел взгляд на меня.

— Начну с помощи наиболее загруженному из наставников. — Голос прозвучал спокойно, и я надеялась, что выражение лица вполне соответствует. — Наверное, Фалину со Свертой, им на первых порах будет особенно сложно. Кроме того, всем детям нужны хотя бы азы человеческой магии.

— Лучше займитесь... хозяйственными вопросами, — ровно проговорил Аспис. — *Ваша* помощь *нашим* детям не нужна.

Значит, все-таки вспомнил и не очень-то готов к совместной работе. Это... все осложняет.

— Не слишком ли ты категоричен? — озадачился Зарк. — Мне кажется, это будет интересно и полезно, уж старшим так точно — практическая отработка защиты гораздо лучше голой теории.

— За воспитанников несу ответственность я. И я не подпущу к ним змеелова, — отчеканил альбинос, сверля меня неподвижным взглядом, особенно выразительным из-за змеиных зрачков.

Впрочем, зря старался, на меня такое уже давно не действует.

Зарк растерялся, причем полный недоумения взгляд был адресован именно Аспису: для него мое прошлое явно не стало сюрпризом, а вот от коллеги такой категоричности мужчина не ожидал. Сверта тоже не выглядела потрясенной, но инстинктивно подалась к блондину: кажется, у нее с орденом связаны далеко не самые приятные воспоминания.

— На *ваших* воспитанников изначально никто и не рассчитывал. — Я невозмутимо пожалала плечами. — Если вам с ними не нужна помощь — это ваше дело. А вот эти двадцать шесть

подростков находятся под *моей* ответственностью, и беспокоят меня в первую очередь именно они и их спокойствие.

— То есть вы планируете скрывать, что охотились на им подобных? — Аспис насмешливо вскинул брови. — Исключительно во имя их спокойствия!

— Они об этом прекрасно осведомлены, — хмыкнула я.

Укол мужчины не достиг цели и вообще попал «в молоко», что добавило хорошего настроения. Более того, я с удивлением обнаружила, что заметно успокоилась после короткой пикировки с блондином, контролировать злость стало проще. Наверное, потому, что появилась определенность в отношениях. Аспис ненавидит змееловов вообще и меня в частности, я — лично его. И если змей не планирует как-то сдерживать эти чувства, то и у меня развязаны руки, не нужно притворяться.

— И о своей ущербности — тоже? Змееловы ведь именно на ней настаивали, да? — Голос блондина еще похолодел. — Первое божественное дитя родилось уродцем без рук и ног и было брошено в Океан. Оно вообще не должно было выжить, а вместо этого выросло в гигантскую жестокую змею...

Интересно, почему его так сильно задевала именно новая трактовка змееловами истории сотворения мира? Или просто к слову пришлось?

— Аспис, успокойся! — одернул его Зарк.

— Я с самого начала предупреждал, что из этой затеи не выйдет ничего путного! — огрызнулся тот.

— И чтобы доказать свою правоту, готов раздуть скандал из ничего? — зло осадил его черный змей, чем сразу же завоевал мою симпатию. — Мы здесь ради этих детей, а не твоей мести. — Он хлопнул ладонью по стопке папок. — *Им* нужна *помощь*, ненависти они и так за свою жизнь хлебнули предостаточно!

— Не приплетай сюда детей!

— А они, по-твоему, слепые? Как ты будешь убеждать их, что война закончилась, если сам в это не веришь? Не можешь держать себя в руках — возвращайся, на твое место пришлют кого-то более вменяемого!

— Я не оставлю воспитанников на эту!.. — кивнул на меня Аспис.

— Да заткнитесь вы оба! — вдруг рявкнул на них Фалин, заставив дернуться от неожиданности даже меня.

Рыжий подскочил со своего места и, в два прыжка обогнув стол, оказался за спиной Сверты.

Только теперь все остальные, включая меня, обнаружили, что девушку трясет. Сжавшись на стуле, обхватив ладонями голову, она, крепко зажмурившись, кусала губы, а по щекам потоком текли слезы.

Мужчины настолько опешили, что даже Аспис не влез. Рыжий, рухнув на колени, крепко обнял девушку одной рукой, прямо через спинку стула, поверх локтей, а второй — принялся массировать ей макушку, что-то тихо приговаривая. Трясти Сверту перестало почти сразу, еще через несколько секунд она бессильно уронила руки. Фалин взял обе ладони в свои и начал разминать какие-то точки уже на них. Потом на пару мгновений отвлекся, рывком отодвинул стул вместе с девушкой и обнял ее через подлокотник, продолжая массировать ладонь. Змея, тихо всхлипывая, уткнулась мужчине в плечо.

Мы все это время сидели молча. Мне было искренне жаль Сверту: пожалуй, ей и самой требуется помощь, такие реакции на ровном месте не возникают. Непонятно только, почему с мужчинами отправили именно ее с такими проблемами, если у них хватало желающих. Или там, где они жили, все с ней было нормально и никто просто не мог ожидать, что на новом месте она так сорвется?

Но еще я немного мелочно злорадствовала. Уж очень виновато ошарашенные были лица у змеев, Аспис и вовсе совершенно побелел.

— Извините, я не хотела! — тихо всхлинула в рыжего Сверта.

— Тебе не за что извиняться, — мягко возразил Фалин. При этом взглядом, которым он по очереди награждал обоих мужчин, можно было и поджечь. — Хочешь, я покажу тебе библиотеку? Она тут очень красивая.

Девушка судорожно кивнула несколько раз и, ни на кого не глядя, шмыгнула к выходу. Рыжий молча последовал за ней, не оборачиваясь.

Все-таки интересный он тип, со вторым дном. Любопытно, каким? Состоял в подполье и потихоньку учил змеенышей? Или к войне это не имеет отношения?

Хотя надо понимать: король отправлял сюда людей, в которых был уверен. Конечно, за исключением змеев, на которых повлиять не мог. А все остальные прошли некую проверку делами, значит, простых людей со стороны тут нет. И Фалин, и даже энергичная милая Ежина оказались здесь не случайно, они должны быть подготовлены к неожиданностям и резким поворотам, устойчивы к враждебной атмосфере и научены располагать к себе окружающих.

— Давайте пока вчерне составим расписание и прикинем распорядок дня для учеников, — нарушила я наконец напряженную тишину. — Нужно хотя бы примерно определить перечень предметов. О специализации, конечно, говорить рано, большинство пока будет осваивать основы. Но за пару лун они научатся контролировать силу, потребуются азы разных направлений. Боевая магия, защитная магия. Бытовые чары могу взять на себя: там много универсального, где не важна стихия, а вот основы целительства ложатся на кого-то из вас. Основы артефакторики и алхимии тоже равнодушны к стихии, их обязательно нужно прочитать, чтобы выявить возможные склонности. С некоторыми дисциплинами не нужно ждать достижения полного контроля над силой, например, с теорией порталов. Подготовку к ней стоит начать уже сейчас, в первую очередь освежить в памяти математику. Она и для остальных сложных чар пригодится, и этим тоже стоит заняться мне.

Зарк слушал внимательно, и в его взгляде я читала все большее одобрение. Когда я взяла паузу, чтобы перевести дух, черный змей напомнил о занятиях по контролю за оборотом, очень важных для юных змеенышей, и еще одной общей дисциплине, которую подзабыли с уходом змеев из жизни мира, — теории времени. Это, конечно, не для детей, только вчера осознавших свою силу, но помнить о ней следовало. Очень специфическая и сложная штука, я знала о ней в общих чертах и, признаться, сама не отказалась бы послушать лекции.

— А вы сумеете показать на практике? — всерьез заинтересовалась я.

— Мы — нет. Сверта может. И уже показала бы, если бы не ваш коллега, — уголками губ усмехнулся Зарк.

А я только уважительно качнула головой.

Некоторые змеи умели воздействовать на время. В замкнутом объеме, с серьезными ограничениями, но даже это впечатляло. А Великого Змеелова и вовсе пугало до истерики, не просто же так он постарался стереть все упоминания о подобных талантах детей Долгой Змеи. Откуда этот страх, я, правда, не представляла, да и остальные его соратники — тоже. Поэтому и заинтересовалась в какой-то момент этим вопросом и постаралась отыскать упоминания о нем.

Раньше, до всех конфликтов, плоды трудов этих магов широко применяли в обычной жизни, например, зачарованные ими ящики банально использовали для хранения продуктов. Насколько я сумела разобраться, остановить время в небольшом замкнутом объеме, заполненном неживой материей, было просто. А вот в отношении верхнего предела реальных возможностей змеев найденные мной источники очень разнились и противоречили друг другу. Одни пугали историями про великих магов, способных остановить время для целого замка со всеми его обитателями, кроме самого колдующего, другие — проявляли скромность и ограничивались небольшим замедлением отдельных людей в пределах поля зрения мага. Но все они сходились на том, что более сложные воздействия требуют от мага очень серьезной подготовки, психологической — в том числе.

— Сверта из-за склонности к этой магии такая... чувствительная? — спросила я, осторожно подобрав наименее обидное слово.

— И это тоже, — уклончиво ответил Зарк.

Возражений по делу у змеев не нашлось, так что мы, временно оставив вопросы расписания, переключились на распорядок дня и общие принципы организации учебы. Я опасалась, что слишком строгую дисциплину змеи не одобряют, но тут мы оказались на одной стороне. Вернее, Зарк соглашался, а Аспис не принимал участия в обсуждении. Но хоть не мешал, уже радость.

Мы сошлись на том, что пока главное — основательно занять детей, чтобы у них было поменьше свободного времени и соблазнов потратить его на какие-то глупости. Поэтому отбой, подъем, питание — все строго по расписанию, домашние задания — тоже. Побольше движения и игр на свежем воздухе: энергии у детей много, надо ее куда-то девать. За территорию поместья выпускать только в сопровождении взрослых, из здания — под неусыпным контролем здешней защиты, сложной, продуманной и многофункциональной, чтобы и не такое реализовать. Контроль за этим я оставила себе: осматривая дом, заодно взяла на себя хозяйские обязанности. Зарк не возражал, змеи в любом случае недостаточно разбирались в человеческих защитных чарах, да и не управились бы они с чуждой стихией.

Впрочем, спокойно обсудить и до конца определиться хотя бы с этим мы не успели: я почувствовала вызов из порталного зала. Защита не допустила посторонних на территорию и позвала меня разбираться.

Сомнений, кто прибыл, не возникло, так что я, извинившись, поспешила встречать детей. Змеи увязались следом.

Глава 3

ТЬМА ЗА СТЕКЛОМ

Первыми появилась пара сопровождающих, молодые мужчины в форме королевской стражи встали возле порталного круга и поздоровались вежливыми кивками. Встречающие остановились на расстоянии нескольких метров, чтобы не вносить помехи в работу порталщиков.

Потом начали появляться ученики, которые выглядели гораздо хуже привезенных змеями. Чистые, в новой форме, они все равно казались пойманными за руку воришками-оборванцами — в глазах стоял страх и готовые пролиться слезы.

Первые трое, совсем еще дети, сбились в кучку в нескольких шагах от сопровождающих. Стражников змееныши явно продолжали бояться, по не так, как незнакомого места и находящихся здесь чужаков. Похоже, до сих пор не верили, что их не собираются убивать.

Наблюдая за ними, я заметила следующего, только когда меня окликнули по имени.

— Нори! — просиял Мангир.

Я с улыбкой кивнула ему в ответ.

Стройный, высокий юноша с мягкими каштановыми волосами и внимательными зелеными глазами, не по годам серьезный и обстоятельный. Я с удовольствием отметила и здоровый цвет лица, и общее спокойствие парня: его вид говорил о том, что детей никто не обижал.

Ко мне Мангир не подошел, остался ждать сестер ближе к порталу, хотя видно было, как его распирает любопытство. А вот девчонки, появившиеся следом, с разгона с визгом повисли на мне, едва не сбив с ног. Я с удовольствием обняла обеих, чувствуя себя совершенно счастливой, — это были те немногие люди, чьи прикосновения не вызвали отторжения. Девочек я воспринимала как родных и даже не думала с этим как-то бороться.

— А я говорила, что Нори нас в обиду не даст! — заявила Дорика, более боевитая из близняшек.

Внешне обе девочки очень походили на брата — тот же цвет волос, те же глаза, и черты лица во многом похожи. Даже не зная, что они родственники, об этом трудно не догадаться.

— Угу, — смущенно пробормотала Торика, норовившая залезть мне под мышку и смущенно шмыгавшая носом. — Мы так испугались, когда за нами опять пришли!.. Письмо от тебя, правда, передали, но все равно до последнего тряслись.

— Будем надеяться, больше бояться не придется, — отозвалась я с улыбкой, потрепав обе девичьи макушки. — Присмотрите за младшими, ладно? Вам они скорее поверят.

Дори коротко кивнула с видом бравого солдата и поволокла к разросшейся группе учеников сестру. Брат, еще раз улыбнувшись мне, пошел за ними: привык опекать и делал это даже тогда, когда сами девочки категорически возражали.

Именно сходство имен в свое время способствовало тому, что девочки поверили мне и прониклись симпатией. Старые, образованные от числительных «нор», «дор», «тор» — это «один», «два» и «три» на одном из мертвых языков. А заодно указательный, средний и безымянный пальцы: считать тогда умели только на них.

Я проводила всех троих взглядом, чувствуя застарелую горечь и тоску. Каждый раз, когда я смотрела на Мангира, горло словно сдавливала невидимая холодная рука. Потому что именно так мог бы выглядеть мой сын, если бы он был жив, и порой я позволяла себе осторожно мечтать о том, что именно в искупление его смерти Создатель послал мне этих троих.

А теперь вдруг оказывается, что мой ребенок выжил и есть надежда взглянуть ему в глаза. Создатель!.. Пусть он найдется! Пусть ненавидит меня и всех змееловов, пусть не желает меня видеть, пусть никогда не простит, но... пусть просто будет жив. И счастлив.

Как и прежде, долго предаваться этим мыслям я себе не позволила. Встряхнулась, сбросила оцепенение, а потом и вовсе отвлеклась на новые приятные впечатления: следом за группой незнакомых детей появилось еще несколько моих ребят, которых тоже хотелось обнять, сказать каждому что-то утешительное и ласковое, поддержать.

За это время Дори собрала перепуганных младших вместе, поближе ко мне, непрерывно треща о том, что уж теперь-то все точно наладится. Как и следовало ожидать, симпатичную юную девушку дети боялись куда меньше, чем меня и уж тем более — взрослых змеев, на которых смотрели с суеверным ужасом. Закономерно: они выросли в страхе перед этими существами, с мыслью об их

опасности и жестокости и до сих пор, наверное, не отождествляли себя с ними. И это — одна из проблем, которые нам предстояло решить.

Наконец портал заметно раздулся, когда в него влили разом больше энергии, — и закрылся. В точке выхода остались еще один страж, невысокий крепкий мужчина в возрасте, и светловолосый парень со скованными за спиной руками и в ошейнике, цепочка которого была в руке мужчины.

— Вы что, совсем озверели? — рыкнула я, выпутываясь из детских рук и жестом велел всем оставаться на месте. — Что это за представление?! Наручники и ошейник — снять!

— Госпожа змеелов, так это... — растерянно начал стражник, нашаривая камень-ключ от магических оков.

— Змееловов больше нет, сожри вас Долгая Змея! — процедила я, напоминая себе, что грязно ругаться сейчас нельзя, тут дети.

И хорошенько приложить этих остроумных ребят об стену нельзя — по той же причине. А еще потому, что в таком случае он вообще никогда не найдет этот проклятый камень-ключ.

— Так он же совсем того. Невменяемый же, псих... На людей бросается, человеческой речи не знает, — продолжил старший конвоир.

— Он десять лет в канализации прожил, это не укрепляет любви к людям.

Не дожидаясь, пока стражник сам справится со сложными чарами, я забрала у него небольшой белоснежный голыш и сжала в кулаке. Подошла к парню — длинный, тощий, он был выше меня на голову, но весил, кажется, раза в полтора меньше.

— Кергал, сейчас я все это сниму, — заговорила с ним. От звука своего имени парень дернулся, в глазах мелькнуло не то понимание, не то еще больший страх. — Ты понимаешь?

Короткий нервный кивок.

— Хорошо.

Наручники растаяли, а камень-ключ ощутимо потяжелел. Белобрысый нервно потер запястье, схватился за ошейник, напряженно глядя на меня.

— Здесь дети. Они не враги. Нападать на них нельзя. Понимаешь?

Еще один отрывистый кивок.

— Хорошо. Я снимаю.

Стоило растаять ошейнику, который сдерживал всю магию, включая оборот, и очертания Кергала смазались, потекли. Через удар сердца передо мной уже поднимался на кольцах собственного хвоста серебристо-зеленый змей — гораздо красивее, чем на снимке. А еще через мгновение он уже распрямился пружиной в прыжке к окну.

Не успел бы, дурак, только в щит врезался и, не дай Создатель, поранился осколками! Но проверить это, к счастью, не удалось: откуда-то сзади и сбоку, из-за моей спины метнулась белая молния, и на мраморном полу порталного зала сплелись две разноцветных ленты змеиных тел.

Белый был не только старше и опытнее, но еще крупнее и тяжелее, так что шансов вырваться из такого захвата у мальчишки не было. Некоторое время в напряженной тишине слышалось только невнятное шипение — понять змею в обороте может только другая змея, чем они нередко пользовались во время войны. Правда, им это не особенно помогло: порталы и иоры, связанные артефакты, на практике оказались гораздо полезней.

— Шел, а у тебя тоже такие вот перышки вырастут? — нарушил тишину звонкий детский голос.

— Вырастут, — вместо неведомого Шела со смешком ответил Зарк. — Или перышки, или шипы, у кого как.

— Я тоже хочу быть змеей! — решила девочка. — Только красной. Так красивее.

«Шелет и Оташа», — вспомнила я, находя взглядом говорящих. Оба одинаково белобрысые, девочка — так и вовсе хороша, словно куколка, со своими льняными локонами. За змеями она наблюдала с искренним любопытством и совсем без страха, это обнадеживало. А оглядевшись, я поняла, что Оташа не одинока в своих симпатиях: напуганными казались только несколько детей помладше, остальные наблюдали за происходящим с жадным любопытством или даже восхищением.

Неплохое начало: как минимум большинство учеников не боится змеев во второй Ипостаси. Глядишь, и с оборотом проблем не возникнет.

Да я и сама не могла смотреть на них без восхищения. Даже Кергал, хотя почти не отличался от обычных пресмыкающихся, был красив, а уж Аспис...

Яркий, с двумя серебристыми и одной голубой полоской вдоль спины, крупной головой необычной формы — словно граненой. Посередине между глазами начинается хохолок из коротких серебристых перышек, которые на затылке становятся длиной в две ладони, до половины окрашены лазурью и образуют роскошную корону. Дальше на длине в пару ладоней перья собираются в постепенно сходящий на нет гребешок, чтобы опять появиться ближе к хвосту тремя полосками и создать на его конце причудливую трехгранную кисточку.

Интересно, а как выглядит черный? Если следовать контрасту дальше, у него должны быть именно шипы.

Наконец змеи о чем-то договорились и одновременно перетекли в человеческий облик. Поза изменилась соответственно: Аспис стоял на одном колене, заломив полулежащему парню руку за спину и удерживая шею в захвате. Отпустил, поднялся, подал руку. Кергал хмуро зыркнул в ответ, но помощь принял.

— Это юное дарование я возьму себе, в группе с ним вряд ли удастся справиться, — сообщил чем-то ужасно недовольный блондин.

Я только кивнула, принимая к сведению, и обернулась к смущенным и встревоженным стражникам. Когда змеи обратились, у этих троих сработали рефлекс, они все схватились за оружие. Хорошо еще, ринуться в бой не успели, Создатель знает, что бы из этого вышло!

— Это все? В таком случае спасибо, можете быть свободны.

— Госпожа... Неро, — Старший стражник, который вел Кергала, запнулся, но выводы с первого раза сделал правильные и вовремя исправился: — У нас приказ остаться здесь на случай каких-то проблем и конфликтов.

Я смерила троих оценивающим взглядом. Капитан — крепкий сидящий мужчина без лишних нажитых выпуклостей, на котором синяя форма сидела на удивление ладно. На лице — приметный шрам через щеку. Лишнее напоминание о том, что без змеев с целительством все было плохо: средней руки маг мог бы свести это безобразие за пару раз. Раньше, свежий, а сейчас — уже не знаю. Поначалу я не обратила внимания, но теперь привлек внимание взгляд капитана — ни опаски, ни подобострастия, только любопытство и легкая ирония.

С ним — двое молодых парней. Повыше — русоволосый, немного нескладный, зато по сторонам осматривается с явным интересом и без малейшего опасения. Пониже — крепко сбитый, с тяжелым и недобрым взглядом исподлобья. Все трое — с вещмешками.

— Ладно, Создатель с вами, — не стала спорить я. Приказ — это приказ, тут не поспоришь. — По коридору направо, там у лестницы найдете план здания. Идите в учительскую и ждите меня. И... пожалуйста, капитан, постарайтесь не ссориться со змеями, ладно?

— Не волнуйтесь об этом, — коротко дернул головой мужчина. — Госпожа Неро, по поводу ошейника... Мы же понимаем, что он не от хорошей жизни. Но...

— Забудьте, — поморщилась я. — Я была не права, накинулась, не разобравшись. Идите. Сейчас поселим детей и подумаем, чем вас занять.

Где кого размещать, в основном решали змеи, а я шла рядом просто для успокоения новоприбывших. Уже заселившихся соседей новенькие воспринимали настороженно, но без страха: вместе устраивали одногодок или около того, бояться особо нечего.

Пока мы разговаривали в учительской, Мрон Таврик работал. Не знаю, как он успел, но всем прибывшим раньше ученикам выдали форму, и те даже переоделись.

Никаких значков и шевронов не было. Черные штаны или юбка, удобные низкие ботинки, белая рубашка и серый, с искрой китель. Смотрелось строго и элегантно, красиво — если не задумываться, что это. Змееныши, конечно, не догадывались, во что их нарядили, почему-то не проявляли беспокойства и змеи постарше. А вот я ученическую форму ордена Змееловов знала преточно, сама в ней выросла, и потому испытывала сейчас очень странные чувства. Сарказм ситуации — змееныши в этой одежде будут учиться магии в родовом гнезде Великого Змеелова — зашкаливал, и я никак не могла определиться, смешно мне или жутко от таких перипетий судьбы.

Впрочем, его величество наверняка не думал о том, как это будет выглядеть. То есть не мог не

понимать, но вряд ли эти мысли как-то сказались на принятии решения. Просто у него осталось много ненужной формы, которую всегда запасали в достаточном количестве и не сэкономили на качестве, а с другой стороны — появилась новая школа и толпа оборванцев, которых надо одеть. Отличное изящное решение. А что Великого Змеелова от этого в Бездне корежит — так пожалуй его некому.

В мелкой бытовой суете прошел остаток дня, к концу которого я сделала приятный вывод: с учениками нам почти неприлично повезло. Те, что помладше, еще не успели до конца пропитаться ужасом своего положения. Да, все они уютные, и жизнь там — совсем не то же самое, что с любящими родителями. Но, нужно отдать змееловам должное, содержанию сирот уделялось достаточно внимания, и дети были сыты, одеты, обучены и находились в относительной безопасности. Несколько дней в застенках ордена хоть и напугали всех, но со змеенышами не успели сделать ничего *по-настоящему плохого*. А все, что было, легко смоеется новыми впечатлениями.

Те же, что постарше, хоть и хлебнули страха, но все они успели увидеть и другое отношение, потому что им помогли. Кому-то я, кому-то — другие люди, но в любом случае они не разучились совершенно доверять окружающим и способны верить в лучшее.

По-настоящему тяжело будет только с Кергалом, но тут очень удачно вмешался Аспис. И, несмотря на мое к нему-отношение, стоило поблагодарить его за это. Парню нужен хороший целитель душ или уж хотя бы опытный наставник, который знает, что делать в такой ситуации. То есть точно не я, несмотря на то что последние годы занималась именно преподавательской деятельностью.

Три с половиной года назад, вскоре после знакомства с близняшками, Великий Змеелов отстранил меня от полевой работы. Слишком часто мои отчеты, когда нужно было проверить информацию о змеях и змеенышах, сводились к короткому «уничтожен при попытке к бегству» и горстке пепла, по которой не понять, кого именно там сожгли. Так проще всего было оправдать исчезновение в неизвестном направлении очередного ребенка.

Старый коршун был слишком самоуверен, чтобы заподозрить истинное положение вещей, и считал вместе с остальными командирами ордена, что я проявляю слишком большое рвение и ненависть к змеям, а за такое не осуждали, в крайнем случае — мягко журили. Меня вот, опасаясь срыва слишком сильного боевика, просто посадили при штабе делиться опытом с подрастающим поколением.

В тот момент было очень обидно, что больше не получится никому помочь, но излишне настаивать на возвращении «в ноля» я не рискнула — могли заподозрить неладное. Оставалось пытаться привить человечность воспитанникам, но без особой надежды на успех: в самом сердце ордена слишком мало пространства для маневра, не хотелось засыпаться на такой ерунде, как крамола.

К счастью, почти в то же время я узнала о появлении короля, нового врага Великого Змеелова, которого просто не могла не поддержать. И в этот момент постоянное пребывание в столице оказалось благом, а жизнь получила новую цель.

Прикрыв за собой дверь, Мангир неуверенно замер на пороге. В большой светлой комнате с зеркалами и дорогими гардинами на окнах по углам стояло четыре простых кровати, возле них — столь же простые тумбочки, вдоль стен — одинаковые шкафы, а середину занимал роскошный круглый стол на резных лапах с наборной столешницей. Возле него спиной к двери сидели двое парней, а чуть в стороне стоял еще один, рослый крепкий блондин с яркими, соломенного цвета волосами. До прихода новенького явно что-то происходило, потому что при его появлении грянул взрыв хохота.

Мангир особенно остро ощутил себя здесь чужим. Он и раньше, до побега, не отличался общительностью, а уж в той деревне, где они с сестрами прятались последние годы, и вовсе отвык: самому молодому тамошнему обитателю, не считая их маленькой семьи, было уже под сотню.

— Привет! — дружелюбно улыбнулся блондин, естественно сразу заметив пришельца. — А вот и наш четвертый. Я Барес, это — Лейм и Рагрор. Раз ты последний — извини, выбора нет. Вон та кровать. — Он кивнул в угол у окна.

— Мангир, — неуверенно назвалась парень и прошел к указанному месту.

Вещей у него было — тощий мешок со сменной одеждой. Форма, которую выдали в столице, кое-что из грубого домотканого полотна, прихваченное в деревне, — и, пожалуй, все. Если не считать спрятанной в вещах маленькой деревянной лошадки, вырезанной с большим тщанием и мастерством. Подарок от деда, который умер очень давно, еще до побега. Единственное напоминание о прошлой, почти спокойной и счастливой жизни. Мангир стеснялся своей привязанности к этой детской игрушке и даже от сестер ее прятал. Ну как можно? Он мужчина,

ответственный за двух безалаберных девиц, и вдруг — деревянная лошадка в мешке.

— Ты откуда? — Барес, кажется, проявлял участие вполне искренне, но Мангиру все равно было беспокойно, юноша ждал подвоха.

— Из Чумных болот. Почти.

— И как там? — восхищенно присвистнул блондин. Такую реакцию можно было понять: про вторую родину Мангира ходило много слухов один другого страшнее. Только к действительности они, насколько он мог видеть, не имели никакого отношения.

— Болото, — неопределенно пожал плечами новенький. Положил мешок с вещами, осторожно сел на край кровати, настороженно рассматривая соседей.

Все трое казались ровесниками самого Мангира. Русоволосый Рагрор, несмотря на грозное имя, был очень худым и маленьким, с живой мимикой и бьющим во все стороны неукротимым фонтаном энергии. Он сидел, задрав ногу на край стула и обнимая ее одной рукой, и постоянно вертелся. Лейм же напоминал медведя — огромный, с буро-коричневыми волосами, собранными в небрежный хвост. Но он, как ни странно, производил наиболее приятное впечатление — казался самым спокойным и добродушным, что ли. Наверное, потому, что походил на дядьку Тредо, у которого Мангир с сестрами жил все эти годы.

— Давай с нами, — предложил Рагрор. — Мы в пантомиму играем. Тут на карточках написаны фразы, надо объяснять их жестами. Пока Барес отдувается, посмотришь.

— Давайте, — решил Мангир.

Играть ему не хотелось, но на ровном месте ссориться с соседями, которые явно настроены мирно, не хотелось еще больше. Да и время чем-то надо занять, не таскаться же за сестрами целый день. Нет, он бы с радостью, так было бы спокойней и не приходилось поминутно задаваться вопросом, не влезли ли близняшки в неприятности. Но Дори точно возмутится. А с ней не хотелось ссориться тем более.

Неожиданно для себя Мангир быстро втянулся в игру. Правила несложные, задания — смешные и разные, да и новые знакомые приняли четвертого в свой круг на удивление хорошо. Он все ждал и ждал неприятностей, каких-то проверок для новичка в сложившейся компании, но почему-то так и не дождался.

Он же не знал, что на этот счет всех отправляющихся к людям змеенышей основательно проинструктировали, даром что намеренно выбирали самых дружелюбных, общительных и неконфликтных. И те трое, к кому его поселили, изначально были готовы взять на себя опеку над новым соседом, независимо от того, насколько он окажется плохим или хорошим.

— А ты тоже будешь учиться с младшими? — спросил Лейм, когда атмосфера в комнате разрядилась и новенький немного расслабился. — То есть ты силу пока не освоил?

— Вряд ли с ними, но как именно — не знаю, — честно пожал плечами Мангир. — Пару лет я проучился, так что кое-что знаю и многое помню, а теперь... Может, Норика сама возьмется учить, я бы с радостью.

— Погоди! Ты человек, что ли? — сообразил Барес. — А почему тебя тогда сюда отправили?

Мангир поначалу вновь ошетинился, ожидая враждебности уже по этому поводу. Но — опять зря, никакой неприязни и осуждения в змеях не было. Это... сбивало.

— С младшими сестрами, — не иначе как из-за смятения прямо ответил он. — Близняшки — обе змеи. Мы из дома сбежали, когда родители... — Он запнулся. — В общем, когда стало ясно, что у девочек за дар.

Предательство родных они никогда не обсуждали, это было негласное правило. Не заговаривали об этом девочки, молчал и Мангир. А что можно сказать, если родители — казалось, любящие, заботливые — сами сообщили в орден, что в их дочерях проснулся запрещенный дар? Проще оказалось сделать вид, что никаких родителей не было вовсе. Их трое — и больше никого.

Но не говорить — не значит не думать. Мар все эти годы пытался понять, как такое получилось. Кто виноват, почему родители даже не попытались заступиться за девочек? Да, в их семье было шестеро детей, но разве это повод отдавать в руки палачей кого-то из них? Как могло случиться, что строгая и страшная на первый взгляд женщина, явившийся по их души змеелов, оказалась гораздо сердечней и заботливей родной матери?

— А Норика, у которой ты хочешь учиться, — это та женщина, которая тут командует? —

заинтересовался Рагрор. — Суровая. Взгляд такой — ух!

— Норика лучшая! — резко возразил Мангир.

— Извини, я не подумал, что ты... — немного смутился тот. — Но она красивая, это точно. Хотя, по моему...

— Да не влюбился я, — поморщился Мар. Пару секунд помешкал, но потом решил, что надо договаривать, раз уж начал, и пояснил: — Это она сестер спасла и спрятала. И меня.

Змеи озадаченно переглянулись. Обо всех возможных опасностях большого мира их предупреждали подробно, и госпожа змеелов в списке шла первой. И новость о том, что она кого-то там спасла, оказалась неожиданной.

В этот момент, удачно прерывая серьезный разговор, глубокий и приятный женский голос из коридора громко пригласил всех на обед. Явно какая-то магия: слишком хорош© было слышно, но при этом чувствовалось, что за дверью никто не стоит.

Игнорировать приглашение, конечно, никто не стал, и все четверо отправились в столовую. Новые знакомые успели разобраться в нехитрой планировке здания и шли уверенно, так что у Мангира не осталось даже призрачного шанса заблудиться.

Огромный сверкающий зал с блестящим полом и зеркальным потолком с непривычки производил впечатление, и новоявленные воспитанники школы заметно терялись в окружающем великолепии, втягивали головы в плечи и боязливо трогали позолоченные завитки на стенах. Даже для полусотни обитателей здесь было слишком просторно, зал без труда вместил бы и в четыре раза больше.

Внося дополнительные штрихи в общую странную картину, под потолком летали тарелки и плавно пикировали на столы перед учениками, не разливая при этом ни капли. Кто-то провожал их замороженными взглядами, кто-то — испуганными и долго не решался есть из такой самостоятельной посуды, не зная, что еще взбредет ей в голову.

Мангир первым делом нашел взглядом сестер. Он бы легко сделал это и в куда более густой толпе: за годы научился отлично чувствовать, как далеко они находятся, что здорово помогало, если девчонки вдруг сбежали в лес или на речку. Близняшки сидели за одним из больших столов в шумной, по большей части девичьей, компании. Разумеется, Дори находилась в центре внимания и что-то с жаром рассказывала. Бойкая и общительная, она больше остальных маялась от одиночества на болотах и сейчас, вырвавшись наконец из скуки прежней жизни, наслаждалась каждым мгновением.

Юноша улыбнулся Тори, которая заметила брата и помахала ему рукой, но дальше прошел за своими новыми знакомыми к свободному месту у соседнего стола.

— Твои сестры? — уточнил Барес. Просто из вежливости, это и так было понятно: других близняшек в зале не наблюдалось. — Симпатичные! Не смотри на меня так, я без всякой задней мысли, — рассмеялся он.

— Можешь расслабиться. — Рагрор насмешливо похлопал ревнивого брата по плечу. — Барес в этом смысле совершенно безопасен, я хуже.

— То есть? — растерялся Мангир.

— Он у нас принципиальный романтик. Хочет встретить свою единственную и неповторимую, чтобы сразу и навсегда. А по мне — идеальную можно и не найти, а процесс поиска — это самое интересное, — жизнерадостно пояснил Рори.

— И куча неприятностей в комплекте, — хмыкнул Барес, которого слова друга явно не задели.

— Зато не скучно!

— Обхохочешься, — пробурчал Лейм. — Особенно когда он путает, с кем и куда идет на свидание, а влетает потом нам, потому что его попробуй поймай.

— Эх, я бы тебя с такими девочками познакомил! — мечтательно зажмурился Рагрор. — Но — увы, никого из них не взяли. Вот выбраться бы в город... Да ладно, я так, гипотетически! — тут же пошел на попятный Рори, когда перед его носом появился увесистый кулак Бареса.

— А я серьезно, — не оценил шутки тот. — Проживешь пока без женского общества. Еще не хватало из-за твоего кобелизма сорвать всю поездку!

— Да ладно, ладно, я все понимаю! — Рагрор вскинул руки в жесте капитуляции. — Какой же ты все-таки зануда, Бес! Хлеще своего отца.

— Просто его жизнь заставила, а у меня — характер, — невозмутимо пожал плечами Барес. Прозвучало даже с какой-то гордостью.

— Кстати, раз уж ты упомянул его, представляешь, что Аспис с тобой сделает, если вляпаешься? — добавил Лейм.

— Осознал, проникся, веду себя прилично, хватит запугивать! — улыбнулся Рори и опять выразительно поднял ладони, признавая поражение.

— А кто он? — не удержался от вопроса Мангир.

— А вон того белобрысого видишь, с постной мордой? — Рагрор кивнул на учительский стол, стоявший особняком в конце зала.

— Вы не очень похожи, — осторожно заметил Мар.

— Не скажи, у него просто цвет волос и кожи уж очень специфический, это сбивает. А так, если привыкнуть, сходство есть. Ну и от матери, наверное, тоже что-то взял.

— Наверное?

— А, это такая история, чистый анекдот! — рассмеялся Рори. — Не знает он, кто его мать.

— Извини, я не хотел... — Мангир запнулся.

— Что? Да нет, меня такие вопросы не расстраивают, — улыбнулся Барес. — В конце концов, это действительно почти анекдот, который все знают. Отец на меня наткнулся, когда я был совсем ребенком, бродяжничал с какими-то нищими. Точнее, нищенка со мной попрошайничала — я мелкий был, шуплый, выразительный. Ну, он родную кровь почуял, он умеет как опытный целитель, а кто моя мать — Змея знает! Да и нищенка та меня уже оборванцем подобрала, ничего не сказала толком. Сколько лет — на глаз так просто не определить даже целителю, там разбежка чуть ли не в три года, а за это время... В общем, отец вел насыщенную жизнь и понятия не имеет, откуда я взялся. Но бросить не мог, он ответственный. Рори, кстати, тоже имеет все шансы лет через десять-двадцать внезапно обнаружить себя отцом большого семейства.

Тьфу на тебя! — Упомянутый поперхнулся воздухом и закашлялся, с укором глядя на друга.

— Вот и делай выводы, пока не поздно, — наставительно сообщил Барес. — А я, собственно, из-за матери сюда напросился. Я наконец достаточно освоил магию крови, чтобы попытаться ее отыскать или точно узнать, что она умерла. А то там, где мы... прятались раньше, все это не сработало бы. Правда, приходится терпеть: там сложный ритуал, привязанный к уровню магической напряженности в мире, поэтому надо ждать подходящего момента. Но он уже скоро.

— А почему ты сам собираешься это делать? Твой отец не умеет или не хочет помогать?

— Не хочет, — поморщился Барес. — Нет, уговорить можно, но это уже я не хочу. Ему-то она никто, случайное событие, а я... в общем, я должен сделать это сам. Хочу знать, кто она и почему меня бросила. И бросила ли вообще. Просто одно дело — если действительно сама отказалась, потому что не нужен. А если она в беде была? Или ей сейчас нужна помощь? Времена-то непростые были. В общем, я точно знаю, что должен. Глупо, наверное, да и умерла она уже, скорее всего. Но мне нужно знать правду.

Мангир рассеянно кивнул. Желание Беса было ему понятно и даже знакомо, его самого нет-нет, да и посещало такое же: найти родителей и спросить прямо. Посмотреть им в глаза и послушать, что они скажут. А потом... по ситуации.

Иногда хотелось, чтобы они раскаялись и попросили прощения, — не у него, у девочек. Чтобы нашлось чудесное объяснение, оправдывающее их поступок, отличное от обыкновенной трусости. Вспоминались счастливые моменты из тех времен, когда прежняя жизнь еще не разлетелась на осколки и он просто не мог поверить в такое предательство.

А иногда Мар точно знал, что любое раскаяние теперь окажется фальшивым, что время безвозвратно ушло. Тогда ему хотелось быть живым и счастливым просто им назло, чтобы сестры научились пользоваться своими способностями. Хотелось видеть не самих родителей, а их страх и отвращение.

Он вспоминал прочно засевший в памяти подслушанный разговор, переломивший его жизнь. Отца, с пугающим спокойствием рассуждающего о том, что выродки в семье не нужны, и мать, которая лишь соглашалась и не пыталась спорить. Всплывала в памяти холодная и сырая осенняя ночь, когда он вломился в спальню к близняшкам, когда будил растерянных девочек, сам собирал их вещи в дорогу. Как помогал им вылезти через окно, как они прятались втроем на каком-то старом

чердаке и он обнимал хнычущих от страха и голода сестер, пытаясь согреть и успокоить. Как впервые украл еду. Как на чердаке вдруг, среди бела дня, появилась Норика — воплотившийся главный кошмар, ржавый китель змеелова.

И независимо от настроения он прекрасно понимал, что уже не простит родителей. Близняшки — может быть, они вообще очень хорошие девочки, а он никогда не сумеет вычеркнуть из памяти те несколько дней. Потому что, глядя на отца, будет вспоминать не раннее детство, а свой страх, стыд начинающего ворюшки и сводящее с ума бессилие защитить близких.

— Бес, а откуда вы все приехали? — спросил Мангир, стараясь отвлечься от дурных мыслей, которые всегда портили настроение. Не стоит ковыряться в прошлом сейчас, когда у них наконец-то появился шанс на нормальную, спокойную жизнь.

Змеи задумчиво переглянулись, и Барес осторожно ответил:

— Прости, я не уверен, что мы можем рассказывать. Старшие так и не определились, что и кому следует говорить, поэтому последнее распоряжение было просто помалкивать и отказываться отвечать. Мне кажется, кто-то из младших все равно проболтается, но... Давай потом. Я лучше еще раз уточню, может, хоть отец с Зарком пришли к какому-то согласию.

Мангир кивнул и дальше лезть не стал, пытаться гадать — тоже. Хотя, что скрывать, было очень любопытно и теории в голове возникали самые разные.

От бесплодных рассуждений на эту тему парня спасла Норика. Ближе к концу обеда она поднялась со своего места и обратилась к ученикам с короткой вводной речью. Никаких общих слов, никакого торжественного обозначения целей и прочей пустой болтовни — все и так знали, кто они и зачем тут собрались. Только полезные факты и распоряжения — про получение учебников, про первое вводное занятие завтра утром. Нори не забыла отдельно упомянуть Мангира, который из людей был самым старшим, и велела в то же время прийти в учительскую.

Потом упомянула устав, который будет в течение недели роздан ученикам для ознакомления и заучивания, коротко объяснила распорядок дня, рассказала про требования к дисциплине, которая обещала быть строгой. Ученикам и учителям давалось две недели освоиться на новом месте и взаимно притереться, когда еще можно было рассчитывать на поблажки, и то — по мелочам. О выходе за пределы поместья она, например, высказалась весьма однозначно.

Рори рядом тоскливо вздыхал и морщился, его друзья слушали со спокойным вниманием, а Мангир вдруг поймал себя на мысли, что эта перспектива его успокаивает. Устав, дисциплина, распорядок дня с точностью до минуты... Может, когда-нибудь это и покажется несправедливым и чересчур строгим, но пока главным было чувство определенности. Чего-то похожего на уверенность в будущем. До сих пор Мар каждое утро просыпался с мыслью, что этот день может стать последним, если до их глухой деревни доберутся змееловы. А тут вдруг оказалось, что завтра, послезавтра, через месяц и даже, может, через год все будет *одинаково*. Пугающее своей новизной ощущение.

— Бес, а куда твой отец дел этого странного типа? Ну, которого в ошейнике привезли, — вспомнил Мангир, когда они уже закончили обедать и собрались уходить.

— Я понятия не имею, о ком ты. — Тот удивленно вскинул брови. — Какой еще тип?

— А, ну да, вас же не было в порталном зале, — сообразил Мар и кратко пересказал происшествие.

Особого беспокойства по поводу перевозки Кергала в магических оковах молодой человек не испытывал. Странного змея ему было искренне жаль, но не потому, что того связали, а из-за явных больших проблем с головой: связали за дело. Мангир еще в столице видел, как привели этого парня, как он шипел и кусался, будучи в человеческом обличье, и как с ним сначала пытались договориться но-хорошему. А сейчас Мару было интересно, как именно белый змей собирается находить общий язык с этим безумцем. Неужели ему правда можно помочь?

— О, так это отличные новости! — Рори, несколько подавленный озвученными ранее перспективами, очень обрадовался рассказу и заметно взбодрился.

— Что именно? — не понял Мар.

— Если Аспис нашел себе такую интересную задачу, как приведение в чувство этого припадочного, всем остальным достанется гораздо меньше.

— Меньше чего?

— Внимания наставника, — с улыбкой пояснил Барес. — Он очень требовательный и занимается в основном со старшими. Нас тут для него слишком мало, чтобы кому-то не хватило его внимания.

— В общем, тебе повезло, что не будешь у него учиться, — высказался Рагрор. — Он, конечно, мужик умный и учитель хороший, но там скорее хвост свой съешь, чем что-то не сделаешь.

— Я не знаю, какова в роли наставницы госпожа Неро, но что-то подсказывает: ты зря завидуешь, — возразил Бес.

— Я люблю учиться, — пожал плечами Мангир.

В этот момент их догнали в коридоре близняшки и подхватили брата под локти с обеих сторон.

— Мар, можно тебя на секундочку? — с лисьей улыбкой попросила Дори, стрельнув глазами в Бареса. — Здравствуйте, мальчики!

— Здравствуйте, девушки, — разулыбался в ответ Рори и приосанился.

— Привет, — вежливо улыбнулся Бес девушкам и обратился к их брату: — Тебя подождать?

«Рикошет», — с иронией подумал Мангир, а вслух сказал:

— Я догоню. Что случилось? — спросил он сестру, проводившую взглядом троих змеев.

— Мар, познакомь нас с этими ребятами! — Дори состроила умильную мордашку и просительно сложила бровки домиком. — Он же самый симпатичный из всех парней в школе! И ты с ним сдружился! Это же замечательно!

— А тебе тоже — самый симпатичный? — с усталой иронией спросил он вторую близняшку.

— Я за компанию, — застенчиво улыбнулась Тори. — И любопытно, они же наверняка уже многое умеют. Превращаться так уж точно... А у меня так через раз и получается, как было с самого начала. Вдруг что-то подскажут? Я же до завтра не дотерплю!

— Кстати, вот и отличный повод! Пусть расскажут, что нас вообще ждет! — еще больше оживилась Дорика.

— Пойдем, — покорно кивнул Мангир.

Он давно уже выяснил, что спорить с девочками, если им обоим что-то втемяшилось в голову, бессмысленно. Нет, можно рявкнуть, если это по-настоящему опасно, и тогда они даже слушались скрепя сердце. Но сейчас в таких резких мерах не было смысла.

К тому же Тори выбрала очень верные слова. Брат прекрасно знал, как любознательные и живые девчонки страдали от недостатка знаний и невозможности его восполнить, пытались действовать вслепую. Слишком сильно, конечно, не рисковали, но всякое случалось. Кое-чему их сумел научить Мар: во время побега все та же Норика объяснила, что азы управления силой для всех одинаковые, а юноша к тому моменту сам уже вполне овладел магией под руководством опытного наставника. Но много ли он мог дать? А силой боги оделили обеих весьма щедро, обычное дело для близнецов, и та была ключом. У Дори — больше бурной и стремительной воды, у Тори — основательной, надежной земли.

Разумеется, новые знакомые приняли девочек тепло. И предложенный Торикой повод действительно оказался удачным, не зря Дори так радовалась: помочь старшие товарищи согласились сразу. Так что остаток дня в расширенной компании прошел шумно, весело и интересно. На ужин они сходили все вместе, там распрощались и разошлись в разные стороны: близняшки умчались куда-то по своим девчоночьим делам, сохраняя при этом ужасно загадочный вид, Бес решил заглянуть к отцу. А Рори с Леймом отправились осмотреться на территории, пока запрещали выходить только за ограду поместья, а не вообще из здания; просто так, на будущее, вдруг пригодится.

В итоге Мангир оказался в большой комнате один и вдруг понял, что очень устал от этого долгого и насыщенного дня, от новых впечатлений, да и от знакомств — тоже, поэтому неожиданное одиночество воспринял с облегчением. Разложил вещи, припрятав под матрасом в изголовье свою лошадку. Не раздеваясь, завалился на постель, закинул руки за голову и невидящим взглядом уставился в потолок, пользуясь возможностью послушать тишину и перевернуть множество событий. Да так и уснул.

К вечеру я обнаружила, что у меня есть кабинет. Кабинет директора школы, как он значился на плане. Поскольку других кандидатов на эту должность не наблюдалось, его я и заняла, когда закончилась беготня и появилось время на бумажную работу.

Кабинет выполнял ту же функцию при хозяине. Пропала пара картин и, судя по отпечаткам на

стенах в форме щитов, несколько чучел на досках. Учитывая характер и личность Великого Змеелова, я не хотела знать, чьи головы там висели: вряд ли это были обыкновенные животные. А все остальное явно осталось без изменений. Двухтумбовый монументальный стол и небольшой шахматный в стороне, несколько кресел с резными спинками, тяжелые старые шкафы, потемневшие от времени деревянные панели на стенах.

Последствия обыска здесь читались особенно отчетливо. И хоть мусор убрали, но вскрытый сейф не починили, да и несколько тайников зияли печальными дырами: один — на книжной полке, один — в тумбе большого письменного стола и два в полу. Один из последних окружало не до конца отчищенное кольцо гари, наверняка последствия взлома защиты. Внутри сажи не наблюдалось, значит, ценное содержимое не пострадало.

Пара шкафов темнела совершенно пустыми полками — видимо, там прежде хранились документы. Книги в остальных стояли кое-как, их явно перетряхнули. Некоторую часть изъяли. Я мрачным взглядом смерила перепутанные тома знакомых собраний, многие из которых стояли обрезками наружу. От такого безобразия стало почти физически больно, но я заставила себя заняться более насущными вещами. Порядок можно навести и потом, уж как-нибудь потерплю несколько дней.

На столе обнаружился роскошный малахитовый письменный прибор, который содержал все необходимое — от изящной ручки и узкого длинного ножа для бумаг до портално-почтового ящичка для срочных писем. Имелся даже исправный иор, переговорное устройство: напиток магией воздуха и управляемый силой мысли прозрачный кристалл-артефакт на подставке. Глянув на него, я наконец-то вспомнила, что нахожусь тут совсем не по собственной инициативе, и первым делом надиктовала краткий отчет для короля. Даже не удивилась, что у этого кристалла имелось разрешение на прямую связь. Как и тому, что на месте Орлена не оказалось, — у него наверняка дел по горло и даже больше.

Сразу после этого я закопалась в бумаги и отвлеклась только тогда, когда в дверь постучали, — никакого секретаря здесь не предполагалось, все-таки личное жилье. Обязанности последнего пока тоже ложились на меня, в ближайшее время так уж точно.

К этому моменту за окнами совершенно стемнело, и я сама не заметила, в какой момент зажгла помпезную настольную лампу под шелковым абажуром с кистями.

— Да, войдите! — крикнула, откидываясь на спинку кресла и потирая шею.

— Доброго вечера, — кивнул мне, входя, Зарк. — Уютно тут. А книги так и должны?..

— Не надо о грустном, — поморщилась я, вновь заметив безобразие на полках, о котором успела забыть. — Давайте сделаем вид, что они стоят нормально.

— Не возражаю, — улыбнулся змей и вольготно устроился в кресле напротив. Улыбка у него, кстати, оказалась хорошей, обаятельной, даже жутковатые желтые глаза от нее как будто оживали. — Я прикинул расписание для наших, то есть опытных учеников. Пока на ближайший месяц. Держи.

— Спасибо! Уже легче.

— И вот еще список учебников, которые хотелось бы найти. На удивление много полезного оказалось в библиотеке, но не все. Есть шансы?

— Понятия не имею, — растерянно качнула я головой. — В нужном количестве — вряд ли, их ведь уничтожали, сам знаешь. Но попробовать стоит. Давай сейчас и надиктую, чтобы не потерялось, — приняла я переход на «ты».

Зарк с интересом наблюдал, как я зачитываю в кристалл список книг. Поскольку иоры создавались людьми, змей во время войны остались без быстрой удобной связи, понятно, что сейчас для него это диковинка.

— Как дела у Кергала? — спросила я, закончив, потому что в кабинете повисла настороженная тишина.

— Аспис настроен оптимистично, хотя у парня, по-моему, серьезные проблемы, и его для начала нужно долго лечить. А почему ты у него не спросишь?

— Ты его здесь видишь? — Я насмешливо вскинула брови. — А разыскивать его я не хочу.

— Вы были знакомы раньше, да? — спросил наблюдательный змей. — На меня ты смотришь спокойно, а его испепелить готова, да и его я давно таким злым не видел. Странно, мне показалось, он очень хотел поехать.

— Сталкивались, да, — поморщилась я. — Так получилось, что выжили оба. Не волнуйся за своего друга, мстить ему я не собираюсь. Хотя бы потому, что попытка продолжить этот конфликт скажется в первую очередь на детях. А поехал... может, намеревался вывести злобную преспешницу Великого Змеелова на чистую воду, откуда мне знать! — нервно хмыкнула.

— За что мстить-то? — не удержался Зарк.

— Ни за что. Забудь. Лучше вот прочитай устав школы и скажи, может, чего не хватает?

Змей с готовностью подвинулся ближе к столу, а потом и вовсе обошел его, перетащив кресло, и мы вдвоем склонились над бумагами.

Наедине, без постоянного давления общества Асписа, рядом с которым мне приходилось прилагать усилия, чтобы сдерживаться, найти с Зарком общий язык оказалось очень просто. Спокойный, ироничный, любознательный — я отлично понимала, почему с детьми отправили именно этого змея.

Наверное, никакой дружбы у нас не получится. Если копнуть поглубже, то всплывет много разного, особенно из моего прошлого, что непременно вызовет размолвку. Все же крови на моих руках предостаточно, и там точно есть соратники, знакомые или друзья этого взрослого и наверняка участвовавшего в столкновениях мужчины. Такое не забывается, и вряд ли такое можно простить. Но зато спокойно заниматься вместе одним общим важным делом мы точно сможем.

Засиделись в итоге глубоко за полночь, зато успели привести в нормальный вид устав. Если завтра, на свежую голову, этот документ не вызовет нареканий, можно будет хотя бы одно дело посчитать завершенным.

— Слушай, а ты вообще спать-то собираешься? — Зарк присвистнул, глянув на наручные часы. — Мне кажется, вряд ли завтрашний день будет спокойней сегодняшнего.

— Надо бы. — Я с сомнением покосилась на начатый и незаконченный скелет расписания. Потом решила. — Да, ты прав, глупо сейчас засиживаться на всю ночь. Все равно за сегодня не успею закончить, так что это подождет до завтра. Пойдем.

Выходя, я привычно набросила на дверь сторожевое заклинание — раз уж присвоила этот кабинет, значит, следует оградить его от посторонних.

— Нори, а можно личный вопрос? — заговорил в этот момент Зарк.

— Не обещаю ответить, — пожала я плечами, и мы не спеша зашагали по пустому, тихому коридору. По мере нашего движения под потолком загорались неяркие огоньки и гасли за спиной.

— Как тебя занесло в орден Змееловов? Ты совсем молодая и не похожа на идейного фанатика.

Я неопределенно качнула головой, хмыкнула. Но все-таки ответила:

— Да у меня и выбора особого не было.

— То есть как?

— Всю мою семью убила зеленая гниль. Мне было тринадцать лет тогда, только-только проснулся дар. А потом я попала к змееловам. У них были отличные наставники, умеющие найти подход и убедить в чем угодно. Много ли нужно испуганному подростку, чтобы довериться? Это сейчас я стала взрослой и циничной и понимаю, что столь бережно и терпеливо ко мне отнеслись исключительно из-за силы дара, иначе просто прошли бы мимо. А тогда они казались воплощением Создателя, благородным и достойным подражания. Все, пришли. Доброй ночи, — пожелала я, открывая дверь своей спальни.

— Доброй ночи, Нори. — Зарк выглядел задумчивым. — Значит, ты не ненавидишь всех змеев скопом?

— Ты же сам говорил, что я не похожа на фанатика.

— Ну мало ли, вдруг ты хорошо маскируешься? — улыбнулся Зарк.

— Если я маскируюсь, то вряд ли правдиво отвечу на этот вопрос, логично?

— Логично, — хмыкнул он. — До завтра.

Свет внутри загорелся сам, когда я шагнула через порог. А когда захлопнула дверь, над ладонью возник потрескивающий и плюющийся искрами комок силы: в комнате кто-то был, и этот кто-то сейчас шевелился на кровати.

— Чтоб вам... — устало вздохнула я, разглядев заспанные физиономии, и развеяла магию. Ругательство не договорила — не придумала приличный вариант. — Что вы здесь забыли, девочки?

— Ой, Нори, извини! — смущенно пробормотала Тори, потирая заспанную физиономию.

— Мы хотели тебя немного подождать, но случайно уснули, — обезоруживающе улыбнулась ее сестра, сладко потягиваясь.

— Зато дождалась! — рассмеялась я. — Вы чего хотели-то?

— Поболтать, — развела руками Дори. — Мы соскучились!

— Я тоже. Но сейчас, по-моему, уже поздновато. Вы помните, когда отбой? — уточнила насмешливо.

Девочки умудрились здорово ко мне привязаться, хотя вместе мы провели всего несколько дней, пока я сумела выкроить место и время для незаметного портала и пока помогала обустроиться. Свою роль наверняка сыграли обстоятельства знакомства, но я больше склонялась к мысли, что основная причина — их мать. Да и вообще вся очень странная, жутковатая семья.

Я хорошо помнила ту женщину: чопорная, строгая и очень эмоционально черствая особа. Даже меня, многое повидавшую, покорило хладнокровие, с которым она меня встретила. Женщина беспокоилась только о том, что девочки успели удрать и у нее из-за этого могут быть проблемы с законом. Муж у нее был таким же, да и остальные братья близняшек не отличались чуткостью. Складывалось впечатление, что девочек во всей семье любил только Мангир. Что он вообще единственный из них был способен на чувства! Приходящая кухарка — и та жалела близняшек больше родителей. Вот где были чудовища и вырожденки, а никак не змеи скопом...

Наверное, при этом не стоит удивляться, что случайная взрослая женщина, проявившая заботу и участие в такой ситуации, показалась им гораздо более родной. Мне поначалу было очень неловко, а потом... наверное, не так уж сильно я от них отличалась, если тоже успела за несколько дней привязаться к чужим почти взрослым детям. Мне был дорог каждый из спасенных змеенышей, за каждого я беспокоилась, но с этими двумя мы, похоже, просто нашли друг друга. И я очень жалела, что не могла часто их навещать, — отлучки непременно заметили бы. Пару раз в год — самое большое, что я могла себе позволить.

— Ну мы же не знали, что ты так надолго удержишься!

— Пойдем, я провожу вас до комнаты, чтобы не потерялись, — махнула я рукой. — Расскажите, как вы тут устроились.

— Да что расскажешь за пару минут? — вздохнула Дори, подныривая мне под локоть, чтобы обнять.

— Извини, боюсь, на ближайшие несколько дней я недоступна, — второй рукой я обняла Тори, так мы и двинулись не спеша по коридору. — Если, конечно, ничего срочного не будет.

— Будет. Дори себе парня нашла, только он пока об этом не знает, — захихикала Торица.

— И что за парень?

— Он очень хороший, — заверила та, заметно оживившись. — Очень на Мара похож характером и красивы-ый! Баресом зовут, он из этих, новеньких...

Пока мы дошли до комнаты девочек, мне старательно расхваливали неведомого змея. Пришлось заочно благословить, тем более близняшки в кои-то веки сошлись в оценке. Даже интересно стало, кто это такой замечательный.

— Дори, только, пожалуйста, без глупостей и спешки, ладно?

— Не волнуйся, мы хоть и жили на болотах, но не совсем дикие, — покровительственно ответила она. — Инициатива должна исходить от мужчины! Но женщина должна дать понять, что инициативу можно проявлять.

— Где ты всего этого набралась? — засмеялась я.

— Что, скажешь, неправда?

— Нет, ну, теоретически... — протянула задумчиво. — Хотя я, если честно, тот еще специалист.

— Кстати, мы всегда хотели спросить, а почему ты не замужем? — Дорика заинтересованно заглянула мне в лицо. — Ты хорошая, красивая...

— Так получилось, — пожалала я плечами. — Не встретила подходящего мужчину.

— А этот черный змей? — Глаза ее хитро блеснули. — По-моему, ты ему понравилась!

— Мне с вами хватает веселья, чтобы еще на кого-то отвлекаться, — отмахнулась от малолетней сводницы. — Все, давайте спать. Соседок не перебудите.

Близняшки распрощались и нырнули в комнату. В коридоре сразу стало тихо и пусто, а на душе — тоскливо.

Рассказывать девочкам о своих разочарованиях я не собиралась, да и предвзято относиться к этому их замечательному Баресу на основе личного неприятного опыта — тоже. Умом я прекрасно понимала, что в жизни бывает по-всякому, и, если не повезло мне, это не значит, что Создатель окажется так же суров к юной восторженной змейке, которая за свою жизнь и мухи не обидела.

К тому же везение — это весьма условное понятие. Да, из меня не вышло любящей жены, но разве это единственный путь к счастью?

Пусть я никогда не стану такой, как была в юности, — веселой, живой, энергичной, ужасно похожей на Дорику. Но я уже сейчас чувствую себя гораздо живее. словно выздоравливаю после долгой затяжной болезни, а вот эта простая, понятная, важная и нестрашная суета, требующая решения серьезных, но не смертельно опасных вопросов, — мое лекарство. Прошла всего пара дней, а мне уже кажется, что казнь Великого Змеелова и все, что было до нее, произошли полжизни назад.

И я уже почти уверена, что именно здесь — мое счастье. Видеть, что каждый день прожит не зря, что ты помогаешь кому-то стать лучше, умнее, уверенней в себе... Вот только как донести до этих деятельных девчонок, что устраивать личную жизнь я в ближайшем будущем не готова? И уж тем более — с кем-то из этих змеев. Хвостатыми я сыта по горло.

Глава 4

СМЕРТЬ У ПОРОГА

Когда Барес зашел в спальню к отцу, там было темно. Зрение быстро перестроилось на тепловое, поэтому хозяин комнаты все-таки обнаружился: старший змей стоял у окна и наблюдал за чем-то внизу, в парке. Или просто смотрел в темноту?

— Привет. Не помешаю? — проявил вежливость Бес.

— Заходи, конечно, — через плечо отозвался тот.

— Что ты там разглядываешь?

— Кергал вышел погулять. — Аспис неопределенно дернул головой. — Через ограду не перелезет, там защита хорошая. Думаю: стоит его вернуть или пусть тычется?

— Он совсем плох? — участливо спросил младший змей.

— Совсем. — Старший не питал ложного оптимизма. — Но постараюсь вытащить. Жаль парня. Надо выбраться в город, поискать алхимика. Есть некоторые зелья, которые могут облегчить его состояние, но насколько — можно понять, только попробовав. Как у тебя первый день? — Аспис наконец повернул голову к сыну. В темноте глаза змея едва заметно светились зеленым.

— Хорошо. Здесь забавно, так много земли... Подходишь к окну — и не по себе. Жалко, нельзя пока выходить из поместья, очень хочется подняться на гору и увидеть, что за ней.

— Ну, это пока. Через несколько месяцев станет ясно, насколько хороша была эта затея, может, и удастся взглянуть на горы. Там красиво.

— Ты тут бывал? — удивился Бес.

— Не совсем здесь, чуть в стороне. Это место от змеев охраняли очень старательно, — хмыкнул Аспис. — Да я вроде говорил, кому раньше принадлежало поместье. Прикрой глаза, я свет зажгу.

Сын не стал пренебрегать советом, резко перестраиваться с теплового на световое зрение всегда неприятно.

— Говорил, — подтвердил Бес, проморгавшись, и плюхнулся в кресло. — И о том, что тебе нравится эта ирония Долгой Змеи: в родовом гнезде Великого Змеелова обосновались змееныши.

— Кстати, как они?

— Знаешь, удивительно неплохо, — оживленно ответил Барес. — Я, правда, пока познакомился только с двумя девушками, которые близняшки. Одна — та еще трещотка, вторая хорошая, более серьезная. Но в целом — обычные девчонки, и не скажешь, что им приходилось прятаться и бояться за свою жизнь. Хотя, может, это их брату спасибо — вот он как раз очень хмурый и дерганый.

— А брат?..

— Мангир, он человек. Вместе с ними сбежал из дома, когда оказалось, что они — змеи. Попытался помочь, заботился о девочках.

— Тот, которого госпожа змеелов решила взять в ученики? — кривовато усмехнулся Аспис. — Поосторожнее с ним.

— Ты зря так, он хороший парень и сестер искренне любит. А они, кстати, очень привязаны к госпоже Неро, которая их, между прочим, спасла. Может, ты несколько преувеличиваешь ее зловредность? — осторожно уточнил Бес. — По-моему, она никакой не монстр, просто дерганая и очень уставшая женщина.

— Великий Змеелов выглядел как благообразный старичок, — пренебрежительно фыркнул Аспис. — Как давно это было? Их... спасение.

— Точно не знаю, наверное, года три назад, девочкам сейчас лет по шестнадцать.

— Ну, вот тебе и ответ, почему она их спасла, — удовлетворенно кивнул белый змей.

— Не понял.

— Три года назад появился король. Просто эта... — Он запнулся и явно использовал не то слово, которое хотел изначально. — Дрянь оказалась куда более предусмотрительной, чем другие.

Припрятать несколько детей — невелика сложность, когда владеешь порталами. А она, будь уверен, владеет. Зато теперь она показывает себя чистенькой и пушистой: мол, пока остальные змееловы резали всех подряд, самоотверженно спасала детей. Может, еще под конец поворота успела подсуетиться раньше всей этой кодлы и удачно сдать своих... коллег. Хитрая, предусмотрительная, лицемерная... — начал он, потом опять осекся и тряхнул головой, взъерошил пятерней волосы. И продолжил уже ровнее: — Извини. Я зверею от мысли, что она — вот, на расстоянии вытянутой руки, а свернуть шею нельзя.

— За что ты ее так ненавидишь? Ты, по-моему, даже Великого Змеелова так никогда не костерил, — растерянно хмыкнул Бес. Конечно, до приезда сюда отец негативно высказывался о будущей школьной директрисе, но не больше, чем все остальные. А тут...

— Это личное, — нехотя признал тот. — Был я с ней... близко знаком. А потом с ее легкой руки познакомился с палачами ордена.

— Это какой-то новый факт из твоей биографии, — растерянно качнул головой Барес.

— Давняя история. Я был еще молодой, наивный и верил, что все это безумие скоро закончится. — Аспис пожал плечами. — Потом уже, конечно, поуменел и стал осторожнее выбирать... круг общения.

— Как тебя живого отпустили?!

— Повезло, удалось сбежать. Потом пришлось перелинять раньше срока, чтобы избавиться от последствий тесного общения. — Аспис поморщился. — Да ладно, в Бездну эту историю, жив — и хвала Змее. Я тебе это рассказываю не ради ностальгии, а чтобы был осторожнее с этой женщиной. Я не верю в раскаяние змееловов, а ястребом она стала не за красивые глаза. Ее даже свои побаивались, потому что считали бессердечной тварью. А прослыть бессердечной в этом ордена — дорогого стоило.

Барес только задумчиво кивнул, принимая слова к сведению. Ясно, что спорить с отцом сейчас — гиблое дело, проще согласиться. Тот нечасто упирался в каком-то вопросе, но уж если упирался — сдвинуть с мертвой точки было невозможно. А в подобном состоянии Бес его вообще ни разу не видел, Асписа буквально трясло от злости. Чтобы он начал ругаться? Да в присутствии сына?! Что-то неслыханное! А тут кое-как сдерживался, чтобы не перейти на совсем уж грязную брань, и на большее его не хватало.

Надо быть слепым, чтобы не понять, насколько отец необъективен по отношению к госпоже Неро, и это наталкивало на разные мысли. Змея знает, что между ними случилось в прошлом, но явно что-то личное. И именно здесь лежала отличная почва для сомнений.

Отца Барес, безусловно, любил, но прекрасно понимал, что тот имеет свои недостатки и в молодости совершил немало ошибок. Скорее всего, именно в отношениях с женщинами. Это в последние годы Аспис остепенился и куда сильнее занят работой, чем личной жизнью, которой у змея вообще, кажется, нет. А вот раньше, если верить шуткам деда, о постоянстве его нечего было и говорить. Да что далеко ходить за примером — судьба самого Беса наглядно иллюстрировала молодость отца!

Да, возможно, госпожа Неро действительно хитра и расчетлива и всего лишь играет роль. Но не менее вероятно и то, что Аспис сам не без вины и погорел в конце концов на собственной неразборчивости. Например, если бы госпожа змеелов застала его с другой, то вполне могла бы отомстить. Слишком жестоко, но обиженная и оскорбленная женщина — существо страшное.

Напрямую выяснять подробности молодой змей не рискнул. Отец многое ему позволял и крайне редко ругал — только по делу, но в лоб спросить: «А не изменял ли ты, случайно, этой женщине, когда вы встречались?» — все-таки слишком. Тем более сейчас, когда родитель так зол.

Но и выкинуть из головы странное противоречие не получалось. Есть слова и ненависть родного отца — честного, принципиального змея, который никогда и ни в чем не врал сыну и которому Бес безусловно доверял. А есть слова и явная любовь к этой женщине двух юных змеек и их старшего брата, да и собственное приятное впечатление никуда не делось. Несколько раз он встречал госпожу Неро в коридорах поместья, пару раз — окруженную детьми и что-то терпеливо им объясняющую, однажды она даже ласково успокаивала едва не плачущую девочку. И совершенно не получалось поверить, что Норика — действительно такая равнодушная стерва, как говорил отец. Чувствовалось, что там какая-то загадка, а загадки Барес любил до такой степени, что выбрал для себя профессию следователя и учился сейчас именно этому.

Чтобы удовлетворить собственное любопытство и никому при этом не навредить даже в малом, Барес решил наблюдать внимательней и осторожно расспрашивать всех, кто знал госпожу Неро. И только потом, если накопятся новые факты, предпринимать иные действия.

Много лет назад

Мужчина, прикованный к куску мрамора, загнанно дышал и стискивал зубы. Спутанные, серые от пота волосы облепили лоб тонкими щупальцами. Под блестящей от проступившей влаги кожей судорожно сокращались мышцы, заставляя тело мучительно выгибаться.

Мне казалось, что я лежу там же. Что это меня корежит на пыточном столе, что это я выдавливаю сквозь зубы стоны, с трудом втягивая воздух — едкий, словно выжигающий легкие. Слезы застили взгляд, текли по щекам. Хотелось закрыть глаза, заткнуть уши, не слышать и не видеть больше ничего — но я не могла отвести глаз. Только впивалась ногтями в ладони, кусала губы, пытаюсь болью реальной заглушить ту, которая разрывала сейчас сердце.

— Отпустите его. Пожалуйста... — прошептала, точно зная, что меня никто не послушает.

— Ты добрая девочка, дитя, — прозвучал рядом мягкий, вкрадчивый, полный участия и сочувствия голос Великого Змеелова. — Ты даже готова отдать жизнь за любимого. Прости, что мне приходится быть жестоким с тобой, но ты не оставляешь мне выбора. Этот урок нужен.

— Магистр, он ни в чем не виноват! Он... ради меня туда пришел!

— Боюсь, ты стала жертвой обмана, дитя, — возразил мужчина, стоявший за моим плечом. — Змеям нельзя верить. Их суть — ложь и притворство. Ты думаешь, он любит тебя, дитя мое? Так же, как ты его?

— Да! — Я отрывисто кивнула.

— Змеи — выродки. Они не способны на чувства. Ты же знаешь, что это за артефакт? Видишь, как он работает?

— Да. — Я вновь кивнула.

— Как?

Говорить было больно. Отвечать на вопросы, как на экзамене, когда за тонкой пленкой щита корчился от боли тот, кого я любила, — невыносимо. Я готова была упасть на колени и умолять отпустить его, но остатки разума заставляли держаться. Потому что змею это не поможет, но окончательно уничтожит и меня — тех, кого презирает, Великий Змеелов не щадит.

Поэтому я ответила:

— Этот артефакт работает на магии змеев. Он... снимает барьеры. Заставляет говорить правду.

— Тогда слушай правду. — Магистр, кажется, сделал какой-то знак дознавателю.

— Та девушка, с которой тебя поймали. Кто она? — Ровный, бесстрастный голос. Взгляд уставшего от рутины клерка. Неровно обрезанные тусклые волосы и длинный острый нос... Этот мужчина воспринимался частями, и никак не получалось собрать образ воедино, запомнить его.

— Так из ваших же, шлюха, — процедил сквозь зубы распятый на столе мужчина. Я дернулась, как от удара, не веря своим ушам. — Еще скажи, что ты не знаешь!

— С какой целью ты встречался с ней?

— Забавно было трахать змеелова. Да и больно хороша, дрянь, не удержался!

— Ты ее любил?

— Змеелова? — сдавленно засмеялся змей. — Я идиот, что ли? Конечно нет!

— Что ты чувствуешь к ней?

— Отвращение. Все-таки сдала меня, шлюха... Надо было свернуть ей шею.

Сухая крепкая ладонь ободряюще сжала мое плечо.

— Это неправда! — выдохнула я, уже ничего не видя от слез. — Он не такой...

— Мне жаль, дитя, — мягко проговорил Великий Змеелов. Потянул прочь — я не противилась, я вообще уже слабо понимала, что происходит. Мой мир рассыпался подобно песчаному замку. Песок

царапал горло, резал глаза.

— Это неправда! — повторила я.

— Предательство — это всегда больно, девочка моя, но ты должна была услышать и увидеть сама. Юности свойственно ставить под сомнение слова старших. Это прекрасно, но это — мучительный путь. Мне очень жаль, но за твою неосторожность тоже последует наказание. Законы, дитя, появляются не на пустом месте, и их нарушение всегда приносит страдание.

Меня привели в камеру — крошечную клетушку с единственной койкой. Лязгнул засов, отрезав эту каморку от мира. Сил на беспокойство о собственной судьбе, на страх о будущем, на оправдания — не было.

Я не глядя упала на койку. Не рыдала — выла от боли, кусая подушку.

Жизнь рушилась. Все, чем я жила последние дни, то, что впервые заставило почувствовать себя по-настоящему счастливой, оказалось ложью. Все слова, все мечты, вся нежность — обман.

Чувство умирало мучительно, и мне хотелось умереть тоже. Не знать, не помнить, никогда больше не чувствовать ничего.

А хуже всего было то, что я по-прежнему не могла желать этому змею зла. И вместе с собственной болью меня терзали свежие воспоминания об искаженном мукой лице и навязчивые мысли о том, что змея ждет костер.

После насыщенного дня очередному кошмару, который поднял меня с постели еще до рассвета, я не удивилась, а уж его сюжету — тем более. Воспоминания. Как жаль, что невозможно заставить себя забыть подобное: только кажется, что все прошло и отболело, как проклятый разум, подстегнутый ассоциациями, вновь вытаскивает из прошлого какую-нибудь мерзость.

Несколько мгновений, лежа в постели, я позволила себе всерьез подумать о предложенном старым алхимиком варианте. В конце концов, даже если Язод Самос врал, вряд ли он действительно сделает мне что-то плохое — не в его интересах привлекать к себе внимание. Но даже если он даст какой-то сложный и незаметный яд... ну, тогда кошмаров не останется с гарантией, верно?

Потом я, конечно, отогнала хандру и заставила себя подняться. Холодный душ окончательно смыл остатки сна, а брошенный за окно взгляд помог найти способ достичь душевного равновесия: синее рассветное небо и лежащие под деревьями клочья тумана манили туда, наружу, и пробежка показала отличный вариант.

Легкие тканевые ботинки, облегаящие штаны и жилетка под горло. Подумав, я прихватила мечи и закинула перевязь за спину.

В школе было еще тихо, до подъема оставалось не меньше часа — самое то для прогулки, и как раз к завтраку успею вернуться и переодеться. А потом — рутина. Прекрасная, нужная, благословенная богами рутина. Как хорошо, что она существует в нашей жизни!

На рассвете особенно отчетливо ощущалось, что даже сюда, в теплые края, движутся холода. В Релке сейчас завывают метели, где-то у Чумных болот все укутано толстым слоем снега. А здесь, у моря, деревья не роняют листья, сохраняя их на всю зиму, но холодный воздух уже пахнет свежо и остро и кажется особенно прозрачным. Пара дней — и ночи станут еще холодней, а рассвет засеребрится инеем.

Наверное, если забраться на ближайшую гору и взглянуть на горизонт, можно различить даже чешуйки на теле Долгой Змеи. И увидеть, как рождается солнце, чтобы начать свой каждодневный путь по небу и сгинуть вечером в змеиной пасти.

В детстве, когда мне рассказывали об устройстве мира, было очень жаль богиню. Это ведь ужасно скучно — неподвижно лежать день за днем и глотать солнце, чтобы на следующий день вновь породить его и отправить в долгий путь по небу. Жизнь Создателя, который приглядывал за обитателями суши, казалась в связи с этим куда более интересной и насыщенной.

Змееловы уверяли, что Создатель каждое утро вспарывает Змее брюхо, чтобы вернуть светило, и картина стала еще менее радостной. Жаль, что боги никогда не отвечали на прямые вопросы и не объясняли, почему мир устроен именно так. Было бы интересно узнать их мнение.

Мысли о чем-то большом и не связанном с каждодневными человеческими проблемами окончательно вытеснили из головы ночные переживания, а легкая приятная усталость в разогретых пробежкой мышцах подняла настроение. Найдя в парке небольшую прогалину, я скинула перевязь

и взялась за мечи.

Это оружие можно было применять для убийства себе подобных, но на практике оно использовалось очень редко, особенно в столкновениях со змеями. Они слишком сильны и быстры, поэтому лучшим оружием против них служил огонь. Но тренировки с мечами я всегда любила: они успокаивали.

Удобная рукоять в ладони, приятная тяжесть, тихий свист рассекаемого воздуха. Почти танец. В какой-то момент появляется ощущение, что за клинки кто-то тянет и именно он ведет твои руки, поэтому мечи вдруг становятся невесомыми. Тут главное не растеряться, не упустить это чувство. И тогда можно закрыть глаза, полностью отдавшись самому упоительному ощущению, какое мне доводилось испытывать. С ним способна сравниться, пожалуй, только близость с любимым мужчиной, но... неоспоримое преимущество оружия в том, что оно не способно на предательство.

Мысль опять вильнула не туда, я сбилась с шага и остановилась, тяжело дыша. Мгновенно накатила усталость, к рукам словно привесили по гире. Кажется, все, пора домой.

— А у тебя неплохо получается.

Нарушивший тишину голос заставил дернуться от неожиданности. В боевую стойку я вставать не стала, но стремительно обернулась и замерла так, чтобы в любой момент можно было сорваться в бой. Кончики пальцев закололо от призванной силы.

— Спасибо, — ответила как могла ровно, заставила себя успокоиться и прошла к сложенным на траве ножнам, чтобы убрать оружие.

Понятно, почему меня опять накрыло воспоминаниями: почувствовала чужой взгляд. Непонятно, что теперь-то делать? Зараза, только я успокоилась!

— Что тебе нужно здесь? — спросил Аспис, приближаясь.

Я поспешила подняться, чтобы не смотреть на змея снизу вверх — он и без того выше меня, хватит с него такой разницы.

— Если ты не заметил, то немного размяться утром, — пожала плечами, закрепляя перевязь. Змей стоял в шаге от меня и жутко нервировал. Приходилось делать над собой усилие, чтобы не поднять щит и не оцетиниться парой боевых заклинаний из самых надежных.

— Что тебе нужно в этой школе? И от этих детей, — пояснил свой вопрос блондин. — Ты сумела заслужить прощение короля, ладно. Ну и наслаждалась бы чудесным спасением в провинции. Зачем искать место среди тех, кого ты ненавидишь?

— Когда король отправил меня сюда, о тебе, он, увы, не предупредил. Знала бы — может, тюрьму предпочла, — пожала я плечами. — Хотя... Хорошо, что не отказалась. Представляю, чему *ты* можешь научить детей, — трахать все, что движется.

Я обошла его, намереваясь вернуться по той же тропинке, по которой пришла.

— Только попробуй причинить вред кому-то из детей! — Аспис перехватил меня за локоть, когда я проходила мимо.

Прикосновение обожгло — не то жаром, не то холодом, я даже не успела понять. Только ощутила почти боль от нежеланного прикосновения.

Ненадолго. Магией я ударила рефлекторно и не экономя. Белая вспышка, короткий треск разряда. Пахнуло озоном и горелой тканью, а не ожидавшего подобного змея отшвырнуло на несколько метров и протащило по земле.

— Не смей ко мне прикасаться, мразь! — прошипела я, наставив на него палец. По коже пробежали и ветвились маленькие молнии. — Никогда! Посмеешь хоть пальцем тронуть — клянусь, я тебя убью!

— Какая чувствительность, — процедил он, поднимаясь на ноги и потирая грудь, куда пришелся удар. Кажется, под обгоревшей одеждой имелся солидный ожог, но для опытного целителя это мелочи, вылечится за несколько минут. — А как же ты сдерживаться собралась, если змеи тебе так противны? Не боишься сорваться на ком-то из них?

— Мне противен *ты*, а не змеи. Удивительно, почему для тебя это вдруг стало новостью. Или ты всерьез полагал, что я, зная все, позволю дальше вытирать о себя ноги? Может, еще должна была упасть в твои объятия, увидев вновь?!

— Спаси меня Змея от такого кошмара! — криво ухмыльнулся Аспис. — Мне было достаточно одного раза, я умею извлекать уроки. Если...

Он осекся и недовольно скривился, а через мгновение и я услышала топот нескольких пар ног.

— Давай-давай, шевелись! — Веселый молодой голос подгонял кого-то невидимого. — Движение — это жизнь, это тебе не болота!

Я успела пожалеть, что очень слаба в иллюзиях и маскировке, а потом на поляну выбежали несколько молодых ребят. Впереди — рослый веселый блондин, который слегка подталкивал в плечо замученного и запыхавшегося Мангира, за ними — еще пара посмеивающихся ребят того же возраста.

— Оп-па!.. — только и сказал лидер этой маленькой группы, когда сбился с шага при виде нас, а потом и вовсе остановился.

— Нори! — увидел меня Мар. Конечно, обгорелая одежда стоящего неподалеку змея не осталась незамеченной. И, несмотря на явную усталость, юноша быстрым шагом приблизился. — С тобой все в порядке?

— Все хорошо, не волнуйся, — не удержалась я от искренней улыбки. Все-таки он очень хороший мальчик, всегда готов вступить за слабого. Я в защите не нуждалась очень давно, но порыв был приятен.

— Па? — хмурясь, обратился к Аспису блондин. — Что тут у вас происходит?

В этот момент я могла собой гордиться, ни один мускул на лице не дрогнул.

Прекрасно! Оказывается, у этой сволочи еще и счастливое семейство имеется! Да что там, наверняка имелось тогда, когда мы встречались, вряд ли этот тип вообще знает, что такое верность. Мне еще очень повезло, что Великий Змеелов тогда открыл мне глаза на змея! Одна из немногих вещей, за которые я благодарна старому коршуну.

И ведь похожи же, как можно было этого не заметить? Ну да, старший змей — частичный альбинос, так что цветом кожи и волос он заметно отличается. Но черты лица, даже манера держаться — ведь почти копия!

— Все нормально, — поморщился Аспис.

— Просто утренняя тренировка, — заверила я больше хмурого Мангира, чем кого-то еще. — Вы тоже бегаєте?

— Да вот Барес взялся за мою подготовку, — поморщился тот, кивнув на блондина. — Обещал даже драться научить.

О нет... Создатель, ты издеваешься?! Дори что, не могла найти во всей школе другого парня?!

— Ладно, догоняйте, — махнул один из компании, невысокий шустрый шатен, и нырнул под кроны деревьев чуть в стороне, четвертый из компании последовал за ним.

— Точно все в порядке? — спросил Барес. Кажется, в мои слова о тренировке молодой змей не поверил.

— Точно, Бес, иди, — отмахнулся от него отец.

— Аспис! — закричал в следующее мгновение тот самый шатен, что свернул на другую дорожку. — Наставник, сюда!

На крик мы кинулись все вместе. Не то чтобы в голосе змееныша звучала паника, но тон ясно говорил о том, что случилось нечто очень плохое.

— Сожри меня Змея!

— Забери меня Создатель!

Мы с Асписом высказались одновременно, из-за присутствия учеников удержавшись в рамках приличия. Хотя выругаться хотелось гораздо крепче.

У мощеной дорожки, гораздо более широкой, чем та тройка, по которой мы все бегали, на суку раскидистого старого дерева висело тело одного из молодых стражников, прибывших с учениками из столицы, чье имя я так и не удосужилась запомнить — сдала под начало Мрону и успокоилась. Того, что пониже и покрепче. Низко висело, так что ноги слегка подгибались.

Мелькнула мысль, что это могло бы быть и самоубийство. Мелькнула и пропала: нелепо ждать такого подарка от судьбы.

Ученики сгрудились вокруг нас, не подходя к телу. Несколько секунд стояла растерянная тишина — слишком неожиданное происшествие, чтобы вот так сразу сориентироваться. Потом я встряхнулась.

— Мангир, найди начальника этого парня, больше никому ни слова. Будем надеяться, он хоть что-нибудь понимает в расследованиях!

— Госпожа Неро, можно я помогу здесь? — вызвался Барес.

— Чем ты ему поможешь? — поморщилась я.

— Я кое-что понимаю в расследованиях.

— Читал много детективов? — хмыкнула нервно. Доверять сыну Асписа очень не хотелось, и я не могла понять, чего в этом больше — отвращения к папаше или здоровой осторожности.

— Нет, я этому учусь, — не обиделся молодой змей. — Я хочу быть следователем, это интересно. Сначала надо снять общий магический фон, чем скорее это сделаешь — тем лучше, больше шансов что-то найти. Я умею, правда.

Я напомнила себе одну простую истину, что дети за родителей не в ответе. Сколько раз уже сталкивалась с тем, что родственные связи не говорят ни о чем! Взять хотя бы Мангира с его родней — право слово, как будто подкидыш. Поэтому лишь махнула рукой.

— Снимай, только не наследу в процессе.

— Разумеется! Только мне бы лист бумаги, — Барес смущенно поскреб затылок.

Я смерила парня мрачным взглядом, а Аспис спросил:

— Обязательно бумага или ткань подойдет? Носовой платок, например.

— Давай! — обрадовался его сын.

Чар, которыми пользовался юноша, я не знала, но наблюдала за процессом весьма пристально. Насколько могла судить, они действительно не оставили никакого отпечатка в пространстве вокруг тела, а разобраться в подробностях хитрого плетения вот так, со стороны, не стоило и пытаться. Но все равно стало немного спокойней: как бы я ни относилась к парню, он явно знает, что делает.

— Кто тебя учил? — полюбопытствовала я. Могу ошибаться, но, кажется, Аспис разбирался в тех чарах, которые применял Барес, не лучше меня. Зарк?

— Он с нами не поехал, — ответил Бес с явным теплом и любовью к неизвестному учителю. — Стар уже для таких приключений, да и со странностями он, уже здорово не в себе: совсем не то, что нужно детям. Но он хороший, а я обещал самосовершенствоваться.

— А зачем же поехал ты?

— У меня тут... дело, — нехотя сказал молодой змей, бросив странный взгляд на отца. Тот поморщился, но никак не прокомментировал заявление. А я тем более не стала лезть, вряд ли дело это состояло в убийстве первого попавшегося под руку человека.

Все же интересно, где они жили эти годы? И ведь неплохо, надо полагать, жили. Спокойно. Все более сомнительной казалась мысль об отдельном острове или пещере и все более заманчивой — другая фантастическая идея: змеи как-то перебрались в другой мир.

Все межмировые порталы широко известны и неактивны. Змееловы тщательно следили за тем, чтобы кто-нибудь из соседей не решил вдруг снять карантин с не самыми лучшими намерениями. Вероятность этого, конечно, была невелика, для успешного вторжения требовались сообщники с этой стороны и согласованность действий, но орден предпочитал перестраховаться. Да и дар порталов — человеческий, так что змеи сами бы не справились. Хотя...

Я плохо помнила первые годы власти змееловов. Мне, ребенку, тогда казалось, что мир сошел с ума, и я не понимала, что происходит. Кто с кем сражался, за что? Я боялась болезни и совершенно озверевших от страха взрослых и больше пряталась, чем пыталась разобраться в происходящем.

Но если рассуждать здраво, ведь наверняка далеко не все люди легко приняли мысль о вредоносности змеев. Смешанные семьи существовали в огромном количестве, до появления змееловов никто особо не делился по расе и направлению силы. И это нормально — не отказываться от своих родных только потому, что кому-то там, наверху, они вдруг показались чудовищами. Какая-то часть порталщиков вполне могла принять сторону змеев и помочь им спастись... где-то. Главный вопрос — где? Мы граничим с шестью мирами, с каждым связаны только в одной точке, это непреложное правило. Все шесть я видела, порталами никто не пользовался. Выходит, где-то есть

седьмой?..

А ведь вывод-то совершенно очевидный. Странно, что подобное не приходило в голову раньше. Впрочем, разве я когда-то всерьез задумывалась об этом? Да, змеиное подполье всегда существовало, змееловы о нем знали и боролись — в основном, в больших городах, не распыляясь на мелкие поселки. Но его никогда не считали заметной проблемой, в ордене бытовало мнение о малочисленности и слабости змеев и их сторонников, о которых говорили на пыточном столе и сами пойманные змеи. Но, видимо, это была только макушка горы, уходящей корнями к самой Бездне, а мнение ордена... Великий Змеелов скрывал некоторые вещи даже от ближайших соратников, а борьба с подпольем никогда не была моей работой. Не удивлюсь, если мое — и подавляющего большинства змееловов — представление о ситуации весьма далеко от правды.

Тишина и труп отлично способствовали отвлеченным рассуждениям. И вскоре я уже почти не сомневалась, что пришли змеи из другого мира, который принял беженцев, но те все-таки мечтали вернуться. Или просто гостеприимство незнакомых соседей иссякло?..

— Вот Бездна! — высказался капитан, увидев труп. Старшего стражника звали Власт Цовер, это я выучила.

— Скажите, что вы знаете, что с этим делать.

— Ну-у... — неуверенно протянул стражник. — Теоретически — да. Но я ведь не следователь, я больше так, на побегушках...

— Прекрасно! — с сарказмом вздохнула я. — Значит, вы уже более осведомлены, чем мы все. Вот этот молодой змей может что-то знает про особенности следственной работы, он снял магические отпечатки. Нужно осмотреть здесь все и убрать наконец бедолагу, пока на него не наткнулся еще кто-нибудь из детей.

— Нужно, чтобы кто-то определил причину смерти, — заметил Цовер, осторожно подходя к телу и осматриваясь. Следов на траве не наблюдалось, поэтому ступал он уверенно, не боясь что-то испортить. — Дерево-то я, конечно, осмотрю, но по трупам... Мне кажется, его не веревкой убили, вон, видите, кровь на губах? Но это лучше бы профессионалу доверить.

— Отец может, — вставил Барес. — Он же целитель, да и в магии крови, если что, хорошо понимает.

— Твоему отцу еще предстоит ответить, чем он с утра занимался в саду, — бросила я мрачный взгляд на Асписа.

— Как и вам, госпожа змеелов, — криво усмехнулся тот.

— Он совсем холодный и уже окоченел, — вставил стражник. — Так что умер, упокой его Создатель, давно, ночью. И спрашивать надо, кто где был и кого видел ночью, а не утром.

— Па, а помнишь, ты вчера вечером сказал, что... — начал Барес оживленно.

— Я сказал, что неплохо бы закрывать поместье на ночь. И собирался это предложить, — перебил его Аспис. Сын озадаченно нахмурился, он явно хотел сказать что-то другое.

— Юноша? — Переглянувшись со мной, Цовер вопросительно уставился на змееныша.

— Ну да, так и сказал, — нехотя кивнул тот.

— Если вы не до конца понимаете ситуацию, то поясню: это убийство. — Стражник нахмурился. — И сокрытие информации...

— Вот, возьмите схему. А я лучше пойду, — оборвал его Барес, сунул в руки платок и, бросив мрачный взгляд на отца, зашагал прочь.

— Да, мы тоже, пожалуй, — невнятно поддержали его друзья.

— Помалкивайте об этом, — напомнила я, задумчиво наблюдая за Асписом. Тот проводил сына усталым взглядом, нервно потер ладонью лоб. Выглядел белый змей раздосадованным и мрачным, чему я только мелочно порадовалась.

— Да-да, конечно. Мар? — за всех ответил Рагрор.

Я кивнула в ответ на вопросительный взгляд парня, и все трое побежали догонять ушедшего друга.

— Господин Чарит, вы точно не хотите ничего больше добавить? — попытался достучаться до его здравого смысла Цовер.

— Точно, — резко кивнул змей и шагнул к телу.

— Стоять! — рявкнула я. За годы занятий с молодыми обалдуями командный голос выработался на зависть, даже змей послушался. Кажется, от неожиданности. Замер, резко обернувшись ко мне, прожег злым взглядом. — Не подходите к трупу... господин Чарит. Учитывая ваше поведение, я не могу доверить вам расследование.

— Что, хочешь доделать то, что не доделали твои коллеги? — криво усмехнулся змей. — Только теперь — повесив на меня убийство?

— Именно потому, что я не желаю на кого-то что-то вешать, к телу вы не подойдете. Сейчас я сообщу обо всем этом королю, и он пришлет достойных доверия людей для расследования.

— А как же тело? — Цовер не пытался скрыть облегчение от перспективы спихнуть дело на кого-то еще, но оказался слишком ответственным, чтобы прямо сейчас сбросить все на неведомого специалиста, который когда еще прибудет. — Вскрытие надо произвести пораньше, а пока там решат, кто этим займется, время будет упущено...

— С телом мы поступим следующим образом. У нас в поместье есть змея, умеющая работать со временем, глупо этим не воспользоваться. Найдем какой-нибудь сундук побольше, положим труп туда, она наложит чары заморозки времени, и ничего с ним не случится. Такой вариант устраивает всех?

Цовер одобрительно кивнул, Аспис смерил меня задумчивым взглядом, слегка наклонив голову к плечу, но тоже не стал возражать. На том и порешили.

Стражник попросил у меня один из мечей, чтобы отрезать веревку. Немного магии воздуха, и тело бесшумно и плавно осело в траву. Цовер присел на корточки, чтобы предварительно осмотреть и обыскать труп.

— Обратите внимание, — пробормотал он растерянно, задрав рубаху трупа. — Эта полоса...

— Да, капитан, я вижу, — ответила мрачно. — Очень похоже на следы змеиного тела. Вообще похоже на то, что его задушила огромная змея, которых у нас тут полная школа. Интересно, по какой надобности его понесло ночью в парк?

Я покосилась на Асписа — тот выглядел еще более хмурым и даже как будто потерянным. Точно ведь что-то скрывает. Или, вернее, кого-то покрывает. Кого-то из своих учеников? Или коллег?..

— Или его сюда принесли, — предположил стражник.

— Вряд ли кто-то тащил его от самого поместья, — возразила я.

— Не от поместья, да, но убили явно не тут, поблизости никаких следов. А если его и правда удушила змея, хоть что-то должно остаться, вряд ли он совсем не сопротивлялся. Смотрите, на ботинках трава и земля, под ногтями — тоже, одежда испачкана. Откуда бы его ни принесли, там все должно быть изрядно вспаханно.

— Вы хорошо его знали? Зачем он мог пойти в парк ночью? С кем?

— Создатель знает! — вздохнул Цовер. — Он был молчаливым, сдержанным, уравновешенным и скрытным, ни с кем особо не разговаривал. Но ничего подозрительного, просто характер такой. К змеям относился спокойно — с тем же равнодушием, как и к людям. Его потому и направили сюда.

— А женщины? — спросил Аспис. — С этим как? Были проблемы?

— Насколько знаю — нет. Надо Джедо спросить, может, он знает.

— Надо, — кивнула ему. — И еще попробовать найти, где бедолагу убили.

Может, зря я решила прибегнуть к помощи Сверты? Она выглядит безобидной и хрупкой, но это обманчивое впечатление, в обороте змея вполне способна справиться с мужчиной, особенно если будет стимул. Вряд ли она маньячка и фанатично ненавидит людей, но невооруженным взглядом видно, что с ней не все в порядке. Явно в прошлом есть какая-то психическая травма, и первым в голову, конечно, приходит насилие. И если стражник проявил к ней излишний интерес, змея вполне могла перестараться с самозащитой...

Хотя вряд ли она пошла бы после этого искать веревку и демонстративно подвешивать труп на дерево. Да и не втащила бы она его туда, не столько у нее сил и массы. А магия... таскать предметы по воздуху — прерогатива людей. Наверное, и в арсенале змеев можно отыскать подходящие чары, но тогда уж точно нельзя все это списать на аффект и самозащиту.

Нет, как бы ни хотелось простой и нестрашной развязки, преступник действовал сознательно, убийство предумышленное, спланировано заранее, и веревку он принес заблаговременно. И повесил труп с какой-то определенной целью. Запугать учеников и учителей?

Змея меня сожри! Да тут кому угодно мотив можно прикрутить, и возможность была у всех обитателей школы. И покрывать Аспис может любого из своих. Бесплезно гадать, нужны улики и следы.

Но осмотр трупа больше ничего не дал. Единственное, мы пришли к выводу, что бегал покойный, скорее всего, не на свидание, уж слишком просто был одет — легкие ботинки, штаны, рубашка. Скорее, всего лишь разминался, вот точно как я утром. Ночь — странное время для тренировок, но у каждого свои привычки.

— Капитан, скажите, а как у вас с иллюзиями?

— Попробую прикрыть, — сразу понял, о чем я, Цовер, однако уверенности в своих силах явно не испытывал.

— Неужели твоих талантов не хватит, чтобы скрыть один труп? — иронично хмыкнул Аспис. — Не поверю, что ты, со всем своим лицемерием, не разбираешься в иллюзиях.

— Моих талантов хватит на то, чтобы спрятать его окончательно и бесповоротно, развеяв пепел по ветру, — огрызнулась я. — А по лицемерию ты, конечно, большой специалист, кто бы спорил...

— Кхм! — Капитан пресек нашу перепалку в зародыше. — Не хочу мешать, но, может, вернемся к делу?

— Да, прошу прощения, — поморщилась я. — Пойдемте. Отнесем его в мой кабинет.

— Я приведу Сверту, — вызвался змей и, к счастью, оставил нас вдвоем. Втроем, если считать бедного мертвого парня.

— Норика, можно мне высказать одно замечание? — осторожно начал капитан, когда мы зашагали через парк. — Это ничего, если я так, по-простому?

— Да, пожалуйста, так даже удобнее, — махнула я рукой. — Дайте угадаю: это про Асписа?

— В общем да, — усмехнулся он. — Это не мое дело, конечно, что там у вас произошло, и я не имею права лезть, но... зря вы отказались от его помощи.

— Почему? — искренне удивилась я. Выбор темы всерьез озадачил, я ожидала скорее призыва к миру и спокойствию.

— Потому что, скорее всего, именно ему велит заняться всем этим его величество, когда вы доложите о происшествии. Господин Чарит пользуется не меньшим доверием и уважением короля, чем вы.

— В связи с чем? — совсем уж растерялась я.

— Я не имею права обсуждать подобные вещи. Точно так же, как не стал бы объяснять этому змею, почему его величество ценит вас, — заверил капитан. — Отправляя сюда вас и одобряя его, король был уверен, что в школе все будет в порядке. Боюсь, он понятия не имеет, что вы так близко и... болезненно знакомы.

— Прекрасно, — вздохнула я. — А вы — капитан не стражи, а особого отдела безопасности короны? Да бросьте, неужели я не понимаю, что приглядывать за нами не отправили бы обычного служаку!

— Нет, что вы. Такие люди его величеству нужны в столице, — улыбнулся Цовер. — Я действительно капитан королевской стражи. Давно. Очень давно. Его величество доверяет мне по простой причине: когда-то я учил его держать меч, да и вообще всяким солдатским хитростям. Но житейская мудрость и опыт в построении деревенских новобранцев — совсем не то, что может пригодиться в Релке. А тут я вроде вполне ко двору...

— Так, может, займетесь физической подготовкой этих змеенышей? — предложила задумчиво. — Я понимаю, что большинству из них умение бегать и драться даром не нужно, особенно каким-нибудь артефакторам с алхимиками, но...

— Пусть у них остается поменьше сил и времени на все остальное, да, — с иронией закончил за меня капитан.

— А что же вы сразу не сказали про свой опыт и намерение тут остаться, чтобы приносить пользу?

— Приглядеться решил, — пожал плечами мужчина. — Вы для меня тоже человек новый, впечатление с ходу произвели грозное, да и репутация у вас... сами знаете.

— Королевскому мнению доверяй, но проверяй? — понимающе кивнула я. — А Асписа вы, стало быть, знаете дольше?

— Присматриваюсь, он тоже непрост, — успокоил меня Цовер. — Покрывает кого-то, к гадалке не ходи. Но я не думаю, что там совсем уж злой умысел. И... вам бы обоим, для дела, полегче бы, а? Неладно это.

— Не в ближайшем будущем, — поморщилась в ответ. — Я понимаю, что со стороны это все выглядит глупо — взрослые люди не способны держать себя в руках и цапаются как подростки. Но мы, кажется, правда не способны.

— Может, вам попробовать подражаться, полегчает?

— Боюсь, тогда кто-то из нас умрет. Вряд ли его величество оценит такое безобразие на территории школы, нам более чем достаточно одного покойника. Кстати, а эти двое... они тоже какие-то особо доверенные люди короля?

— Нет, просто хорошие ребята из моих подчиненных, — удрученно качнул головой капитан. — Жалко парня. Мальчишка же еще совсем, чуть старше этих змеенышей.

— В любом случае единственное, что мы сейчас можем для него сделать, — это наказать убийцу.

— Пожалуй, — тяжело вздохнул Цовер.

Кажется, особого оптимизма по поводу расследования он не питал.

Глава 5

ПЫЛЬ НА ЧЕРДАКЕ

Пока мы дошли кружным путем через черную лестницу для слуг, Аспис со встревоженной и напряженной Свертой уже ждали возле кабинета. Рядом с ними стоял большой пустой сундук, невесть как доставленный. Впечатляющая расторопность...

При виде покойника брюнетка заметно побледнела и отвела взгляд, но и только. Когда мы все прошли в кабинет, она с явным облегчением занялась делом, сосредоточившись на сундуке. Даже о трупѣ почти забыла.

Всегда приятно наблюдать за работой мастера, а Сверта действовала настолько точно и уверенно, что профессионализм ее не вызывал сомнений.

Сначала под нашими любопытными взглядами змея исчертила внутренности будущего хранилища символами, для чего использовала принесенный с собой восковой карандаш. Затем, когда труп занял место внутри, а крышка захлопнулась, Сверта добавила вязь символов сверху и только потом принялась выплетать кружево чар. Умопомрачительно сложное, тонкое, легкое.

Все же она исключительно талантлива, почти гениальна.

— Потрясающая работа, — не удержалась я от замечания, когда змея, заметно утомленная работой, на шаг отступила от сундука, критически оглядывая дело рук своих.

Женщина бросила на меня недоверчивый взгляд, но, когда поняла, что сказано было всерьез, несмело улыбнулась.

— Спасибо.

— Власт, возьмете на себя пока расспросы? — обратилась я к капитану.

— Да, конечно. Вот сейчас и начну с Джедо.

— Хорошо. Я пока закрою территорию поместья для всех и само здание, чтобы школьники не топтались по парку. А потом попробую связаться с его величеством.

На том и разошлись.

Согласно данным охранной сети в парке сейчас было пусто — других любителей утренних пробежек не нашлось, и это к счастью. Пришлось сделать объявление на всю школу, что для проверки работы охраны здание будет закрыто до вечера, а по ночам — закрыто вовсе. Потому что после отбоя ученикам нечего делать даже в коридорах, не говоря уже о прилегающей территории.

Сразу король, конечно, не ответил. Но я была полна решимости все же дождаться и поговорить с ним, поэтому предпочла остаться без завтрака, чем пропустить ответный вызов.

Вообще, нам удивительно повезло с этим трупом. То есть сам факт насильственной смерти бедного парня, конечно, сложно назвать везением, но хорошо уже то, что наткнулась на него фактически я сама. Никаких лишних свидетелей и, что самое главное, никаких лишних следов, можно спокойно ждать следователя.

Мысли упрямо крутились вокруг смерти стражника, взгляд соскальзывал на приткнутый к шкафам сундук. Но я волевым усилием заставила себя сосредоточиться на бумагах. Все равно в расследованиях не понимаю ни змеиной чешуйки, вот и нечего лезть. Особенно при наличии вала работы, которую за меня никто не сделает.

По счастью, его величество все же вскоре нашел время.

— Доброе утро, Норика. — Голос прозвучал устало. Сложилось впечатление, что утро недоброе не только у меня. — Я не вполне понял, что случилось.

— Произошло убийство, убит один из тех молодых стражников, которых вы прислали с капитаном Цовером.

— Есть какие-то подозрения?

— Вот по этому поводу я и хотела обратиться. Нам бы следователя толкового и кого-нибудь, чтобы осмотрел тело и выяснил причину смерти. И время. Мы пока погрузили труп в стазис и закрыли парк.

— По поводу выяснения причины смерти обратиться к Аспису Чариту, он отлично справится с этой задачей и вполне достоин доверия, — подтвердил король предположения своего наставника.

— Он кого-то покрывает и явно замалчивает факты, — попыталась возразить я.

— Не волнуйся об этом, он все расскажет, если будет нужно. Аспис слишком принципиален и честен и ни за что не станет покрывать убийцу, — заверил Орлен. На мое скептическое хмыканье не обратил внимания или просто его не заметил. — А вот следовательно... — Он вздохнул. — С этим сложно. У меня совершенно нет свободных компетентных людей, достойных доверия.

— Что-то случилось? — сразу же насторожилась я.

— Ничего нового или неожиданного, — отмахнулся его величество. — Просто... некоторые осложнения. Верхушку ордена мы скovyрнули, но фанатики никуда не делись. Появление змеиной делегации спровоцировало беспорядки в столице, а надежных людей и без того не хватает. Да и в других городах волнения. Приходится переворачивать вверх дном половину Тверди. Извини. Как только станет свободнее, непременно кого-нибудь пришлю. А пока... Цовер опытен, вместе вы, думаю, справитесь. Но если ситуация выйдет из-под контроля, обязательно обращайся, что-нибудь придумаем.

— Конечно, ваше величество.

— Держи меня в курсе, — велел он и оборвал связь.

Несколько секунд я тарасилась на входную дверь, борясь с желанием швырнуть в нее иор. Ну или хотя бы сгусток каких-нибудь чар, просто чтобы сорвать злость.

Нет, его величество тоже можно понять. Порядок в столице и других крупных городах куда важнее горстки чудом уцелевших змеенышей на краю света. Это объективно, это правильно, и на его месте я тоже предпочла бы свалить мелкую проблему на чужие плечи, занимаясь крупной. В конце концов, даже если нас всех тут перережут, на мировом благополучии это не скажется, а вот продолжение братоубийственного безумия в городах может привести к настоящей катастрофе. Население и так слишком сократилось с момента прихода зеленой гнили, еще немного — и вообще никого не останется.

Но как же это злит! А больше всего — необходимость все-таки договариваться с Асписом.

Создатель, дай мне сил и выдержки в разговорах с этим змеем! Столько лет прошло, давно уже должна была забыть и успокоиться, но... Проклятье! Стоит на него взглянуть — и словно это было вчера. Мраморный стол, тело на нем и слова, которые стегают больнее плети. Той самой, которой меня за связь со змеем наказали мало не до смерти.

Опять скатиться в мрачные мысли не дал стук в дверь. После разрешения войти в кабинет шагнул Мангир.

— Я не вовремя? — Он вопросительно вскинул брови, видимо, что-то такое прочитав по лицу.

— Как раз наоборот, — встряхнулась я. — Проходи, садись. Будем думать, чему тебя учить.

— А это... то, о чем я думаю? — Парень напряженно покосился на сундук.

— Да, — не стала я врать на пустом месте. — Если тебя беспокоит подобное соседство, можно пройти в какой-нибудь учебный класс.

— Нет-нет, все нормально, — слишком поспешно заверил он.

Я смерила Мара взглядом. Вставать и покидать кабинет не хотелось, но...

— Пойдем, дельного разговора у нас так не получится.

Уходя, я набросила на сундук пару сигналок с сюрпризами, тщательно заперла дверь. Перестраховка, конечно, жуткая, но за годы двойной жизни, когда надо было выверять каждый жест и слово, точно зная, кому и что говоришь, я привыкла учитывать все.

С Асписом вот только эта привычка давала сбои, сожри его Долгая Змея.

ТЬфу! В Бездну белобрысого!

— Вот. А теперь давай думать, — решила я, когда мы уселись друг напротив друга в одном из небольших учебных классов. Чтобы меня не потеряли, выбрала кабинет поблизости и оставила дверь открытой. — Ты помнишь, к чему у тебя выявляли склонность?

Дар к магии есть у каждого смертного. У него существует две стороны, змеиная и человеческая, которые никогда не даются в одни руки и определяются богами, проявляясь в двенадцать лет или около того. Одарены все в разной степени и имеют разные склонности, обычно связанные с характером. Кто-то не способен держать мощные магические потоки, зато кропотлив и аккуратен и умеет вроде Сверты плести сложнейшие кружева. Кто-то наоборот — порывист, стремителен и может играючи сотворить несложное, но огромное по своей мощи боевое заклинание.

Последнее — про меня. В юности я была именно такой — горячей, импульсивной, склонной к управлению большими энергиями и весьма одаренной. Ничего удивительного, что в ордене из меня вырастили чисто боевого мага. Очень хорошего боевого мага, одного из лучших среди змееловов.

А порталы, бытовые чары — все это было освоено потом. Путем долгих, выматывающих тренировок, когда раз за разом тонкие плетения лопались в руках, перенасыщенные силой. Закономерно, что это сказалось и на характере, — я стала спокойней, выдержанней, виртуозно научилась лгать и притворяться.

Моя жизнь в этом смысле — наглядный пример прописной истины, что изначальная предрасположенность только задает самый легкий путь, а идти по нему или нет — личное дело каждого. Большинство смертных, порой весьма одаренных, вообще не выбирают магию своей специальностью. Они ограничиваются школьным минимумом, которого вполне достаточно для нормальной жизни, и посвящают себя другим занятиям.

Как и следовало ожидать, у ответственного и рассудительного Мангира обнаружилась склонность к точным наукам. И большое желание научиться сражаться.

— Мар, — осторожно начала я, — ты уверен, что тебе интересно именно это?

— Уверен, — хмуро кивнул он.

— И это никак не связано с твоим желанием защитить сестер?

— Связано, конечно! — подтвердил мои предположения парень.

— Тогда подумай вот о чем. Безусловно, достойное желание — научиться драться, научиться защищать тех, кто рядом, — сестер сейчас, или свою будущую семью, или хотя бы даже вступить перед хулиганами за случайную жертву. Но образование — не об этом. Это то, чем ты будешь зарабатывать себе на жизнь. Рутинно, скучно, каждый день. Ты уверен, что тебе будет интересно работать, скажем, стражником? Не решать какие-то интересные задачки, а патрулировать. Может быть, охранять людей где-нибудь на границе проблемных земель вроде Седой Плеши, день за днем монотонно сражаясь с лезущими оттуда тварями. Нет, я не говорю, что это плохое дело или ненужное. Но ты хорошо подумал? Это именно то, что нужно тебе?

— Д-да, — уже не так твердо кивнул Мангир.

— Давай ты еще подумаешь. В любом случае это дело будущего, пока нам с тобой светят азы и рутина. И начнем мы с начала. Давай пойдем, что ты помнишь и что умеешь, а там уже определимся.

Мучила я Мара долго, с перерывом на разговор с Цовером, но в итоге мы расстались удовлетворенные. Мы договорились, что теоретические, общие предметы он будет посещать вместе с сестрами и остальными новичками, потому что многое из этого за время жизни на болоте забылось, а вот практикой займется под моим чутким руководством. Потому что с этим у него все было гораздо лучше, чем с теорией: многое из того, что успел изучить в школе до побега, Мар активно использовал и потому совершенствовался.

Капитан же ничего путного не выяснил. Как и следовало ожидать, никаких врагов покойный стражник за несколько часов нажить не успел, никого из присутствующих не встречал прежде. Он даже не разговаривал за это время ни с кем, кроме Джедо, вместе с которым служил еще в столице. В вещах также не нашлось ничего примечательного.

Со слов приятеля, покойный был неконфликтным, сдержанным человеком. Неидеальным, конечно, но ничего эдакого Джедо за ним не замечал. Вечером стражник действительно отправился на пробежку, и это была его всегдашняя привычка: уверял, что так ему лучше засыпается.

По всему выходило, что бедолага оказался случайной жертвой. Вопрос — чьей?

Власт сам вызвался поговорить с Асписом об осмотре трупа, за что я была ему бесконечно благодарна, и поискать в парке следы. Обходить всю территорию, заглядывая под каждый куст, было, конечно, слишком долго, тем более в одиночку, но капитан, по собственному признанию, знал кое-какие полезные в этом деле чары и был готов попробовать. Пришлось вернуться в кабинет, чтобы договориться с охранным контуром здания и выпустить наружу самого Цовера и его

помощника.

На вводное занятие змеенышей собирали в одном месте. Учителей мало, учеников — тоже, с расписанием все пока мутно — какой смысл делить?

Кергала Аспису пришлось привести туда лично, перед этим накормив в его комнате горячей свежей едой. Наставник в очередной раз попытался объяснить, что воровать хлеб и прочие продукты на кухне нет никакой необходимости и уж тем более не стоит запасать их во всех щелях в комнате. Но молодой змей лишь напряженно косился на старшего и не слушал. Когда уяснил, что отнимать еду и потрошить запасы никто не собирается, расслабился и окончательно потерял к словам целителя интерес. Но тот не оставлял надежды когда-нибудь достучаться, тем более некоторый прогресс от его осторожных магических воздействий уже наблюдался.

Известие о том, что ночью во время его прогулки в парке кто-то умер, не вызвало у Кергала никаких эмоций. Только легкое недоумение в первый момент, а потом — полное равнодушие, когда змееныш понял, что лично его это никак не касается. И чем дольше Аспис пытался добиться ответа, тем яснее понимал: Кергал не имеет никакого отношения к смерти стражника. Даже если у него бывают помрачения сознания, которые выливаются в агрессию, даже если потенциально он способен на убийство, то точно не стал бы заниматься подвешиванием трупа.

Конечно, для очистки совести стоило уточнить, не происходило ли чего-то подобного в столице, а то вдруг в школу попал настоящий маньяк? Но Аспис не спешил задавать подобные вопросы, потому что не верил в опасность Кергала. Пусть он и не был специалистом в лечении душевных болезней, но кое-что знал и умел. И сейчас, ненавязчиво воздействуя на разум Кергала, наблюдая за ним, он не находил следов столь глубокого надлома в психике. Да, парню требовалась помощь, осторожное и долгое лечение с применением магии и зелий. Но болезнь была не настолько тяжелой и имела совсем другое направление.

На соучеников Кергал смотрел очень напряженно, старался держаться подальше от них и — неосознанно — поближе к наставнику. Кажется, начал к нему привыкать и выделять из толпы, что Асписа, безусловно, устраивало: упрощало работу со сложным пациентом.

На вводном занятии, которое взялся вести Зарк, у Асписа появился свой маленький повод для радости: отсутствие Норика позволило перевести дух. Да, с ней предстояло встречаться и разговаривать постоянно, и лучше бы привыкнуть поскорее, но любая передышка воспринималась змеем с облегчением.

Куда сильнее целителя начинала злить не сама Норика, а собственная реакция на нее. От одного вида госпожи змеелова руки сжимались в кулаки и хотелось сделать с ней что-то очень плохое. Давать себе в этом волю Аспис не собирался, да и не настолько он терял над собой контроль, но зато пытался сильнее ужалить словом. Получалось глупо, по-детски. Он сознавал это сразу, как заканчивалась очередная перепалка, обещал себе быть сдержанней, но стоило ее увидеть — и все начиналось сначала.

Однако облегчение от несостоявшегося скандала омрачало недовольство сына. Баресу не нравилось, что отец покрывает Кергала, он не пытался этого скрывать, и разговор на эту тему предстоял им в ближайшем будущем. Впрочем, скрывать от него что-то отец не собирался, просто пока не было возможности поговорить наедине.

Аспис, глядя на сына, часто недоумевал, как с таким панашей и с его воспитанием Барес умудрился вырасти настолько... хорошим парнем. Серьезный, разумный, честный и благородный — большой повод для гордости любого родителя. Аспис и гордился, но искренне полагал, что его заслуги в этом нет, за все стоит благодарить милость Долгой Змеи. А в последнее время его все чаще посещало странное ощущение, что это именно он в их тандеме — ребенок. Особенно после очередного столкновения с Норикой.

Знакомство обитателей школы прошло спокойно. Вскоре Фалин и Сверта, явно успевшие найти общий язык, собрали всех новичков и перебрались в другой кабинет, а оставшихся пришлось поделить между собой Аспису и Зарку. Первому сейчас досталась старшая часть группы, и занятие в общем-то пошло по привычному сценарию. Единственным отклонением от правил стал Кергал, который, свернувшись змеиными кольцами, забился в дальний угол и оттуда настороженно наблюдал за уроком. Но хотя бы не пытался удрать, и учитель пока махнул на него рукой. Такое бездействие тоже на пользу: хоть немного привыкнет к присутствию рядом посторонних.

Потом парень задремал, желтые глаза затянула мутная пленка третьего века. Это не удивило: Аспис уже заметил, что проблемный ученик вел ночной образ жизни и с утра клевал носом. И с этим тоже предстояло разобраться, просто позже.

— Можно тебя на пару слов? — предсказуемо не утерпел Барес и подошел, когда остальные

ученики отправились обедать.

— Садись, — махнул рукой Аспис и, дождавшись, пока все выйдут, прикрыл дверь.

Они устроились лицом друг к другу, а Кергал так и остался лежать в углу. На него младший змей бросил задумчивый взгляд, но настаивать на конфиденциальности не стал: понимал, что шпион из психически нездорового парня никакой.

— Зачем ты утром соврал? Ты же его видел, — в лоб спросил Барес, кивнув на спящего змея.

— Потому что я не сомневался, что он ни в чем не виноват, и теперь в этом убедился.

— Это не ответ на вопрос, — попенял младший, с укором глядя на отца. — Никто бы не стал сваливать эту смерть на первого попавшегося случайного прохожего.

— Я бы не был так уверен, — поморщился Аспис. — От госпожи змеелова можно ожидать чего угодно.

— А, ну да, мог бы догадаться! — страдальчески вздохнул Барес с таким видом, что его отец не удержался от усмешки. — Кому что, а лысому — бантик. Пап, ты извини, но создание Бездны она только в твоих глазах. И змеев она ненавидит не всех, а только тебя, как бы ты ни пытался доказывать обратное.

— Это ты с чего взял? — хмуро уточнил Аспис.

— Узнал от тех, кого она спасла задолго до появления короля. Включая, к слову, и близняшек, я уточнил сроки. Я уже много с кем познакомился, чтобы сделать этот вывод. Можешь, конечно, считать это предвидением и сверхпредусмотрительностью, но я с тобой не согласен. Тебе самому не противно, а? Такое чувство, что у меня появился несмышленный младший брат.

— Да, у меня... тоже такое ощущение, — кривовато усмехнулся целитель. Взъерошил короткие волосы, явно просто не зная, куда деть руки.

— Так все-таки, что у вас произошло?

— Да я тебе почти все рассказал, — устало вздохнул Аспис, на пару секунд прикрыл глаза, успокаиваясь, а потом заговорил спокойно и ровно — как говорил обычно: — Мы некоторое время... встречались. Сначала это просто щекотало нервы, хотя в серьезность опасности совсем не верилось. Она казалась такой искренней и теплой. Побери меня Создатель, очень сложно ждать подвоха от сильного узкопрофильного мага-боевика! Потом... Знаешь же, я всегда со скепсисом относился к этой твоей любимой теории про то, что как Змея и Создатель идеально дополняют друг друга, так и среди их творений есть парные души. А тогда, после нескольких встреч, я всерьез поверил, что вот это — она.

— Ага. То есть ты влюбился?

— Это мягко сказано. — Аспис качнул головой. — Я врагу не пожелаю таких чувств...

— Почему? — искренне опешил Барес.

— Они разрушают волю, сознание, лишают осторожности и здравого смысла. За что я в итоге и поплатился.

— А почему ты думаешь, что это именно она тебя сдала? Может, вас просто выследили?

— Она приходила ко мне в камеру и сама об этом сказала, — сознался змей. — На ее лице было такое отвращение... До сих пор передергивает, как вспомню.

Повисла неловкая пауза. У Беса было еще много вопросов, но задавать их парень пока не решался: сидящий сейчас напротив отец казался совершенно чужим, посторонним и незнакомым. У них случались порой разговоры по душам, но вот это... Остро ощущалось, что об этом Аспис не разговаривал никогда и ни с кем. Барес был озадачен и несколько смущен подобным доверием, а потому испытывал неуверенность — имеет ли право лезть глубже?

— А знаешь, что самое паскудное? — задумчиво проговорил белый змей, глядя куда-то сквозь стену, а может, и вовсе сквозь время. Вопрос явно не требовал ответа. — Я до сих пор к ней не остыл. Столько лет прошло... с ума сойти. Смотрю на нее — вижу ту камеру, и ненависть, и каждое слово помню. Наверное, меня потому так и корежит при каждой встрече, что одновременно хочется свернуть ей шею и поцеловать.

— Это... многое объясняет, — протянул Барес. — Во всяком случае, в твоём поведении. Странно, конечно, и я до сих пор не могу поверить, что разговариваю с тобой, а не книжку какую-нибудь

читаю, но... Понятно. А она?

— Что — она? — Аспис явно с трудом сфокусировал на сыне взгляд и вопросительно приподнял брови.

— Она за что тебя ненавидит? Я сначала предположил, что ты ей изменил, но в свете последних откровений...

— Да Создатель знает, — поморщился змей. — Потому что стерва.

— Ты извини, конечно, но ведете вы себя совершенно одинаково, — хмыкнул Бес. — По отдельности — разумные, взрослые, серьезные существа, а как сталкиваетесь — пух и перья во все стороны. С тобой мне вот теперь понятно, что за обида. А у нее? Ну вот только не надо опять про ненависть ко всем змеям, не верю!

— Понятия не имею, — растерянно пробормотал Аспис, и его сын не удержался от смешка — уж больно потешным стало выражение отцовского лица. Белого змея явно накрыло осознанием простого факта, что в этом конфликте есть две стороны и у второй тоже имеются какие-то причины так себя вести.

— То есть ты все-таки допускаешь, что она могла взъяриться не на ровном месте?

— Кажется, да. Змеиная кровь! С каждым днем в этой школе я чувствую себя все более нелепо...

— Почему-то мне кажется, что речь сейчас не только о госпоже Неро, — задумчиво качнул головой Барес. — Я что-то еще пропустил?

Аспис бросил задумчивый взгляд в угол, на Кергала, устало вздохнул и обреченно махнул рукой.

— В общем да. Раз уж от моего родительского авторитета и так остались одни воспоминания и видимость, почему бы не сознаться в еще одной собственной проблеме? Все равно скоро всплывет...

— Всплывет что?

— Этот парень — твой брат. По моей крови, — сознался змей с кривоватой ухмылкой. — Смейся-смейся. Я даже не буду говорить, что тут нет ничего смешного, потому что есть. Если бы Келю так не досталось по жизни, я бы тоже повеселился.

— Слушай, па, ты вообще в курсе, что в природе существует много способов избежать подобного? — через полминуты, отсмеявшись наконец, сумел выдавить Барес. — Ну там всякие зелья полезные, недорогие и вроде как простые в изготовлении. А еще сведущие в магии змеи, говорят, умеют контролировать процесс и не позволять...

— Бес, заткнись уже, — беззлобно фыркнул Аспис, поднимаясь из-за стола. — Хватит упражняться в острословии, я и без этого чувствую себя идиотом. Да и не тебе жаловаться на мои похождения.

— Молчу, молчу! — Тот выразительно поднял руки, признавая поражение. — А ты со всеми учениками уже познакомился? Больше у нас тут никаких родственников нет?

От дежурного подзатыльника парень с хохотом увернулся, а отец не стал гоняться за ним дальше.

Удивительно, но после этого разговора ему стало заметно легче. Не в отношении Кергала, а вообще. Змей так и не сумел толком сформулировать, в чем причина, да и не особенно старался, если честно. Наверное, просто приятно было посмеяться, отвлечься от мрачных призраков прошлого и дурных предчувствий, связанных со странной смертью в саду. Или поделиться с кем-то тем, что гложет.

А Кергал... Да, ситуация вышла глупая и достойная попасть в сюжет какой-нибудь пьесы. Да, избитого жизнью змееныша было очень жаль. Да, сейчас Аспис ощущал за него ответственность и полностью брал ее на себя. Досадно, конечно, что судьба не свела их раньше, — может, тогда жизнь этого парня сложилась бы не столь трагически. Однако совесть не мучила целителя: младенца-то ему никто не предъявлял, о беременности случайные любовницы не сообщали, и какой прок сожалеть о том, что ты в принципе не мог изменить?

Баресу же быстро надоест ехидничать, а больше насмеяться и некому. Госпожа змеелов выводит из себя одним своим существованием, и не играет особой роли, что именно она говорит. Фалин слишком осторожен и тактичен. Зарк если и посмеется, то про себя, — они не настолько дружны, а Сверта... Эту бедную девочку Аспис готов был смешить вполне сознательно, хоть на голове для этого стоять, лишь бы улыбалась.

Она оказалась слишком слабой и хрупкой, чтобы выдержать все, что обрушил на ее голову Создатель, и — сломалась. Целители, конечно, сделали все что смогли и даже больше, но эта ее

хрупкость и уязвимость никуда не делись. Асписа не связывали с ней никакие кровные узы или близкие отношения, только глубокое чувство жалости. И ответственность целителя за сложного пациента, помноженная на заботу о слабейшем существе, находящемся под его опекой, — ту же, какую мужчина проявлял ко всем ученикам.

Но не об этом всем думал белый змей, пока будил новообретенного сына, заставлял принять человеческий облик и тащил сонного парня в столовую, чтобы накормить нормальным обедом. Мысли его занимала госпожа змеелов. И неожиданный взгляд на нее стороннего наблюдателя.

Ведь, если откинуть пустые эмоции, Барес совершенно прав. Норика очень предметно и очень определено на него зла. Может, поэтому и сдала — отомстила. Но Аспис и представить не мог, за что? Чем обидел, что сделал не так? Измена действительно подошла бы идеально, но у него-то тогда даже мысли о подобном возникнуть не могло! Он вообще ничего не видел, кроме серых, цвета осеннего неба, глаз. Широко открытых, полных искреннего восторга... а потом — не менее искреннего отвращения.

Могла ли она играть? Лгать и притворяться все это время, пытаясь что-то узнать? Разум твердил — могла и делала. А сердце до последнего не верило. Когда она пришла в камеру, когда наотмашь била словами. И все эти годы, когда казалось — забыл, продолжало глупо надеяться.

Да, он тогда и в мыслях не мог допустить, чтобы обидеть эту женщину, и никакой вины за собой не помнил, как ни старался. Но это же было не только их личное дело, а политическое. Если бы Великий Змеелов узнал, что одна из его учениц посмела спутаться со змеем, он бы точно не оставил это просто так, постарался разрушить — с гарантией, чтобы не допустить повторения.

Почему Аспис даже не подумал о таком варианте, как вмешательство посторонних? Долгая Змея знает, что мог этот старик наговорить — и сделать — Норике тогда! Да, это Аспис ни за что не поверил бы чужим словам, он и своим глазам до последнего не верил. Но то он, а не наивная и искренняя девчонка, которая больше всего жалела, что не может стать артефактором, и совсем не хотела сражаться.

Великий Змеелов очень хорошо умел манипулировать людьми. И при желании... о да, он бы придумал, что и как сказать и показать, чтобы добиться послушания и избежать повторения!

К концу обеда Аспис окончательно прозрел и преисполнился решимости поговорить с Норикой при первом удобном случае. Но тот не спешил представиться: целителя перехватил капитан Цовер и попросил заняться трупом. Госпожи змеелова в этот момент в кабинете не было, и змей заставил себя отвлечься от мыслей о ней. Убийство в школе все же важнее старой истории, которая ждала своего развития столько лет и прекрасно подождет еще несколько часов.

Здесь все было не так. Странно. Непонятно. Ново. Большая ловушка, из которой нет выхода? — Он знал, всю ночь проверял. Свобода маячила совсем рядом, но невидимая стена не пускала. Он уже сталкивался с такими — и уходил, потому что ничего не мог сделать. А сейчас стена была вокруг.

Внутри стены кормили. Досыта, сколько угодно, но днем. И ели все вместе, и его сажали — с ними. Тарелки летали сами собой, но за ними не надо было прыгать, это он понял очень быстро. Страх привлечь чужое внимание был превыше желания набрать и спрятать побольше еды на тот период, когда кормить перестанут. Страх заставлял наблюдать, учиться, маскироваться и прятаться. Посреди полной чужих большой комнаты.

Странное чувство: кругом полно народу, но все они как будто не видят, совсем не замечают его. Настолько странное, что даже не верится собственному чутью.

Большой белый мужчина, от которого почему-то пахло безопасностью, пытался объяснить, что еду вообще не надо прятать. Кергал, конечно, не верил, но запасы не отняли — и то хорошо.

Мужчина пытался разговаривать. Нет, пытался разговаривать его. Но не заставлял, и Кергал молчал. Говорить он умел, хорошо понимал, о чем говорят вокруг, но не хотел. Зачем? Это они пусть говорят, а ему и так неплохо.

Мужчина зачем-то таскал Кергала за собой. Тому это не нравилось — слишком много света, слишком много людей. Опасно, страшно. Но неожиданно удалось даже вздремнуть, а потом белый вдруг отвязался.

Оказавшись предоставленным самому себе, Кергал поначалу не поверил такой удаче. Правда, на этот раз не получилось выбраться даже за пределы огромной каменной коробки дома. Тогда он решил найти уютное, тихое место тут. Большая каменная коробка комнаты ему не нравилась — незнакомые, странные запахи, снова много света, много пустого пространства. Негде спать, а спать в слабом двуногом теле он боялся.

Сначала Кергал попытался отыскать ход в подвал, но ничего не вышло, там путь вновь преградила упругая прозрачная стена. В конце концов молодой змей нашел прибежище в дальнем углу чердака. Там, наверху, было много пыли, немного хлама и больше ничего. Пахло теми, кто совсем недавно тут топтался, ворошил пыль и вынес какую-то часть вещей, бросив совсем уж негодное. Здесь было хорошо, полустертые запахи успокаивали. А еще было тихо и темно, свет попадал через несколько мутных маленьких оконцев и не резал глаза, за годы совершенно от него отвыкшие. Обычно у Кергала на ярком свете они вообще начинали сильно слезиться, но в последнее время почему-то перестали. Просто было странно и непривычно.

Забившись в угол, он некоторое время перетекал кольцами змеиного тела, пытаясь найти удобное положение, но почему-то не получалось. Через некоторое время вдруг понял, что ему просто хочется побыть в двуногом состоянии.

Ощущение это оказалось таким же новым, как все остальное, но не страшным: себя-то парень не боялся, да и давал себе иногда труд размять это тело. Просто чтобы не забыть, каково это — пользоваться руками и ногами. Потому что иногда это было необходимо там, где змея оказывалась бессильна и требовались ловкие пальцы.

Перекинулся, прислонился спиной к стропилу, сидя на одной из потолочных балок. Было неудобно, но почему-то хорошо.

Вскоре слух уловил шаги, но опасности в них не ощущалось — слишком невесомыми они были и звонкими, чтобы нести угрозу. Лишь вызывали легкое недовольство: Кергал хотел побыть в одиночестве.

А потом из-за большой трубы — шахты вентиляции — появилась маленькая детская фигурка. С одной стороны, парень окончательно расслабился, потому что никакой опасности ребенок не представлял. Но с другой — расстроился, потому что дети всегда производили много шума. А шум Кергал не любил.

— Привет, — проявила вежливость девочка. — А я тебя помню, ты дурачок! — заявила она. И уставилась с интересом, ожидая ответа.

Кергал только неопределенно повел плечом: его совершенно не беспокоило, что о нем говорят. Значение этого слова знал; знал, что оно негативное, так обычно ругались. Смутно помнил, что так называют беззащитных, глупых и слабых. Себя он таковым не считал и потому не видел смысла обращать на это внимание.

— Ты здесь от кого-то прячешься? — продолжила любопытствовать она. Потом догадалась: — Тебя обижают! Тогда об этом обязательно надо сказать учителям. Если ты стесняешься, давай я скажу!

— Нет! — тихо каркнул Кергал.

— Да ты не бойся, они очень строгие, они быстро порядок наведут!

— Не надо. Не обижают. — Голос звучал сипло, неприятно, и парень сам морщился от этого звука.

— А почему ты тут сидишь?

— Хочу. Тихо.

Почему-то этой девочке было гораздо проще отвечать, чем отмалчиваться. Кажется, в глубине души он понимал, что отсутствие реакции с его стороны принесет куда больше беспокойства.

— А, тогда понятно. Мне тоже иногда хочется побыть одной, влезть куда-нибудь, посидеть там. Вот как сейчас. Только Шелет — это мой брат — не пускает. Я его люблю, но он такой противный иногда! Ну как все мальчишки. Ну ты знаешь.

Дальше, убедившись, что случайный собеседник не нуждается в помощи, она трещала почти без умолку, к счастью, не требуя от парня никакой реакции. Рассказала, что ее зовут Оташа, как ей хорошо тут, но скучно одной. Какой хороший, но строгий и строящий из себя взрослого у нее брат. Как они прятались в городе, сбежав из приюта, но недолго, потому что их быстро поймали. Как хорошо и как плохо было в приюте. И как одна противная девочка постоянно ее задирала, и какая у нее была подруга...

При этом она постоянно двигалась. Прыгала с балки на балку, совала нос в груды мусора, фыркала и чихала, комментируя увиденное.

Эта болтовня и возня Кергала не раздражали, даже добавляли чердаку уюта. Как шелест дождя, как крики птиц, как шуршание и возня крыс. Просто движение жизни рядом, дающее понять, что мир — вот он, здесь, что он существует. Большой и обитаемый, не ограниченный маленьким

каменным мешком.

Под болтовню Оташи Кергал погрузился в легкий поверхностный сон — состояние, в котором он проводил основную часть времени, не занятого поиском пропитания.

Сон нарушился внезапно резким, пронзительным хрустом и испуганным вскриком. Кергал сорвался с места на каком-то непонятном инстинкте, не думая и только в прыжке окончательно проснувшись. Движение оказалось настолько стремительным, что парень успел поймать девочку, под ногой которой проломилась одна из досок, до падения.

Нет, конечно, когда он ее поймал, стало понятно, что ничего особенно страшного и непоправимого не произошло бы в любом случае, потому что дырка получилась небольшой и Оташа просто застряла бы в ней. Напугалась бы сильнее, может, даже сломала себе ногу, но не больше. Однако не бросать же ее теперь!

Змей подхватил ребенка под мышки и аккуратно поднял, поставил на балку. Девочка почти ничего не весила — маленькая, худенькая, долговязому жилистому парню она была немногим выше пояса.

— Ух ты! Какой ты быстрый! — Восхищение мгновенно вытеснило в энергичном и неугомонном ребенке страх.

— Неуклюжая! — хмуро ответил на это Кергал, поставив девочку на балку. — Не прыгай.

— А вот хочу и буду! — возмутилась Оташа и из вредности пару раз подпрыгнула на месте. Парень в ответ только пожал плечами и легко, бесшумно двинулся прочь. — Ну постой, я же пошутила! Ну не сердись. Ну давай во что-нибудь поиграем? Мне просто очень-очень-очень скучно! Ну пожалуйста! — Она догнала, поймала его за руку. Кергал вздохнул и обернулся. — Во что ты хочешь поиграть? Во что умеешь?

— Ни во что, — коротко ответил он.

Замешательство девочки было недолгим.

— Пойдем, я тебе свою Плюшу покажу! Это кукла, она у меня давно, еще от мамы. Я, правда, маму совсем не помню, я маленькая-маленькая была, когда она умерла. Шелет помнит... А у тебя есть мама? Ты ее помнишь?

— Нет, — уронил змей.

Кергал вообще мало что помнил, кроме подвалов и смрадных труб канализации. Какие-то люди и места, но так размыто и нечетко, что эти размышления проще было отогнать, чем сосредоточиться на них. Казалось, он появился на свет уже там и там вырос, один. Иногда задумывался, что, наверное, у него тоже были родители и не мог он попасть под землю совсем ребенком, непременно погиб бы. Но думать об этом было неприятно, потому делал это парень редко.

Вот имя свое Кель помнил отчетливо и очень по-разному. Красивый, теплый женский голос, который произносил его мягко, чуть картавя. Еще один женский голос, визгливый и резкий, от которого зудело в зубах. Мужской рык — низкий, хриплый, злой... Голосов было несколько десятков, они мешались в голове, но особого вреда не причиняли, только звали по имени. Иногда, где-то на границе сна и яви.

Сны Кергалу снились, очень часто полные каких-то событий, но после них оставались только смутные отголоски ощущений — грусть, радость, страх, удовольствие.

— Это очень грустно, когда дети не знают своих родителей, — серьезно сказала Оташа, кажется, повторяла за кем-то из взрослых. — Но обязательно должен быть кто-то, кто тебя любит. У меня вот Шелет есть. Правда, вредный, но я его тоже люблю, он же обо мне заботится. А у тебя кто-нибудь такой есть?

— Нет, — уверенно ответил Кергал. У него был только он сам, и змея это вполне устраивало, но вдаваться в подробности не хотелось.

— Плохо, — строго качнула головой девочка. — Давай я буду тебя любить и заботиться! Хорошо? Пойдем!

Идея захватила ее полностью. Оташа привела нового друга к себе в комнату, усадила, тут же притащила игрушки, которых у приютской девочки было совсем мало. Собственно, та самая кукла Плюша — потертая, с заметно поредевшими волосами, пухлощекая, одетая в выцветшее и кое-где криво залатанное платье; несколько маленьких человечков из шишек, которых мастерил брат, а сама Оташа украшала одежками из обрывков тканей; фарфоровая статуэтка кошки с отбитыми лапой и ухом.

Девичьи сокровища Кергал перебирал бережно. Никакого трепета змей не испытывал, но он очень хорошо понимал значение слова «чужое» и старался без нужды не оставлять следов, чтобы не привлекать внимания.

А сама Оташа, продолжая болтать, взялась за гребешок.

Когда Кергала отловили, его, конечно, и не думали приводить в порядок, просто нацепили ошейник и бросили в камеру. Потом, когда парня там нашли и выяснили, кто он такой, отмыли, переодели, подстригли ногти и волосы. Наверное, проще было бы побрить налысо, но женщина, заботам которой поручили всех спасенных из орденской тюрьмы змеенышей, почему-то пожалела их и предпочла выдержать короткую напряженную борьбу с насекомыми в детских головах, одержав в итоге сокрушительную победу. Поэтому Оташе сейчас было где развернуться: светлые волосы парня, собранные в хвостик каким-то шнурком, спадали до лопаток.

Издевательство над своей шевелюрой Кергал терпел стоически, задумчиво вертя в руках шишечного человечка. Девчонка его почему-то по-прежнему не раздражала. Она не несла никакой опасности, а ее действия воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Было во всем этом что-то уютное, правильное.

— Ну вот, совсем другое дело! — решила Оташа. Городить прически она, конечно, не стала, как бы ни хотелось, — все же мальчик. Но косу, не удержалась, заплела, тем более она и взрослых мужчин видела с такими прическами, и ничего. Завязала, правда, своей ленточкой. Но зеленой, вполне по-мужски.

Улыбнувшись, девочка порывисто обняла парня — такой, сидящий прямо на ковре, он был как раз немного ниже ее, выходило очень удобно.

— Таша! — Резкий окрик разрушил идиллию — как раз в этот момент на пороге появился Шелет. Схватил девочку за плечи, рывком отодвинул и сунул себе за спину, удерживая одной рукой, чтобы не наделала глупостей. — Не трожь ее, ты, урод!

О том, что он сейчас кричит на того, кто старше и гораздо сильнее, встревоженный мальчишка не подумал. К счастью, Кергал не привык с кем-то драться и вообще сталкиваться, в напряженной ситуации он предпочитал сбежать. Что сделал и сейчас. Мгновение — и по полу к настежь открытой двери скользнуло длинное змеиное тело.

— Кель, подожди! — закричала Оташа и принялась стучать брата по спине свободной рукой. — Пусти! Что ты наделал! Зачем ты его обидел?!

— Таша, он псих! Это взрослый мужик, он мог тебя обидеть! — Шелет осторожно перехватил запястья сестры. — Он тебя трогал!

— Это ты псих ненормальный! — Лицо девочки мгновенно покраснелось и стало мокрым от слез. — Пусти! Он ничего не сделал!

— Что тут у вас за шум? — в приоткрытую дверь заглянул Фалин. — Шелет?

— К ней лез этот псих, которого в ошейнике привезли, я спугнул...

— Ничего он не лез, я сама его позвала! — закричала Оташа и прицельно брыкнулась. Попала под колено, брат охнул и от неожиданности разжал руки, но кинувшуюся к выходу девочку перехватил учитель.

— погоди, Таша, давай ты успокоишься и расскажешь, что случилось, хорошо? — мягко заговорил он с девочкой. — Все равно, смотри, там никого нет. Где ты будешь искать этого парня?

Последний довод оказался решающим. Оташа, всхлипывая, обмякла, и мужчина осторожно подтолкнул ее обратно в комнату, к обиженному брату, который сидел на краю кровати и потирал ушибленное колено.

— Садись и рассказывай, что тут у вас случилось.

— Этот идиот... — начал Шелет, но Фалин, бросив ободряющий взгляд на задохнувшуюся от возмущения девочку, оборвал:

— Шел, твоя точка зрения ясна, я хочу сначала послушать твою сестру.

Парень надулся, а Оташа приободрилась от поддержки учителя и, тараторя, вывалила на него всю историю недолгого знакомства с Кергалом. Шелет, который уже понял, что здорово погорячился, совсем надулся и нахмурился, расстроенный.

— Он хороший, понятно? — возмущенно подытожила Таша, глянув на брата. — Хороший, добрый и

совсем один! А ты на него накинулся и обидел! А он меня спас! А ты!..

— Ну тихо, не горячись, — перебил Фалин уже ее. — Твой брат уже согласен, что поспешил с выводами. Не сердись, он просто очень за тебя испугался, и он уже понял, в чем был не прав. Ведь понял же?

— Угу. Надо было сначала разобраться, — проворчал тот. — Только, может, пока я бы разбирался...

— Ладно, не ворчи, — примирительно попросил учитель. — Случилось и случилось, что теперь кричать. Лучше подумать, как все исправить.

— Нечего с ним общаться, — еще больше насупился Шелет. — Дурак.

— Сам ты... — опять вспыхнула сестра, но Фалин успел перебить:

— погоди, Таша, криком и оскорблениями ты ничего не добьешься, только сама расплачешься. Давай мы твоего брата попробуем для начала переубедить спокойно.

Оташа обиженно показала брату язык и подвинулась поближе к учителю, даже, подумав, поднырнула под локоть, и Фалин ободряюще обнял ее за плечи.

— Давай разбираться. Почему ты его обзываешь?

— Я не обзываю, он правда дурак. — Шелет явно смутился и уже жалел о своем упрямстве.

— Некоторые проблемы у него точно есть, но разве это повод ругать и прогонять? Сам подумай, тебе было бы приятно, если бы тебя прогнали откуда-то и накричали из-за того, что ты сирота? Кергал не виноват в том, что с ним случилось, ему здорово досталось в жизни, и сейчас ему требуется помощь. Не только учителей, но ваша тоже. Аспис говорит, что шансы на выздоровление есть, просто нужно время и терпение.

— А это точно не он убил того человека? — напряженно спросил парень.

— Кергал точно никого не убивал, — уверенно ответил Фалин, нахмурился. — Откуда вы вообще взяли эту историю про убийство?

— Не помню, ребята болтали, — пожал плечами Шелет. — А что?

— Не важно, — отмахнулся учитель. — Ну что, попробуем найти Кергала и извиниться?

— Давайте, — без особого воодушевления, но и без явного принуждения согласился Шел.

Он и так чувствовал себя виноватым, а уж после обличительной речи учителя — тем более. Тот факт, что Фалин разговаривал спокойно, не ругался, как обычно бывало в приюте, а пытался объяснить, смущал чрезвычайно, заставляя чувствовать себя особенно глупо.

Глава 6

ТРЕЩИНЫ ВО ЛЬДУ

Кажется, у меня получилось быть убедительной: Великий Змеелов разрешил последнюю встречу со змеем, когда я сказала, что хочу напоследок насладиться его беспомощностью и пожелать мучительной смерти. Во мне клокотало столько злости и ненависти, что у наставника не возникло и тени сомнений.

Камера смертника выглядела откровенно убого. Каменный мешок с крошечным оконцем над потолком, забранным частой толстой решеткой — такой, что и пальцы не просунуть. В углу — грязное ведро, у стены — деревянные нары. Сырость и каменный холод. Все.

Посчитав это недостаточным, змею сковали руки и надели блокирующий ошейник. Аспис вытянулся на досках, безучастно пялясь в потолок, и даже не вздрогнул, когда лязгнул засов и открылась дверь, впуская меня внутрь. Не было даже иллюзии приватного разговора, окошко в двери оставалось открытым, и конвоир стоял за ним. Не вошел внутрь он не из соображений такта, просто не поместился бы — здесь одному-то было тесно.

Я остановилась у койки, с непонятной самой себе жадностью разглядывая бледное лицо, убогую робу и штаны. Даже сейчас, даже в блокирующем ошейнике, обессиленного, обреченного — я все равно находила его красивым. Смотрела и видела не холодное равнодушное лицо, а смеющиеся глаза и теплую улыбку.

Неужели все — ложь? Все, до последнего слова?

— Ненавижу тебя! — выдохнула резко.

Аспис вздрогнул от неожиданности, сел, поднял на меня полный недоверия взгляд.

— Безобразная, противная Создателю тварь!.. — выплюнула, судорожно сжимая кулаки и едва не рыча.

Я говорила и говорила. Выплескивала ярость, боль, обиду и — страх. Почти не понимала собственных слов, не отводила взгляда от хмурого лица и будто подернувшихся ледяной коркой глаз, стараясь запомнить каждую черточку, наглядеться впрок. В любом случае это наша последняя встреча.

А потом ударила. Конвоир за дверью испуганно вскрикнул, сидящий мужчина инстинктивно закрылся руками. Живое пламя плеснуло во все стороны, словно вырвавшись из-под контроля. Лизнуло потолок. Омыло решетки. Хлестнуло живую плоть и опутанный магией металл на ней.

Через несколько мгновений все стихло, сработала защита и оборвала магические потоки. Меня выволокли прочь, не давая видеть, насколько сильно пострадал змей, а главное — его оковы. Да я не особенно рвалась, душу спеленало безразличие ко всему.

Был всего один шанс, и я его использовала, а дальше... Змеи живучи, и, если немного повезет, Аспис сумеет снять ошейник и просочиться через испорченную решетку.

Как бы ни была я обижена, как бы ни горели в памяти клеймом жестокие слова, но я все еще его любила. Презирала себя за это, но не могла не попытаться помочь. Потому что даже такое предательство не заслуживало смерти на костре.

Все дальнейшие события в памяти были подернуты дымкой. Я помнила свист и удары кнута, которым меня наказали за связь со змеем, но не помнила боли. Помнила голос Великого Змеелова, сообщившего о казни белого змея, но не помнила своих слез и тоски. Помнила карцер и почти не помнила чистую палату госпиталя, куда меня отправили оттуда. Туман украл почти год моей жизни.

Много позже я поняла, что все это время меня пичкали какими-то зельями, но тогда это казалось благом. А потом в орден вернулась совсем другая Норика — послушный наставникам равнодушный боевой маг с выгоревшим нутром и чувствами, который ради развлечения изучал порталную магию. На долгие годы непрерывной войны, до того, как меня отправили ловить змеенышей.

Не я их спасала, они — меня. Вернулись чувства, желания, надежды. Робкие и совсем не те, что были прежде, но я была благодарна Создателю за этот шанс, без которого меня бы уже не было.

Я наконец-то навела порядок в расписании, которое получилось плотным для всех учителей. Постаралась учесть все — и разный уровень подготовки змеенышей, и Мангира с его

индивидуальным обучением. Самую большую проблему представлял собой Кергал, который не вписывался никуда. Аспис не мог таскать его с собой постоянно, а даже если и мог, я просто не понимала, какая в этом польза парню и нет ли вреда остальным. Но и вмешиваться не хотелось: белый змей наверняка знал, что делал, а я не приучена лезть в чужие дела. А учитывая, чьи именно это дела, все неизбежно закончится скандалом. В итоге просто поставила напротив имени парня жирный знак вопроса и пару раз его обвела.

Как раз в этот момент в дверь постучали. К моему облегчению, это оказался рыжий специалист по проблемным детям — один из тех местных обитателей, кто вызывал безусловную симпатию и даже немного поднимал своим видом настроение.

Однако новости он, как оказалось, принес не самые приятные.

— Привет. Не очень занята?

— Привет. Что-то случилось?

— Зашел сообщить, что ученики в курсе убийства, — ошаршил меня Фалин.

— Откуда?! И ты — откуда?

— Мне Сверта пожаловалась за завтраком, а они — понятия не имею. Я пробовал выяснить, но так и не нашел, откуда взялся слух. Все говорят, мол, кто-то обсуждал. Те ребята, которые нашли тело, уверяют, что никому не рассказывали, и я им верю. Может, обсуждали между собой, а кто-то подслушал, разнес и теперь стесняется признаться? В любом случае теперь вся школа знает.

— И как реакция? — вздохнула я. Ругаться и искать виноватых действительно уже поздно, оставалось как-то жить с тем, что есть.

— Большинство этих детей сложно чем-то напугать, — развел руками Фалин. — Но все, конечно, взволнованны. Успокоить бы их...

— На ужине попробую объяснить, что все под контролем, — вздохнула я и добавила себе под нос: — Хотя врать, конечно, нехорошо...

— О чем ты?

— Его величество не пришлет нам следователя, они все нужны в столице.

— То есть как? — опешил Фалин. — А как же убийца?!

— Будем ловить своими силами. — Я развела руками. — Власт немного понимает в расследованиях, он сейчас и пытается что-то выяснить. Я так поняла, король ему доверяет и считает, что он компетентен. Или уж всяко не хуже тех людей, которых нам могут выделить.

— Погоди, но разве так можно? — совершенно растерялся рыжий. — Мы же не специалисты! А как же труп? Тоже... своими силами?

— Представь себе. Его величество отправил с этим вопросом к Аспису, наверное, он сейчас как раз над этим работает.

— Ясно, — вздохнул Фалин. — Как думаешь, зайдет рассказать? Просто он мне нужен, тут с его воспитанником небольшая неприятность случилась. Ничего серьезного, но, думаю, ему лучше знать.

— Понятия не имею, — поморщилась я в ответ. С одной стороны, конечно, причину и точное время смерти бедолаги знать хотелось, но с другой — я не испытывала никакого желания лишней раз встречаться с белобрысым. — Ладно, давай я пока покажу, что напланировала, заодно, может, дождемся.

Дождались мы всех. Сначала заглянули Сверта с Зарком, которые интересовались учебным планом, и мы быстренько утрясли последние детали, потом — и Цовер вместе с Асписом.

Поскольку помощь со стороны нам не светила, оставалось разбираться со всем узким кругом учительского состава, и Цовер без возражений принялся за рассказ.

Веревку для повешенного убийца, кажется, принес заранее, прихватив из комнатки с хозяйственным инвентарем, расположенной в глубине сада под беседкой, — там у Мрона ее было предостаточно, от мотка и отрезали кусок. Сделать это мог кто угодно, дверь запиралась на щеколду. На дерево покойника подняли магией, следов от веревки на коре почти не осталось, но остатки чар убийца тщательно затер, не удалось даже определить стихию.

Место смерти стражника капитан обнаружил неподалеку от дерева с трупом, на обочине дорожки. Но проку от этого тоже оказалось немного. Профессиональных следопытов, способных по примятой траве восстановить события с высокой точностью, в нашем распоряжении не было, а Власт сумел лишь определить наличие следов борьбы и волочения до дорожки. Магический фон снял тем же заклинанием, которое использовал Барес, но полученные картинки позволили только в очередной раз убедиться, что наш убийца — удивительно предусмотрительный и аккуратный тип. Я только обратила внимание, что у молодого змея рисунок получился точнее и подробнее, а у капитана — немного размытым. То ли времени прошло много, то ли дело в умении. И если последнее...

Может, привлечь к расследованию парня? Неплохо соображает, многое умеет, готовился быть следователем. То есть в вопросе понимает больше меня и всех остальных учителей, возможно, вместе взятых.

Создатель, какой же бред! Не верю, что это происходит на самом деле и я взаправду обдумываю идею участия ученика в поимке преступника! Да, он уже не ребенок, лет восемнадцать-двадцать есть, и учился он на следователя, но... Толку от той учебы? Профессионала делает практический опыт, которого у Бареса не больше, чем у нас. Да, из него получится хороший следователь, он умный и упорный, но — лет через двадцать.

— Он умер где-то около полуночи, — взял слово Аспис. — И убила его не змея.

— А как же следы? — нахмурился Цовер.

— Это подделка, — ровно ответил белобрысый. — Если нужны подробности... Когда душит змея, не важно, разумная или нет, она складывает кольца восьмеркой на верхней части тела жертвы, уж всяко не ниже бедер — нет смысла там давить. А здесь следы идут по спирали от самых ног, причем спираль слишком равномерная. Если хотите, могу продемонстрировать, но поверьте на слово, пытаться душить так — ужасно неудобно. — Он улыбнулся уголками губ, бросив на меня задумчивый взгляд.

Я подобралась, готовая услышать очередную гадость, внутренне оцетинилась, подбирая ответ... но змей промолчал. Пару мгновений разглядывал меня с тем же непонятным выражением лица — и спокойно отвернулся.

— Есть предположения, как именно его душили? Если это не змея.

— Магия, — развел руками белый змей. — Но следы тоже аккуратно затерли. Есть только слабые отголоски стихии воздуха, но это могут быть последствия переноса тела. А может — нет.

— То есть убийца, скорее всего, человек, который плохо разбирается в змеиных повадках? — озадаченно нахмурился Фалин. — Значит, подозреваемые — мы трое, Джедо, Ежина и пять человек служащих.

— Госпожу змеелова я бы вычеркнул из подозреваемых, — усмехнулся Аспис. — Она отлично знает, как именно убивают змеи.

Ах, ну вот и началось! А то я уже забеспокоилась, что змей приболел.

— Это не аргумент, — возразил Зарк. — Она могла не задуматься об этом.

— Могла, — рассеянно согласился Аспис. — Но мог не задуматься и змей, если ему не приходилось драться в другом облике. А еще ошибку могли допустить сознательно, чтобы свалить вину на человека.

— Разумно, — признал брюнет. — Но тогда...

— По-прежнему подозреваются все, — согласился белый змей.

Мне сейчас не слышалось? Он не язвит, а пытается быть объективным? Интересно, что задумал...

— Наверное, стоит начать с мотива, — поддержал его капитан. — Личную неприязнь к парню предлагаю исключить, он не мог кому-то настолько насолить за пару часов. Да и пересечься с кем-то из подозреваемых раньше — тоже. Он слишком молод, вел обычную спокойную жизнь, ни в чем не замешан. Я, конечно, попробую покопать еще, но как-то сомнительно...

— А тут и думать нечего. — Я пожала плечами. — Кто-то хочет сорвать идею со школой. То ли ему змеи не нравятся и то, что король пытается навести порядок, то ли — люди, и он не хочет возвращаться в наш мир оттуда, где вы прятались.

— Откуда ты знаешь? — ахнула Сверта.

Зарк нахмурился, а Аспис укоризненно глянул на женщину и с усмешкой качнул головой:

— Теперь и правда знает.

— На самом деле, это нетрудно предположить, достаточно немного посмотреть на ваших детей и подумать, — ответила я, чтобы успокоить смущенную Сверту. — Их много, они явно жили где-то в спокойном месте, причем многие — с семьями, и привели вы далеко не всех. Скрыть большой и населенный остров от чужих глаз трудно, его бы если не попытались захватить, то уж как минимум заметили. Да и вся эта теория с поднятым Долгой Змеей новым куском суши сомнительна. Гораздо логичнее предположить портал, который открыл кто-то из людей, оказавшихся на вашей стороне в момент восхождения змееловов. То ли незадолго до всего этого конфликта, поэтому новость о нем просто не успела распространиться, то ли во время. Мне сложно представить межмировой портал в воде, я смутно понимаю, как он может работать без жесткой привязки к Тверди. Но я не специалист в этих вопросах.

— Ты всегда была неглупа, — похвалил Аспис с улыбкой в уголках губ.

— Была бы неглупа — не связалась с тобой, — резко ответила на это.

Изменение в поведении белого змея тревожило, потому что причины такой перемены я не видела. Ждала подвоха, нервничала и сама уже начинала провоцировать его, лишь бы добиться какой-то ясности.

— Вот только не начинайте! — поспешил вставить Фалин. — Ваши высокие отношения уже вот где сидят! — Он выразительно чиркнул себя по горлу. Аспис бросил на рыжего странный, недобрый взгляд сквозь прищур, но промолчал. — Давайте к делу. Я сегодня заметил одну странность, только сейчас сообразил. Мы все с самого начала полагали, что стражник задушен змеей, других версий вроде бы никто не озвучивал, да? А вот все дети абсолютно уверены, что его убили магией, без вариантов. Если Аспис только сейчас выяснил причину смерти, это странно.

— Странно, — согласился капитан.

— Но тоже ничего не доказывает, потому что слухи порой принимают самые разные формы, — возразил Зарк. — Мы же не знаем, откуда это все пошло, с чего началось и что услышал первый. Причину смерти мог и додумать.

Это замечание тоже признали справедливым. А дальше обсуждение застопорилось, потому что у нас не было совсем никаких идей и ключа к поиску убийцы. Минут десять высказывались самые бредовые и фантастические идеи, но всем было очевидно, что это тупик.

— Зарк! — вдруг осенило меня. — А среди ваших, ушедших, случайно, нет толковых сыскарей?

— Что-то я не припомню, — неподдельно изумился змей и растерянно глянул на белого. — Аспис?

— Нет, — поморщившись, тот качнул головой.

— А как же наставник Бареса?

— Он стар, слишком стар. Преподавать при наличии учебников он еще может, но и то Бес слишком многому учился сам, а что-то серьезное ему не доверишь. Я надеялся, что здесь, когда все немного наладится, Барес сможет продолжить образование у нормальных учителей... Впрочем, не о том речь. Главное, это совсем не вариант. Он, конечно, очень многое помнит и знает, но многие вещи попросту выдумывает. Слишком большой риск.

— А все остальные? Я так понимаю, вас же там много, спасшихся, — не захотел сдаваться Фалин.

— Нет, увы, — качнул головой белый змей. Переглянулся с черным товарищем, словно обменялся мыслями, и продолжил: — Да какой смысл сейчас-то скрывать! Да, нас много, но не так много, как хотелось бы. Портал открылся во время мора, почти одновременно с началом резни. Не знаю, помните вы или нет, что творилось тогда в крупных городах, — сначала из-за болезни, потом из-за змееловов. Те, кто служил закону, в большинстве своем за него и умерли. Честно говоря, я понятия не имею, где король сейчас нашел компетентных и надежных людей хотя бы для столицы! К тому же никто не верил, что это затянется всерьез и надолго. Кто-то надеялся пересидеть, кто-то ждал, что люди образумятся... В общем, пока оценили, договорились с соседями и между собой, пока организовали какую-никакую систему для поиска и спасения выживших, время было упущено. У нас есть боевые маги из тех, кого не поймал орден, учителя, целители, но куда больше простых земледельцев и ремесленников, рыбаков. То есть тех, кто незаменим в жизни, но плохо годится для выполнения ответственных боевых задач.

— Жаль. Это был бы шанс, — вздохнул рыжий.

— Аспис, а кого ты покрывал утром? — вспомнила я. — Ты не хотел говорить о ком-то.

Змей смерил меня тяжелым взглядом, но — удивительно! — не ответил очередной остротой или оскорблением. Пару секунд помолчал, потом нехотя признался:

— Там был Кергал. Он выбрался на разведку, кажется, пытался найти брешь в защитной сети. Думаю, все согласятся, что убийца — явно не этот парень.

— Он точно в конце списка подозреваемых, — согласился капитан. — Но мог кого-то видеть, разве нет?

— Мог, но с этим сложно. Парень здорово не в себе. Он многое понимает, но не разговаривает и, по моему, пропускает мимо ушей все то, что не касается лично его. Не представляю, как из него выбивали имя. Пытали, что ли? — Аспис задумчиво глянул на меня.

— Нет, — ответила ровно, не ведясь на легкую провокацию, и пояснила: — У змееловов он числился неизвестным. Его не рассматривали как источник информации и пользы не искали, поэтому не тратили время. Имя он назвал уже людям короля. Сам.

— Кстати, разговаривать Кергал точно умеет, так что молчит не из-за каких-то проблем с речью, — вставил Фалин. — Он почти подружился с маленькой девочкой, Оташей, которая здесь с братом...

Короткая история знакомства проблемного змея с ребенком... озадачивала. И не вызвала доверия.

— А она точно не придумывает? — с сомнением хмыкнул Зарк.

— Таша не похожа на фантазерку и врушку, к тому же она уже не настолько маленькая. Да и брат видел, как они обнимались, почему и испугался. Мне показалось, дружба с этой девочкой может пойти Кергалу на пользу, я поговорил с ее братом, тот все осознал. Только мы змея этого не нашли ни одним поисковым заклинанием, это нормально?

— В личном деле было об этом, он умеет прятаться от поисковых чар, — напомнила я. — Забыл?

— Я не ожидал, что все настолько серьезно, — немного смутился рыжий. — Но как-то же его надо найти, пока не случилось чего-то плохого! Вдруг он слишком расстроился?

— Он наверху, — уверенно заявил Аспис и указал рукой куда-то в угол потолка. — Где-то там. Наверное, на чердаке.

— Откуда ты знаешь? — опешил не только Фалин, даже остальные змеи посмотрели на своего товарища весьма озадаченно.

— Есть способы, — нехотя ответил тот. — Но его лучше пока оставить в покое. Да, конечно, если он действительно заговорил с этой девочкой, дальнейшая дружба пойдет на пользу. Но не стоит давить и продолжать это прямо сейчас, слишком много впечатлений за раз, пусть успокоится.

— Если он не так плох, как видится, соображает и нормально воспринимает действительность, он и правда может быть свидетелем, — задумчиво проговорила я. — Если убийца среди нас, он теперь об этом знает, если нет — подозреваю, узнает скоро. Так что парень в опасности...

— Я пригляжу за ним, — вызвался Аспис. — Даю слово, сделаю все возможное, чтобы с ним ничего не случилось.

Каким-то чудом я сумела придержать рвущееся с языка замечание о ценности слова этого змея. Как бы я к нему ни относилась, но на самом деле не верила, что именно блондин — убийца, да и Кергал под его присмотром явно в безопасности. Опуская циничное, но оттого не менее справедливое размышление о том, что именно Аспис при желании имел массу возможностей незаметно причинить вред парню, я понимала, что моя обида и злость на него здесь неуместны. Потому что... Между тем, чтобы воспользоваться влюбленностью наивной молодой дурочки, к тому же врага, и хладнокровным убийством ребенка лежит пропасть.

— Но чуть позже, пока хотелось бы выбраться в город. Вряд ли кто-то покусится на него прямо сейчас, — обратился Аспис ко мне. Почему-то опять — спокойно и с деловым видом. — Нужен алхимик и зелья, я своими силами с его головой не справлюсь.

— Есть один очень хороший алхимик, который наверняка поможет, — вздохнула я. Вот не хотела вспоминать своего случайного попутчика, но... похоже, нас с ним столкнул сам Создатель. Не думаю, что в этом городке найдется кто-то лучше. — Его зовут Язод Самос, мы прибыли из столицы одним червем. Город Столбы, гостевой дом «Красная крыша». Я не видела при нем оборудования, но он предлагал свои услуги. Ты хочешь поехать прямо сейчас?

— Желаете составить компанию? — вопросительно вскинул бровь Аспис с насмешкой в глазах. Какой-то неожиданно доброй, знакомой. От которой меня передернуло и окатило злостью. Но —

сдержалась.

— Упаси Создатель, — отмахнулась быстро. — Но кому-то точно надо поехать с тобой. Ничего личного, но раз мы все под подозрением...

— Если бы я хотел, я бы просто переврал результаты обследования тела.

— Но мы ведь не можем знать, что это не так? — усмехнулась уже я.

Аспис задумчиво склонил голову к плечу. Словно прицеливался.

— Тогда действительно со мной придется ехать тебе. Ты же никому больше не доверишь сопровождение опасного преступника?

— Я могу поехать, — вызвался Фалин, заранее утомленный опять начинающейся перепалкой. — Тем более мне кое-что надо в городе, из личных мелочей. Рубашки там и прочее.

— Хорошо. Я открою вам портал туда, иначе добираться придется очень долго. Обратное... У тебя как с порталами? Хотя бы координаты удержишь?

— Одни удержу, — не очень уверенно ответил рыжий.

— Тогда возьмишь, вернетесь тоже порталом. Только попросите порталщика проверить, куда он будет вас отправлять!

— Да, госпожа, — склонил голову Аспис. — Мы можем идти?

И столько ехидства было в голосе, что я едва сдержалась от уточнений, куда именно ему стоит направиться.

Фалин ступил в портал первым, Аспис — молча — за ним. В той же тишине оба зашагали прочь из порталного зала, где на специально отведенных кругах появлялись и исчезали немногочисленные путешественники.

Змею было о чем подумать. Преступление, большая голова неожиданно обретенного сына, ученики... Вот только его снова занимали не эти важные дела, а проблема по имени Норика Неро.

Сейчас, во время разговора в кабинете, он изо всех сил старался быть к ней беспристрастным, наблюдать со стороны. Осторожно и незаметно считывать поверхностные мысли и ощущения, прислушиваться. И чем дольше смотрел, тем больше замечал того, чего, ослепленный злостью, прежде не видел. И все больше у него появлялось вопросов.

Спокойная, собранная, хладнокровная. С поджатыми губами, точными скупыми движениями и холодным рассудком — всегда, когда он не пытался ее задеть. Изможденное усталое лицо. Напряженный прищур. Сжатые губы. Она вообще все еще умеет улыбаться или?..

Твердая, решительная женщина. Смертельно уставшая и — потухшая. Змеелов в чине ястреба.

Не Норика. Не та, которую он когда-то полюбил.

Она оживала только тогда, когда речь заходила о детях. Слепой бы догадался, что о них женщина беспокоится совершенно искренне. И Аспис сам ужасался собственным недавним предположениям, что Норика спасала кого-то там только ради обеспечения собственного будущего и безопасности. Да плевать ей было на все! Жизнь, смерть — никакой разницы. Змей неоднократно видел такое, знал причины и последствия подобного состояния, помогал вытягивать несчастных и возвращать к жизни. Да что говорить, и сам какое-то время провел за этим краем, откуда выкарабкался лишь благодаря сыну! Так что, избавившись от кровавой пелены ярости, он не мог не заметить знакомой картины.

Все это вызывало растерянность и смятение. И бесчисленные вопросы. Как на самом деле жила она все эти годы? Почему в действительности предала змееловов? И что, заведи его Создатель, на самом деле произошло в те несколько дней, сломавших их жизни?!

— Аспис! — окликнул его явно не в первый раз Фалин.

Змей, оглядевшись, сообразил, что он в своей задумчивости не заметил не только того, как они вышли из зала, мимо сознания прошли и погрузка в экипаж, и недолгая поездка по улочкам города. А сейчас рыжий звал его, чтобы освободил экипаж.

— Да, извини, — поморщился змей.

Гостевой дом оказался небольшим двухэтажным зданием под красной черепичной крышей. Прямо к морю выходила широкая терраса, плотно увитая виноградом и отгороженная высокими стеклами. С берега дул сильный ветер, солнце приглушала тонкая дымка облаков, а в воздухе пахло близкими холодами.

С укрытой от ветра террасы доносились негромкие голоса, туда мужчины и направились, тем более никакой двери не было, только пара ступенек, приподнятых над галькой.

Под навесом стояло несколько плетеных кресел с подушками на сиденьях, в том же стиле — стол с плетеной круглой столешницей, на которой лежала еще одна, из тонкого стекла. Соседние кресла занимала пара пожилых дам, закутанных в клетчатые пледы. До появления гостей женщины о чем-то увлеченно болтали, попивая горячий чай, а когда заметили посторонних, оживленно зашутукались.

Приблизившись, Аспис прочитал в направленных на него взглядах любопытство и легкое опасение и только теперь сообразил, что забыл скрыть змеиные черты, — слишком отвык от этого за годы в безопасности. Впрочем, враждебности не ощущалось. Похоже, в городе уже знали, кто будет обучаться в бывшем баронском поместье, успели переварить эту новость и сейчас жаждали подробностей.

— Добрый день. — Гости вежливо склонили головы.

— Добрый-добрый, — хихикнула одна из женщин со скрученными в пучок кудрявыми и пушистыми белоснежно-седыми волосами. — Вы к нам отдохнуть?

Собеседницы обменялись выразительными, понимающими взглядами и разулыбались еще веселее. Причин подобного мужчины не поняли, но заострять внимание не стали.

— Мы ищем Язода Самоса, — не стал ходить кругами Аспис.

— И что натворил этот старый потаскун? — оживилась вторая, с тонким лицом, острым носом и копной рыжих волос, среди которых лишь отдельные пряди серебрились сединой.

— Боюсь, ничем вас не порадую, — уголками губ улыбнулся змей. — Он интересует нас в профессиональном плане, как алхимик.

— О! — разом поскучнели обе.

— А вы из школы? — попыталась выяснить хоть что-то рыжая. — Я тоже кое-что понимаю в алхимии, может быть, смогу помочь?

— Боюсь, тогда нам уже никто не поможет, — широко улыбнулся, спасая ситуацию, Фалин: его спутник явно был близок к тому, чтобы просто обойти женщин и отправиться дальше на поиски алхимика молча. — Директриса послала нас именно к нему, к тому же с кое-какими частными вопросами. А она женщина строгая, с ней не забалуешь.

— Второй этаж, первая комната слева, — нехотя созналась рыжая. — Давайте мы вас проводим.

— Нет нужды, — уверенно отмахнулся Вилор. — Я лучше тут, с вами побуду, а мой друг справится и один.

— Так будет лучше всего, — кивнул Аспис, оценив окончательно скисшее на этих словах лицо женщины.

Фалин ему все больше нравился: похоже, этот парень сейчас изящно и самоотверженно избежал предстоящий разговор от лишних свидетелей.

Не то чтобы дело к алхимику было особо секретным или змей собирался получить от него нечто, помимо зелий для лечения Кергала, просто... эти две сплетницы не нравились Аспису чем дальше, тем больше, как и сплетни вообще. Хватит с них самого факта визита обитателей школы к столичному гостю, пусть додумывают дальше сами, фантазии им явно не занимать.

К счастью, с комнатой не обманули. Постучав и дождавшись разрешения войти, Аспис обнаружил, очевидно, алхимика — хрупкого старичка детского роста и с по-детски же открытым взглядом, в котором, однако, читался ясный острый ум. Хозяин сидел в кресле у открытой двери на балкон с газетой в руках, рядом на небольшом столике исходила паром большая чашка. Никаких алхимических принадлежностей вокруг не наблюдалось, но это ни о чем не говорило: никто не станет возиться с реактивами в собственной спальне.

— Ого! — выдал старичок, вскинув брови и удивленно разглядывая посетителя. — Ух ты, какой матерый!

— Добрый вечер. Вы Язод Самос? — спросил Аспис, проигнорировав восклицание.

— А это зависит от того, что вам от него нужно, юноша, — улыбнулся он.

— Мне нужен хороший алхимик, который способен изготовить «Ясный разум» высокого качества и еще несколько зелий аналогичной направленности.

— Вот как, — растерянно кашлянул старик. — А позвольте узнать, как вы меня тут нашли?

— Вы оставили свой адрес Норике Неро, она передала мне, — пояснил Аспис.

— Ах, эта бедная девочка! Вот как. — Старик пожевал губами, сразу посерьезнев. — И для кого же зелья?

— У нас есть ученик, которому нужна помощь. К сожалению, полноценных специалистов по лечению разума нет, что могу — я делаю, но...

— Да, вы правы, зелье будет кстати, — оборвал Язод. Аккуратно сложил газету, поднялся и посеял к неприметной дверке в углу. — Пойдемте, юноша. Кое-что я могу сделать прямо сейчас, кое-что потребует времени, пришлю через пару дней. Хозяин этого дома — мой старый друг и тоже раньше занимался алхимией. Уступил свое хозяйство. Меня, знаете ли, успокаивают эти склянки.

За дверью обнаружилась лаборатория. Отлично оснащенная, просторная, с положенными защитными заклинаниями на стенах.

Среди беженцев из полыхающего в гражданской войне мира имелись и алхимики — и змеи, и люди. Конечно, возможности прихватить нужное оборудование сразу не было, его доставали уже позже, целенаправленно. А поскольку Аспис был одним из тех, кто этим занимался, в вопросе он понимал гораздо больше среднего обывателя и мог оценить по достоинству «хозяйство» старика.

— Садитесь, — предложил алхимик, и Аспис послушно опустился на стул со спинкой в углу.

— Так, говорите, Норика... — задумчиво протянул Язод, устроившись за рабочим столом боком к гостю. — Как ей на новом месте?

— Насколько могу судить, неплохо, — пожал плечами змей. — Вы хорошо с ней знакомы?

— Взаимно слышаны, — рассеянно улыбнулся старик. — И во многом похожи.

— Вы из змееловов? — сообразил наконец Аспис.

— А она вам не рассказала? — кажется, искренне удивился Самос. — Скажем так, был, но вынужденно, и с облегчением встретил перемены... И сейчас вы встанете и уйдете, да? — насмешливо предположил он.

— Переживу, — ровно ответил змей, хотя, что скрывать, сделать это действительно захотелось: необходимость связываться с еще одним бывшим змееловом, мягко говоря, не радовала.

Но чего он ожидал? Кого еще могла лично знать и порекомендовать эта женщина?

С минуту алхимик молча занимался своим делом, а гость — рассеянно наблюдал за выверенными, точными движениями, на твердости которых совершенно не сказался возраст.

— Почему вы назвали Норикку «бедной девочкой»? — не выдержал Аспис наконец.

— Я наблюдал за ее судьбой едва ли не с самого начала, — пожал плечами старик. — За ее, еще за некоторыми примечательными детьми, а на нее старый коршун возлагал особенные надежды. К счастью, ничего у него не вышло.

— А что должно было? — озадачился змей.

Норика была сильным и умелым магом, а после предала магистра ордена. Однако появилась необоснованная уверенность, что говорил алхимик не об этом.

— Ну, барон Ворик жаждал могущества. Мы, алхимики, тоже им обладаем, но немного в другом ключе и, как вы знаете, в отличие от остальных магов никакими тренировками не способны значительно увеличить мощь своих чар, а он желал всего и сразу. — Болтовня совершенно не отвлекала старика от дела, руки его продолжали уверенно порхать над столом. — Ну и среди прочего искал возможность отобрать чужой дар. К счастью для всех нас, эти его изыскания зашли в тупик.

— И она знала об этом? — Аспис почувствовал, что брови пытаются приподняться на лоб.

— Догадалась, наверное, в конце концов. Она неглупая девочка, — пожал плечами Самос. — Наверное, не сразу, а то уже давно попыталась бы его убить, еще после той истории двадцатилетней давности, с ребенком. Но он дивно умел заморочить голову, вообще ловко управлялся с умами. Нет, хорошо, что эта затея у него провалилась...

— С каким ребенком? — потерянно уточнил змей.

— Да вы, наверное, в курсе этого суеверия, что рождение ребенка от сильного мага увеличивает женщине магический потенциал? Чушь, конечно, несусветная, но барон совсем повернулся тогда на этой своей идее могущества, во всякое верил. Небось и родить ей разрешил только поэтому. Не знаю уж, от кого. Я для нее тогда кое-какие целебные зелья делал, можно сказать, наблюдал за процессом. Да только она небось и не помнит. Давно было, а девочка тогда совсем молоденькая была и какая-то дурная. Не знаю уж, что с ней тогда сделали... Видать, не только я для нее снадобья готовил, были и другие.

— И что случилось с ребенком? — напряженно спросил Аспис.

— Умер при родах, — вздохнул старик. — Может, старый коршун помог, но я думаю — сам. Повезло мальчишке, прибрал к себе Создатель. Уж барон не упустил бы случая им воспользоваться.

— И зачем вы мне все это рассказали? — пробормотал змей.

— Интересно, — неопределенно отмахнулся алхимик.

— Что и кому?

— Тебе — выслушать, мне — посплетничать, — перескочил он на более неформальное обращение. — Когда еще старику выдастся шанс прошлое припомнить! Не с кумушками же болтать, по миру разносить ерунду. Ну и за тобой понаблюдать, что уж там, любопытно. Дело старое, а тебя вон как корежит, аж серый весь стал. Я уж думаю, не ты ли, часом, блудный папаша? А иначе и непонятно, с чего так затрясся.

Этого Аспис уже почти не слышал. Оперся локтями в расставленные колени, запустил пальцы в волосы, слепо таращась в пол перед собой. В голове воцарилась звенящая пустота, в которой более-менее отчетливой была единственная мысль: у Норики действительно имелись причины так сильно измениться и более чем достаточно поводов для личной ненависти к Великому Змеелову. Пожалуй, для куда большей, чем к нему самому, что бы там ни наговорила про него старая тварь двадцать лет назад.

Когда под носом вдруг возникла бутылка с резким спиртовым запахом, Аспис дернулся от неожиданности и, резко выпрямившись, недовольно уставился на алхимика.

— Хм. Надо же, показалось, — пробормотал тот. — Не обморок.

— Какой еще обморок? — нахмурился змей.

— Да Создатель знает! — неопределенно пожал плечами Самос. — Глубокий, наверное. Зря я тебе это все рассказал, да? Дернула же Змея за язык...

— Не зря, — резко мотнул головой Аспис, беря себя наконец в руки. — Напротив, вы очень удачно решили сейчас поболтать.

— Удача — это попытка обезличить дела богов, — едва заметно улыбнулся старик. — Они просто решили, что пока довольно смертей, и теперь щедро осыпают милостями тех, кто приглянулся.

— Вы так убежденно об этом рассуждаете, как будто они сами вам об этом сообщили, — усмехнулся в ответ змей, но через мгновение веселья в нем поубавилось. — Только не говорите, что вы, ко всему прочему, Перст!

— О нет, где уж мне, — засмеялся алхимик.

Аспис не поверил, однако тему развивать не стал, потому что... в таких вещах достоверность хуже полного неведения.

Перстами или иногда Руками богов называли людей, которых те направляли лично, которым являлись и которые вершили судьбы. Иногда — мира, иногда — только определенного круга лиц. Кто-то верил в их существование, кто-то — нет, но последние и в богов-то не верили.

По внутреннему убеждению Асписа, Рукой богов был его величество Орлен, потому что ничто иное не могло объяснить той удачи, которая сопутствовала ему в делах. А еще очень похоже, что Перстом был и Великий Змеелов, потому как ему в свое время везло еще больше.

Но в последнее верить не хотелось — от этого делалось жутко. Выходило, что именно боги спровоцировали кровавую войну, захлестнувшую мир. Те боги, которых было принято считать справедливыми и любящими свою паству. Или сцепились между собой, что-то не поделив, и это было, пожалуй, не лучше.

Существовала еще и третья версия: вмешательство чужого бога, который как-то сумел влезть в дела этого мира. Но она тоже вызвала множество вопросов, сомнений и неприятных мыслей. Где в таком случае пропадали Создатель и Долгая Змея, если допустили подобное вредительство? Неужели они просто не способны защитить своих детей от происков врага?

После всего услышанного продолжать разговор не хотелось, да и гнетущая пустота из головы и души змея никуда не делась. Требовалось время, чтобы все обдумать, по возможности — выяснить кое-какие детали. Хотелось увидеть картину целиком, понять, как все получилось именно так. Где он ошибся? Где — она?

Аспис не сомневался, что старый алхимик говорил правду. Сам этот человек не вызывал почему-то никаких эмоций — ни подозрений, ни недоверия, даром что был близок к Великому Змеелову и не скрывал своей связи с этой одиозной фигурой.

Змей также почти не сомневался, что ребенок, о котором шла речь, был его. И тут, в свете всех обстоятельств, можно было бы посмеяться — считай, третий сын почти того же возраста. Можно было бы, если бы он выжил. А так...

Нет, теоретически можно допустить какое-то совпадение, ошибку или необдуманный поступок Норики, но сейчас в это не верилось. Сожри его Бездна, он же был у нее первым! И вряд ли после всего, что случилось, она сразу прыгнула бы в постель еще к кому-то, скорее, закрылась бы и вычеркнула из жизни всех мужчин. Он слишком хорошо ее знал.

Знал ведь! Сам убедил себя в ее предательстве. Слишком легко принял то обстоятельство, что женщина, ради которой он готов был умереть, оказалась лицемерной дрянью. Не пытался поспорить, выяснить, обдумать другие варианты, упивался обидой... Трус.

Мать-Змея, да он ведь правда струсил! Побоялся найти, вновь заглянуть в глаза, поговорить и — окончательно разочароваться, убедившись, что с самого начала все было ложью.

Может, не так уж и на все он был готов ради нее? И на самом деле в глубине души был убежден, что эти отношения обречены? И оказалось проще оправдать свои страхи, свою неготовность к риску и ответственности ее предательством?

А самое главное, что теперь делать со всеми этими знаниями и озарением, опоздавшим на двадцать лет?

С алхимиком Аспис попрощался скомканно и невпопад, но тот, кажется, не придал этому значения. Или наоборот — порадовался, наблюдая за результатом своих действий?

— Наконец-то! — обрадовался его возвращению Фалин, но, разглядев змея при дневном свете, встревожился. Однако с парой пожилых сплетниц распрощался вежливо и настойчиво, а заговорил только тогда, когда мужчины отошли на некоторое расстояние. — Что случилось? Ты там выпил что-то не то и отравился? Или надыхался?

— А что, так заметно? — криво усмехнулся змей.

— Честно говоря, да. Ты по дороге сюда-то был рассеянный, а сейчас вообще как неживой. Что случилось? Алхимик сказал, что зелья не помогут?

— Да нет, с зельями все в порядке. — Аспис поморщился. — Просто... вспомнилось всякое. Кстати, о воспоминаниях. Почему мне твое лицо кажется знакомым?

На самом деле прошлое рыжего учителя интересовало его мало, но очень хотелось сменить тему. Не обсуждать же с чужим человеком собственные ошибки, за которые перед собой-то стыдно!

— Потому что мы виделись несколько раз. Давно, но почти здесь же, — огорошил Фалин и усмехнулся при виде вытянувшегося лица змея. — Я помогал с беженцами. Разыскивал в окрестностях тех, кому нужна помощь, помогал прятаться до появления очередного червя. Тебя сложно не запомнить: альбинос же, слишком приметный.

— Я этого не помню, — растерянно качнул головой Аспис. — Хотя ты тоже приметный.

— Ну это уже не ко мне, — развел руками Фалин.

— Давно это было, — пробормотал змей.

Аспис уже сообразил, в чем причина. С беженцами здесь он помогал вскоре после расставания с Норикой, и в том состоянии, в котором пребывал в тот период жизни, он вообще мало что запоминал и не слишком-то хорошо соображал.

А «приметность» изначально была большой его проблемой. Магическая маскировка змею не давалась, обычная — тоже. Если волосы еще удавалось спрятать под париком, а змеиные черты любой из этой расы до пятой линьки мог скрыть волевым усилием, то светлая кожа и ярко-голубые глаза не поддавались никаким средствам. Все косметические снадобья, которые могла предложить алхимия, сползали в лучшем случае через пару часов после нанесения, и хорошо, если не вызывали при этом сильного раздражения вплоть до сходящей клочьями кожи — такая вот форма индивидуальной непереносимости.

И хотя Аспис до последнего сопротивлялся очевидному, но в глубине души признавал, что пользы от него немного и лучше бы ему проваливать вместе с детьми и женщинами в безопасное место. Мешало упрямство. Наверное, если бы он не наткнулся на Бареса, которого совесть уже не позволила бросить, до настоящего времени не дожил бы — давно опять попался в руки змееловов, и вряд ли повезло бы сбежать повторно.

Дальнейшее расследование только усугубило ощущение собственного бессилия и тупика, в котором мы все оказались.

Примерно одинаковое алиби обнаружилось решительно у всех взрослых: Аспис в это время разговаривал с сыном, я — с близняшками, Зарк — с Иреймом, еще одним из приезжих старших учеников. Мрон Таврик вместе с Джедо полуночичал на кухне с поварихой. Сверта и Ежина засиделись в библиотеке, они вообще на удивление быстро сдружились. Фалин укладывал Оташу, которой было не по себе на новом месте и без постоянного присутствия брата. Да и ученики вроде бы оставались на своих местах, ну, за исключением выбравшегося погулять Кергала. И при весьма смутном мотиве убийства мы получали полное отсутствие полезной информации. Хотелось ругаться, но — не на кого. Капитан Цовер изначально заверял, что не потянет, остальные знали еще меньше, а профессионал...

Король по-прежнему не мог прислать нам никого более сведущего: через пару дней я опять попыталась связаться с ним, но Орлен ответил только поздно вечером, и даже через кристалл его голос звучал настолько устало, что я пообещала себе больше не отвлекать правителя без особой надобности. В столице было слишком беспокойно, за эти дни на его величество пару раз покушались, и я просто не смогла предъявить ему какие-то претензии. По сравнению с Релкой здесь у нас сонное царство.

К Кергалу тоже никто не проявлял интереса — то ли как свидетель он никого не интересовал, то ли постоянное внимание к нему Асписа отпугивало. С одной стороны, это радовало, потому что зла парню я не желала. С другой... хотелось, чтобы что-то уже изменилось. В воздухе висело напряжение, и чем больше времени проходило с момента убийства, тем неизбежней казалось новое, и пусть лучше это будет неудачная попытка там, где мы ждали нападения.

Или, может, так казалось, а напряжение росло только во мне и по совсем другой причине?..

Аспис продолжал вести себя странно. За прошедшие дни он ни разу не попытался меня поддеть, не отвечал на колкости. Порой я ловила на себе его внимательный, задумчивый взгляд, лишенный малейшей враждебности. Иногда он словно хотел спросить что-то, но всякий раз передумывал. Я совершенно извелась от мыслей, что именно ему от меня надо. А потом мы случайно столкнулись в коридоре, и...

Я шла, настолько углубившись в бесплодные размышления об убийстве и попытке найти выход из этой ситуации, что совершенно не смотрела по сторонам. Был перерыв, и ученики аккуратно огибали меня, кто-то здоровался, получая в ответ рассеянный кивок. Пока на повороте в меня не врезался кто-то спешащий.

Я дернулась от неожиданности, когда сильные ладони мягко подхватили под локти. Вскинула взгляд...

— Не обо мне мечтаешь? — Аспис улыбался — светло и искренне. Ярко-голубые глаза затягивали, как затягивает небо, если лечь на спину и долго в него смотреть.

Сквозь тонкую ткань блузки прикосновение показалось обжигающим.

Меня захлестнуло волной эмоций. Удовольствие, восхищение, желание улыбнуться в ответ — и спровоцированный ими жгучий, подавляющий волю страх. Застарелая боль, которая всего месяц назад казалась прожитым эпизодом, лишь отголоском минувшего, вдруг остро и свежо полоснула по нервам.

Наше знакомство началось точно так же, со случайного столкновения в уличной толчее и этих самых слов.

А через мгновение боль и страх смыло холодной, взвешенной яростью.

— Руки! — прошипела тихо. Драться на глазах учеников — не лучшая идея.

Удивительно, но Аспис не стал спорить и развивать ссору, хотя от маленькой провокации не удержался — его ладони медленно скользнули по моим рукам вниз, от локтей до запястий. Прикосновение к открытой коже окончательно выбило почву из-под ног, и я едва сдержалась от удара, заставив себя стерпеть.

Взгляд мужчины изменился, стал испытующим, внимательным и как будто грустным. А у меня по-прежнему не получалось отвернуться под гипнозом змеиных глаз.

— За что ты так меня ненавидишь, Нори? — тихо, серьезно спросил Аспис. Как будто в самом деле не понимал.

— За предательство, — сумела выцедить я, отступила на полшага и, обогнув мужчину, быстро зашагала дальше. К выяснению отношений и серьезному разговору я была не готова, да и место, и время более чем неподходящие.

Змей не препятствовал побегу, но я до следующего поворота ощущала между лопаток укол и тяжесть пристального взгляда. Знала, если обернусь — увижу его на прежнем месте.

Выдержки едва хватило, чтобы не сорваться на бег. Некоторое облегчение я ощутила, лишь завернув за угол. И только в этом тупике поняла, что, во-первых, пропустила лестницу, к которой шла, а во-вторых, оказалась в глупейшей ситуации: короткий тупичок с этой стороны заканчивался окном, а сбоку располагалась кладовка.

Очень захотелось привалиться к стене и стечь по ней на пол, но это было уже слишком. Достойным компромиссом показался подоконник, к которому я подошла и оперлась обеими ладонями, прижалась лбом к холодному стеклу и устало закрыла глаза.

Змеиная кровь! Что и зачем делает этот мужчина? Надеется, что я опять поддамся его обаянию, и хочет снова поиграть в ту же игру? Доказать мне, что я как была душой, так ею и осталась? Неужели он вправду ждет, что я легко полезу в старую шкуру?! Да лучше в Бездну головой вниз!

Но поведение Асписа — это полбеды. Что происходит со мной?! Создатель, как это вообще возможно — одновременно ненавидеть до желания рукой вырвать сердце и таять от одной улыбки?!

Ведь если бы не осознание возможных последствий, я бы его убила. Не дрогнув, с наслаждением, вспоминая мраморный стол в пыточной и до сих пор занозами сидящие в сердце злые слова. Я жалела не его — жалела учеников, которые явно были к нему привязаны, его сына и... Проклятье, у этого парня же где-то там осталась мать! Неужели Аспису плевать и на нее? Было тогда, когда мы встречались, и теперь — тоже...

Но это не отменяет главного вопроса: что ему нужно от меня сейчас?

Минуты хватило, чтобы задавить в голове эти мысли и волевым усилием взять себя в руки. Некогда потворствовать слабостям и жалости к себе, о подобных вещах нужно думать в одиночестве, за закрытыми дверями, а сейчас меня ждут уроки.

Мелькнула мысль аккуратно заглянуть за угол и проверить, нет ли там Асписа, но я ее отбросила и зашагала твердо, уверенно. Не хватало еще прятаться от этого змея! Вышла в коридор с навязчивым желанием, чтобы змей действительно был там и дал мне хоть какой-то повод для серьезного скандала. Но целитель, конечно, не стал караулить, отправился дальше по своим делам.

Легкое разочарование этим обстоятельством прошло, а вот твердое понимание, что разговор необходим, осталось. Со скандалом или без — по обстоятельствам, но нам явно нужно все выяснить. Обговорить прошлое и настоящее и окончательно перевернуть эту страницу собственной жизни, потому что такая ненависть — путь в никуда. В конце концов, мы взрослые люди, мы можем найти компромисс. От нас ведь не требуется большой дружбы, а соблюдать вежливый нейтралитет — можно. Наверное. Во всяком случае, я очень надеюсь, а Аспис, похоже, уже нашел. Только если это не какой-то хитрый план мести...

Глава 7

ЗАНОЗА В СЕРДЦЕ

Когда через неделю после начала учебы в класс, где под руководством Фалина занималась младшая — не по возрасту, по опыту — группа, через пару минут после начала вошел Кергал, почти все поначалу опешили. Его в школе не пытались задирать, но сторонились. Привыкли к странному парню, который всегда держался особняком и в основном прятался в каком-то дальнем углу, и попросту не воспринимали, как такого же ученика.

Дети сидели кружком на полу на нескольких разномастных коврах. Здесь царил приятный полумрак, а по периметру комнаты были расставлены чаши с водой и несколько раскидистых комнатных растений — они наполняли окружающее пространство зримым проявлением нужных стихий, облегчая неопытным магам взаимодействие с собственной силой. Для человеческих детей на таких уроках зажигали свечи, потому что воздуха и без того хватало везде.

— Доброе утро, — улыбнулся юноше Фалин, стоявший рядом с учениками и наблюдавший со стороны. — Я очень рад, что ты все-таки решил к нам присоединиться. Садись.

Правда, тут обнаружился неловкий момент: круг был плотным и сесть оказалось попросту некуда.

— Иди сюда, — решился Шелет и, потеснившись, приглашающе похлопал по коврику рядом.

Мальчик все-таки успел помириться с этим змеем и искренне извиниться за свой поступок. Он и сам давно убедился, что к Оташе молчаливый парень относится очень бережно, без всякой задней мысли, как... к сестре.

Сидевшая рядом Дорика подвинулась охотно, в ней этот странный тип будил жгучее любопытство.

Кергал благодарно кивнул и осторожно втиснулся на освободившееся пространство, неловко скрещивая в непривычной позе длинные ноги.

— Я Дори, а это моя сестра Тори, — с улыбкой заговорила девушка.

— Кель, — после короткой неуверенной заминки парень представился тем именем, каким его называли Оташа и Аспис.

— Давайте вы потом перезнакомитесь, — с улыбкой перебил Фалин. — Кергал, тебе же Аспис рассказал основы? Отлично, — сказал он, когда парень кивнул. — Тогда присоединяйся.

Говорить Кергалу по-прежнему не нравилось, и он старался обходиться без этого. Но перемены были, причем молодой змей не просто их чувствовал, но даже сознавал. Воспринимать окружающий мир стало легче, он уже не так пугал и беспокоил. Люди начали отчетливо делиться не только по привычной, а теперь еще и понятной степени безопасности, но и по приятности.

Последняя категория вызывала тревогу, потому что ее змей не понимал. Опасность легко объяснялась не только прежним опытом и чутьем, но чаще всего — простейшими рассуждениями: маленький ребенок в сравнении с самим Кергалом — слабый, поэтому не нужно его бояться, а взрослый сильный мужчина может причинить вред, особенно если хорошо владеет магией. С симпатиями было куда сложнее.

Безопасная Оташа ему нравилась. Безопасный Шелет — нет. Вроде бы опасный Аспис казался интересным и приятным. Не менее опасный Зарк не нравился совсем. Причем появлялось это чувство обычно сразу, вдруг, без каких-либо действий со стороны нового человека.

Например, сейчас Кергалу по непонятной причине сразу понравилась эта девушка, Дори, которая сидела рядом и косилась на него с тем же любопытством, что и остальные ученики. При этом сестра ее, вроде бы почти такая же, неприязни не вызвала, но не вызывала и других эмоций.

Аспис уверял, что это вполне нормально, и даже объяснял, как это происходит и почему, но для Келя пока было слишком много новостей и открытий, чтобы все это могло вот так сразу уложиться в голову и стать привычным.

Но вскоре Кергал заставил себя отвлечься от посторонних мыслей и сосредоточился на уроке, на том, чтобы почувствовать магию.

Отношения с этой субстанцией у него складывались сложные. Раньше он вообще не понимал, что это такое; теперь, когда мысли стали легче и... подробнее, обнаружил, что ею объясняется множество вещей, которые он раньше просто принимал как данность и не пытался осознать. Например, невидимые стены, которые куда-то не пропускали или даже больно жалили, какие он неоднократно встречал во время своей прошлой жизни. Или летающие тарелки в столовой, которые

окончательно перестали привлекать внимание.

Со слов Асписа Кель уже знал, что многие вещи, которые он сам делает, — это тоже магия. Например, умение прятаться от тех, кто его ищет, считалось сложным, постигалось далеко не всеми и уж точно не сразу. Кергала, как объяснил белый змей, подстегнули страх и желание выжить — жестокие, но самые лучшие учителя. Да и изменение собственного тела для превращения в змею тоже было проявлением магии, просто куда более глубоким и естественным, чем прочие чары.

А вот осознанное управление энергиями молодому змею не давалось точно так же, как и всем остальным необученным змеенышам. Именно поэтому его отправили сюда.

Задание звучало просто: почувствовать потоки магии и собрать их в шар над ладонями. И если чувствовать Кергал уже научился, это казалось простым, то влиять не получалось вовсе.

— Ты не спеши и кисти расслабь, — прозвучал рядом участливый голос Дори. Тонкая горячая рука ухватилась за его запястье, сжав пальцами с двух сторон, потрясла. — Ты не думай, что я умничаю, просто я вот точно так же делала.

Кергал замер от неожиданности. Сказанного он почти не слышал, все внимание захватило это вроде бы простое прикосновение. Шее и ушам вдруг стало горячо, а руки сами собой напряглись еще больше, сжимаясь в кулаки.

— Ну не дурачься, я же помочь хочу, — совсем не обиделась девушка, перегнулась через его колени, дотягиваясь до второй руки. — Расслабься, говорю же! Руки разожми. Не пытайся направлять потоки руками, тут головой надо работать!

Парень разжал, но тут же рефлексивно опять стиснул кулак, поймав пощекотавшую ладонь прядь темных волос, и испытал странное удовольствие от этого прикосновения. И совсем растерялся. Свои собственные волосы Кергал трогал неоднократно, и никаких особых ощущений они не вызывали. Может, потому, что были более жесткими?

— Не вредничай и пусти! — развеселилась Дорика, освобождая волосы. Кель опомнился и, конечно, не стал удерживать, но выпустил с большим сожалением.

— Что тут у нас за бардак? — прозвучал над головами насмешливый голос Фалина.

— А у него та же проблема, что и у меня: расслабиться не может!

— Ты бы еще парню на колени села и удивлялась, — весело хмыкнул учитель. — Не все, знаешь ли, спокойно воспринимают, когда их хватают. Не отвлекаемся! — строго велел он зашущукавшимся и захихикавшим ученикам.

— Ой, прости! — слегка смутилась Дори и отпрянула. Кергал с явным сожалением проводил взглядом ее руки и кончик растрепанного хвоста, но постарался сосредоточиться на словах Фалина.

Объяснял тот, конечно, понятней. У Келя даже почти получилось собрать в руках энергию после того, как он по указанию учителя потряс кистями и размял пальцы, но... Парень бы очень хотел, чтобы Дори опять схватилась за его руки. Может, тогда бы удалось понять, что с этим прикосновением не так?

Несмотря на заметный сдвиг, дальше дело не пошло, и вовсе не из-за сложностей с пониманием. Просто Кергал постоянно отвлекался на соседку. То вместо того чтобы почувствовать нити силы возле себя, ощущал их лохматый клубок в ладонях девушки, то она, замечая замешательство парня, искренне пыталась помочь, кажется не видя, что от ее внимания становится только хуже.

Закончилось все тем, что уставший призывать деятельную Дорику к порядку Фалин просто поменял их с сестрой местами. И Кергал окончательно перестал понимать, что с ним происходит, потому что одновременно испытал облегчение — ему перестали мешать — и мучительное разочарование.

До конца занятия он просидел как на иголках, а в перерыве поспешил сбежать и забиться в облюбованный угол на чердаке. В человеческом теле — в последнее время он чувствовал себя одинаково спокойно в обоих обликах и не делал между ними разницы.

Однако на этот раз тишина и привычное убежище не принесли желаемого облегчения. Одолевали мысли. Молодой змей раз за разом прокручивал в голове события и свои ощущения. Он то и дело тер запястья и ладони, как наяву чувствуя горячее прикосновение девичьих пальцев и гладкую тяжесть каштановых волос. Тряс головой и сжимал виски, потому что по-прежнему видел зеленые глаза с золотистыми искорками и улыбку, от которой перехватывало дыхание.

Одиночество не просто не помогало, делало только хуже — отчаянно хотелось вернуться обратно и опять увидеть Дори на самом деле, не только в собственной памяти.

Кергал жалко всхлипнул, уткнувшись лицом в колени, и накрыл голову руками. Все это было непривычно, а потому неправильно и страшно.

Змея знает, сколько бы он просидел на этом чердаке и чем все могло закончиться, но вскоре одиночество парня оказалось нарушено. Шагов он, увлеченный внутренними переживаниями, не заметил, и потому от неожиданности шарахнулся в сторону, когда рядом прозвучал знакомый голос:

— Кель, что случилось?

Аспис опустился на корточки перед ним — не прикасаясь, но все же близко, чтобы дать понять: он рядом.

— Не знаю, — выдохнул тот, но почувствовал себя легче: этот змей одним своим присутствием вселял в него необъяснимое спокойствие.

— Фалин сказал, эта девочка, Дори, чем-то тебя обидела...

— Нет! — вскинулся Кергал, несколько раз мотнул головой. — Нет! Не обидела... Не знаю!..

— Попробуй рассказать, что случилось, — предложил Аспис, усаживаясь рядом на балку. — Я понимаю, что ты этого не любишь, но иначе я не смогу помочь. Или тебе не нужна помощь?

Кель опять качнул головой, потом кивнул, неопределенно пожал плечами и, наконец, сказал:

— Нужна. Она... тронула. Вот тут. Странно...

— Что именно странно? — Аспис вопросительно вскинул брови.

— Чувствую странно, сейчас...

Старшему змею понадобилась еще пара минут осторожных расспросов, чтобы уяснить картину происходящего, и это — с учетом магии. Глубоко заглядывать в чужой разум он не умел, да и не пытался научиться, а вот легкая эмпатия, помогающая уловить настроение собеседника, не требовала усилий и использовалась почти инстинктивно. Но прямо сейчас она оказалась удивительно бесполезной: в мыслях и чувствах парня царил полный сумбур, немало приправленный страхом.

Зато когда наконец понял, в смятении оказался уже сам Аспис.

Ясно, что девушка Кергала привлекла, причем сильно и во всех смыслах. Хорошенькая, живая, яркая — нетрудно было заинтересоваться. Понятно, почему подобного не случилось раньше и новые чувства так потрясли парня — не те прежде были условия существования, чтобы заглядываться на девчонок.

Вроде бы естественный порыв и нет повода для беспокойства, но не в этом случае и не с его проблемами. Физически Кель уже совсем не ребенок, и, хотя он не понимает слишком многих вещей, об этом ни в коем случае нельзя забывать. Да, скорее всего, никакого вреда этой девочке Кергал не причинит: при всех своих странностях он очень осторожный и, скорее всего, не осмелится и тронуть ее лишний раз, даже если будет очень хотеться. Но Аспис не был готов за это поручиться.

К тому же и без учета возможных опасных последствий было непонятно, что следует предпринять. Сам Кергал явно тяготился непривычными порывами, и Аспис смутно представлял, какая именно тут требуется помощь, и, главное, требуется ли вообще. Да, вспыхнувшая вдруг страсть — слишком новое и сильное чувство для того, кто столько лет вел, мягко говоря, затворнический образ жизни. Но плохо ли это? Или наоборот, пойдет на пользу, подстегнет восстановление?

— Что со мной? — тоскливо уставился на Асписа Кель.

— Все в порядке, — постарался успокоить его белый змей. — Помнишь, мы с тобой разговаривали про симпатии? То, что ты ощущаешь сейчас, имеет почти ту же природу. Просто порой это чувство бывает очень сильным, даже болезненным.

— У всех? — не поверил Кергал.

— Почти, — осторожно ответил Аспис. — Это называется влюбленность. — Для себя самого он мог бы употребить менее возвышенное понятие, но применительно к сыну решил немного придержать цинизм. — Такие чувства бывают у мужчины к женщине или наоборот. Это... естественно, особенно в молодости.

— А у тебя?

— И у меня было, — уверил белый змей как мог спокойно. Сейчас явно неподходящий момент, чтобы вдаваться в детали и сложности его личной жизни.

— Но как?.. — пробормотал Кергал потерянно. От разговора и общества старшего змея ему стало лучше, но полностью беспокойство не прошло, и новые желания никуда не делись. — Это... трудно! Страшно...

— Тебе очень мешают эти ощущения? И хочется от них избавиться? — с внутренним опасением все-таки спросил Аспис. Не мог не спросить: вдруг Кель своим умом умудрится дойти до этой мысли и станет искать способ? Долгая Змея знает, что найдет, но вряд ли это будет что-то хорошее.

— Да! — выпалил Кергал. Потом прислушался к ощущениям и вдруг понял, что не может припомнить, было ли в его жизни что-то хоть вполнину такое же приятное, как волнующие прикосновения девушки, и нетвердо возразил самому себе: — Нет, — вздохнул протяжно, мотнул головой, опять сжал ладонями виски и потерянно решил: — Не знаю...

— Ясно, — вздохнул Аспис. — Пойдем. Не волнуйся, тебе ничего не грозит. Я хочу спросить совета одного опытного старого змея, прежде чем совершать какие-то шаги. Есть несколько идей, как можно облегчить твое состояние, но я не уверен, что тебе действительно нужна помощь.

Кергал безропотно последовал за старшим, испытывая громадное облегчение: появился кто-то, способный решить эту сложную непривычную проблему. И это тоже было ново и странно — чувство неодинокости, наличия рядом кого-то, кто примет, поймет и поможет. Зачем ему это чувство и зачем Аспису во все это лезть? Вопрос был пока слишком сложным, и Кель хоть и задавал его себе, но предпочитал не сосредоточиваться на нем, полагаясь на чутье и инстинкты, разрешавшие полностью довериться белому змею.

— Кель, а ты ничего не вспомнил о том вечере? — дежурно спросил Аспис. И не удержался от усталого вздоха, когда тот лишь равнодушно потряхнул головой.

С памятью у парня все было... сложно.

Кергал стремительно развивался. Его разум жадно впитывал все, что касалось адаптации в окружающем мире, — про общение и мотивы окружающих, про магию, про писанные и неписанные правила. Оказалось даже, что он умеет читать и писать, хотя почерк при этом оставлял желать лучшего. Но Кель продолжал полностью игнорировать, безжалостно отменяя, все, что никак не касалось его самого. То есть где-то в подсознании, конечно, отпечатывалось все, с чем змей сталкивался, но выудить это не получалось. Да Аспис пока толком и не пытался, боясь сделать хуже, и потому терпеливо ждал и надеялся, что по мере выправления общего состояния пропадет и избирательность памяти.

Змеи пришли в незнакомую комнату. Кергал настороженно огляделся, прислушиваясь к собственным ощущениям. Опасности вроде не было, но...

— Мы в покоях Зарка, — правильно истолковал его беспокойство Аспис. — Просто у него хранится переговорный артефакт, шумка. Зарк единственный из нас умеет с ним ладить, когда нужно подстроить или сделать что-то еще более серьезное.

Он уже давно заметил, что Кергал понимает гораздо больше, чем можно предположить после первого знакомства, и потому не видел смысла излишне сюсюкать с парнем. Объяснял все подробно, простыми словами, но без снисходительности. И, кажется, Келя такая линия общения полностью устраивала.

Артефакт выглядел как большая витая ракушка, розовато-кремовая, с зелеными узорами. На вид — вполне обычная, а вот на энергетическом уровне она представляла собой плотный клубок линий — Кергал это почувствовал и даже вздрогнул от неожиданного успеха, отчего потерял концентрацию и упустил это ощущение.

Приложив раковину к уху, как ребенок, слушающий «шум моря», Аспис на несколько секунд замер с очень сосредоточенным видом, потом вздохнул и отложил артефакт на стол.

— Его нет на месте. Пару минут подождем, если не отзовется — я дам тебе успокоительного эликсира, чтобы немного притупить чувства, и пойдем на занятия. А вечером еще раз попробуем.

Но едва он договорил, как раковина слабо засветилась голубым и по комнате поплыл громкий шелест.

— Надо же! — хмыкнул Аспис себе под нос и активировал артефакт, жестом предложив Кергалу садиться.

— Ну что там у тебя опять стряслось? — донесся из раковины сварливый старческий голос.

— У меня — ничего, — честно ответил змей. — Один сложный ученик, хочу проконсультироваться с тобой как со специалистом по болезням разума.

С этими словами белый змей положил раковину на бок, раскрытыми створками к себе, и сплел заклинание. Между ним и устройством возникло облако пара, в котором отчетливо, очень контрастно проступило изображение.

В большом, мягком и бесформенном кресле, напоминающем неплотно набитый мешок, расслабленно сидел крепкий старик. Резкие черты лица, еще больше подчеркнутые глубокими прямыми морщинами, строгий взгляд. В изображении было слишком много сине-зеленых оттенков, поэтому разобрать цвет глаз и волос не получалось, и вообще лицо выглядело странно. Но Кергала посетило смутное ощущение узнавания: он точно где-то видел этого мужчину. Не с этими приметными перьями вместо бровей и чешуей, обрамляющей лицо, но точно видел! Может, в прошлой жизни, в столице? Может, даже до канализации... Было же там что-то, верно?

— Это он? — задумчиво уточнил сине-зеленый мужчина из артефакта, рассматривая Келя. Тому очень захотелось подняться и спрятаться подальше от взгляда, но к стулу придавила тяжелая ладонь сидевшего рядом Асписа, которая легла на плечо.

— Он.

— И ты даже можешь дать внятное объяснение, почему он так на меня похож? — Голос старика зазвучал откровенно язвительно, а губы скривила желчная ухмылка.

— Давай потом, а? — поморщился Аспис.

— Ну да, пороть тебя надо было определенно раньше, сейчас-то уже что! — хохотнул старик, но все-таки вид его стал сосредоточенным. — Ладно, что там еще с бедным парнем, помимо дурной наследственности?

Кергал, внимательно слушавший разговор, окончательно перестал понимать, о чем идет речь и почему незнакомец должен был пороть белого змея. Но спрашивать, конечно, поостерегся, больше озадаченный словами старика об их сходстве. Пока Аспис рассказывал, Кель, продолжая вполуха слушать, тихо поднялся со своего места и отошел в угол, где стоял широкий резной комод, а над ним висело зеркало. Как раз последнее молодого змея и интересовало.

Несколько секунд он пристально разглядывал свое отражение, то и дело косясь на увлеченного разговором старика, — сравнивал. Хмурился, похоже копируя выражение лица, пальцами стягивал кожу, чтобы изобразить складки. Но даже без этих ухищрений было понятно: да, действительно, сходство немалое. Вот где он видел лицо того мужчины и вот почему оно показалось знакомым: напоминало собственное. Его Кергал знал не очень хорошо — не имел привычки разглядывать, да и негде особо было, — оттого и не понял сразу.

Теперь бы понять, что делать с этим открытием...

— Да оставь ты парня в покое. — Голос старика ворвался в размышления Келя, привлекая внимание. — Если ты не напортачил с диагностикой и все именно так, как говоришь, то лечение подобрал верное и делаешь все, что можешь в этих обстоятельствах. Я бы еще кое-что смог, но мозги — не твоя сильная сторона. — Он хохотнул, довольный собственной шуткой. — А дальше можно только ждать. Общение со сверстниками ему точно на пользу, а что до той девчонки... ну объясни ему, откуда берутся дети, и ладно. Ты уже большой, вон на практике разобрался. Неоднократно. Или сам до сих пор не понял, как такое получилось? — Ухмылка стала донельзя гнусной.

— Спрашивается, и зачем Змея дернула меня за хвост к тебе обратиться? — риторически пробормотал Аспис.

— Можно подумать, у тебя есть выбор! — фыркнул собеседник. — Бес как?

— Осваивается. — Белый змей развел руками. — Да сам знаешь, он рассудительней нас обоих, вместе взятых, уж с ним точно ничего не случится.

— Тоже верно, — согласился старик. — В кого только пошел... А этого — береги, и так парню досталось. Если наворишь дел — хвост оторву. И еще что-нибудь.

— Отрывалку не сломай, — равнодушно отмахнулся Аспис. — У вас там как? Тихо?

— Тихо, — спокойно подтвердил тот. — Хотя у местных какие-то странные волнения, не нравится мне все это. И предчувствие дурное. Может, нам все-таки начать перебираться домой, а?

— Рано еще. Здесь тоже слишком беспокойно. Надеюсь, король успеет навести порядок, а мы —

разберемся с убийцей...

— С каким еще убийцей?

— Зарк разве не доложил? — удивился белый змей.

— Он, может, и доложил, но до меня пока не дошло. Давай-ка подробнее...

Разговор из-за этого затянулся, а Кергал заскучал. Слушать про чужую смерть и ее причины было неинтересно, поэтому парень побродил по комнате, с интересом осмотрел ракушку, не прикасаясь. Потом подошел к окну и выглянул в парк. Сейчас, при свете дня, тот казался чересчур пустым и открытым, поэтому никакого желания прогуляться не вызывал: слишком ненадежно, слишком опасно. То ли дело ночью!

Аспис наблюдал за ним вполглаза, просто на всякий случай. Рассказ об убийстве много времени не занял, да и в лишние подробности белый змей не вдавался — толку! Витол — целитель, а не следователь, только потешить старика детективной историей без конца.

— Ну что, Кель, пойдем? — позвал он сына, завершив разговор.

— Почему я на него похож? — тут же спросил тот.

Ожидаемо...

— Потому что это был твой дед, — глубоко вздохнув, признался Аспис. Когда-то следовало все рассказать, почему не сейчас?

— Дед? — озадаченно уточнил Кергал. — А... мама? И папа?

— О твоей маме я, увы, ничего не знаю, остается надеяться — ты сам что-нибудь вспомнишь. А отец твой — я.

— Почему? — совсем растерялся Кель.

— Я чувствую в тебе родную кровь, так что сомневаться не приходится.

— Нет. Почему... только теперь? — нахмурился парень.

Очень справедливый вопрос, да. Барес его в свое время не задавал — слишком маленьким был, а потом все как-то само собой решилось. Но Змея не помиловала, пришлось его услышать. От взрослого парня, который пережил такое — врагу не пожелаешь...

— Я не знал, что ты появился на свет. Не знал, что ты существуешь и что тебе нужна помощь. Просто не мог предположить, — ровно, веско заговорил Аспис, стараясь ничем не выдать волнения. — Почувствовал только здесь, когда ты оказался рядом. Но сразу говорить не стал, ты был не в том состоянии.

— А теперь?

— Теперь ты уже здраво рассуждаешь, чтобы воспринимать эту информацию. Тем более подвернулся удачный повод.

Несколько секунд они шли молча. Кергал задумчиво смотрел под ноги, Аспис — косился на него, ожидая реакции и продолжения. Ждал чего угодно, но готовился к худшему — к тому, что парень потребует больше никогда к нему не приближаться.

— И что теперь? — повторил Кель.

— То есть? — не понял белый змей. — Поясни, что ты имеешь в виду.

— Теперь ты уйдешь? — наконец сформулировал он.

— Нет.

— Но уже есть Барес, он настоящий. Правильный.

— Ты тоже настоящий, — немного нервно усмехнулся Аспис. — Да, сейчас ты болееешь, но это значит только, что тебе куда больше нужна помощь, чем Баресу. Если бы я только мог знать, что ты оказался в беде...

— Нашел бы? — недоверчиво покосился Кергал.

— Да.

От этого разговора было не по себе, он казался наигранным и неестественным — идут два мужика и обсуждают столь странные вопросы. Но змей отчетливо понимал, что все так и должно быть. Что Кергал, несмотря на наружность, пока еще подросток, а не взрослый мужчина. Даже в чем-то ребенок. И разговаривать с ним нужно именно так — прямо, просто и как можно более откровенно, пусть даже речь идет о чувствах и душевных привязанностях — то есть о том, о чем Аспис совершенно не умел и не любил говорить.

До нужного класса, завернув по дороге за успокоительными каплями, они опять шли в тишине. Старшего змея приободряло уже то, что сын не ругался и не спешил в чем-то обвинять отца, — может, понимал, что тот говорит правду и не мог помочь раньше, а может, просто не задумывался о том, что эта помощь была ему нужна. Он ведь выживал, он привык так жить и потому не осознавал еще, насколько все это было... чудовищно.

— А мама? Ее можно найти? — тихо спросил Кель уже возле нужной двери.

— Мы постараемся, — после короткой паузы все-таки пообещал Аспис. — Через несколько дней будет удачный момент для ритуала, попробуем выяснить хотя бы, жива она или нет и как далеко находится.

— Спасибо, — еще тише выдохнул парень. Потом вдруг подался вперед, порывисто обнял ошарашенного таким неожиданным проявлением чувств родителя и еще до того, как тот сумел среагировать, отстранился.

— Пожалуйста. Кель, будь осторожен, хорошо? Если возникнут еще какие-то проблемы, сомнения — приходи сразу ко мне, договорились?

— Да.

Остаток учебного дня Кергал провел в глубокой задумчивости. Выполнять задания у него получалось через раз, но его это не заботило. Все внимание молодого змея занимали последние новости, на фоне которых даже немного померкли впечатления от знакомства с очаровательной девушкой Дорикой.

Кель ощущал удивительную легкость.

Он не один. Есть настоящая семья, которой он нужен. Он больше не наблюдает за чужой жизнью через прозрачную завесу защитных чар, которую нельзя преодолеть. Он — живет, он — настоящий! Это немного страшно, очень волнующе, в груди от этого появляется странное колюче-приятное ощущение, а еще почему-то хочется улыбаться.

Надолго ли? Помогло ли снадобье, или он просто устал бояться, или внутри что-то продолжало меняться — в лучшую сторону? У Келя не было ответа на этот вопрос, да и искать его не хотелось. Хотелось *жить*, несмотря на то что он плохо понимал — каково это. Но желал узнать. И это было приятно.

С того момента, как я твердо решила поговорить с Асписом серьезно, минуло уже семь дней, и я по-прежнему цеплялась за любой повод этого не делать. При встрече сразу же ощетикивалась колючками и норовила поскорее сбежать, если шансов на это не оставалось — язвила. Понимала, насколько глупо это выглядит со стороны, но ничего не могла с собой поделать. Злилась — уже больше на себя, чем на него, — но при встрече все повторялось вновь.

А особенно злило мучительное осознание, что это все — результат моих страхов. К Аспису просто не получалось оставаться равнодушной, и я боялась того, что останется, если убрать ненависть и обиду.

Слава Создателю, имелась отдушина, которая не давала погрязнуть в личных переживаниях: ученики. Подготовка к занятиям и сами занятия отнимали кучу сил и времени, кроме того, приходилось решать чисто хозяйственные вопросы. Мрон, конечно, очень многое брал на себя, но я старалась хотя бы быть в курсе.

Наконец, не давали скучать постоянные мелкие происшествия, случавшиеся в школе. То один мальчик где-то найдет ежа и притащит, но зверек сбежит, напугает ночью девочку из соседней комнаты, и от визга весь коридор проснется. То двое ребят из-за девочки подерутся, и потом вдруг выяснится, что у них этот конфликт давно, еще с другого мира, но до этого как-то удавалось от старших скрывать. То на занятиях по обороту кого-нибудь заклинит в змеиной форме, и он с перепугу удерет из класса, пока учитель отвлекся на других, не менее перепуганных.

Да и про капитана с его расследованием забыть не получалось. Я наблюдала за коллегами и учениками, пытаюсь понять, чего стремился добиться убийца, но так и не пришла ни к какому

выводу. Со смертью несчастного парня в школе не изменилось ничего: здешние обитатели уже пережили происшествие, их куда сильнее занимала каждодневная рутина. Было горько, обидно и стыдно перед мертвым стражником, но выхода из этой ситуации я не видела.

В общем, на личное почти не оставалось времени. Днем. А ночью... Да и ночью, пожалуй, тоже: я слишком уставала, чтобы подолгу лежать без сна. Просто немного изменился состав кошмаров, теперь снилось прошлое, а не бессюжетная дрянь.

Проснувшись после очередного кошмара незадолго до общей побудки и выгнав из головы всяческую муть с помощью долгой пробежки, я возвращалась в свою комнату, уже безнадежно опоздав на завтрак, когда услышала приглушенный расстоянием, но все равно отчетливый в утренней тишине болезненный вскрик. Терзаемая отвратительными предчувствиями, со всей возможной скоростью припустила туда, откуда доносились звуки драки.

Все происходило за школой, на заднем дворе, и повезло, что шла я как раз с нужной стороны.

Выскочив из-за угла, я едва не запнулась. Сердце подскочило к горлу, в груди на мгновение разлился холодок страха: на открытой площадке происходило избиение, какой-то змей валял в ныли Мангира.

— Прекратить немедленно! — на бегу потребовала я, но змей то ли не услышал, то ли сделал вид.

Повторять не стала, сразу воспользовалась магией. Как бы ни хотелось швырнуть его побольнее, чтобы мозги встали на место, этого я себе не позволила, спеленала путами. Мар остался лежать.

В этот момент по ступенькам черного хода сбежала белая как полотно Сверта в сопровождении хмурых Зарка и Асписа. Следом выскочили близняшки и целая группа сопровождения из уже знакомых старших парней. Дори выглядела напряженной и сосредоточенной, Тори даже не пыталась утирать слезы, крепко держась за ладонь Бареса.

— Что тут происходит? — рявкнул черный змей, а я как раз упала на колени рядом с бледным избитым мальчишкой, нащупывая пульс.

— Мар! — вскрикнула Дорика, а ее сестра от страха, кажется, не могла выдать ни слова.

— Стоять! — Зарк успел перехватить девочек за локти, чтобы дать дорогу своему товарищу.

Аспис опустился на колени напротив меня, одну ладонь опустил на грудь раненому, вторую — на лоб. Я поспешила отодвинуться, чтобы не мешать целителю. Профессиональные качества этого мужчины не вызвали сомнений даже у меня.

— Осколок ребра проткнул легкое и задел печень, внутреннее кровотечение. Сильное сотрясение, несколько переломов, — принялся за диагностику змей. Рядом сдавленно охнула Дори, ее сестра громко всхлипнула. Подоспели Фалин и еще несколько учеников.

— И? — напряженно уточнила я.

— Подлатаем, — бросил Аспис. — Не здесь, давай внутрь.

Я тщательно сплела кокон воздушного заклинания и аккуратно подняла пострадавшего.

— Фалин, Зарк, приглядите за этим! — попросила я. Мужчины синхронно кивнули, и мы заспешили внутрь.

В качестве операционной змей избрал первый попавшийся класс на первом этаже — столов там было предостаточно, Аспис без моей помощи рывком сдвинул два.

— Клади. Дай больше света и воду, — командовал он резко, отрывисто. От этого срабатывали орденские рефлексy — выполнять приказ точно и сразу, не рассуждая и не пререкаясь.

Под потолком вспыхнули несколько ярких огненных шаров, свет которых больно резанул по глазам. Зрачки змея превратились в узкие щелочки, но он удовлетворенно кивнул. За водой пришлось сбегать в ближайшую уборную и притащить большой шар в воздушном коконе.

Больше я ничем помочь не могла, только держала воду и наблюдала. Первый раз в жизни наблюдала за работой опытного целителя-змея и вновь поражалась, каким безумием была главная цель змееловов, сама их идея. Среди людей тоже попадались целители, и с подспорьем в виде алхимических средств они тоже многое могли, но... Создатель! По сравнению с тем, что сейчас делал Аспис, это был уровень школьников.

Воду он использовал для концентрации и напрямую, чтобы смывать грязь и кровь. Водил пальцами над кожей, аккуратно направляя силу, которую расходовал очень экономно, — привычка явно не

мирных и благостных дней.

Собранный, спокойный, сосредоточенный, между бровей — короткая хмурая складка. Я вдруг рассеянно подумала, что таким Асписа никогда не знала: не приходилось видеть его за работой. О том, что он змей, узнала ближе к концу наших встреч, и о том, что целитель — тоже. Но не было случая. А теперь...

Как все же легко и стремительно меняется человеческое восприятие под действием внешних обстоятельств. Сейчас присутствие Асписа вызывало во мне не обычные злость и страх, а облегчение и надежду. И смотреть на него, думать о нем было гораздо проще, чем сознавать, что перед ним на столе лежит не просто некий абстрактный пациент с серьезными ранами, а Мангир.

Колдовал над парнем змей долго. Сначала — над грудной клеткой, потом прикрыл глаза и положил ладони на виски парня, очевидно закончив с самым опасным. И я позволила себе облегченно вздохнуть: кажется, самое страшное позади.

— Принеси из моей комнаты небольшой кожаный чемодан с деревянными ручками, стоит в шкафу слева, на средней полке, — не открывая глаз, отрывисто велел Аспис. — Воду можно убирать.

Я молча подошла к окну, чтобы открыть его и выплеснуть остатки наружу.

— Нори! — окликнул меня змей. — С парнем все будет в порядке.

— Спасибо, — ответила тихо.

Мужчина только коротко кивнул. Кажется, он прекрасно понял, что благодарила я не только и не столько за это известие.

Стоило ступить за порог, и на меня тут же с двух сторон надели близняшки:

— Как он?

— Все будет хорошо, — начала я с главного. — Мар поправится, не волнуйтесь. Аспис отлично его подлечил, уже скоро закончит. Шли бы вы на занятия, а?

— Нори, ну какие занятия, о чем ты?! — возмущенно уставилась на меня Дорика. — Мы же изведемся!

— Идите, нечего болтаться в коридоре, — не поддавалась я. — Говорю же: с Маром все хорошо, ваша помощь не нужна. Потом я вас найду, расскажете, что у них там случилось и в чем причина ссоры. Давайте, давайте, шустрее. Чтобы к моему возвращению обеих тут не было. И не смотрите на меня глазами голодного котенка, брысь!

Они, может, попытались бы сопротивляться, но составлявшие девушкам компанию змеи, соседи Мара, оказались более дисциплинированными. Я на мгновение замешкалась, провозжая озадаченным взглядом компанию учеников. Все бы ничего, но Барес, которого расхваливала мне Дори, уверенно и не скрываясь обнимал за плечи ее сестру. Девочки передумали?

Впрочем, лезть еще и в этот вопрос я не стала. Если никто ни от кого не прячется и не пытается обмануть, значит, постороннее вмешательство не требуется. А за поддержкой в случае необходимости близняшки и сами придут: знают, что у них есть такая возможность.

Остальные ученики разошлись на занятия еще раньше, так что до комнаты Асписа я добралась без происшествий. Мелькнула мысль, что это не очень нормально, — мне заходить в его спальню и что-то там искать, но я ее отогнала вместе со всеми неоформленными сомнениями и страхами. Не глядя по сторонам и не отвлекаясь, прошествовала прямо к шкафу, благо он был один. Потертый и очень тяжелый чемоданчик нашелся именно там, где сказали. Заглядывать внутрь я не стала, поспешила обратно.

К моему возвращению змей как раз закончил с головой пациента.

— Отлично, это он, давай сюда, — кивнул Аспис, принимая чемоданчик. — Будешь помогать.

В сумке, как и следовало ожидать, нашлись лекарства — батареи бутылочек, перевязочный материал, даже какие-то инструменты. Показалось, что внутри этот чемодан больше, чем снаружи. Приглядевшись внимательнее, поняла: не показалось, пространство было слегка искажено. Дорогая штучка, такие вещи очень сложно изготавливать.

Перевязка заняла немало времени. Аспис тщательно смазал каким-то резко пахнущим средством крупные гематомы, наложил шины на сломанные руки — одну в двух местах, но там обошлось трещинами, вторую — в одном, но серьезно, со смещением, пришлось вправлять. С переломами он действовал знакомым и привычным способом: выправлял, с моей помощью фиксировал, накладывал

бинт, потом наносил сверху специальный состав, и повязка становилась твердой, прочной коркой. Разве что одновременно с этим щедро делился магией, сплетая сложнейшие узоры, — не восстанавливал полностью, но подстегивал исцеление. Через неделю, а может, и раньше, парень будет как новый.

Я работала парой дополнительных рук — подать, придержать, приподнять. И, наблюдая за работой целителя, вновь открывала для себя простую истину: создавать гораздо сложнее, чем разрушать. Подавляющее большинство боевых заклинаний просты по структуре, для них требуется только скорость управления широкими потоками энергии. То есть это, конечно, тоже требует и опыта, и определенных навыков, но... Создатель, как же грубо и примитивно это выглядит в сравнении!

— Можно переносить. У нас вообще есть лазарет? — вытирая руки обрывком бинта, устало спросил Аспис. Судя по всему, за жизнь и здоровье Мангира ему пришлось немало побороться.

— Есть, — не сразу вспомнила я.

— Пойдем посмотрим. Донесешь?

— Конечно.

Я магией аккуратно приподняла раненого, вернула на место столы. Руками сгребла в кучу разрезанную форму и активировала хозяйственный артефакт для уборки.

Шли молча. Аспис был сосредоточен на пациенте — кажется, состояние головы того по-прежнему вызывало беспокойство целителя. А я опять уныло копалась в себе, поглядывая на змея.

Создатель, ну почему в школу приехал именно он?!

Впрочем... Справился бы на его месте другой змей? Или впору благодарить богов за то, на что я все это время сетовала?

Идти, к счастью, было недалеко. Под лазарет отвели небольшую анфиладу из двух комнат, дальняя из которых предназначалась для пациентов. Теплая, солнечная, с окнами на юг. Стены, оклеенные светло-желтыми обоями в мелкий травянистый узор тусклого золота, высокий белый потолок с изящным ленным бордюром вокруг, на полу — золотистый паркет. Сюда уместилось по шесть коек и тумбочек, которые разделили легкими белыми ширмами безо всяких изысков, и большой прямоугольный стол посередине. Дверца в дальнем углу вела в роскошную уборную с мраморной ванной.

Лекарская, оформленная в зелено-золотых тонах, раньше тоже была гостиной. Здесь сохранилась большая часть обстановки — кресла, кушетки, несколько столиков и даже клавесин. Но добавились несколько тяжелых шкафов, похожих на книжные, неуклюже втиснутый в угол тяжелый сейф и стол — судя по всему, операционный.

— Неплохо, — одобрил Аспис, оглядываясь, пока я устраивала раненого, стаскивала с него штаны и сапоги, благо с магией это почти не требовало усилий. — Тут даже кое-что из лекарств есть, — добавил он, выходя из лекарской, и продемонстрировал мне широкий дымчато-серый браслет с несколькими прозрачными кристаллами. — И сигналка на случай, если кто-то из пациентов надумает удрать. Помочь?

— Да я уже все, — отмахнулась, собирая вещи. Надо принести парню новую одежду. — Теперь можно идти и разбираться, что они до такой степени не поделили.

— Думаю, стоит начать со Сверты, — заметил Аспис. — На нас наткнулась и позвала на помощь именно она.

— Согласна. — Я неуверенно замерла перед ним, сжимая в охапке грязные лохмотья. Предпочла бы сейчас снова сбежать, но только змей остановился в проходе. Скрестил руки на груди, привалился плечом к косяку и глядел на меня пристально, напряженно.

— Нори, почему ты тогда это сделала? — ровно, на удивление спокойно спросил Аспис. В глазах — только вопрос и желание разобраться; ни обиды, ни злости.

Почему?..

— Потому что я стерва, которая ненавидит змеев. Разве нет? — спросила резко. Мне такое самообладание сохранить не удалось.

— Нет.

И все. Без пояснений, без попытки развить дискуссию, без малейшего намека на то, что его что-то задевает, без какой-либо реакции на провокацию. И взгляд — спокойный, тяжелый, пробирающий

до самой глубины души.

Я длинно, глубоко вздохнула и ответила, отводя глаза:

— Я не сдавала тебя змееловам. О том, что за мной следили, узнала только тогда, когда... ты был уже там.

— Но зачем тогда соврала? Зачем вообще пришла? — Змей протянул руку, кажется намереваясь поймать меня за подбородок и поднять лицо, вынуждая посмотреть в глаза. Но не дотронулся. Пальцы замерли в нескольких сантиметрах от моего лица, потом быстро сжались в кулак — и Аспис отвел ладонь.

— У меня не было другого способа прийти и помочь. А сказала... хотелось сделать тебе напоследок так же больно. — Я все-таки заставила себя выпрямиться и посмотреть на змея. — Отомстить. К тому же без этого никто не поверил бы в срыв. Я надеялась, что сильных ожогов удастся избежать, но, если бы их не оказалось вовсе, это было бы подозрительно. А так пострадали не только оковы и решетка...

— За что отомстить, Нори? — повторил он напряженно. — Объясни. Я правда не понимаю, чем мог тебя обидеть.

— За то, что для тебя я была случайным развлечением, щекочущим нервы. За то, что тебе просто забавно было трахать змеелова.

Я повторяла крепко засевшие в памяти слова со странным удовольствием, ловя себя на том, что улыбаюсь. Оказывается, это удивительно приятно — высказать вслух наконец то, что не давало покоя столько времени, засев в памяти болезненной, нарывающей занозой.

Несколько секунд змей продолжал смотреть озадаченно, как будто в самом деле не понимал. Потом на лице проступило какое-то совсем детское, обиженно-удивленное выражение — и Аспис рассмеялся. Нервно, немного истерически. Грязно выругался сквозь смех, запустив пятерню в волосы. Я озадаченно нахмурилась — реакция оказалась совершенно неожиданной.

— Твои учителя и командиры были на редкость хитрыми, расчетливыми мразями, — наконец высказался он.

Возразить по существу было нечего. Однако и спросить, как это оправдывает все сказанные им гадости, я не успела. Аспис вдруг переменился в лице — посерьезнел и нахмурился, и я отчетливо поняла: дело совсем не в нашем разговоре.

— Что? — выдохнула напряженно.

— Кель. Он явно не в себе, что-то случилось, — бросил змей и кинулся прочь из лазарета. Я, по дороге швырнув комок вещей в кресло, — за ним.

Неужели на бедолагу действительно напали, как мы боялись?

Глава 8

НАДЕЖДА В ГЛАЗАХ

Магия крови — своеобразный раздел магического искусства. Кто-то выделял ее в отдельную дисциплину, кто-то считал частью целительства и не был так уж и не прав — между этими двумя направлениями существовала тесная связь. Барес, как и многие до него, затруднялся в определении, но это не мешало ему учиться.

Сейчас все внимание парня занимал предстоящий ритуал, заставляя то и дело прислушиваться к себе и окружающему миру. Отыскать по крови кого-то, находящегося неподалеку, несложно, но Бесу-то требовалось охватить весь мир! Чтобы раз и навсегда закрыть для себя этот вопрос, не дающий спокойно жить. А для этого своих сил явно не доставало, требовалось призвать на помощь общемировые магические потоки. То есть подключиться к ним на циклическом пике силы или близко к нему, лучше всего сезонном, но можно и ежемесячном, каковой как раз подходил. До нужного момента оставалась пара дней, и Барес все больше нервничал. Наверное, если бы не учеба и другие отвлекающие факторы, совершенно извелся бы, не выдержал и провел ритуал раньше, и Змея знает, чем бы это закончилось.

Но были друзья, были молодые змееныши, которым старшие старались помогать, — их, собственно, именно для этого и взяли. Был новоиспеченный брат, который вызывал любопытство и живое участие. Было так до сих пор и не раскрытое убийство, которое не давало покоя и заставляло постоянно перебирать в голове известные факты. И жалеть, что сам Барес пока еще никакой не следователь и не может придумать, что делать в сложившейся ситуации, в этом тупике, куда зашли поиски.

А еще была Тори — тихая, незаметная на фоне деятельной сестры, с ласковой улыбкой и бархатным, глубоким взглядом, который непривычно волновал и который было до дрожи приятно то и дело ловить.

Барес всегда старался не обманывать себя и потому сознавал, что это не просто дружеская симпатия, что Торика привлекает его гораздо сильнее, чем все знакомые девушки, вместе взятые. С ней рядом постоянно тянуло улыбаться, говорить или делать какие-то глупости, чтобы очаровательная змейка тоже улыбнулась.

Но предпринимать решительные шаги Бес не торопился: предпочитал повнимательнее прислушаться к ощущениям, присмотреться к Тори, чтобы не ошибиться. Да и мысли о ритуале слишком беспокоили, поэтому парень решил разобраться сначала с ним, а потом уже полностью сосредоточиться на личном.

Которое этим утром вдруг налетело на него само.

Бес как раз возвращался с пробежки в компании Рори и Лейма, когда навстречу им промчалась очень странная компания: трое старших змеев, вместе с ними — близняшки, следом — Фалин и еще пара учеников. Барес успел поймать заплаканную девушку.

— Тори, что?! — резко спросил он, удерживая ту за плечи.

— Мар! — Торика вцепилась обеими руками в рубашку на его груди, и не думая вырваться. — На него напали!

Трое змеев переглянулись, одновременно ругнувшись, и ринулись за остальной компанией. Как-то само собой получилось, что ладошка Тори оказалась в руке Беса. Освободить ее девушка не стала — ни сразу, ни на внутреннем дворе, ни потом, когда они спешили за целителем и Норикой с ценной ношей.

— Что они не поделили? — возмутился Рагрор, когда Аспис заперся с раненым в ближайшем кабинете, а задиру увел еще кто-то из учителей.

— Кому-то войны мало было! — зло, очень по-взрослому процедила сквозь зубы Дори.

— Он напал на Мара только потому, что тот человек! И хотел его убить! — вскрикнула ее сестра, поднимая на Бареса заплаканные глаза.

С легким удивлением тот обнаружил, что обнимает девушку за плечи и бездумно перебирает пушистые волосы, — как-то уж слишком естественно и просто все получилось. Внутри от этого ощущения, несмотря на тревожные обстоятельства, было тепло и сладко. Бес с иронией заключил, что важное личное дело, похоже, решилось само собой еще до ритуала: уж слишком доверчиво жалась к нему Тори, чтобы можно было списать это на простые последствия испуга и желание поддержки.

— Не бойся, отец его вылечит, — твердо ответил Барес.

— Если найдет нужным лечить человека! — рвано вздохнула Дорика.

— Глупости! — отмахнулся Рори. — Аспис такой занудно-правильный, да он никогда в жизни не оставит раненого умирать! Тем более к людям он хорошо относится. Да и с Иреймом совершенно непонятно, что случилось, он же всегда нормальный был...

— Странная нормальность! — огрызнулась Дори.

— У него младшая сестра — человек, и у них были замечательные отношения, — поддержал друга Бес. — Это, конечно, не оправдывает его поведения сейчас, но раньше он ничего такого не творил и даже не высказывал. Мы его не очень хорошо знаем, но это действительно странно. Зачем он тогда сюда приехал? Чтобы начать убивать людей? Не думаю, что наставники пропустили бы настолько ненормального ученика!

— Еще скажи, что Мар сам виноват и спровоцировал! — возмутилась Дори, метнув на Бареса гневный взгляд.

— И не думал даже, — спокойно ответил тот. Злость Дорики не задевала: он прекрасно понимал, что говорил в ней сейчас не разум, а страх за брата. — Но что-то же заставило Ирейма так поступить!

— Будем надеяться, хоть с этим учителя справятся! — проворчал Рагрор. — С расследованием убийства у них не очень получается... Интересно, почему они так и не позвали профессионала? Тот капитан выглядит не очень-то толковым.

— Они звали, только король никого не прислал, — проворчала Дори. — Там в столице волнения какие-то, каждый надежный человек на счету. Норика упоминала, — пояснила она, не дожидаясь вопросов, откуда знает. — Создатель, ну почему они так долго?! — Девушка с тоской поглядела на дверь.

— Все будет в порядке, Аспис — отличный целитель, — попытался приободрить ее Рори и обнять за плечи, но та резко ускользнула от его ладони и недовольно насупилась.

Оставить девушек наедине с напряжением и страхом ожидания парни, конечно, не могли, но потом вышла Норика и всех прогнала, а спорить с ней не рискнули.

Остаток первого и второе занятие прошли на тревожной ноге. Сбежать и отыскать кого-то из близняшек возможности не было, Аспис на глаза не показывался, а Зарк, который вел оба занятия, сразу убил надежду на новости резким и категоричным «без комментариев».

Занятия в старшей школе традиционно длились по полтора часа с коротким перерывом в середине — считалось, что больше ученикам сложно высидеть, а меньше — учитель не успеет дать достаточно информации. Между занятиями Барес удрать не успел, пришлось отвлечься на срочную доделку домашнего задания. А вот потом, когда Зарк отпустил свою изрядно поредевшую группу, Бес помчался искать хоть кого-то — то ли Асписа с Норикой, то ли девочек.

— Барес, ты не знаешь, где твой отец? — наткнулся на него в коридоре хмурый Фалин.

— Да вот сам пытаюсь найти. А что?

— Я не могу найти Кергала, и меня это беспокоит. Он ушел после первого занятия и пропал.

— Если встречу — скажу, — кивнул Бес.

Пропажка Келя не понравилась ему еще больше, чем отсутствие новостей о Маре. Потому что последним занимался отец, а тот почти не терял пациентов, если те попадали в его руки более-менее живыми. Мангир, конечно, был плох, но вряд ли *настолько*. А вот исчезновение брата, с учетом опасения учителей за его жизнь, насторожило.

Решение нашлось быстро. Пользоваться магией крови так легко, как делал это отец, Барес пока не умел, ему всегда требовались ритуалы, пусть даже простенькие. И именно этим он решил заняться, наплевав на возможное опоздание.

Для импровизированного ритуала, который Бес решил проводить у себя в комнате, хватило ручки, ножа и листка бумаги — не рисовать же прямо на столе, не тот случай. Схема чар, тонкий порез на запястье, чтобы добыть пару капель крови, — все аккуратно и точно, словно на уроке. Кровавые штрихи и знаки в нужных местах, и Барес кожей ощутил, как рисунок наливается силой. Потом — добавить немного магии воды, и простейшее поисковое заклинание по крови готово. Почти такое же, какое ему предстояло повторить через пару дней в чрезвычайно усложненной форме.

Осталось сосредоточиться и попытаться привязать собственные ощущения к мысленной карте

особняка. Первая точка, куда тянуло почти с непреодолимой силой, — конечно, отец. Кажется, в одном из классов на первом этаже. Обычно он ощущался гораздо слабее, но обдумывать подобные тонкости было некогда — может, дело в том, что отец активно колдует. На таком фоне второй вектор почти терялся, но Бес все-таки сумел его уловить.

Судя по всему, Кергал опять прятался на чердаке. Хорошо, что его маскировка не распространялась на магию крови. Теоретически от нее вообще нельзя укрыться, но мало ли какие в нем могли проснуться таланты!

Пару секунд, убирая со стола следы ритуала, Барес колебался, стоит лезть к беглецу или нет. Кель явно хочет побыть один и вряд ли обрадуется компании. Но ведь опасность-то ему тоже грозит вполне реальная, и не очень умно прятаться в одиночестве в пустынном месте.

В итоге соображения безопасности перевесили чувство такта и Бес направился на чердак вразумлять брата — младшего если не по возрасту, то уж по жизненному опыту — точно.

На чердаке было как всегда — тихо, пыльно и пусто. В сизом ковре отчетливо выделялись цепочки следов, ведущих в единственном направлении дальнего угла.

— Кель? — окликнул Барес брата. — Ты здесь?

Конечно, тот не ответил. Пришлось идти, сверяясь с внутренним магическим компасом, который еще действовал. Маскировался Кергал настолько хорошо, что рассмотреть его удалось только на расстоянии нескольких шагов — смутный человеческий силуэт, внимание вокруг которого буквально расплывалось.

— Кель, что-то случилось? — опять позвал Бес.

Змей дернулся от неожиданности — кажется, приближения постороннего он не заметил, — отчего маскировочные чары пропали, облик проступил отчетливо. Парень сидел, обняв колени, сжавшись. На прищельца вскинул напряженный, недоверчивый взгляд и сжался еще больше, словно ожидал от него какой-то гадости.

— Кель, тебя кто-то обидел? — предположил Барес и медленно, стараясь не делать резких движений, чтобы не спугнуть, уселся на соседнюю балку напротив брата, на некотором — безопасном — расстоянии.

— Ты можешь рассказать, я тебе помогу. Обещаю! — попытался он еще раз, но Кергал только продолжал напряженно коситься и молчать. — Пойдем отсюда, а? К Аспису. Он-то точно со всем разберется... — зашел парень с другой стороны.

Без толку, Кель явно не был настроен на разговоры. А Барес с тоской понимал, что зря сюда сунулся: никак помочь и повлиять на беглеца, не испортив при этом многодневный кропотливый труд отца, он не мог. Ну не умел он лечить, и уж тем более — лечить разум! Никогда не испытывал к этому склонности и интереса. Но не мог и бросить в одиночестве брата, явно пребывающего не в себе, особенно когда существовала угроза его жизни.

Оставалось только сидеть рядом и заговаривать зубы, тем более когда-то Бес слышал, что это неплохой способ первой помощи в подобных обстоятельствах. И ждать, пока отец закончит с раненым и спохватится.

Случилось это, на счастье Беса, быстро, он еще даже охрипнуть не успел, рассказывая какие-то байки и воспоминания.

— Барес? А ты что тут делаешь?

— Сторожу. — Молодой змей развел руками. — Я же помню, ты упоминал, что на него может охотиться убийца, а об этом его убежище только ленивый не знает. Я бы увел, но не могу — что-то с ним совсем не то, — доложил он, с интересом поглядывая на замершую неподалеку Норика, которая прибежала вместе с отцом.

Аспис приблизился к Кергалу, опустился рядом на корточки. От него парень шархаться не стал, но все равно смотрел испуганно и недоверчиво, как дикий зверек.

Белый змей результатами осмотра пациента явно остался недоволен: тихо ругнулся под нос, нервным жестом взъерошил себе волосы пятерней.

— Что с ним? — не утерпела Норика.

— Он пережил какое-то сильное потрясение и опять замкнулся. Не представляю какое, только если сам расскажет потом. Пойдем, Кель, нечего тут сидеть, — мягко велел белый змей, положив руку

парню на плечо. — Что ж тебе так это место-то понравилось, хоть запирай... Кстати, мысль. Нори, сможешь?

— Без проблем, — пожала плечами та.

— Нет! — вдруг вскинулся Кергал. — Не надо! Тут безопасно!

— Ничего подобного, — с явным облегчением возразил Аспис: если заговорил — это хороший знак. — Здесь ты куда более уязвим, потому что один, а защищаться от сильных, взрослых магов не умеешь. Бес прав, вся школа знает об этом твоем «укромном месте», никакое это не укрытие. Так что придется найти другое, и лучше бы — в твоей комнате. Если хочешь, Норика поставит защиту, чтобы туда не совался никто посторонний.

— А кто — свой? — напряженно-враждебно спросил молодой змей.

— Пожалуй, все, кто сейчас здесь, — проговорил Аспис задумчиво, бросив непонятный, испытующий взгляд на женщину.

— А Фалин? — Кель весь подобрался, глядя на старшего очень напряженно, — для него от ответа на этот вопрос явно зависело очень многое.

— Как скажешь, — легко разрешил белый змей. — Если не захочешь — он не пройдет. Фалин тебе не нравится?

— Он был там, — нехотя признался Кергал.

Пояснения не потребовались никому.

— Неужели он? — хмурясь, растерянно качнула головой Норика. — Но зачем?!

— Может, все-таки личная неприязнь именно к этому стражнику? — пожал плечами Аспис. — На идейного змеененавистника он совершенно не похож... Ты поэтому сюда ушел?

— Мне нравится Фалин. Но он убил, значит, опасен. Как?!

— Так бывает, — осторожно ответил Аспис. — Хорошие люди тоже иногда убивают. Или только кажутся хорошими, ошибаться в симпатиях могут все.

— Кель, ты уверен? — Норика подошла ближе и села рядом с Баресом. — Ты хорошо его разглядел? В нем не было ничего странного?

— Не знаю, — неуверенно пробурчал тот. Нахмурился. — Наверное...

— Пожалуйста, постарайся вспомнить, это очень важно. Что именно ты видел? Как он убивал?

— Нет, — качнул головой молодой змей. — Бежал за тем, на расстоянии. Тихо.

— А он разве умеет тихо двигаться? — удивился Бес.

— Это ничего не значит, — отмахнулась Норика. — И ничего нам не дает. Это с одинаковым успехом может быть и личина на убийце, который так удачно подстраховался, и, как ни обидно это признавать, сам Фалин. Владея воздушной стихией, очень просто приглушить звуки.

— Звуки убрал, а внешность не скрыл? — не поверил Барес. — Мне кажется, это глупо.

— Пойдем, нечего тут сидеть, — пресек разговоры Аспис и поднялся, потянув за локоть Кергала. — А ты, Бес, вообще занятия прогуливаешь, давай быстро к Зарку. Вы же сегодня весь день в его полном распоряжении? Вот и вперед. Хвост тут, голова там.

— Я же помочь хочу!

— Уже помог, молодец. А теперь — бегом.

Пререкался дальше Бес не стал, только вздохнул тяжело, укоризненно и действительно поспешил на занятия. Успокаивал он себя тем, что отец вряд ли станет скрывать от него результаты сегодняшних размышлений.

А еще запоздало отметил, что Аспис все-таки взял себя в руки и больше не пытался по-детски сцепиться с госпожой Неро. И смотрел на нее уже безо всякой враждебности, даже с интересом, да и она как будто не злилась. Неужели разобрались со своими недоразумениями?

Обосноваться решили в моем кабинете. Туда же я позвала капитана: все-таки именно он ведет расследование, пусть и сам недоволен этим обстоятельством. Аспис то и дело нервно поглядывал на часы — два утренних занятия он уже пропустил, предстоящее четвертое — тоже рисковал, до него оставалось всего полчаса. Я свое пропускала прямо сейчас.

Сожри их всех Змея, это не учеба, а безобразие какое-то! Мало было убийства, а ведь теперь еще и с дракой надо разбираться!

— Фалин — убийца? — недоверчиво уточнил капитан, когда мы ему все рассказали. — Да еще при такой тщательной подготовке, ни оставив ни одной улики, не догадался спрятать лицо от случайных свидетелей?

— Все совершают ошибки, — пожал плечами Аспис. — Мне тоже сложно поверить в виновность Фалина, но как минимум проверить эту информацию надо. Хотя бы расспросить его самого, что скажет. И еще раз поговорить с Оташей, действительно ли он весь вечер провел с девочкой. Не думаю, что она так уж пристально следит за временем, алиби Фалина действительно выглядит шатким, и возможность убить он правда имел. Только мотив по-прежнему вызывает большие вопросы. Нори, у тебя есть личные дела персонала? Наших, понятно, нет, но все остальные?

— Есть, но информация в них скудная, никаких зацепок там нет, я уже смотрела. Ладно, я согласна, поговорить с ним действительно стоит, посмотрим, что скажет. Власт, допросишь?

— Лучше бы не один на один, — вмешался змей. — Если рыжий действительно виновен, то это может плохо закончиться для капитана. Поместье убийца, конечно, не покинет, потому что защита тут действительно отличная, но вполне может озвереть и постараться забрать с собой побольше противников. Составишь ему компанию?

— Я хотела еще с Иреймом поговорить, а ты тоже не боевой маг...

— Ирейма лучше попытаться расспросить мне, он скорее расскажет правду знакомому. А вы разберитесь с Фалином.

На том и порешили. Кергала Аспис оставил под нашим присмотром, тем более кабинет парню почему-то нравился больше собственной комнаты. Молодой змей устроился на сундуке, который до сих пор стоял в кабинете: недосуг было убрать, хотя места он занимал изрядно.

Рыжий появился в перерыве, при виде змееныша искренне улыбнулся.

— Ага, нашлась пропажа! Надеюсь, с ним ничего не случилось? Зачем ты меня звала? — полюбопытствовал Фалин, усаживаясь на свободный стул.

— Ты ведь знал мертвого стражника, да? — спросила задумчиво. — Вы встречались раньше?

— Ну если и встречались, я этого не помню, — пожал плечами рыжий. — Может, только совсем мельком. У него не настолько запоминающаяся внешность, как у Асписа. А к чему вопрос?

— Кергал вспомнил, кого он видел в парке той ночью. Тебя, — не стала я ходить кругами. — Мне кажется, старые счеты — более правдоподобный для тебя мотив, чем все остальное.

Если рыжий и играл, то профессионально. Удивился, во всяком случае, очень убедительно и естественно.

— Ты серьезно? Впрочем, да, вряд ли стала бы так шутить. — Он задумчиво качнул головой и растерянно, немного по-детски улыбнулся. — Но я не знаю, что еще сказать. Я действительно допоздна просидел с Оташей и никого не убивал.

— У тебя, случайно, нет никаких травм? — с надеждой поинтересовалась я.

— Если нет — будут? — усмехнулся рыжий. — Увы, я абсолютно здоров. А что?

— Если бы ты не мог бегать, это здорово помогло бы тебя оправдать, — ответила честно. — А пока... Кель, ты ничего больше странного не вспомнил?

Змей неловко повел плечами, отрывисто кивнул, напряженно глядя на Фалина. Потом нахмурился, чуть склонил голову к плечу.

— Не знаю, — не оправдал он надежд. — Ничего.

— Ясно.

На несколько долгих секунд повисла тишина.

— Что будем делать-то? — кашлянув для привлечения внимания, спросил капитан.

— Не знаю, — устало вздохнула я в ответ. — Не думаю, что есть смысл запирать Фалина, все равно с территории поместья не выбраться. Ты же не начнешь теперь убивать направо и налево учеников, даже если это действительно был ты, правда?

— Ну да, — хмуро кивнул рыжий. — Теперь мне лучше бы не оставаться одному, да? Потому что если что-то случится, то я буду первым подозреваемым, и мне стоит заранее озаботиться алиби.

— Боюсь, что так. Извини.

— Да нет, я все понимаю. — Он вымученно улыбнулся. Бравировал и старался не показать волнения, но обвинение в убийстве — не самый приятный жизненный поворот, даже если тебя прямо сейчас не волокут в темницу без суда и следствия. — Спасибо, что у вас хотя бы есть сомнения в моей виновности! Все, я могу идти?

— Да, конечно.

Фалин поспешил на следующее занятие, стараясь не унывать и не терять присутствия духа. Глядя на рыжего сейчас, я окончательно перестала верить в его виновность. Если только у него какие-то серьезные проблемы с головой и под рыжей шевелюрой уживаются разом две личности. Глупость, конечно, но — тоже версия.

— И что теперь? — вопросительно уставилась я на капитана.

Тот усмехнулся.

— Ты меня опередила, я хотел задать тот же вопрос. Ну... Даже моих знаний хватит, чтобы понимать: доказательств против Фалина в любом случае недостаточно. Свидетельство мальчишки, который явно не в себе, не примет никто, и будет прав. Так что мы по-прежнему стоим на месте.

— Не совсем. У нас остается двое подозреваемых. Ну то есть трое, но Сверту я не могу всерьез рассматривать. Кель, скажи, пожалуйста, силуэт Фалина не расплывался, когда ты на него смотрел? Не менялся его рост, не было никаких других... странностей?

Змей задумался, потом медленно качнул головой.

— Ну вот, что и требовалось доказать. Поддерживать сложную иллюзию в движении очень трудно, особенно если двигаешься быстро. Есть способы маскировки более сложные, но они точно не позволят изменить рост и сложение, а Фалин, к счастью, небольшого роста, даже молодые змеи почти все выше него. Так что мог сделать это только кто-то очень опытный и сильный. Получается, если виноват не рыжий, то, скорее всего, Зарк.

— Почему не Аспис?

— Он целитель до кончика хвоста. — Я качнула головой, с удивлением ощущая, что белый змей больше не вызывает злости. Совсем. — При всех недостатках, он точно не убийца. Есть и более весомые аргументы. Если цель его — посеять смуту среди учеников и дискредитировать школу, то смерть Мара была бы на руку. Я почти не понимаю в целительстве, и, если бы он хотел, легко мог добить парня, чтобы накалить атмосферу еще больше.

— Значит, Фалин или Зарк? Или, менее вероятно, Сверта. Что, в общем-то, было очевидно с самого начала. — Цовер устало усмехнулся. — Не знаю, как действовал бы на нашем месте следователь, а мне, кроме военной хитрости, ничего в голову не приходит. Спровоцировать бы его как-нибудь!

— Дело за малым: решить, как, — усмехнулась я.

Однако даже начать думать об этом мы не успели. Дверь без стука распахнулась, на пороге появился взвинченный и напряженный Аспис.

— Что еще? — мрачно спросила я, уже не удивляясь тому, что опятьстряслась какая-то гадость.

— Ирейм пропал. Сбежал.

— Куда? — хором спросили мы с капитаном, одинаково ошарашенные этой новостью.

— Из поместья не выйти, там слишком серьезная защита, — добавила я.

— Понятия не имею! — пробурчал змей. Подошел ближе, оперся о спинку одного из кресел.

— Погоди, но как-то же ты нашел Кергала даже тогда, когда наши поисковые чары не помогали! — напомнила я.

— Не сработает, у меня нет образцов его крови. Я уже сходил на место драки, но увя, Мангир его, кажется, так ни разу и не зацепил. А больше взять негде.

— А образцы Келя были? — Я озадачилась.

— С Келем... — Он странно поморщился, бросив задумчивый взгляд на притихшего на своем месте змееныша. — С Келем все сложно, его я могу найти по крови всегда. Он мой сын.

— О как! — крикнул капитан. — А мамаша-то где?

— Понятия не имею. Я даже не знаю, кто она, — недовольно отмахнулся Аспис.

А мое сердце на этих словах подпрыгнуло и затрепыхалось где-то в горле, заставив посмотреть на молодого змея уже другими глазами. Может ли быть, что?..

Не знаю, что я надеялась увидеть. Сходство с отцом, если подумать, было очевидным: да, другой оттенок кожи и волос, но Аспис — альбинос, это нормально. А со мной... сложно судить. Я нечасто смотрелась в зеркало и не могла вот так с ходу сказать. И никакой подходящей магии, чтобы определить родство, в моем арсенале нет... Знать бы точнее, сколько лет этому парню!

— Нори, ты тут? — окликнул меня капитан. Кажется, они со змеем уже успели что-то обсудить.

— Да, извините, — встряхнулась я, с усилием отрывая взгляд от Кергала. — Как он умудрился сбежать?

— Точно — не тут, — хмыкнул Цовер.

— Высадил замок, — терпеливо повторил уже для меня Аспис. Смотрел при этом ласково и грустно — настолько, что мне проще оказалось спрятаться за разложенными на столе бумагами, делая вид, что навожу в них порядок, чем достойно выдержать этот взгляд. — Зарк не стал запечатывать магией: не думал, что парень подается в бег. Ему ведь и правда некуда деваться, да и смысла нет. Ну да, подрались, виноват, но никто бы его казнить не стал, уж как-нибудь решили вопрос! Власт проверил: поисковые чары его не видят. И это странно, потому что Ирейм не настолько талантлив в этом разделе магии, как Кергал.

— Его исчезновение само по себе странно, — заметила я хмуро, стараясь сосредоточиться на деле и не коситься напряженно на Келя. — Как бы нам не найти еще один труп.

— Не этот ли парень составлял алиби Зарка? — припомнил капитан.

— Этот, — подтвердила я. — Только это, сожри меня Змея, опять ничего не значит! С одинаковым успехом это и Зарк мог избавиться от лжесвидетеля, и настоящий убийца — попытаться подставить Зарка.

— Вы так говорите, как будто уже нашли его труп, — проворчал Аспис.

— А ты действительно веришь, что он просто сбежал, чтобы спрятаться на чердаке? — спросила я, покосившись на змея.

— В любом случае дверь ломал, кажется, он сам, и без применения магии. Никаких посторонних следов я не нашел. Поэтому давайте искать. Живого или мертвого, но нельзя же оставить все как есть, пока сам не объявится!

— Или кто-нибудь почувствует характерный запах, — мрачно пошутил Цовер.

Поиски ничего не дали. Ни те, которые мы организовали по горячим следам имеющимися силами, ни те, которые устроили после окончания занятий с привлечением остальных учеников. Обшарили, кажется, каждый сантиметр коридоров, комнат и парка, заглянули в каждую щель, куда мог бы забиться змей, — тщетно.

Когда стемнело, свернули поиски на улице. Ими занимались взрослые: за остальных учеников было беспокойно, да и погода совершенно испортилась — зима, как всегда стремительно, накрыла эти места. Похолодало, с неба сыпался снег вперемешку с мокрым льдом. Шквалистый ветер под прикрытием деревьев ощущался слабее, но они так кренились и стонали, что нагоняли жуть. К тому же это я не чувствовала холода, а змеи откровенно мерзли.

А к отбою я приняла волевое решение прекратить поиски и в школе.

То ли этот змей, живой или мертвый, испарился, то ли... здесь есть какие-то тайные переходы. К сожалению, кроме официального плана для учеников, выставленного на всеобщее обозрение, других карт у меня не было. По результатам обыска решили отправить королю соответствующий вопрос: если что-то и есть, то только у особого отдела. Обыскивать поместье повторно в надежде

наткнуться на другую карту — пустая трата времени, все интересное уже откопали профессионалы.

И в конце этого длинного, суматошного дня я нашла себя в одиночестве, в пустом кабинете и с твердым ощущением, что я не справляюсь с возложенными обязанностями. У хороших директоров не висят трупы на деревьях, ученики не пропадают и не избивают друг друга до полусмерти. Только самоотвод тут можно взять разве что к Змею в пасть: вряд ли у его величества много других желающих занять эту должность и хоть немного для нее подходящих.

Нет, я, конечно, утрирую, никто меня не казнит за отказ. Просто отвратительно ощущать собственное бессилие. Я ведь на самом деле хотела помочь...

На душе было тоскливо.

Помимо действительно важных, больших и общих проблем меня терзали и личные, совершенно неуместные сейчас. Хотелось поймать Кергала и сравнить его лицо с собственным отражением в поисках общих черт, но я старательно боролась с этим стремлением: слишком велик был соблазн выдать желаемое за действительное и найти то, чего нет.

А еще было страшно: и подтвердить, и опровергнуть, и найти своего сына, и особенно — снова узнать, что он мертв. Создатель! Ну какая из меня мать? И зачем вообще нужна такая родительница, по сути, взрослому уже мужчине?..

На беду, я вспомнила, что проверить родство по крови могут змеи. Не все, конечно, но Аспис, как целитель, наверняка умеет. Однако обратиться к нему с такой просьбой я не могла. Даже просто сказать, что у нас был общий ребенок, — это уже звучит безумно. А если вдруг подозрение подтвердится? Что делать тогда? Как жить дальше, как работать рядом, если это и сейчас — мучительно?

Помимо прочего, тяготил и неоконченный разговор с белым змеем. Я никак не могла объяснить себе его поведение и странную реакцию на мои слова. Да, Великий Змеелов был изрядной сволочью, и многие другие ему не уступали, но при чем тут, в самом деле, он? Виноват в том, что показал мне истинное положение вещей? Или он как-то умудрился исказить мое восприятие, внушить то, чего не было? О нет, я слишком отчетливо все помнила! Да и обман разума — прерогатива змеев, не людей. Максимум, что может дать алхимия, — увеличить внушаемость, заставить говорить правду или подменить реальность бредом. Явно не тот случай.

Тогда что? Что хотел сказать Аспис и как собирался себя оправдать? Ведь собирался же!

Только гордость и понимание несвоевременности таких расспросов удерживали меня от того, чтобы прямо сейчас найти змея и продолжить прерванный разговор.

В конце концов, покоилась эта история под слоем пыли столько лет, так какой резон ворошить ее вот прямо сейчас? Все это может подождать пару-тройку дней, пока мы не разберемся с действительно важными вещами.

И ведь, если подумать, разве это что-то меняет? Даже если окажется, что каким-то мистическим образом мои воспоминания не имеют ничего общего с реальностью и Аспис меня не предавал, это все — давнее, наглухо забытое прошлое. Да, наверное, мне станет легче и уж точно будет проще смотреть змею в глаза. Но на этом — все! Чувство давно и окончательно умерло. Или нет?..

Ощущая, что окончательно и бесповоротно тону в этих мыслях, я вышла из кабинета, едва удержавшись от того, чтобы хлопнуть дверью. Работать я в таком состоянии не смогу, уснуть тоже не получится, значит, надо на что-то отвлечься. В голову пришел единственный вариант — библиотека. Взять что-нибудь легкое и не обременяющее разум, должна же там быть хоть какая-то развлекательная литература! Надеюсь, это поможет. И, надеюсь, Ежина не запечатывает библиотеку на ночь какими-то смертоносными чарами.

Дорике было плохо. Не физически — все телесные страдания их маленькой семьи в этот раз взял на себя Мангир. А вот основная часть душевных, похоже, досталась ей.

Было обидно за брата и очень жаль его, но эти чувства к вечеру поутихли: жизни Мара больше ничто не угрожало, и пусть он за день не очнулся, но это целительный, хороший сон.

Гораздо горше и тяжелее было наблюдать за сестрой и Баресом. Дорика почти сразу начала замечать, что внимание симпатичного парня гораздо сильнее привлекает Тори, но до сих пор получалось закрывать на это глаза и убеждать себя, что просто так кажется и на самом деле все неоднозначно. А вот сегодня обманывать себя стало уже невозможно. Как нежно он ее обнимал, как смотрел, как вдруг разом доверилась ему обычно скрытная Тори...

Дорика завидовала сестре, не могла не обижаться и злилась на себя за это. Конечно, она ни за что не стала бы ссориться с близняшкой из-за парня, да и Барес, если откровенно, понравился ей просто потому, что хороший и симпатичный, влюбленной она себя не чувствовала. Но радости это все равно не добавляло, заставляло Дори нервничать, огрызаться по пустякам и отчаянно желать оказаться в одиночестве где-нибудь в дальнем углу, где ее никто не побеспокоит и где она никого ненароком не обидит под влиянием своего дурного настроения. Особенно тяжело было видеть сестру — рассеянно улыбающуюся, витающую в своих мыслях и не замечающую ничего вокруг. С одной стороны, Дорика безусловно радовалась счастью близняшки, но с другой... И это противоречие ужасно выматывало.

От тяжелых мыслей немного отвлекли поиски пропавшего ученика, Ирейма. И хоть это было недостойно и неправильно, но Дори даже немного надеялась, что с ним действительно случилась какая-то гадость. Что бы там ни говорили старшие, а девушка видела глаза этого типа и точно знала, что Мара он хотел убить. Не сразу, медленно, наигравшись вдоволь, как кошка с мышью.

И это тоже неприятно было сознавать. Что старший брат, надежный и казавшийся самым сильным и замечательным, оказался гораздо слабее какого-то противного чужака. Умом Дорика всегда понимала, что змеи физически сильнее людей, особенно когда во второй ипостаси, но получить этому такое подтверждение было... горько.

А еще стыдно было за свою панику, когда началась драка. Но совсем немного, потому что она растерялась даже меньше учительницы — Сверта казалась вообще парализованной увиденным. Наверное, так и стояла бы неподвижно, если бы сама Дорика не сообразила позвать кого-то еще из старших.

В конце концов снедаемая дурным настроением девушка нашла себе подходящее место — в открытой галерее над парадным входом, куда можно было попасть из коридора второго этажа.

Когда поместье еще служило помещьем, здесь, наверное, располагалось прекрасное и уютное место для отдыха. Красивые вазоны с цветами, изящные кованые кресла и столики, дивный вид.

Сейчас чугунные витые прутья, не скрытые мягкими подушечками, покрывалами и скатертями, напоминали вывернутые ребра какого-то старого, почерневшего скелета. В углах виднелись кучки мусора, сорванные ветром листья, и какая-то труха покрывала и сиденья стульев, и голые столы. Цветы зачахли и очень соответствовали своим видом настроению Дорики, как и погода за балюстрадой.

Дори, кутаясь в куртку, подошла к перилам и облокотилась на них обеими руками, глядя в истрепанный ветром и дождем сад. Прикрыла глаза. Холод ее не беспокоил — на Чумных болотах это была обычная погода, та местность не баловала теплом и солнцем. На мгновение она остро захотела вернуться обратно, туда — к немногочисленным, хмурым, но по-своему добрым обитателям деревушки Большая Рассоха. Там было скучно, но удивительно просто. А здесь...

Но мысль промелькнула мимолетно. Стоило вспомнить чадящую печку, темную крошечную баню, которую топили раз в две недели, постоянный холод с сыростью и угрюмую бесцельность всего существования, и Дорика нашла свое настоящее увлекательным и приятно разнообразным. Ну подумаешь, парень выбрал другую. В конце концов, он ведь ничего самой Дори не обещал, да и выбрал — сестру! То есть кого-то явно не хуже нее самой, а это ведь не так обидно, да?

Свежий воздух, одиночество и воспоминания оказали на Дорику благотворное воздействие, она заметно повеселела. И даже почти собралась возвращаться в комнату, когда поняла, что уже не одна на балконе.

В первый момент испугалась — все-таки где-то по школе ходит не только убийца, но и, может быть, злой на весь мир Ирейм! — но потом узнала прищельца.

— Привет. Тоже захотелось воздухом подышать? — улыбнулась она Кергалу.

Молодой змей стоял на полпути между девушкой и дверью, как будто не знал точно, чего именно хочет — сбежать или подойти.

— Привет, — тихо ответил парень и осторожно приблизился, словно боялся — или самой девушки, или напугать ее. Остановился рядом, положил ладони на перила. — Чердак закрыли, — пожаловался он. — Наружу тоже нельзя. В комнате... плохо.

— Может, тебе просто в другую комнату перебраться, если эта не нравится? — предложила Дори, с любопытством разглядывая строгий профиль юноши. И рассеянно подумала, что он вообще-то даже ничего, только уж больно тощий.

— Поможет? — с сомнением покосился на нее Кель.

— Ну, попробовать можно, — философски пожала плечами Дори.

— А ты почему тут?

— Хотелось побыть одной. Ну, знаешь, бывает такое — все не так, как надо, и все вокруг раздражают. Хочется не то чтобы убежать от проблем, но хоть не портить настроение дальше.

— Мне уйти? — опомнился Кергал.

Чувства девушки были ему более чем понятны: она доступно объяснила то его состояние, какому он даже не пытался найти название. Сильнее всего озадачивало, что, оказывается, это нормально и бывает не только с ним.

— Нет, не надо, я уже успокоилась. Да и с тобой удивительно легко. Ты чудной такой, но хороший, — сообщила она. — Дай руку. Ну не так, дай я обопрусь...

Кель так и не понял, чего от него хотят. А девушка в итоге тяжело вздохнула и, подтащив его ближе за локоть, вскарабкалась на перила, одной рукой держась за них, а второй — опираясь на плечо змея. Да так и осталась сидеть, потому что Кергал показался надежней и устойчивей скользкого гладкого мрамора.

— Холодно, — полувопросительно заметил парень, хмурясь.

— Ну я же тут не жить собираюсь! — Дори легкомысленно поболтала ногами. — Так просто, посидеть.

— Зачем?..

— Не знаю. Если есть перила, почему бы на них не посидеть? Это приятно. Я бы еще ноги наружу свесила, но тут магия не пускает. Чувствуешь, совсем рядом?

— Да.

Обучение шло впрок не только близняшкам и остальным нормальным, ученикам, но и Келю — тоже. Он научился не просто ощущать магические преграды и инстинктивно их избегать, но понимать, насколько они действительно опасны. Какая-то просто спружинит и не позволит пройти, какая-то — испепелит на месте.

Чары не были живыми существами, и даже Келю никогда не приходило в голову их одушевлять, но сравнение их с животными, которое приводил на уроке Фалин, показалось молодому змею очень удачным. Ведь и правда, по некоторым зверям сразу можно видеть, готовятся они напасть или нет. Для этого даже не обязательно так уж хорошо знать повадки того или иного существа, достаточно довериться чутью и знать какие-то общие принципы. И точно так же, как с животными, есть шанс не угадать, и нападение последует мгновенно, без предупреждения: опасная ловушка может успешно прикидываться, например, безвредной сигналкой. Здесь уже требуется особая подготовка.

Кергалу вообще нравилось, как рассказывал и держался Фалин. И тем сильнее потрясло его вдруг возникшее воспоминание — бегущий стражник, а следом за ним — рыжий учитель. Раньше Кель, конечно, не смог или, вернее, не стал бы связывать это событие с убийством, но после всех изменений, которые произошли в нем, и расспросов трудно было не сложить один плюс один. И горечь разочарования была еще одним очень новым, сокрушительно сильным чувством. На этот раз, увы, очень неприятным.

Правда, оказалось, что и такие ощущения, когда чудится, что мир рушится, — тоже проходящие. Сейчас Келю было просто обидно, но действительность в лице симпатичной девушки рядом волновала куда сильнее.

— Иди сюда, это правда приятно, — позвала Дори и похлопала ладонью по мрамору рядом с собой. О том, что без опоры на Келя сидеть вроде как страшновато, она уже и не вспомнила.

Молодой змей взобрался на предложенное место гораздо легче и проворнее Дорики, ловкости ему было не занимать.

— Ну? — подбодрила его девушка. На балконе было уже почти темно, фонари здесь не горели, и лишь слабо отсвечивали окна этажом выше. Этого не хватало, чтобы различить выражение лица собеседника, но Дори и так знала: Кергал выглядит очень сосредоточенным и собранным, как будто решает важную задачу.

— Неудобно, — решил Кель. — Неустойчиво. Опасно.

— Ты зануда, — хихикнула она и шутливо толкнула его плечом. Потом опять уцепила под локоть — для устойчивости. И так нахохлилась, прислушиваясь к собственным ощущениям.

Желание поругаться со всем миром пропало у нее еще раньше, а вот сейчас Дорика вдруг нашла себя в прекрасном настроении, как будто ничего неприятного не случилось — ни с ней, ни даже с Маром. И благодарить за это явно стоило случайного собеседника.

Почему-то с ним было хорошо и уютно. Странный и явно не вполне нормальный юноша не казался Дори смешным или жалким, лишь самую малость забавным и — очень милым. Конечно, было обидно, что парень не в себе, но ведь состояние его улучшалось изо дня в день, это бросалось в глаза! Очень хотелось бы прямо сейчас заглянуть в будущее и узнать, каким он станет, например, через год, когда уже вполне оправится от потрясений.

А Кель и вовсе замер, боясь не то что пошевелиться — глубоко дышать! Внутри все дрожало и обмирало от восторга: его особые чувства к Дорике никуда не делись, и сейчас это ощущалось особенно остро. Но, на удивление, никакого желания сбежать от столь сильных эмоций и спрятаться не было.

Наоборот, Кергал ловил себя на том, что сила и яркость собственных чувств начинают ему нравиться, и совсем не хочется уже возвращаться обратно.

Так он быстро привык к тому, что в этом большом доме всегда тепло и не нужно искать особого места, чтобы согреться. Привык не задумываться о том, где брать еду, и перестал таскать ее в комнату. Уже запасенные сухари, правда, не выкидывал, не настолько он еще доверял окружающим; но горячая, свежая и вкусная еда очень Келю нравилась, и он совсем не стремился назад, к прежнему выживанию с постоянными поисками объедков и страхом быть обнаруженным.

А теперь вот оказалось, что, помимо обычных бытовых удобств или неудобств и обеспечения себя всем необходимым для выживания, существует еще что-то. Знания, которые совершенно не нужны в жизни, все равно вызывают интерес и стремление выяснить побольше — о мире, о людях вокруг, о себе самом. И чувства — пугающе сильные, разные, — занимают в этом мире отдельное, большое, важное место.

Поэтому Кель сидел неподвижно, впитывая новые впечатления и ощущения. А потом, когда девушка зябко поежилась и отпустила его локоть, чтобы плотнее закутаться в куртку, повинувшись не то наитию, не то смутным обрывкам воспоминаний, аккуратно обнял ее за плечи. Дорика на мгновение замерла настороженно, а потом подвинулась ближе и пристроила голову на остром плече парня. Жилистый и тонкий, он, однако, был на удивление теплым.

Сидели они так долго, пока совсем не стемнело, и никому не хотелось нарушать хрупкое ощущение уюта. Дори в итоге сдалась первой: сидеть на холодном камне было не очень-то удобно, и никакая куртка от этого не спасала.

— Пойдем внутрь? — неуверенно предложила она, не шевелясь. — Холодно...

Кель кивнул, соскользнул на пол и, не дожидаясь просьбы, подал девушке обе руки, помогая спуститься. И хотя необходимости в этом не было, Дори с удовольствием воспользовалась предложенной помощью.

К себе в комнату она вернулась очень рассеянной и задумчивой, прокручивая в памяти события вечера и копаясь в собственных чувствах. От вопросов сестры лишь невнятно отмахнулась расплывчатым «дышала воздухом».

Она не то чтобы хотела что-то скрыть или сердилась на сестру — нет, обида уже совершенно прошла, и Дори сама себе удивлялась, почему ее пару часов назад так волновал выбор Бареса; хороший парень, да, и это только повод порадоваться за близняшку. Просто... Она сама толком не понимала, что вообще можно сказать об этом вечере и почему у нее сейчас такое настроение.

Не могла же она влюбиться в Келя, правда? То есть он, конечно, забавный и даже симпатичный, хоть и чудной, но совсем не такой, в которого можно влюбиться.

Наверное.

Глава 9

КРОВЬ НА ПОЛУ

Я не ожидала, что в столь поздний час в библиотеке кто-то будет. Но когда зашла, с удивлением обнаружила за столом с картотекой не только Ежину, но и Сверту. Девушки, явно оживленно общались до того, как скрипнула дверь, а сейчас напряженно уставились на меня.

— Ой, привет! — смущенно проговорила хозяйка книжного царства. — А мы тут... сидим вот.

— Хорошо сидите, — не удержалась я от улыбки. — Стаканы тоже надо прятать, если уж на то пошло.

— Мы не успели. — Змея тоже смутилась, но бутылку из-под стола достала и вернула на стол.

Я к тому времени успела подойти и полюбопытствовала:

— Местное?

— Ага. Вкусное. Хочешь? — не растерялась Ежина.

— Не буду вам мешать, — отказалась от этого вежливого предложения. — Я просто хотела взять какое-нибудь легкое чтиво на ночь, чтобы голову разгрузить.

— Ну вот и не выдумывай, садись. — Библиотекарь махнула рукой на ближайший стул, а сама залезла в тумбочку стола и достала еще один бокал.

— Начинаю подозревать, что ты тайный алкоголик, — растерянно заметила я на это.

Но стул, подумав, все-таки подвинула. Глоток хорошего вина перед сном вряд ли повредит, наоборот, поможет уснуть. Да и разговор ни о чем, наверное, куда лучше любой книги отвлечет от тяжелых мыслей.

— Да ну тебя! — отмахнулась она. — Это наследство поместья. Мы же с Мроном тут дольше остальных, помогали все устраивать. От прежнего хозяина осталось много дорогушей посуды, да и других ценностей. Мебель частично оставили, а почти все остальное изъяли в пользу короны. Ну а этих бокалов от всего сервиза осталось пять штук, и они не настолько роскошные, чтобы иметь цену поштучно. Они тут, в библиотеке, в баре стояли. Бар, конечно, убрали, а бокалы жалко стало, я их и спасла.

— А кто вообще всем этим занимался? — спросила я, широко поведя рукой. — Имею в виду превращением поместья в школу.

— Ой, да руководил тут один, деятельный такой дядька, не помню имя. Но я его видела один раз мельком. А что?

— Спасибо сказать хотела, очень тут все толково придумано и много всего предусмотрено. Удивительно, как за несколько дней удалось проделать такую огромную работу. Или тут змеи помогли?

— Змеев не было, — качнула головой Ежина. — Но артефактов — куча, причем их работы. Да и народу тут было — у-у-у! Постарались, в общем.

— Я правда вам не помешаю? — уточнила я неловко, принимая из рук Ежины бокал.

— Мы сплетничали о мужиках, поэтому — нет, не мешаешь, — фыркнула она. — А может, даже прояснишь кое-что.

— Даже догадываюсь, что именно, — хмыкнула я.

— Ну, в общем, да, мы не оригинальны. — Они заговорщицки переглянулись.

— Норика, скажи, пожалуйста, вы ведь с Асписом были знакомы раньше, да? Между вами что-то было? — продолжила Сверта своим глубоким, мягким, тихим голосом.

— Ну... что-то было, да, — отрицать очевидное я не стала. — Но много лет назад, так что я на него не претендую, ты не думай.

— Да я, в общем, тоже, — улыбнулась змея — искренне, весело. — Аспис мне... ну не знаю. Как старший брат, наверное. Я им с Витолом очень благодарна, они многое для меня сделали. Оба.

— А Витол — это?.. — спросила я осторожно.

— Ты не знаешь? — изумилась Сверта. — Это отец Асписа. Витол Чарит, он очень известный целитель, специалист по расстройствам разума и вообще болезням головы. Аспис же по его стопам в целители пошел, правда, ему хирургия интереснее.

— Мы были знакомы очень недолго, до представления родителям дело не дошло. Да и вряд ли он всех случайных любовниц тащил в отчий дом. — Я нашла в себе силы ответить спокойно, с легкой иронией. — Ты так на меня глянула, как будто я какую-то гадость сказала.

— Сложно поверить, — неопределенно пожала плечами змея. — Вы как перестали ругаться, он так на тебя смотрит... Я, может, немного видела в жизни, но так не смотрят на случайных любовниц, с которыми расстались много лет назад. Тем более не он.

— Тебе кажется, — поморщилась я. — Ему просто обидно, что все в итоге пошло не по сценарию. Ни за что не поверю, что для этого бабника роман двадцатилетней давности что-то значит сейчас.

— Бабника? — с искренним изумлением переспросила змея. — Не знаю, каким он был раньше, но, сколько его знаю, он вообще равнодушен к женщинам, у него ни одного романа не было. Потому мне и интересно, что у вас такое произошло, раз он столь резко изменился.

— Видимо, под присмотром жены было не погулять. — Я пожала плечами.

— Какой жены? У него есть жена?! — опешила Сверта. — Не может быть, я бы знала!

— Ну, мать Бареса, — пояснила я растерянно.

— У Беса нет матери, — убежденно отмахнулась она. — То есть где-то, конечно, есть или была, но никто не знает, где и кто это. Аспис случайно на сына наткнулся, почувствовал родство и подобрал его. У нас все эту историю знают. Так что я охотно верю, что в молодости Аспис был тем еще... Что я такого смешного сказала?

— Он, видимо, так перед богами расплачивается за прошлые похождения, — весело отозвалась я и пояснила: — Оказывается, Кергал тоже его сын.

Однако, я начинаю находить это забавным. И уже даже не удивлюсь, если мой сын в итоге обнаружится где-то на другом конце мира, вместе с еще десятком внебрачных детей этого змея...

— Ну ничего себе! Вот, а ты говорила — помешаешь! — весело вставила Ежина. — Какие подробности выясняются! Попробовать, что ли, блондина очаровать, если с брюнетом все так плохо, — вздохнула она. — Ты не возражаешь?

— А должна? — хмыкнула я. — Очаровывай. А что не так с брюнетом?

— Зарк женат, — с улыбкой пояснила Сверта. — Давно и безнадежно, у него уже трое детей, очаровательные змееныши. Особенно младшая девочка.

— Надо же, и как он их оставил... — Я с сомнением качнула головой. Но тут же нахмурилась, сообразив, что меня цапапуло в сказанном. — Подожди, а почему — змееныши? Сколько же ей лет, этой младшей?

— Три. Тут видишь, в чем дело... Не знаю, имею ли я право говорить... — смутилась девушка. Но потом махнула рукой и решила, что большой беды не будет.

Оказалось, в том, другом мире, где многие змеи нашли приют во время гонений, имелось местное население. Вполне себе человекоподобные существа, правда, земноводные — водяные, как их называли беженцы. Жили они в мелком океане, полностью покрывавшем тот мир, и на берегах множества островов, срединные части которых их мало интересовали и которые местные легко уступили пришельцам.

Постепенно выяснилось одно обстоятельство: мы оказались вполне совместимы с этими соседями, и от таких союзов рождались нормальные, здоровые дети. Причем в смешанных союзах с людьми рождались полноценные земноводные аборигены, а со змеями — морские змеи. Такие дети почти сразу, инстинктивно обретали способность превращаться, а в положенный срок осваивали только магию. Разумеется, змеиную, которая была родственна магии тамошних разумных обитателей.

— Погоди, а куда деваются остальные стихии? — растерялась я. — Как же огонь?

— Другой мир, другие законы, — развела руками Сверта. — Аспис, например, считает, что в нашем мире, если привести сюда водяных, все будет по-другому. Скорее всего, точно так же, как и без них. Но это лишь предположения, не все с ними согласны.

— Тогда выходит, что тот мир идеален для змеев, — заметила я. — Почему же вы все-таки собираетесь вернуться? После всего, что было.

— Потому что наш дом здесь. — Сверта улыбнулась. — К тому же среди нас есть и люди, и их немало, а они там с трудом могут колдовать. Конечно, некоторые не горят желанием покидать те края, а я, например, там задышалась. И, несмотря на воспоминания, с радостью согласилась вернуться.

— Почему?

— Магия. Я же работаю в основном со временем, а тому миру сама возможность им управлять, пусть и в небольших пределах, чужда. Зарк — чистая вода и немного земли, ему там очень легко и хорошо, лучше, чем тут. А Аспис — целитель, ему везде одинаково.

— Если так, то предположение о рождении в нашем мире других детей выглядит вполне логичным, — пробормотала я. — Раз мир отторгает чуждые энергетические структуры и в том мире перестали рождаться дети с огненным даром, закономерно, что у водяных будут здесь симметричные проблемы.

— Вет, а расскажи вообще об этом вашем мире, — мечтательным тоном попросила Ежина. — Я, сколько себя помню, всегда хотела посмотреть другие миры. С детства меня эта несправедливость злила, что они закрылись. Нори, а почему порталы закрыли?

— Я знаю только официальную версию. Она, например, неплохо объясняет, почему не закрылся портал, через который спаслись змеи. Чем она тебя не устраивает? — озадачилась я.

— Ну не знаю... Мне кажется, если болезнь убивала только людей и была безопасна для змеев, логично, что она была не так уж страшна для всех остальных соседей. Да и отношения у нас, насколько можно верить газетам, с ними были неплохие. Ну как минимум с несколькими из них. Например, с обитателями Дикого Леса — они хоть и деревянные, но вполне дружелюбные к мягкотелым нам. С чего бы им вдруг в панике закрываться, да еще всем сразу? Гораздо естественней было помочь, хотя бы попробовать изучить такую странную болезнь.

— Разумно, — растерянно согласилась я. — Никогда об этом не задумывалась. Когда ты успела прошерстить старые газеты?

— Ну я же библиотекарь, — улыбнулась Ежина. — Если меня интересует какой-то вопрос и у меня есть доступ к газетным подшивкам и книгам, разумно этим воспользоваться, не находишь?

— Пожалуй. Слушай, а как ты вообще сюда попала? Почему именно ты?

— Ой, смешная история! — отмахнулась она. — Можно сказать, это кумовство. Мы с Орленом, ну то есть его величеством, буквально росли вместе. Ну, ты же в курсе этой грустной истории, как его мать, беременная, бежала из столицы и нашла приют в Заречье, курортном городке в предгорьях? Так вот, я оттуда родом. Всегда книги любила, выучилась там на библиотекаря, ну и... вот. А с Орленом мы просто жили по соседству. Я, конечно, и не знала тогда, что он наследник и вообще настоящий принц, только удивлялась, что мама его так строго учила, что нам всем оставалось лишь сочувствовать. А потом, конечно, выяснилось, что он будущий король. Из Заречья ведь его возвращение началось. Оказалось, градоначальник с самого начала знал, кого приютил, оставался верен королеве, поддерживал ее и вообще готовил почву для возвращения. Они вроде как знакомы прежде были, и он ее любил очень. Но это слухи, конечно. Ну вот. А потом Орлен меня сюда позвал, потому что мне в Заречье было, честно говоря, ужасно скучно. А тут и новые лица, и дело вроде бы очень важное.

— Было бы важное, король бы нашел нам следователя, — мучительно скривилась я. — А то тычемся вслепую. Теперь вот вообще ученики пропадают, а мы ничего сделать не можем!

— Наверное, это все из-за проблем в столице, — осторожно заметила Сверта. — Его можно понять — там же и делегация, которую тоже надо защищать. Школа больше важна для нас — тех, кто мечтает вернуться. Совет Старших очень внимательно за всем этим следит.

— Тогда вдвойне странно наплевательское отношение короля. — Я растерянно качнула головой. — Мне кажется, он очень заинтересован в возвращении взрослых змеев вместе с их знаниями и умениями.

— Боюсь, он просто не знает, насколько важно это место для наших, — развела руками змея. — Ему никто об этом не сообщал.

— Намеренно? — предположила я.

— Ну да. Чтобы увидеть настоящее отношение нынешних людей к змеям без... особого подхода.

— Полагаю, впечатление пока оставляет желать лучшего? — хмыкнула я.

— Ты знаешь, нет, — отозвалась она. — Все гораздо лучше, чем ожидалось. Когда король сообщил, что школу возглавишь ты, это едва все не сорвало. Совет долго обсуждал, и я уж не знаю, кто их убедил проверить и дать шанс. У тебя очень жуткая репутация...

— Надо думать, — иронично хмыкнула я. — Я долго и тщательно над ней работала.

— Зачем? — робко уточнила Ежина.

— Потому что среди змееловов иначе было не выжить. Либо тебя считают чудовищем даже свои и лишний раз не связываются, либо придется действительно стать чудовищем. Такую репутацию достаточно заработать, а потом она работает сама на себя, и все твои поступки, что бы ты ни совершила, трактуются именно через ее призму. Например, я прятала детей и отчитывалась, что они погибли при попытке к бегству. Кому-то другому, скорее всего, не поверили бы, начались проверки. А когда ты жуткая бессердечная тварь — охотно верят именно в то, что ты безжалостно убиваешь детей, чем в любую другую версию.

— Как это все неприятно! — вздохнула библиотекарь и вернулась к прежней теме: — Значит, ты уверена, что это не змееловы приложили руку к закрытию межмировых порталов? А почему?

— Змееловы поднялись несколько позже, чем нарушились связи с соседями, — развела я руками. — Когда все это началось, у них руки были слишком коротки. Я никогда не задумывалась о порталах, но сейчас согласна, это действительно странно, и официальная версия с карантином выглядит глупо. Кто-то из соседей мог испугаться, да, но не все же сразу! И договориться они так быстро не могли. Вот только по силам закрыть *все порталы* было лишь королю, пока он еще обладал властью. Может, он просто боялся предательства и вторжения, есть же еще такая версия. Вторгаться через портал, конечно, сложно и малоэффективно, но при общем кошмаре, который творился тогда в мире, вполне могли найтись предатели.

— Но король-то этого не делал! — всплеснула руками Ежина. — Для него обрыв связей тоже оказался потрясением! Во всяком случае, Орлен в этом уверен. Но тогда еще пытались сделать хорошую мину, потому и распространили официальную версию про карантин и неофициальную — что опасаются вторжения.

— Ничего себе новости! — Я задумчиво качнула головой. — Но я тогда тем более ничего нового не скажу, ты об этом определенно знаешь больше меня.

— А жаль. Я так на тебя надеялась! — сокрушенно вздохнула библиотекарь.

— Погоди, а кто-нибудь вообще сейчас занимается вопросом порталов? — спросила я.

— Конечно, у Орлена есть специалисты. Только я подробностей не знаю, я же, в конце концов, просто библиотекарь, — засмеялась она. — Он обещал рассказать, если вдруг что-то прояснится. Но вроде бы там с ними какие-то проблемы есть, наверное, что-то изменилось из-за того, что они долго оставались закрытыми. Могло такое случиться?

— Наверное. — Я неуверенно пожала плечами. — Я же говорю, межмировыми перемещениями я никогда не интересовалась. Когда я изучала порталы, мне больше важна была та часть магического раздела, которую можно применять на практике, — пояснила, не вдаваясь в тонкости собственных мотивов. — Сверта, а когда открылся тот портал, через который вы проходили? До или после карантина?

— Не знаю. — Она виновато развела руками. — Мне всего двадцать шесть, я родилась уже после всех этих событий.

— Двадцать шесть? — опешила я. — И уже была третья линька?

— Так получилось, — скованно ответила змея и отвела взгляд, а я от досады едва не выругалась. Сама же была уверена, что женщина пережила что-то страшное, и сама же удивляюсь, как на ней это сказалось!

Но она, выходит, действительно гений, если в таком юном возрасте столь виртуозно владеет самым сложным из разделов змеиной магии.

— Извини, я спросила глупость. Значит, в вашей компании главный Зарк?

— Не совсем, они с Асписом в равных правах, а я — третий голос, чтобы решать спорные ситуации, — пояснила Сверта, с явным облегчением переключившись на новую тему.

— А почему именно они? — вставила Ежина.

Оказалось, оба змея входили в Совет Старших — группу самых опытных и уважаемых беглецов,

управлявших жизнью мирных граждан там, в другом мире, и подполья — здесь. Выбрали их по многим причинам: как молодых, но при этом вполне опытных мужчин, имеющих не только преподавательский опыт, но и боевой, а также навыки выживания во враждебной среде. Ну и, кроме того, они сами изъявили желание приехать сюда. Причем Аспис — только тогда, когда узнал, что в школе буду я. Хотел отомстить? Странно, почему все-таки передумал.

Создатель! Опять я о нем! Только-только начала успокаиваться, и вот опять...

Но мысли все равно зацепились за белобрысого, и я запоздало подумала, что он ведь тоже перелинял раньше положенного. Все-таки сильно пострадал, когда бежал от змееловов? Или это случилось позже?

Линьки у змеев происходили примерно раз в двадцать лет. Первые три изменяли уровень силы — скачкообразно, а не так, как у людей. Причем скачок этот, если змей не занимался магией между линьками, мог произойти и в сторону снижения потенциала. Кроме того, каждый раз после такого резкого перестроения восприятия приходилось буквально заново учиться пользоваться магией.

Каждая линька сказывалась и на внешности. В основном, на змеиной ипостаси, но отчасти и на человеческой, как бы приближая ее к «божественной» форме. По внешним проявлениям вроде чешуи и змеиных зрачков можно было легко определить стадию развития, и во время гонений змеям приходилось старательно скрывать эти признаки. Благо для подобного требовалось только сохранение концентрации, спрятать их можно по желанию, как сжать или разжать кулак. Правда, лишь до пятой линьки — старшему поколению змеев приходилось тяжелее всего.

Но это в норме, при спокойной жизни без резких потрясений. Иногда линька происходила гораздо раньше — из-за стресса, из-за сильного магического истощения или физических повреждений. Это помогало экстренно оздоровить и восстановить организм, но сокращало продолжительность жизни.

Если Сверта к своим годам успела перелинять не один, а три раза, к этому ее подтолкнули отнюдь не радостные обстоятельства. Жутковато даже представить, через что прошла эта бедная девочка. Да и слова о том, что ей здорово помог змей-целитель, специализирующийся на разуме, тоже многое значили.

Долго мы, однако, не просидели. Сверта опомнилась и засобиралась к себе, сообщив, что хотела сегодня лечь пораньше. Прозвучало почему-то неубедительно, но повода потребовать честного ответа у меня не было, поэтому змею мы отпустили без возражений. А потом и я распрощалась, взяв у Ежины легкий авантюрный роман на вечер: после разговора немного полегчало, но вряд ли надолго.

Однако развлечься чтением мне сегодня было не суждено. Я едва успела переступить порог собственной комнаты, бросить в кресло книгу и на его спинку скинуть жилет, когда входная дверь без стука распахнулась. При этом легкие защитно-сигнальные чары — не запираются же в школе чем-то убийственным, мало ли что может случиться! — визитер бесцеремонно смахнул.

— Наконец-то ты, — проговорил Аспис с легкой улыбкой.

— Тебя не учили не вламываться в чужие комнаты? — мрачно спросила я.

— Как раз наоборот, вламываться учили. Во время подготовки молодого бойца, — не растерялся змей, который выглядел почему-то ужасно довольным. — А если бы я начал стучать, ты, скорее всего, не открыла бы. Не хотелось рисковать.

Он медленно приблизился. Я скрестила руки на груди, хмуро глядя на него.

— И что тебе надо?

— Мы не договорили в лазарете.

— Ладно, ты нрав, — со вздохом согласилась я и устало уронила руки. Потом переложила книжку на стол, опустилась в кресло и кивнула гостю на другое. — Садись.

Но предложение он проигнорировал, подошел к столу, взял книгу. Хмыкнул, прочитав название, но ничего не сказал.

— Мы остановились на том, что ты... — начала я.

— Я помню, на чем мы остановились, — перебил змей и вместо кресла опустился на край кофейного столика. Удобно вытянул ноги — по обе стороны от моих. Но я сцепила зубы и сделала вид, что это меня не волнует. — На том, что я ругал твоих наставников. А мне все не давала покоя мысль — зачем было повторно спрашивать о том же самом? Значит, эта мразь привела тебя, чтобы хоть так извлечь выгоду.

— То есть ты не отрицаешь сказанного? — несколько озадачилась я, потому что ожидала не такого признания, а заверений в том, что кто-то покопался в моем разуме и подменил воспоминания. И я бы, конечно, не поверила и потребовала доказательств, но...

Тогда какое оправдание есть у Асписа, если не это?!

— Нет. Но я лгал, — спокойно ответил змей. — Если бы я сказал, что люблю тебя... Можешь представить, как орден использовал бы эти сведения. Дать ему такое оружие против нас обоих я не мог, поэтому предпочел ложь.

— Там не лгут! — бросила я зло.

— Люди — нет, — невозмутимо подтвердил Аспис. — Но артефакт делал очень умный и предусмотрительный змей, который оставил лазейку для себя и для своих. Знаешь, почему юным змеям сложно даются превращения? Нужно принять двойственность собственного сознания. Когда мы в другой ипостаси, мы мыслим несколько... иначе, чем в этой.

— Это не тайна. — Я передернула плечами.

— Не тайна. И именно в чуть ином устройстве разума есть лазейка. Это требует определенных знаний и усилий, но это возможно. — Он непроизвольно скривился и потер лоб, после чего встряхнулся и продолжил: — Главное, тот бедный артефактор, прежде чем сгореть на костре, сумел передать схему и способ защиты кому нужно. Поэтому все, кого вы ловили, уверенно называли себя одиночками, хотя знали куда больше. Великий Змеелов, старая падаль, понимал, что его водят за нос, вот только подтвердить свои догадки так и не сумел.

— И ты действительно думаешь, что я в это поверю? — Я нервно вскочила с места, переступила через ногу змея и отошла к окну — просто потому, что другой цели в комнате не нашлось.

Стыдно, но сбежать от него я пыталась почти осознанно.

— Если хочешь, давай проверим. Порталом в Релку — это недолго, за пару часов управимся. — Аспис, увы, не остался сидеть на месте, последовал за мной — не спеша, неотвратно. Остановился в шаге. Я инстинктивно попыталась отпрыгнуть, увеличив дистанцию, но вовремя себя одернула и устояла на месте.

— И как ты собрался проверить? — не поняла я.

— Думаю, король одолжит своего палача на пару часов. лягу на алтарь и скажу что угодно. Что небо красное, что я женщина, что Великий Змеелов — мой родной отец, — усмехнулся змей.

— Ты готов ради такой глупости опять отдаться в руки палача?!

— А без этого поверишь, что я тебя любил? — проговорил Аспис тихо, вкрадчиво. Приблизился еще. Голубые змеиные глаза гипнотизировали, не позволяли снова отодвинуться и тем более сбежать.

— Зная, что сдала тебя змееловам? — Голос прозвучал на удивление ровно.

— Зная. И до этого, и после. Хотел вырвать тебе сердце, глядя в глаза. Но — любил. — Сухие, твердые и прохладные кончики пальцев прошлись по моему лицу — от скулы вниз, к подбородку, слегка царапая когтями. Глаз змей не отводил, кажется намеренно не желая отпустить. — Все эти годы. До кровавой пелены перед глазами ненавидел, но мечтал опять поцеловать. — Обхватив ладонью лицо, он с нажимом провел большим пальцем по моей нижней губе, снова царапая — не до крови, но почти больно. Правда, я на это не обращала внимания — слова его слишком оглушали, чтобы думать о чем-то еще. — И сейчас... — уронил совсем тихо, уже у самых моих губ.

Поцелуй вышел жадным, почти грубым, говорящим куда больше, чем слова. Одна ладонь змея продолжала удерживать мое лицо, не позволяя отвернуться, вторая крепко прижала к твердому телу, обхватив за талию. Я непроизвольно вцепилась в его предплечья. Наверное, и на том проклятом пыточном столе не смогла бы сказать, хотела оттолкнуть или прижать покрепче.

Скорее, второе: слишком отчаянно я ответила на этот поцелуй, чтобы всерьез искать в себе силы его прервать.

Через какое-то время я уже вполне откровенно обнимала змея, а пальцы второй руки уверенно ерошили мягкие, пушистые белые волосы. Ладонь его переместилась ниже, прижала бедра к его бедрам, давая понять, что желает он не одного только поцелуя. Звенящую тишину комнаты нарушил тихий хриплый стон. Мой?..

— Аспис, ты скоро закончишь? — раздался от двери спокойный голос Кергала.

Я дернулась, пытаюсь отшатнуться, но куда там — без магии тягаться с этим змеем! Не пустил. Но

поцелуй прервал, вернул руку обратно на талию, а второй — прижал мою голову к своему плечу.

— Что-то случилось? — негромко спросил змей, не позволяя себе демонстрировать недовольство. Голос его звучал вроде бы ровно, как обычно, но... оказывается, я слишком хорошо знала и слишком хорошо помнила этого змея. Он сейчас с трудом контролировал эмоции. Наверное, если бы Кель не вошел, в этот момент змей уже избавлял бы меня от одежды.

— Не знаю. Я... спросить хотел. Можно завтра.

— Иди, — поспешно выдохнула я мужчине в шею. Обнаружила, что сама же судорожно цепляюсь за его плечи, усилием воли заставила себя ослабить хватку. — Пожалуйста! Аспис...

— Мы не договорили, — ответил он с отчетливым обещанием в голосе и нехотя разомкнул объятия. На ватных от слабости ногах я сделала пару маленьких шагов назад.

Когда белый вышел вслед за молодым змеем и аккуратно прикрыл за собой дверь, напоследок бросив на меня еще один обжигающий взгляд, я медленно осела в ближайшее кресло. Откинувшись на спинку, нервно вцепилась в подлокотники и зажмурилась.

В голове воцарилась звенящая пустота без единой мысли. Пульс частил, и я сосредоточилась на дыхании, пытаясь успокоиться.

Создатель! Что это было?! Вообще и — со мной? Почему я ответила на поцелуй? Почему Аспис поцеловал?! Он что, говорил сейчас всерьез?!

Сожри меня Змея!

Отчаянно хотелось убедить себя, что Аспис сделал это с какими-то нехорошими намерениями, желая, например, отомстить. Конечно, он понимает, что я не потащу его к палачу, просто чтобы убедиться... или и правда готов опять через это все пройти?

Это ведь чистое безумие. Мы не виделись почти двадцать лет, у каждого — своя жизнь, а прошлое — это прошлое. Он просто не мог на самом деле так думать. Нельзя столько лет любить человека, сломавшего твою жизнь! Нельзя, но... Аспис был абсолютно серьезен, когда говорил это. А уж когда целовал — тем более!

Проклятье! Зачем я ответила?!

«Потому что не могла не ответить», — возникла пугающая своей простотой мысль.

Не могла, да. Этот мужчина снова с поразительной легкостью выводил меня из равновесия. Несколько дней назад заставлял злиться, забывая обо всем, словно с мундиром ястреба я сбросила все навыки, полученные в ордене. А теперь вот — трепетать в его объятиях от восторга...

Помоги Создатель, у меня ведь даже не возникло мысли оттолкнуть! И не явись так вовремя этот мальчишка, исход был бы ясен. Скорее всего, мы бы даже до спальни не дошли, а прямо здесь...

Прикрыв ладонями лицо, я разразилась нервным, истерическим хохотом. Прекрасная жизненная ситуация: в родительскую спальню в самый неподходящий момент вбегает дитя с вопросами. И детали вроде возраста ребенка, вопросов его происхождения и сложных взаимоотношений «родителей» только добавляют картине безумия.

С трудом уняв истерику — от смеха стало уже не хватать воздуха, выступили слезы и свело живот — я заставила себя подняться и пройти в ванную, чтобы приобрести хотя бы видимость спокойствия. На внутреннее рассчитывать не приходилось. Выходя из комнаты, вспомнила об открытой двери и наглухо запечатала ее чарами — так, чтобы уже точно никто не вломился. К продолжению разговора с белым змеем я явно не готова, и уж тем более — к встрече с кем-то еще.

Я понятия не имела, как быть теперь и что делать. После такого подтверждения глупо отрицать: да, Аспис привлекает меня как мужчина. Да, несмотря ни на что. Тело, оказывается, прекрасно помнит, как хорошо было с этим змеем, а что не помнит — согласно узнать заново. Да, как ни безумно это звучит, я готова поверить его словам. Потому что где-то в глубине души, несмотря на ненависть и обиду, оказывается, все эти годы жила отчаянная надежда, что Аспис меня не предавал.

Но... что из этого? Да, на душе становится легче, но... Двадцать лет! Сожри меня Змея, я двадцать лет считала его мертвым, продолжая носить в сердце злость и обиду, а Аспис — горячо и отчаянно ненавидел! Неужели все это действительно можно повернуть вспять?!

И, главное, неужели я на самом деле этого хочу?..

Когда шел к Норике в намерении закончить прерванный разговор, Аспис сам не ожидал, как далеко пойдет. Да, собирался объяснить, почему и как солгал тогда, надеялся помириться — и на этом все. Пока что. Прежде чем строить какие-то более серьезные и далеко идущие планы, стоило все хорошенько взвесить и обдумать.

Взвесил, да уж.

Стоило оказаться в шаге от нее, поймать почти испуганный напряженный взгляд, и все пошло наперекосяк.

Светло-серые глаза Нори всегда вызывали у непривычных к ним людей легкое опасение — холодные, с ярко выделяющимися зрачками, они казались нечеловеческими. Но Аспис помнил серебристые искорки, которые плясали в них, когда Нори смеялась. Его эти глаза всегда зачаровывали до легкого головокружения. Вот и сейчас это случилось, и он говорил, почти не отдавая себе отчета в словах.

Напряженно сжатые губы... Змеиная кровь, он в тот момент прекрасно помнил их вкус!

И Аспис сказал то, что, наверное, не стоило говорить. А потом вовсе не сдержался. Так близко были эти губы, так хотелось убедиться, что память не подводит.

Нори ответила, и это окончательно все усложнило.

Змей был даже благодарен Кергалу, что тот появился и не позволил зайти дальше. Подарил шанс успокоиться, перевести дух, обдумать все и принять решение. А вернее — дать разуму время смириться с тем выбором, который сделали тело и сердце.

— Что ты хотел спросить? — Аспис заставил себя вернуться в действительность. Конечно, думать сейчас хотелось совсем о другом, но Кель вряд ли правильно поймет нежелание внезапно обретенного отца общаться.

— Я не понимаю, — вздохнул он. — Как... не ошибиться? Когда кто-то нравится. Как понять, что он хороший?

— На этот вопрос ответа нет, — медленно качнул головой старший змей, едва сдержав нервный смех. Вот уж своевременный вопрос! — Можно опираться только на собственный жизненный опыт и чутье. И надеяться на лучшее. Ошибаться трудно и больно, но без этого не бывает. Неправильные решения одинаково принимаются и в вопросах выживания, и в отношениях с людьми и змеями. Тебя беспокоит кто-то определенный?

— Дорика, — легко признался Кергал.

— Мне кажется, она хорошая, — улыбнулся Аспис. — Думаю, на ее счет тебе беспокоиться не стоит.

— Почему? — даже растерялся от такого прямого ответа Кель.

— Потому что... жизненный опыт, — развел руками старший. — Она открытая, добрая девочка.

— А что дальше? — задумчиво спросил молодой змей.

— То есть?

— Ну... Кто-то нравится. Он хороший. И что дальше? Потом?

— Жизнь, — нервно усмехнулся Аспис. Почему-то Бес никогда не задавал ему таких вопросов, его обычно интересовало более простое — материальная сторона мира. С вопросами чувств он как-то умудрился разобраться самостоятельно. — Ты дружишь, общаешься с теми, кто тебе симпатичен, учишься, потом работаешь, получаешь за это деньги и тратишь на то, что тебе нужно и что хочется, заводишь семью, детей. Конечно, это далеко не всегда так, бывают гораздо более сложные случаи...

— Как у тебя и Норики?

— Да, это очень точный пример, — кивнул белый змей, всерьез озадаченный такой пронизательностью Кергала. — А как ты определил?

— Я... не знаю, — смущенно пробормотал парень. — Вы ругались, а теперь вот обнимались. И... это же был поцелуй, да?

— Да, — поморщившись, кивнул целитель.

— Что-то не так?

— Не так, но это не относится к тебе, — глубоко вздохнул Аспис. — Ты молодец, правда. Ты очень наблюдательный и быстро осваиваешься, это здорово.

— А что не так? — заинтересовался Кель.

— С чувствами бывает сложно не только тебе, — вымученно улыбнулся старший змей, который предпочел бы не затрагивать эту тему, но не мог. На его счастье, в этот момент они как раз дошли до нужной комнаты. — Ну вот и пришли. Ты еще что-то хотел спросить?

— Попросить. Можно мне другую комнату? — Кергал выпалил это скороговоркой и даже слегка втянул голову в плечи, как будто боялся взбучки за свою просьбу.

Заострять внимание на этой детали Аспис не стал.

— Можно, наверное. Только нужно узнать, какие есть свободные, — ответил спокойно. — Давай утром этим займемся, хорошо?

— Хорошо, — с облегчением согласился Кель. — Спасибо!

— А почему тебе хочется ее сменить?

Внятно ответить на этот вопрос змееныш не сумел, неприятно ему тут — и все. Заинтригованный, Аспис внимательно осмотрел спальню, но ничего особенного не нашел — ни зрительно, ни магией. Комната как комната, которая всегда была гостевой спальней. Готовили ее явно для кого-то из преподавателей, так что, можно сказать, Кергалу повезло: не пришлось ни с кем делить жизненное пространство. Однако его это, похоже, не слишком радовало.

В итоге старший змей оставил попытки разобраться в причинах и просто пообещал устроить переезд, по возможности — завтра.

— Отец! — окликнул его Кель на пороге. Аспис вздрогнул от неожиданности — привыкнуть к такому обращению было непросто, — но обернулся, ожидая продолжения. — А зачем люди целуются?

— Если мужчина и женщина испытывают друг к другу симпатию и влечение, они так его проявляют. Это приятно, как и объятия.

— Спасибо. Доброй ночи.

Уходя, Аспис с иронией подумал, что может собой гордиться: на каверзный вопрос ответил без запинки и сомнений. Кажется, впрямь начал привыкать и почти освоился в роли отца этого странного змееныша.

Ночь прошла отвратительно. Чего, впрочем, следовало ожидать: мирно уснуть я со всеми этими мыслями и разбереженными воспоминаниями не могла. Как результат — всего пара часов тревожного сна, щедро приправленного кошмарами. Вторая ночь подряд! Начинаю сожалеть, что я отказалась от помощи Язода Самоса и не взяла у него снотворное.

Выбраться, что ли, в город? Порталом это не займет много времени, можно за час управиться. Рискованно доверяться этому человеку, но и терять мне особо нечего...

С этими мыслями я все же заставила себя подняться с постели. С минуту постояла у окна, пытаюсь доказать себе, что пробежка — отличный, проверенный способ взбодриться и почувствовать себя человеком после такой мутной ночи. Но зима добралась и сюда. Тяжелые тучи, кажется, цеплялись за верхушки деревьев, большими тяжелыми хлопьями валил мокрый снег и, тая на земле, превращал ту в грязь. Холод огненному магу не страшен, но выходить в эту хмарь и слякоть совсем не хотелось.

В итоге я уговорила себя на хорошую разминку в комнате и через час, после душа, оказалась более-менее готова к новому дню. Поскольку до общей побудки и завтрака еще оставалось время, решила начать день в кабинете.

Не успела. Буквально на пороге собственной комнаты столкнулась с Мроном, который явно шел ко мне. Был артефактор серьезен и очень хмур, и это не предвещало ничего хорошего.

— Что случилось?

— Пойдемте, вы должны на это взглянуть, — проговорил и махнул рукой, предлагая следовать за ним. — Пропавший ученик нашелся.

— Надо думать, не живой? — тяжело вздохнула я.

— Убит, — коротко кивнул мужчина.

— Асписа Чарита и Власта Цовера позвали?

— Нет, я сразу к вам.

— Зовите. Где труп?

— Возле парадного входа.

Этого еще не хватало!

К месту преступления я отправилась бегом. Нужно постараться все убрать, пока не проснулись дети. Они, конечно, всякого навидались в жизни, но это не повод усугублять.

Добравшись до цели я, пользуясь одиночеством, сначала грязно выругалась себе под нос, а потом — наглухо запечатала все ведущие в холл двери. Определенно детям такого лучше не видеть.

Среди змееловов были разные люди. Хватало и тех, кто в разной степени не одобрял идею полного уничтожения змеев, но они обычно помалкивали: вольнодумство в рядах ордена не поощрялось. Но власть Великого Змеелова держалась, конечно, не на них, а на фанатиках всех мастей — от безынициативных преданных исполнителей, слепо следующих приказам, какой-то некоторое время была и я, до двуногих чудовищ, упивающихся собственной властью и безнаказанной жестокостью.

Последние стояли в иерархии ордена особняком, образуя нечто вроде клуба по интересам. Они называли себя Карающими Руками Создателя, или просто — Карателями. Мне иногда казалось, что этой полусотни психов побаивался сам Великий Змеелов.

Глядя на распростертое на мозаичном полу обнаженное тело, я вспоминала именно их, а от затылка к лопаткам стекали волны холодной дрожи. Здесь явно порезвился кто-то из них, но... кто?! Создатель! Стражника убили, и это было, конечно, ужасно, но... Его просто убили! А подобное мог сделать только конченный псих! И вот это чудовище сейчас находится в школе? Среди детей?!

Бедного парня буквально выпотрошили, разложив внутренности вокруг по явной системе. Вокруг шеи сняли полосу кожи — Каратели называли это «художество» ошейником и выполняли его непременно на живой жертве. Снятую полосу кожи они выделывали и воспринимали как трофей.

С минуту я простояла чуть в стороне от жертвы, не решаясь приблизиться, загипнотизированная жутким зрелищем. Простояла бы и дольше, но в этот момент сработала сигнализация на одной из дверей, предупреждая о желании кого-то войти. Асписа в этом ком-то я узнала с искренним облегчением.

От выражения вслух собственных эмоций змей тоже не удержался.

— Ты умеешь снимать показатели магического поля? — спросил он, от души выругавшись.

— Нет. — Я медленно качнула головой. — Придется подождать капитана.

Вскоре вернулся и Мрон в сопровождении Власта, который принес с собой и блокнот с записями, и чистые листы. Когда стражник закончил с магическим полем, за осмотр принялся Аспис.

— Его убили не здесь, — вскоре сообщил он. — Слишком мало крови. Больше того, вот это все, — он широким жестом обвел труп, — учинили уже над мертвым.

— Хвала Создателю! — вырвалось у меня.

— В смысле? — Капитан покосился очень настороженно.

— Норика имеет в виду, что бедолагу не мучили, — пояснил змей. — Внешне все это очень похоже на работу кого-то из Карателей, и мне тоже в первый момент стало не по себе от мысли, что в школе находится такое чудовище.

— То есть вот это сделало не чудовище? — Кажется, Цовер решил, что мы оба тронулись умом.

— Есть большая разница между тем, чтобы изувечить труп, и тем, чтобы снимать кожу с живого, находящегося в сознании существа. — Аспис бросил на капитана острый, тяжелый взгляд.

— Я слышал про Карателей, но полагал, что молва несколько преувеличивает их чудовищность, — проговорил Власт.

— Ваше счастье, что только слышали! — вздохнула я. — Значит, имитация. Но зачем? Кого таким образом хотели подставить? У нас тут вроде бы нет агрессивных безумцев и садистов...

— Не знаю. Но кто бы это ни сделал, он очень сглупил, — рассеянно заметил змей. — Парня, на первый взгляд, убили часа два-три назад. Точнее скажу после... кхм. Когда все вот это осмотрую, вскрывать тут уже нечего. — Он обвел хмурым взглядом разложенные вокруг внутренности и принялся закатывать рукава.

— Давай помогу, магический фон-то уже сняли, — вызвалась я и, когда змей одобрительно кивнул, воспользовалась магией, чтобы аккуратно сложить все части обратно.

— А отчего он умер-то? — спросил капитан.

— Пока не могу сказать, — качнул головой Аспис. — Признаков удушения или отравления нет. Скорее всего, его зарезали. Осмотрую внимательнее внутренности — может, что-то прояснится.

— А сглупил убийца?..

— Потому что не надо пытаться повторить то, чего не знаешь в деталях, — отозвался змей. — Во-первых, можно уверенно утверждать, что сделал все это не просто не Каратель, но некто, знакомый с их деятельностью только понаслышке. Во-вторых, он не охотник, не целитель, не повар и, пожалуй, не опытный убийца. Он не умеет снимать кожу, анатомию знает плоховато, потому что тело потрошил кое-как, и вообще у него, похоже, дрожали руки.

— Это не особенно сужает круг подозреваемых, — заметил Цовер. — Здесь половина школы таких.

— Нори, ты помнишь рисунок магии Фалина? — спросил Аспис, вместе с капитаном разглядывая снятую картину магического поля.

— Помню, а что? — Я в это время как раз закончила с телом и машинально вытирала ладони носовым платком. Руки были чистыми, я ничего не трогала, но все равно хотелось вернуться в душ.

— Проверь меня. Здесь же явно есть его отпечаток, да? Змей протянул листок. — Размытый, но читаемый.

— Очень похоже, — подтвердила я. — Хочешь сказать, это доказывает его виновность?

— Наоборот, это доказывает, что Фалин непричастен и кто-то пытается его подставить, причем очень грубо.

— Каким образом? — растерялись мы с капитаном.

— Нори, ты помнишь его фамилию? А вы, капитан?

— Она у него простая, Вилор. А что?

— И что, никаких ассоциаций? — Змей насмешливо вскинул брови.

— Я знаю как минимум пятерых, не считая его, — пожал плечами Власт.

— Лирак Вилор — его старший брат. Странно, что ты не заметила сходства, они очень похожи.

Я тихо ругнулась, а Цовер растерянно спросил:

— Это какой-то очень известный тип?

— Широко известный в узких кругах — да, — подтвердила я. — Он был одним из Карателей, пока его лет пятнадцать назад не убили. Ничего странного, я если и видела его, то только мельком и очень давно, — ответила уже Аспису. — А ты откуда знаешь?

— Я участвовал в операции по его устранению, — отозвался змей.

— Ты же целитель, — не удержалась от замечания.

— Так и не я его убивал, — невозмутимо парировал он. — Поможешь отнести тело? Я прикрою от случайных глаз.

— Да, конечно. Мрон... — обратилась я к артефактору, и тот понял без слов.

— Сейчас приборем, — заверил и направился к узлу управления бытовыми чарами.

Все возможные улики мы забрали, следы, какие были, — сняли, так что нет причин оставлять кровавые разводы на полу.

Глава 10

ЖАР НА ГУБАХ

Вторую смерть мы решили широкой огласке не предавать. Не из боязни волнений и паники среди учеников, а чтобы посмотреть, как поведет себя убийца. В прошлый раз он нашел возможность пустить слух — я не могла этого доказать, но в выводе таком не сомневалась, — хотелось знать, что сделает сейчас. Специально для этого попросила некоторых учеников, особенно достойных доверия, внимательно смотреть по сторонам и слушать. Кто-то же должен первым запустить сплетню!

Сама же за это время постаралась аккуратно выведать у оставшихся взрослых, кто где был ночью. Пока все уверяли, что спокойно спали в своих комнатах до пробудки. Жаль, что ни у кого из них нет бурных романов: хоть кого-то удалось бы освободить от подозрений!

А сразу после обеда ко мне подошла озадаченная и хмурая Дорика.

— Нори, мне нужно тебе что-то сказать.

— Ты по делу или это личное?

— По делу. Ну и личное немного тоже, но это может подождать, — призналась она.

— Пойдем в кабинет, — кивнула я.

Тем более я как раз в это время условилась встретиться там с Асписом, он обещал после занятий назвать причину смерти. Наверное, выяснил все еще раньше, но мы решили не пропускать уроки, чтобы не вызывать дополнительных подозрений.

— Садись, рассказывай. Что случилось?

— Ты просила послушать, что говорят. Это потому, что того змея, Ирейма, жестоко убили, да? Причем кто-то из бывших змееловов?

— Убили, да, только змееловы на этот раз ни при чем. И от кого ты это услышала?

— Я не знаю. — Дори вздохнула. — И это странно! Ну не дура же я совсем, я же прекрасно помнила о твоём задании и уж сообразила бы обратить внимание на того, кто болтал! Но я не помню, от кого это услышала. Совсем! Как это может быть?!

— Если честно, у меня всего одна идея на этот счет. — Смысла обманывать Дори я не видела. — На разум способны влиять только змеи, значит — это дело рук одного из них.

— То есть кто-то из них, из приезжих, убийца? — со смесью тоски и воодушевления спросила девушка.

— Наверное. — Я развела руками. — Вряд ли кто-то из наших настолько гениален, что самостоятельно этому научился.

— И кто? Учителя? Или, может...

— Дори, извини, но — нет, — оборвала ее. — Я не могу тебя вмешивать во все это, сама понимаешь. И пообещай мне не лезть, хорошо? Иначе придется принять меры.

— Ладно, ладно, обещаю! — немного суксилась она, но тут же встрепенулась. — Я надеюсь, это не Аспис, да?

— Он последний в списке. А почему тебя это так волнует? — Я вопросительно вскинула брови.

— Ну, Тори расстроится. — Дорика неопределенно повела плечами. — То есть расстроится, конечно, Бес, а она — с ним вместе. У них такая любовь... — Она хихикнула. — Ты не замечала?

— Замечала, — кивнула ей. И проговорила осторожно: — Только мне казалось, что ты...

— Ну да, мне он тоже нравился, но не так, как ей, — легкомысленно отмахнулась Дори и тут же нахмурилась. — Но это уже о личном получается. Мне кажется, как-то это нехорошо после... ну... Вот этого всего.

— Смотри сама, — не стала я настаивать. — С одной стороны, болтать о подобном буквально над трупом — действительно не слишком-то хорошо. Но с другой, каждое мгновение в мире кто-то умирает, и естественно не принимать близко к сердцу смерть постороннего. Вопрос личного выбора.

Однако выбрать Дори не успела. После короткого стука дверь распахнулась, и через порог шагнул задумчивый Аспис.

— Не помешал? — спросил он, окинув Дорику выразительным взглядом.

— Извините, я уже ухожу! — всполошилась она.

— Тебя зачем-то Кергал искал.

— Да? Ой, а где же я его сейчас найду?!

— Примерно здесь, но на другом этаже, — с мгновенной заминкой ответил змей.

Ученица глянула на него с недоумением, но поблагодарила и убежала со странным огнем в глазах.

— Что там? — подобралась я, когда за Дори закрылась дверь.

— Мутно как-то. — Аспис медленно прошелся по кабинету от двери до стола, потом чуть отступил и присел на край сундука. — Я, кстати, у тебя эту штуку заберу. Первого покойника давно отправили в Столбы, а со вторым надо что-то делать. Что же касается трупа...

Помимо подтверждения давности смерти Аспис получил еще некоторый материал для размышлений. А именно — странные синяки на локтях жертвы и на боковых сторонах бедер, чуть выше колен, появившиеся совсем незадолго до смерти или в момент нее. Под ногтями нашлось немного древесной трухи, да и пальцы были оцарапаны — это выяснилось, когда Аспис смыл запекшуюся кровь.

Умер парень от нескольких ударов ножом с длинным узким лезвием, нечто вроде стилета. Им же потом его и распотрошили, хотя оружие для этого было более чем неподходящим.

Кроме того, целителя несколько смутило то обстоятельство, что совсем незадолго до смерти Ирейм плотно поел. Если учесть, что умер он около четырех часов утра, это действительно выглядело странно. Вряд ли сообщник, он же убийца, принес парню в укрытие горячий омлет с колбасой и гренки.

В ответ на эти подробности я пересказала слова Дори и собственные выводы, отчего змей предсказуемо нахмурился и помрачнел. Одно дело — гипотетически допускать, что кто-то из твоих товарищей убийца, а другое — иметь доказательства.

— Кто из ваших способен на такую магию?

— Она далеко не самая простая, требует определённого опыта и навыков, — медленно начал Аспис. — Воздействия на разум имеют свою специфику, но здесь оно слабое. Ничего в мыслях и сознании не меняли, даже не заставляли верить вложенной информации. Теоретически такому можно научиться и самостоятельно. Сверта могла легко. Она исключительно талантлива, а илечения при работе с магией времени гораздо сложнее. И Зарк тоже мог, хотя и с меньшей вероятностью: он боевой маг, тонкие плетения — не его конек. Ну и я, конечно.

И взгляд испытующий, пристальный — как отреагирую?

— За тебя ручался король, — неопределенно ответила я. — Не знаю, правда, почему он так в тебя верит...

— Мы давно знакомы, — огорошил змей. — Еще с тех пор, когда он никаким королем не был.

— Ясно, — кивнула я и вернулась к магии: — А из учеников?

Выяснять подробности знакомства с Орленом я не стала принципиально, хотя было любопытно, что скрывать. Еще решит, что мне интересно, как он жил все эти годы.

Создатель! Как же это глупо звучит, даже если пытаться убедить только саму себя!

— Из учеников... — рассеянно повторил Аспис. — Теоретически способны Барес и еще пара ребят. Но ни у кого из них нет мотива — ни личного, ни идейного. У одного оба родителя люди, они его чудом спасли, и ненависти ни к людям, ни к этому миру в нем не осталось, другой — слишком любознательный и миролюбивый. А Бес знает, что его мать, скорее всего, была человеком, но отчаянно хочет ее найти, ради этого даже магию освоил заметно выше своего уровня.

— Зачем? — вырвалось у меня. Надеюсь, Аспис не заметил, как я дернулась при словах о поиске матери...

— Надеется, что она окажется хорошей женщиной, которая его не бросала, а потеряла по каким-то

объективным причинам. — Он поморщился.

— А ты в это не веришь и отказался помогать?

— Не верю, — легко согласился он. — Но Бес хочет все сделать сам, не впутывая меня в свое личное дело, — прозвучало с отчетливой гордостью. — Впрочем, скорее всего, эта женщина уже мертва, поэтому он и оказался в свое время на улице.

— Скорее всего, — эхом отозвалась я.

На мгновение прикрыла глаза, силясь унять неуместные сейчас эмоции, а когда открыла — встретила пристальный, непонятный взгляд белого змея, от которого по спине словно прошел холодок и осел комком в груди. Читалась в нем непонятная тоска и злость, причем, не на меня. А еще на секунду почудилась нежность, и я, словно обжегшись, поспешила вернуться к главной теме разговора.

— С мотивом в этом деле вообще все сложно. Если со стражником еще более-менее ясно, он человек и для убийцы, скорее всего, никакой ценности не имел, то за что пострадал Ирейм? В школе полно более подходящих жертв, незмеев. Или хотя бы не тех, кто приехал вместе с убийцей!

— Может, в этом случае другой мотив? Не попытка столкнуть людей и змеев, а что-то личное, — пожал плечами Аспис. — Например, он мог что-то видеть или знать. Или помогать убийце. Ведь именно он составил Зарку алиби на первое убийство и именно он зачем-то сцепился с Мангиром! Похоже, что драка была попыткой спровоцировать ссору между учениками пришлыми и местными, но организатор слишком предвзят к людям и местным змеенышам. Зарк рассудительней и разумней, он мог просчитаться так в самом начале, но не сейчас, давно бы уже сделал выводы. А вот Сверта... В любом случае, мне кажется, Ирейма выбрали именно потому, что нужен был он, а не любая жертва.

— Наверное. А по поводу еды... Ты не разговаривал с поварихой? Может, кто-то похозяйничал на кухне?

— В том-то и дело, что никого не было, — возразил Аспис. — Она была на кухне с четырех утра, возилась с тестом для плюшек. Тут вот какая странность есть, я почему и обратил внимание: она уверена, что яйца не пропадали. Большую часть извели на омлет вчера, остались считанные штуки на тесто, которые утром были на месте, а свежие привезли позже.

— Омлет был вчера? — Я вопросительно вскинула брови — завтрак-то мы с ним оба пропустили. — Интересное совпадение, а...

Я запнулась: в этот момент взгляд зацепился за сундук, на котором сидел змей.

— А? — подбодрил он.

— Встань! — рывкнула и сама сорвалась с места. Аспис явно растерялся, но послушался, а я стремительно подошла к сундуку и откинула крышку. Конечно, внутри было пусто. — Ты можешь как-то выяснить, есть тут следы крови?

Мысль Аспис понял сразу. Опустился на корточки, заглянул внутрь, потом долго плел какие-то тонкие, изящные чары. Результата я ждала с нетерпением, но не сомневалась в нем ни на секунду.

Ирейма убили именно здесь. Отсюда — такие странные синяки, отсюда — царапины на пальцах и древесная труха: сундук старый, не очень хорошего качества, доски шершавые и ветхие. Кто-то откинул крышку и несколько раз хладнокровно пырнул в живот лежащего парня, полностью доверявшего убийце.

Может, он был не лучшим змеем и зачем-то напал на Мангира, но ему было всего двадцать! Он даже первую линьку еще не прошел...

А еще это прекрасно объясняло следы магии Фалина на парне: они просто не успели рассеяться. Значит, его спрятали в сундук вскоре после того, как рыжий вместе с Зарком заперли его в комнате. Тогда, когда Аспис колдовал над Мангиром, спасая его жизнь. И сделать это мог любой из подозреваемых, у них было достаточно возможностей.

Змеиная кровь! Почти сутки бедный змееныш, живой или мертвый, пролежал в сундуке в моем кабинете. Мы ходили вокруг, разговаривали, искали Ирейма и строили теории. И никому даже в голову не пришло искать здесь!

— Пытались убрать следы с помощью магии, но не вышло, кровь успела впитаться. А из древесины ее никакой магией не достанешь. Наверное, понадеялись, что никто не заметит.

— Можно установить: убили его сразу, как сюда положили, или позже? — спросила я, медленно обводя кабинет ищущим взглядом. Еще какая-то мысль билась на краю сознания, и я никак не могла ее уловить.

Змей качнул головой.

— Стазис. Есть внутри ящика что-то или нет, чарам все равно, они истощаются с одинаковой скоростью. Разве что... — Он нахмурился и, закрыв сундук, опять начал плести какие-то чары. Я благоразумно молчала, чтобы не сбивать. — Нет, бесполезно. — Аспис устало уронил руки и поднялся. — Я ощущаю следы крови на полу, но ее слишком мало. Убийца явно прибрал за собой, в натертый паркет почти ничего не успело впитаться.

— Нож, — наконец уронила я и кивнула на письменный прибор на столе. — Пропал нож для бумаг. Скорее всего, им и убили.

— Тогда выходит, поступок был спонтанным? — предположил целитель. — Планируя убийство заранее, логично принести оружие с собой.

— Наверное. Найти бы одежду убийцы, не мог же он не испачкаться!

— Не мог. Но у него было немало времени и возможностей от нее избавиться, вряд ли он этим не воспользовался.

— А обувь, какие-нибудь украшения? Твоя магия не позволяет поискать?

— Нет, поиск проводится только по живой крови, — качнул головой змей. — А вот эти чары, которые позволяют найти следы, работают только на небольшом расстоянии и с оговорками. Например, их бесполезно применять на вещи, которая надета на живом существе: кровь в любом случае найдется. Кроме того, они не позволяют установить принадлежность крови, нельзя даже достоверно сказать, что она принадлежала человеку или змею.

— Жаль, — вздохнула я. Несколько секунд мы помолчали, а потом у меня появилась идея. Может, не очень хорошая, но... — А твои сородичи знают, что по мертвой крови ничего нельзя найти?

— Не уверен, а что?

— Власт предлагал устроить провокацию. И если они не знают или хотя бы сомневаются, то можно попробовать, — оживилась я. — Дать понять, что завтра ты сможешь сотворить какие-то сложные чары, которые позволят найти предметы со следами крови Ирейма. Вычислим, мол, настоящее место убийства, да и ту одежду, на которую попала кровь, попытаемся найти. Вдруг Создатель пойдет нам навстречу и Зарк себя выдаст?

— Ты уверена в его виновности?

— А ты нет? — Я вопросительно выгнула брови. — Мы вроде бы установили, что убийца — змей. Значит, вариантов два: он или Сверта, и мужчина кажется более вероятным виновником. Змея, конечно, сильнее человека, но вряд ли эта девочка сумела бы легко дотащить мертвое тело через половину школы. Хотя...

— Хотя что? — подбодрил Аспис, потому что я запнулась.

— Она вечером как-то подозрительно быстро и суетливо сбежала из библиотеки. Мы там разговаривали с ней и Ежиной.

— Сверта не настолько глупа, чтобы столь нелепо себя выдать, — качнул головой змей. — Если она действительно убийца, конечно.

— Кстати, мне показалось, она очень тепло к тебе относится, называет едва ли не старшим братом. Это не взаимно?

— Почему ты так решила? — с непонятым выражением спросил Аспис.

— Ты слишком легко принял возможность ее вины. Обычно, если любят или дорожат кем-то, стараются найти ему оправдания. Хотя бы пытаются. А ты невиновность Фалина отстаивал горячее.

— Со Свертой... сложно. — Он выразительно поморщился. — Мне искренне жаль ее, и такой судьбы я не пожелаю никому, я обещал отцу позаботиться о ней и делаю это вполне искренне. Не меньше того, но и не больше. Относиться к ней здраво это не мешает.

— И у нее есть мотив? Она на такое способна?

— Мотив... У нее есть повод ненавидеть определенных людей. Собственного отца и его коллег из

змееловов, если точнее. Если верить Витолу, она полностью здорова и не винит в своем прошлом всех людей скопом, контактна и способна нормально жить среди змеев и людей.

— Но?

— Но он тоже порой ошибается, а чтобы решить очистить этот мир от людей, необязательно быть безумным. На ее месте я бы, пожалуй, не смог так легко все забыть и простить, тогда почему она обязана это сделать?

— На своем сумел, а на ее — нет?

— На своем я встречал много разных людей и могу не равнять всех по Великому Змеелову. А она... в общем, просто поверь, что обстоятельства там совсем иные и из числа подозреваемых ее исключать не стоит.

Настаивать на подробных объяснениях я не стала. Если окажется, что змея виновата, и так все узнаю, а если нет — не стоит ворошить чужое мрачное прошлое.

Идею с провокацией Аспис принял охотно. Да, чар, способных отыскать мертвую кровь, не существовало, но остальные змеи не могли быть в этом уверены, если он заявит обратное. Потому что альбинос — целитель и специалист в вопросе, а они — нет. Кроме того, выяснилось, что сейчас очень удобное время для такого обмана. Завтра около полудня должен начаться благоприятный для серьезных ритуалов период: месячный пик силы. К таким моментам маги разных направлений подгадывали использование особенно сложных чар — активацию стационарных порталов, изготовление мощных артефактов, грандиозные боевые заклинания. Это прекрасно объясняло отсрочку до завтра.

План на всякий случай разработали в двух вариантах. По первому Аспис должен был достать кровь обоих подозреваемых и следить за их перемещениями с помощью магии. Но шансов на это было ничтожно мало, поэтому пришлось придумать другой вариант, а именно — наблюдать лично. Самая главная проблема заключалась в том, что ни я, ни капитан Цовер не годились для незаметного преследования, а второго достойного доверия змея у нас не было.

Вернее, был, и хотя этот вариант не нравился нам обоим, но Аспис скрепя сердце решил привлечь к делу сына. Бареса, естественно, а не Келя. Условившись, что и когда говорить и как действовать вечером, мы одновременно двинулись к выходу. Змей потянулся к дверной ручке, но в этот момент я все-таки решилась.

— Аспис, подожди.

Обернулся он с готовностью и даже как будто без удивления, словно чего-то такого ждал. Замер, вопросительно глядя и перегораживая собой дверь.

— Я хотела кое о чем тебя... попросить... о небольшой услуге, — заговорила, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал. Но все равно не выдержала и опустила взгляд на подбородок Асписа: змеиные глаза смотрели слишком пристально и холодно, так уж они устроены, а я, оказывается, еще не до конца к ним привыкла.

Или не в глазах дело, а в том, что я не привыкла просить помощи? Ни у кого — просто потому, что не у кого было, да и причин для этого — тоже. Со змееловами, да и со всем прочим окружением, было гораздо удобнее договариваться о взаимных услугах: никаких долгов, никакой неловкости. А вот Аспису мне предложить, кажется, нечего, поэтому оставалось просить.

— О какой?

— Ты ведь умеешь искать по крови, да? Я хотела... В общем, когда все это закончится, ты можешь провести ритуал для меня?

— Могу, — спокойно кивнул он. Но не успела я перевести дух, как он все же задал этот вопрос: — Кого ты хочешь найти?

— Сына, — все-таки сумела выдохнуть я заветное слово.

— Того, которого убили змееловы? Или был другой? — прозвучало слишком ровно и отстраненно, чтобы понять по интонации отношение змея к вопросу, а взглянуть ему в лицо я все еще не решалась.

— Он один. Великий Змеелов сказал, что не убил его, оставил в живых, и я... А откуда ты знал, что?.. — Я запнулась и все же подняла взгляд, нахмурилась. Смущение сменилось недоумением и растерянностью.

— Тот алхимик, к которому я ходил за зельями, упоминал, — не считал нужным скрывать змей. — Ты считаешь, что он жив?

— Великий Змеелов проговорился на допросе, — выдавила я сквозь отчего-то вставший в горле ком. — Прият, куда его отдали, сгорел, и след потерялся. Король обещал помочь с поисками, но я не думаю, что такое возможно без магии. И если ты не против...

— Неужели ты думаешь, что я мог бы отказаться найти нашего ребенка?

— Моего, — резко возразила я. — У тебя есть Кель и Бес, а у меня... — Голос окончательно сел, комок в горле ошетинился иголками. Я опять опустила глаза и попыталась шагнуть в сторону, чтобы обойти Асписа. Смотреть на него, обсуждать с ним эту тему было сейчас выше моих сил.

Но змей не пустил. Одной рукой поймал за талию, второй обхватил лицо, точно как вчера. Я нервно облизала пересохшие губы, вдруг въяве ощутив на них столь живое в памяти прикосновение, и только потом сообразила, что у этого жеста можно найти совсем иной подтекст.

— Нашего, — веско повторил Аспис, хмурясь, отчего перья на бровях смешно встопорчились. — Не говоря уже о том, что именно ты можешь оказаться матерью кого-то из них.

— Не волнуйся, если это так, я не стану...

— Нори! — оборвал меня змей. — Не нужно жертв и трагедий, хватит. Да, прошло много лет, да, мы изменились, но... Змеиная кровь! Дай мне второй шанс. Дай себе второй шанс!

— Аспис, это невозможно, мы...

Слушать дальше змей не стал, оборвал спор поцелуем. Упрямства и выдержки хватило на пару мгновений, а потом я ответила — так же отчаянно, как вчера. Забываясь в ощущениях, целовала жадно, исступленно, махом перечеркивая все попытки сохранить дистанцию и убедить себя в собственном равнодушии к этому змею.

Создатель! В руках этого мужчины мое тело напрочь забыло, как неприятны ему все эти годы были чужие прикосновения. Может, потому и неприятны, что — *чужие*?..

Аспис потянул куда-то в сторону — и я не сопротивлялась, покорно плыла по течению. Через пару секунд оказалось, что вел меня мужчина к столу, на который и посадил в итоге, чтобы удобнее было целоваться. В голове успела мелькнуть мысль, что мы поступаем неправильно и ничем хорошим это не закончится, но в это время мои руки уже успели вытянуть полы мужской сорочки из-под ремня и добраться до кожи, а ноги — крепко обнимали его за бедра.

Змею идея понравилась, и через пару мгновений уже я сама ощущала его прикосновения безо всяких преград. Твердые ладони погладили бока, скользнули по спине к лопаткам, обжигая и заставляя дрожать от предвкушения большего. Потом одна спустилась обратно к бедрам, а вторая бережно сжала грудь, лаская.

А потом он прервал поцелуй. Рвано, длинно вздохнул и крепко стиснул меня в объятиях, опять прижал мою голову к плечу.

— Аспис, это... — пробормотала я, пытаюсь воззвать не то к его, не то к собственному здравому смыслу. Но ни разжать объятия, ни даже отстраниться не попыталась.

— Это мы продолжим немного позже, — со смешком пресек он все возражения. — Скоро начнутся занятия.

— Я не думаю, что...

— Нори! — опять перебил змей и немного отстранился, чтобы заглянуть в лицо. В уголках губ и глаз теплилась улыбка, смягчая строгость тона. — Это был не вопрос.

— И все равно, мы с тобой...

— Потеряли слишком много времени, чтобы продолжать в том же духе. — Он слегка качнул головой.

— Аспис, да послушай! Ну не может быть, чтобы после стольких лет все вдруг стало как раньше! После всего этого ты...

— А ты? — И опять он не дал мне договорить. Улыбнулся в этот раз широко, насмешливо вскинув брови. — Можешь говорить что угодно и даже в это верить, а я больше верю твоему телу. Ты меня помнишь и хочешь, а все остальное — дело времени. И практики.

Он с явной неохотой сделал небольшой шаг назад, увлекая меня за собой и снимая со стола, а в следующую секунду звонок возвестил о начале занятия.

— Ты сумасшедший! — Я потерянно качнула головой.

— Может быть, — легко согласился змей, быстро коснулся моих губ губами и, на ходу заправляя сорочку в брюки, вышел.

Я же так и застыла посреди кабинета в полном смятении, пытаюсь понять, что это было.

Как у него это получается? Как он может вести себя так, словно ничего не случилось, словно не он с такой ненавистью рычал на меня совсем недавно? Создатель! На него посмотреть — и кажется, что не было войны, не было обид и расставались мы совсем ненадолго...

И почему, сожри меня Змея, я не могу повести себя так же? Ведь уже поверила, с облегчением приняла откровение о чувствах, но... Но?

Может быть, это лишь страх перемен? Или страх вновь пережить то, что один раз уже сломало? Или я просто разучилась получать удовольствие от жизни и не могу расслабиться?.. Ведь целую я его совершенно искренне! Так, может, Аспис правильно сказал, что верить здесь стоит телу?

Я раздраженно выругалась себе под нос и, тряхнув головой в попытке выгнать из нее ненужные мысли, решительно последовала за змеем, на ходу приводя одежду в порядок. Мои занятия тоже никто не отменял!

Кергал и сам не понял, как и когда это случилось. Совсем недавно он в этой столовой жался в дальнем углу, пытался незаметно прятать еду под одежду и провожал каждую пролетающую тарелку напряженным взглядом, с трудом уговаривая себя не бросаться на все куски, а ждать того, что предназначено ему. А сейчас сидит в небольшой дружной компании, в которой смеются, может быть, не друзья, но точно не чужаки. И сам он тоже улыбается. А рядом — самая замечательная девушка в мире, и, засматриваясь на нее, Кель то и дело забывал даже про завтрак.

Сказал бы кто год назад, что он согласится променять *горячую, свежую еду* на чьи-то там взгляды!

Впрочем, некому было тогда с ним разговаривать. Не крысам же!

Еще есть первая его подруга здесь, Оташа. Правда, сейчас подругой ее назвать уже сложно: и ему интереснее со старшими, и у нее школа и новые друзья. Но Кель по-прежнему относится к Таше с теплотой и даже благодарностью, хотя они почти не видятся. Сейчас она там, в деревенской школе, где девочку приняли, кажется, очень неплохо.

А напротив, через стол, сидит... брат. Настоящий. Хороший, серьезный, добрый, который всего за пару дней стал тем, к кому можно подойти с любым вопросом, когда нет возможности искать отца.

Наличие последнего хоть и радовало, но вызывало легкое смятение: слишком неожиданным оказался переход от существования настороженного зверька к настоящей жизни. Настолько, что порой происходящее казалось странным сном. Зато теперь молодой змей сознавал, насколько странными и даже жуткими были эти годы под Релкой. И, вспоминая их, он уже с трудом верил, что сумел выжить и выдержать.

В живой болтовне о занятиях и том, что бедные учителя явно не справляются с нагрузкой в таком количестве, Кель не участвовал. Он даже почти не слушал, поглощенный обедом и своими мыслями, — тоже новое состояние, незнакомое в прошлой жизни. Которое поначалу пугало, а теперь начал даже нравиться.

Из этой прострации его вывел внезапный оклик. Правда, сидевшая рядом с Бесом Торика звала не Келя, а свою сестру.

— Дори! Да где ты там витаешь?!

— Извини, — встряхнулась та. — Никак не могу отвлечься. Мне не дают покоя эти смерти. Ирейм, конечно, сволочь, и, глядя на Мара, я сама хочу его придушить, но все-таки...

Дорика прерывисто вздохнула, и взгляд у нее стал очень грустным и потерянным, а у Кергала от этого словно что-то колющее шевельнулось в горле.

— Норика разберется! — Тори явно старалась говорить уверенно, но получилось не слишком-то убедительно. И сама она инстинктивно подалась ближе к сидевшему рядом парню, а Барес мягко обнял девичьи плечи.

— Я люблю Нори, но она ведь не больше нашего понимает в расследованиях! — возразила ей сестра.

Кель покосился на брата и, немного помешкав, скопировал его жест. Дорика в первое мгновение вздрогнула от неожиданности, бросив растерянный взгляд на парня, но, подумав, вырваться не стала. Даже подвинулась чуть ближе: от этих осторожных объятий и впрямь стало спокойнее. Рори с Леймом озадаченно переглянулись.

— Э-э-э?... — вопросительно протянул первый.

— Все будет хорошо, — сказал Бес, сделав вид, что не заметил интереса друга. Но украдкой показал тому кулак.

Рагрор был понятливым и лезть не стал, только с Леймом они переглянулись еще выразительней.

— Конечно, что капитан Цовер, что Норика, что отец не профессионалы и многого не знают, но, надеюсь, ты не собираешься им помогать? — продолжил Барес.

— Ну я точно нет, — немного смутилась Дори. Кажется, в ее голову подобная мысль забредала, но собственные способности она оценивала здраво. Или не их, а реакцию Нори, если вдруг что-то случится. — Но ты же много всего умеешь! Сам же говорил, что хочешь стать следователем!

— Отец знает это не хуже тебя, — пожал плечами парень. — И, если будет необходимо, он обратится за помощью.

— Ну да, конечно, — проворчала Дори и похоже скопировала строгие интонации директрисы: — Так они и согласятся впутывать в это детей!

— Давайте мы лучше на урок пойдем? — осторожно попыталась оборвать вялую перепалку ее сестра. — Скоро уже звонок.

— Вы идите, мы догоним, — решила Дорика. — А то Кель вон еще не поел.

За сестру она в этот момент не переживала совершенно: Барес обязательно проводит ту до класса. Да и в любом случае не будет же убийца бросаться на всех подряд среди бела дня. Наверное...

— Заглянем перед занятиями к Мару? Ненадолго, просто поведать, — тихо попросила она парня, который спешно взялся за еду.

Кергал согласно кивнул.

Управившись с едой за считанные секунды, он, чтобы привлечь внимание, аккуратно тронул за локоть Дорику, которая опять впала в глубокую задумчивость.

— Все? Пойдем, — улыбнулась Дори. И сама взяла молодого змея за руку.

— Почему ты грустишь? — наконец спросил Кель, когда они уже подходили к лазарету.

— А ты считаешь, что нет повода? — покосилась на него змейка. — Здесь, в школе, убили двоих!

— Всегда кого-то убивают, — осторожно заметил Кергал, который совершенно не понимал беспокойства спутницы.

До недавнего времени его волновала только собственная жизнь и ее сохранность, теперь список расширился на несколько имен. Но ко всем остальным Кель по-прежнему оставался равнодушным и воспринимал их как чужаков. А как Дорика может жалеть Ирейма, не понимал тем более. Он уже научился проводить аналогии между собой и окружающими, мог представить себя на месте Дори. И если бы на этом месте Ирейм серьезно навредил кому-то из его близких, жалости бы от Кергала не дождался, а вот мести — возможно.

— Ну да, — кисло вздохнула Дори. — Я понимаю. Но... не знаю. Благодаря Нори мы с этим так и не столкнулись. В той деревушке, где мы жили, было, конечно, трудно, но люди друг другу помогали и если умирали, то только от старости. Ну или от болезни. А вот так... Особенно не по себе, потому что убийца — здесь, в школе, и это наверняка кто-то из старших, из учителей. А они все кажутся такими хорошими, и не верится, что среди них есть такое чудовище... Ладно, извини, я что-то впрямь раскисла, — встряхнулась она, и разговор на этом прервался: они дошли до лазарета.

Задержаться надолго у Мангира не вышло: парень крепко спал, наверное, не без помощи лекарств, и будить его, разумеется, не стали. Дори только немного посидела на краю кровати, заботливо поправила одеяло и уже через пару минут потянула Келя прочь.

Но на урок все равно опоздали, звонок застал их на выходе из лазарета.

— Так не хочется никуда идти, — пробормотала девушка, замерев буквально на пороге. — Может, прогуляем?

— Но это нужно и интересно, — возразил Кергал.

— Угу, — вздохнула Дорика и подалась к парню, чтобы крепко обнять его и спрятать лицо на плече.

Кель сначала растерялся, но совсем немного, и в следующее мгновение уже крепко прижал ее к себе, ощущая очень приятное тепло в груди.

— Все будет хорошо, — тихо сказал молодой змей.

— Да, наверное. Похоже, на мне погода сказывается, не люблю такую хмарь.

Кель промолчал: он не собирался никуда выходить из теплого здания школы, и потому погода его не волновала совершенно. И спрашивать, почему она волнует Дорику, которая вроде бы тоже находится в школе, не стал. Вместо этого осторожно погладил девушку по голове — вспомнилось, что этот жест должен успокаивать. Дори вздохнула и прижалась крепче, слегка потерлась щекой о его плечо.

Кергал опять погладил, теперь уже не только в знак поддержки, а внимательно прислушиваясь к собственным ощущениям. Тепло под ладонью, мягкость собранных в свободную косу волос — все это было очень приятно. Вообще, обнимать Дорику было приятно, но если еще вот так трогать — особенно.

Они неподвижно простояли с минуту, не меньше. Первой силу воли попыталась проявить девушка и слегка отстранилась, запрокинула голову, чтобы заглянуть высокому парню в лицо. Но объятий не разомкнула.

— Пойдем? А то уже и правда смысла не будет идти...

Кель кивнул, опять провел рукой по ее волосам, но уже иначе — не вниз вдоль косы, а вбок, с макушки на висок, обнял ладонью лицо, погладил большим пальцем по щеке. Дори в ответ на этот жест искренне, тепло улыбнулась, и молодой змей решился. Склонился ближе, на несколько мгновений замер, разглядывая блестящие, широко раскрытые карие глаза — глубокие, теплые, с золотистыми искорками, обрамленные темными густыми ресницами. И все же поцеловал — неуверенно, неумело, просто неловко коснувшись губами чуть приоткрытых от удивления мягких девичьих губ. И почти сразу отстранился, чувствуя, что вдруг стало жарко. Особенно внутри, в груди. А еще почему-то сильно горели уши.

Дорика еще пару секунд растерянно и почти испуганно смотрела на него, а потом вдруг залилась ярким румянцем. Но вместо того, чтобы смущенно отпрянуть, крепче обняла парня, вновь спрятав пылающее лицо в его кителе.

Кергал глубоко вздохнул, силясь успокоиться. Сердце бешено колотилось где-то в горле, но при этом было удивительно легко и радостно — так, как не бывало никогда прежде. Казалось, что еще немного — и получится взлететь безо всякой магии.

Они постояли еще, потом Дори со вздохом отстранилась и, крепко ухватившись за ладонь парня, потянула его по коридору к нужному классу.

Всю дорогу они молчали, но обоим это не тяготило. Да и о собственных недавних волнениях змейка напрочь забыла, увлеченная новыми приятными переживаниями.

Да, Кель был странным и даже немного ненормальным, и несколько дней назад Дорика даже представить не могла его на месте своего парня, только посмеялась бы над подобным предположением. Однако сейчас на все странности змея ей было плевать. Губы горели от первого в ее жизни поцелуя и норовили растянуться в улыбке. А странности... ну кто без них? Зато с ним хорошо и как-то по-особенному уютно, а еще почему-то, при всех своих странностях, Кель кажется удивительно надежным. Хотя, казалось бы, ну как может подобное впечатление производить не вполне нормальный юноша, который застрял вне времени на несколько лет и только недавно начал наверстывать упущенное?

На занятие парочка в итоге сильно опоздала, но, на удивление, Норика, которая вела этот урок, задержалась еще больше, так что они ничего не пропустили.

К концу занятий я сумела окончательно отвлечься от личных переживаний и сосредоточиться на более важных вещах — учениках и мыслях о предстоящей ночью охоте. Никаких особенных проблем я от подозреваемых не ждала, но все равно беспокоилась — не столько о них, сколько о Баресе. И

раз за разом прокручивала в голове возможные сценарии развития событий, включая худшие из них.

Но по всему выходило, что нечто страшное и по-настоящему плохое может случиться только в том случае, если у убийцы окажутся при себе какие-то разрушительные артефакты, в чем я сомневалась. Такие вещи ощущаются издалека, экранировать их невозможно, да и здешняя магическая защита, судя по ее структуре, должна была тщательно отслеживать подобное. Да, она несовершенна и предотвратить убийства не способна, но ведь не бесполезна же!

В общем, как бы я ни нервничала, но разумных возражений против участия ученика высказать не могла. Да, он еще даже первую линьку не прошел, но Бес — умный и взрослый парень, на него можно положиться. А проблема наша не столь велика и страшна. Наверное, найди король возможность прислать к нам толкового следователя, и все закончилось бы гораздо раньше, до смерти змееныша, непонятно чем помешавшего. Но увы.

Новостей из столицы почти не было. Во всяком случае, достоверных. Все, что до нас докатывалось, приносили поставщики из ближайших деревень, привозя продукты, а вместе с ними — газеты из Столбов. Правда, новости в них содержались сплошь местечковые, а столичные события интересовали автора пространной статьи на третьей полосе только применительно к здешним краям. То есть скажется как-то перемена власти на жителях этой благословенной земли или нет.

Логика была понятна: на глухие провинции, даром что здесь находилось родовое гнездо Великого Змеелова, внимания старой власти не хватало. К тому же отсюда и из других городков на побережье, куда легко и незаметно мог подплыть червь, змеенышей обычно успевали забрать змеи. Об этих тонкостях и работе местного подполья мне многое рассказал Фалин, активно с ним сотрудничавший.

Почему орден не переломил эту ситуацию жесткими методами, не попытался запугать местных жителей? Не хватало сил на контроль *за всеми*, а может, Великий Змеелов полагал, что бегство змеев в достаточной степени очищает мир и ради пресечения его не стоит чересчур напрягаться.

Многие глухие провинции вроде Столбов оставались все эти годы буквально государствами в государстве и жили по немного иным законам, нежели столица и некоторые особенно важные с экономической точки зрения земли. Поэтому и сейчас здесь интересовались столичными делами постольку-поскольку.

Теоретически можно было связаться с кем-то по иору и узнать последние новости, но увы: разговаривать мне было не с кем. Знакомств за пределами ордена я не завела, близких отношений внутри него тоже ни с кем не имела — ни с нейтральной и разумной частью, ни тем более с фанатиками. Единственным источником информации оставался сам король, а беспокоить его по малозначительным поводам не хотелось.

Всех прочих работников школы тоже совсем не интересовала политика. Мне начало казаться, что это был один из критериев, по которым их отбирали.

Время между уроками и ужином, после которого планировалось совещание, я решила потратить на работу: подготовиться к будущим занятиям, освежить кое-что в памяти и в очередной раз вспомнить, что я на данном жизненном этапе — учитель.

Не дали. Едва я сумела отвлечься от присутствия в кабинете сундука и сосредоточиться на работе, как дверь распахнулась.

— Нори, ты не очень занята? — с порога спросил Аспис.

— Смотря для чего, — отозвалась я. И непроизвольно подобралась, ожидая подвоха, когда мужчина закрыл дверь. Тут же на себя за это рассердилась, но успокоиться это не помогло.

— Хочу успеть к алхимику. Во-первых, у Келя кончаются зелья, нужно забрать новые, а во-вторых, я хотел Купить кое-какие полезные составы для сегодняшнего вечера, чтобы нас с Бесом с гарантией не обнаружили.

— Отправить я могу хоть сейчас, а забрать... Можно условиться на определенное время. До семи часов справишься?

— Есть идея получше: пойдём со мной. Так будет гораздо быстрее, — предложил змей.

Встретаться с Самосом, памятуя обстоятельства знакомства, не хотелось.

Я с тоской осмотрела разложенные на столе бумаги, глянула на сундук, поморщилась и молча поднялась с места.

— Ты не хочешь зайти в комнату за курткой? — озадачился Аспис, когда я, наглухо запечатав дверь в кабинет — просто на всякий случай, — решительно двинулась в сторону порталного зала.

— Зачем?

— На улице холодно.

— Ерунда, — поморщилась в ответ. Но, видя растерянность на лице змея, напомнила: — Огонь. Во мне его слишком много, чтобы мерзнуть.

— Забыл, — задумчиво хмыкнул он. — Отвык. А от снега плащ тоже не нужен?

Я на мгновение засомневалась, но потом махнула рукой. Конечно, тут змей был прав, от воды меня магия не защитит, но возвращаться уже не хотелось. Как-нибудь переживу. Тем более нам недолго мокнуть на открытом воздухе, у порталов обязательно найдется извозчик.

Настаивать Аспис не стал, хотя причину заминки, кажется, понял.

Портальный зал Столбов встретил нас тишиной и дремлющим в своем кресле у стола дежурным магом. Будить его не стали, тихо вышли наружу. К снегопаду, от которого ступени закрывал небольшой портик здания.

В тихом, безветренном воздухе с неба сыпались большие белые хлопья. На брусчатке таяли, а вот на ветках деревьев, на ступеньках и перилах балконов собирались в пышные шапки. Небо висело низко — темное, пухлое — и вечер из-за этого наступил гораздо раньше положенного.

Я глубоко втянула влажный, прохладный воздух. Море и снег — непривычное сочетание, которое пьянило и завораживало. Отвлекало от мыслей и дел, от страхов и тревог, заботливо укутывало и напоминало, что все преходяще. И это хорошо.

Аспис не торопил. Стоял рядом, не мешая наслаждаться, только смотрел не на снег, а на меня. Я глянула на него искоса и заметила:

— У тебя странное выражение лица сейчас. Что не так?

— Опять поражаюсь, насколько ты изменилась за эти годы.

— Старею, — усмехнулась иронично.

— Не говори глупостей, — поморщился он. — Просто стала другой. Строгой, хмурой, напряженной. Почти не улыбаешься.

Я промолчала, да сказанное и не требовало ответа — мы оба понимали, почему и как это произошло. Аспис тоже стал другим, и дело не только в последствиях внеочередной линьки, а... Да, он тоже стал хмурым и строгим. Мы оба повзрослели — или даже постарели, как бы ни хотелось ему с этим спорить.

— Про это я и говорила. Мы другие, Аспис. И...

— Не говори глупостей, — повторил он. — Иди сюда.

Только ждать реакции не стал, подошел сам — спустился на ступеньку ниже, так что наши лица оказались почти вровень, и привлек к себе. Но не поцеловал, а крепко обнял, обхватив меня заодно полами расстегнутой куртки. И я, противореча себе самой, ответила на это, обняла, прижалась виском к его виску.

Змей глубоко вздохнул, по-кошачьи потерся щекой, щекоча кожу мелкими перышками.

Моя наивная, упрямая девочка... — пробормотал он едва слышно. — Нори, я все эти годы не мог тебя забыть. Когда узнал, что ты будешь в школе, насмерть разругался с половиной Совета, но отстоял свое желание поехать. И ты действительно думаешь, что теперь, зная, что на самом деле тогда случилось, что ты в итоге спасла мне жизнь, я отступлюсь и забуду? Смирись. Я слишком долго тебя ждал, чтобы опять потерять. Тем более — по такому глупому поводу!

— Аспис, это невозможно! — выдохнула я. А сама зажмурилась, сжалась и крепче вцепилась в мужские плечи, боясь, что он согласится и уйдет. — Я ведь... змеелов, а ты...

— Змееловов больше нет, Нори! — отрезал он.

— Эй, молодежь! — окликнул зычный голос. — Коляску-то брать будете?

Я вскинулась, озираясь. Поблизости никого больше не было, так что обращался сидящий на козлах

наохлившийся мужик в широкополой шляпе явно к нам.

Змей глубоко вздохнул и отстранился, тоже обернулся к скучающему извозчику.

— Будем, — сказал твердо. И, поймав мою ладонь, потянул к стоящей в паре метров от ступеней крытой повозке с поднятым кожаным верхом и пологом, призванным защитить пассажиров от непогоды.

Змей пропустил меня вперед, назвал адрес. Возница выразительно крикнул, разглядев моего спутника вблизи.

— Ишь ты, какой... разноцветный. И не боишься! Никак правду болтают, будто змеям больше бояться нечего?

— Хочется верить, что так, — отозвался Аспис и забрался ко мне в темное, пахнущее мокрой кожей нутро коляски. Обнял одной рукой, привлекая ближе, и я со вздохом поддалась, прислонилась к его груди и постаралась расслабиться.

Возница еще долго болтал что-то себе под нос — за пологом его было почти не слышно, да того это, кажется, и не смущало. А мы всю дорогу провели в молчании, и...

Кажется, я действительно начинаю успокаиваться и верить, что у всего этого есть какое-то будущее.

Глава 11

СНЕГ НАД ГОРОДОМ

— Во имя Создателя, вот это сюрприз! — изумленно воскликнул Язод Самос, открыв нам дверь. — Проходите, пожалуйста. Не ожидал, госпожа ястреб, что вы почтите своим визитом старика. Чем могу быть полезен?

— Я пришел за теми зельями, о которых мы договаривались, — напомнил Аспис. — Они готовы?

— Да, разумеется, уже несколько дней дожидаются, — опомнился алхимик. — Но это, как я понимаю, не все?

— Не все. Еще нужен теневой состав наивысшей степени, который вы сможете создать прямо сейчас. Если, конечно, ничего подобного нет в наличии, — спокойно продолжил змей.

— Как интересно! — Брови старика удивленно приподнялись, и он махнул рукой. — Давайте пройдем в лабораторию, я посмотрю, что есть из ингредиентов. Разумеется, на «Апогей тени» рассчитывать не приходится, он должен долго выдерживаться, да и кое-каких ингредиентов не достать...

— А еще его производство незаконно, — со смешком вставила я.

— Да? Надо же. Законы так быстро меняются, старику сложно за всем поспеть, — легкомысленно отмахнулся алхимик. Я не стала напоминать, что незаконным оно считалось и в годы власти змееловов: надо думать, орден с удовольствием пользовался всем тем, что запрещал простым смертным, и Самос в своей практике готовил куда более страшные составы. — Садитесь, не стойте в дверях. Вот снадобья, юноша. Я позволил себе наглость добавить пару укрепляющих составов, вашему пациенту они наверняка придутся кстати. По моему разумению, выздоровление для него должно быть сложным делом, тут любая помощь организму будет полезна, а?

— Я даю ему кое-что, но это тоже будет нелишним, — кивнул змей, прочитав бирку на флаконе из темного стекла.

— Что до теневого состава... Пожалуй, «Вуаль» я вам за час соображу, такой вариант устроит?

— Вполне. — Аспис кивнул. — Это даже лучше, чем я мог рассчитывать.

— Вот и замечательно. Как ваша школа? Как ребята, осваиваются? — участливо спросил Самос и принялся споро собирать ингредиенты, заготовки и посуду на рабочий стол.

Змей вежливо поддерживал разговор, ограничиваясь общими фразами. Я не вмешивалась, с интересом озираясь: алхимические лаборатории всегда вызывали у меня необъяснимое благоговение. Шкафы с разными температурными условиями внутри, предназначенные для хранения ингредиентов и готовых составов. Блестящие колбы самых невообразимых форм, трубки, подставки, посуда, несколько толстых фолиантов на отдельной полке. И стойкий, резкий, никакими силами не выводимый, очень специфический дух.

Теневые составы, о которых говорил Аспис, являлись одним из многочисленных семейств алхимических снадобий. Эта наука обожала все группировать по разным признакам и густым переплетением своих классов, групп и семейств тоже завораживала, почти как видом лаборатории.

Теневыми составами назывались средства неиллюзорного типа для изменения видимых свойств предметов. То есть не те, которые изменяли внешний вид, превращая его во что-то другое, а те, которые делали его невидимым, отводили окружающим глаза и тому подобное. Ими с одинаковым успехом пользовались как воры, так и те, кто желал от них защититься, — спрятать сейф или, например, кошелек. Какие-то подходили только для неподвижных предметов, какие-то могли скрыть идущего человека.

Я плохо разбиралась в вопросе, но про «Апогей тени» знала: легендарное, очень сложное зелье, способное на несколько часов сделать человека полностью невидимым и неосязаемым для многих видов магии. Запрещенным оно числилось не столько из-за эффективности действия, сколько из-за ингредиентов: в их число входил один из сильных наркотиков, а еще — чистая человеческая и змеиная желчь. Запретили его сразу же, как обнаружили рецепт и казнили создателя (не за сами зелья, конечно, а за многочисленные убийства), но все же сведения просочились в народ.

«Вуаль тени» в этом отношении была неплохим компромиссом между качеством и законностью. Она подходила для того, чтобы спрятать человека при неярком освещении, и была любима в воровских кругах. Но запрещать ее, конечно, не стали: это примерно то же самое, что запретить ножи под предлогом, что ими иногда убивают.

— Кстати, а вы слышали? Порталы опять открылись, — сообщил вдруг Язод.

— Какие порталы? — не поняли мы.

— Так межмировые же, — охотно пояснил он. — Буквально вчера сведения стали поступать, мне сообщил один коллега, живущий неподалеку от двери в Озерный Край. Мы с ним давно уже совместно ведем несколько исследований. Доложу я вам, отличный алхимик, но до чего же упрямый и вздорный старикашка! Никак не хочет признать...

— Господин Самос, а порталы открылись все разом? — одернула его я.

— Не могу знать. — Он развел руками. — Я, так сказать, во избежание осложнений даже не пытаюсь связываться со знакомыми в столице, а друзей там не завел. Ну вы же знаете мои обстоятельства! Да и вы, я бы сказал, в схожих... Кстати, госпожа Неро, вы так и не решили взять мое успокоительное? Напрасно, очень напрасно! — укоризненно качнул головой алхимик, когда я недовольно скривилась.

— Успокоительное? — озадаченно глянул на меня Аспис, но я не собиралась обсуждать с ним все сейчас и здесь, поэтому только отмахнулась.

— Значит, порталы вновь работают, — проговорила задумчиво. — Знать бы, с чем это связано!

— Мы можем только гадать, — охотно отозвался Самос. — Но знак добрый. Я думаю, можно уже выдохнуть с облегчением и сказать, что период очищения и гибели позади, впереди — долгие годы расцвета. Минимум на пару-тройку поколений, а то и дольше, если что-нибудь в мире поменяется.

Почему вы так думаете? — растерянно переглянувшись со змеем, спросила я. — И откуда это странное название — период очищения?

— А как его еще назвать? — Самос вопросительно глянул через плечо, не отрываясь от возни со склянками. — Мир очищался от всего ненужного, обновлялся, теперь ему стало легче.

— Ненужными вы называете убитых в гражданской войне? — еще больше растерялась я.

Язод несколько секунд помолчал, потом все же ответил — спокойно, уверенно.

— Наш мир очень мал. Конечно, есть и меньше, тот же Озерный Край. Но его жителей... мало. Они живут почти вечно и очень редко заводят детей. Здесь же... Вы, наверное, слишком юны, чтобы помнить, но незадолго до зеленой гнили стало очень тесно. Поселения ютились уже на болотах, Твердь и Бездна с трудом могли прокормить столько голодных ртов. Вот боги и освободили место для новых поколений.

— И порталы закрыли они же, чтобы паства не разбежалась? — скептически хмыкнул Аспис.

— А вы зря иронизируете, юноша! — назидательным тоном возразил Самос. — Не задавались прежде вопросом, как и кто сумел одновременно закрыть все порталы, да так, что маги мира так и не смогли ничего с этим поделать? А ведь барон пытался!

— Но почему тогда остался портал, благодаря которому части змеев удалось спрятаться в другом мире? — хмуро уточнила я.

— Вероятно, боги решили сохранить знания. Змеи ведь не перестанут рождаться, как бы ни мечтал добиться этого даже очень одаренный алхимик Яреб Ворик. Их рождение, как и рождение людей, — закон этого мира, заложенный при его создании, и не смертным править то, что дано свыше. А если бы всех взрослых перебили, кто пестовал бы детей? Пришлось бы начинать все заново. Зачем, если можно сохранить большую часть знаний?

— И после этого вы продолжаете верить, что не являетесь Перстом? — кривовато улыбнулся змей.

— Буду. Куда уж мне! — рассмеялся алхимик. — Вот Великий Змеелов — тот был. И его величество, наверное, тоже. А я... просто умею думать, смотреть по сторонам и слышу чуть больше, чем остальные. Мир ведь не изменится от того, что я вам тут наговорил? Не изменится, не сверкайте так глазами! Вот уж точно — идеальная пара, даже глядите одинаково. Просто несколько ваших маленьких вопросов получили свои не самые приятные ответы. А Персты вершат судьбы, пусть даже и не всего мира, а окружающих людей.

— Когда вспоминаю наш прошлый разговор, мне сложно в это поверить, — заметил Аспис.

Алхимик только загадочно улыбнулся, но продолжать обсуждение не стал, сосредоточился на работе — она, похоже, подошла к самой сложной и ответственной фазе. Мы тоже умолкли, погружившись в собственные мысли.

Сказанное Самосом было настолько просто, цинично и логично, что, кажется, не могло не оказаться правдой. И это выбивало почву из-под ног. Мы привыкли считать Создателя заботливым отцом. До змееловов полагали Долгую Змею нежной и ласковой матерью, которая укроет от невзгод, всегда примет и поймет. Даже те, кто вроде меня редко обращался к богам, думали так. Эта мысль успокаивала, помогала жить и верить в лучшее. А теперь... Как можно считать родителями тех, кто хладнокровно обрек на смерть собственных детей?

Впрочем... Если вспомнить времена правления змееловов, так ли уж далеко дети ушли от своих создателей? Многим было проще добровольно отдать родных чад на смерть, лишь бы обеспечить собственную спокойную жизнь. Отдать и забыть, как будто их не было. Так почему боги должны быть лучше? Тем более тогда, когда они заботятся о мировом благе.

Великий Змеелов тоже о нем заботился.

Распрощались мы с алхимиком в итоге ровно и прохладно — не из-за обиды, а... Не до расшаркиваний как-то. И Самос это, кажется, понимал.

На выходе я задержалась, остановившись на укрытой навесом террасе. Вдоль ограды вытянулся тоскливый строй кованых стульев; мокрый вьюнок, занавесивший пологом добрую треть периметра, пожух и потемнел от холода и напоминал выброшенные штормом водоросли. Зато отсюда открывался отличный вид на серый, затянутый снежной дымкой Океан с белыми черточками волн — величественный и равнодушный к земной суете.

— Развеялись. — Аспис рядом скептически хмыкнул и пояснил на мой озадаченный взгляд: — Хотелось немного отвлечься.

— Да уж, — вяло улыбнулась я в ответ. — Ну что, давай отойдем вон туда, к берегу? Буду портал строить, а на открытом пространстве это проще, нет риска прихватить что-то лишнее.

— А может, прогуляемся?

— Да вроде бы погода не располагает. — Я пожала плечами. — Даже будь у меня плащ.

— Тогда пойдем поужинаем? Кажется, я видел тут неподалеку симпатичный ресторанчик.

— А чем тебя школьная столовая не устраивает? — искренне озадачилась я.

— Ладно, прямо так прямо, — усмехнулся змей. — Я просто хотел пригласить тебя на свидание. Но сейчас для этого не самый удачный момент, и даже погода, как ты заметила, не располагает. Поэтому решил совместить приятное с полезным и потащил тебя к алхимику. Та еще романтика, но все равно — возможность немного побыть вдвоем.

Я покосилась на Асписа, растерянно кашлянула. Неожиданно.

А потом попыталась вспомнить, когда вообще последний раз ходила хоть куда-нибудь *просто так*, для собственного удовольствия. По всему выходило — с этим же змеем двадцать лет назад...

— Ну веди, где там этот твой ресторанчик, — решила я и подцепила мужчину под локоть.

Аспис, кажется, такого быстрого согласия не ждал и готовился уговаривать, но сориентировался почти сразу.

С местом, которое углядел змей, повезло. Это оказалось небольшое, очень симпатичное и уютное заведение с маленькими квадратными столиками и льняными салфетками вместо скатертей. Название «Мамин суп» очень ему подходило — с этими луковыми косами, неброско вышитыми занавесками на окнах и кисло-сладким духом свежего хлеба. Мы заняли укромное место в углу, благо народу было немного и имелся выбор.

Вид Асписа произвел на посетителей сильное впечатление, особенно на пару детей лет семи, которые сидели на другом конце зала рядом с матерью. Они настолько впечатлились экзотичной наружностью блондина, что шумный спор в мгновение стих, и обе девочки зачарованно уставились на змея. Взрослые глазели не столь откровенно, но косились, однако змея это только забавляло.

От цели развлечь и отвлечь Аспис явно не собирался отказываться и осторожно пытался меня растормошить. Надо отдать ему должное, не касался не только откровенно острых тем, но и вовсе не пытался разговаривать, больше рассказывал сам о том, другом мире и жизни в нем.

Тамошние обитатели, как змеи, умели изменяться: под водой они жили в удобном для этого очень условно человекообразном облике, с хвостом вместо ног и плавниками, а для выхода на сушу превращались почти в людей. Но сушу не жаловали и до появления гостей выбирались на нее редко.

Водяных нельзя было назвать мирными и благостными существами, они часто воевали между собой. В обширном мелком океане существовало несколько государств, и даже внутри них среди жителей не было мира и единства: горячие, вспыльчивые, очень эмоциональные, они любили подраться, причем не просто почесать кулаки, а до смерти. Но, к счастью пришельцев, драться аборигены умели только в рыбоподобном облике, а на суше чувствовали себя неуверенно. Кроме того, чужаки вызывали куда больше любопытства, чем агрессии: до сих пор с выходцами из других миров водяным встречаться не приходилось.

Пока знакомились, конечно, было много проблем из-за непонимания. Темперамент местных проявлял себя не только в войне, но и в жизни: раскованные, любвеобильные, они не знали стыда в том, что касалось телесной близости. Постоянные пары для совместного выращивания детей тоже создавали, но далеко не всегда, и уж тем более редко — на всю жизнь. Обычным делом были и матери, и отцы-одиночки, которым при необходимости помогали даже соседи.

— Значит, у Беса и Кея еще и там пара братьев есть? — не удержалась от шпильки. Конечно, я прекрасно помнила слова Сверты о том, что в другом мире никаких романов у целителя не было, но не очень-то в это верила.

Змей понимающе усмехнулся, но отрицательно качнул головой.

— Там точно нет.

— Ты научился на ошибках? — предположила я с иронией.

Это вряд ли. Просто водяные все беловолосые, светлокожие и темноглазые, — рассеянно отозвался мужчина.

— При чем тут это?

С ответом Аспис помедлил, вместо этого накрыл рукой мою лежащую на столе ладонь и крепко прижал к теплему дереву, распластав пальцы. Рассеянно погладил запястье, внимательно разглядывая мое лицо, привычно чуть склонив голову к плечу.

— Не в моем вкусе, — протянул наконец медленно, с расстановкой.

Я под этим взглядом вдруг почувствовала себя неловко, да и в прикосновении таком, на первый взгляд совершенно невинном, мерещилось что-то провокационное. А Аспис, пару секунд помолчав, все же продолжил:

— Да и как-то не тянуло...

— Совсем? — зачем-то растерянно спросила я.

Хотя в свете недавних признаний Асписа нетрудно было догадаться, в какую сторону он клонит. Догадаться и перевести тему, пока не поздно, пока она опять не свелась к мрачному прошлому и тревожному, смущающему разум настоящему.

— Совсем, — усмехнулся змей. — Ни там, ни здесь. После нашего расставания первое время было не до того. Сначала выздоравливал физически, потом пытался забыть в множестве других проблем. Пришло понимание, что это все не игры и приключения, что все всерьез. Потом появился Бес, тем более стало не до романов. Потом понял, что женщинами я сыт по горло, и спокойно сосредоточился на работе. Так было даже удобнее: никаких лишних проблем и чувств. А потом встретил тебя. — Улыбка стала шире и насмешливой.

— И?

— И совсем они даже не лишние, чувства эти, — тихо засмеялся он. — Главное — женщину выбрать правильно.

— Да уж, с этим у тебя проблема. — Я наморщила нос, пытаюсь за насмешкой спрятать собственное замешательство.

Аспис лишь задумчиво качнул головой, продолжая улыбаться, и от его взгляда, такого знакомого, но одновременно — совершенно другого, внутри сладко и тоскливо зануло. Я никак не могла привыкнуть к вертикальным зрачкам и этим перьям, слишком чужеродными они казались на знакомом лице. Когда мы встречались в прошлом, он, конечно, скрывал змеиную наружность. Однажды показал ради удовлетворения моего любопытства, но и только, да и был он тогда менее... змеиным. А теперь приходилось привыкать. Вообще привыкать к змеям в их настоящем облике, но с посторонними было проще.

— Почему алхимик предлагал тебе успокоительное? — резко сменил тему змей.

Памятливый...

— Да ничего стоящего внимания, — отмахнулась я.

— А все-таки? — Аспис решил настоять на ответе.

— Кошмары, — ответила коротко. — Мы оказались в одной каюте на черве, Самос был свидетелем моего пробуждения и с тех пор навязчиво предлагает успокоительное собственного изобретения для борьбы с совестью.

— Давно с тобой такое? И как часто? — продолжил допытываться Аспис.

— Ну еще ты начни меня лечить! — вышло, наверное, слишком резко, но змей не обратил на это внимания.

— Если ты помнишь, это моя профессия. И — да. Буду лечить, невзирая на капризы и упрямство пациента, — говорил он спокойно, твердо, таким тоном, что... В общем, запал ругаться итскак так же быстро, как появился.

Но я все же попыталась настоять на своем:

— Аспис, это просто сны.

— И что именно тебе снится? — невозмутимо продолжил змей.

— Ты хочешь обсудить это прямо здесь и сейчас? — предприняла последнюю попытку.

— Потом и в другом месте ты попытаешься найти иную отговорку. Думаешь, это первый раз в моей практике, что ли? — Он обезоруживающе улыбнулся. — Нори, нас никто не слушает, и глазают на нас не потому, что окружающим интересны твои проблемы, а из-за моей физиономии. Ты не любишь жаловаться, я это прекрасно помню и понимаю, но тут другой случай, согласись. Так что тебя мучает?

— Разное, — устало вздохнула я, сдаваясь. — Раньше просто всякая муть была — огонь, или темные улицы, по которым убегаешь от чего-то страшного, или кровь — на руках, на стенах. А большую часть я и не запоминала, просто утром просыпалась с пониманием, что снилось что-то мерзкое, или вскакивала вдруг среди ночи с колотящимся сердцем. Сейчас появились воспоминания.

— Сейчас? — Змей слушал, напряженно хмурясь и продолжая машинально поглаживать мою ладонь.

— В школе, — ответила нехотя. — Когда... В общем, с момента встречи с тобой.

Выспрашивать подробности он, к счастью, не стал. Только поднял мою руку, прижался губами к ладони и, опуская, чуть крепче сжал.

— Я придумаю, что с этим можно сделать.

— Попробуй, конечно, но вряд ли получится. — Я поморщилась. — Я уже пробовала это лечить, никакие зелья и прочая ерунда не помогают.

— Сама пробовала? — понимающе усмехнулся змей.

Я только неопределенно передернула плечами — как будто были другие варианты! К орденским целителям, что ли, с этой проблемой идти?

— Разберемся, — уверенно кивнул он, потом как-то виновато и немного криво улыбнулся и добавил задумчиво: — Как-то неправильно у нас с тобой свидание проходит. И веселить тебя у меня получается плохо...

— Видимо, возраст уже не тот, чтобы так развлекаться, — философски хмыкнула в ответ.

— Что за навязчивое желание прибавить себе лет? — улыбнулся он. — Просто импровизация оказалась неудачной, но у меня есть пара идей, как исправиться.

— Моего мнения ты, я так понимаю, не спрашиваешь?

— А зачем, если я и так знаю, что ты продолжишь дергаться и нервничать по поводу и без? — Аспис пожал плечами. — Разберемся. Надеюсь, сегодня получится покончить со всеми неучебными делами и наконец насладиться рутинной. А завтра проведем ритуал. Впрочем, о чем я! Для этого же не надо искать по всему миру, достаточно пары капель крови. Можно не откладывать на завтра, прямо сегодня и проверить, сравнить тебя и парней. И потом уж, если ничего не выйдет...

— Нет, давай все-таки завтра, — ответила ему после заминки. — Когда будет спокойно, мы разберемся со смертями и... В общем, завтра.

Я понимала, что это малодушие, что откладывать проверку заставляет совсем не желание закончить дела, а банальный страх. Да, я хотела найти сына и совсем ничего не имела против Келя или Беса. Но боялась. Узнать, что это кто-то из них, и еще больше — что его среди них нет. Что его... вообще больше нет. И я цеплялась за малейший повод.

— Ну что, пора? — предложила скомканно, еще немного помолчав.

Несмотря на то что свидание и впрямь получилось какое-то не такое, уходить, возвращаться в школу не хотелось. Хотелось вот так сидеть рядом в пахнущем сдобой тепле и наслаждаться ощущением того, что всего остального мира не существует.

— Да, пойдём, — точно так же нехотя согласился змей, выкладывая на стол деньги в оплату ужина.

— Аспис, а откуда у тебя местные деньги? — запоздало сообразила я.

— Ну ты даешь! — рассмеялся он. — Нори, а ты вообще в курсе, что нам зарплата в школе полагается? И Таврик очень аккуратно ее выплачивает. А в первый раз Самос охотно принял у меня в оплату жемчужину, я прихватил с собой горстку, они в том мире вместо денег.

— Да? — удивилась я. — Надо спросить. Я как-то... не задумывалась об этом прежде. Вообще сложно помнить о деньгах, когда почти ими не пользуешься.

— Как это?

— Ну... Форму в ордене выдавали, питалась я там же, книги брала в библиотеке. А больше тратить, считай, и не на что было. За квартиру вот только платила, а сейчас и этой необходимости нет.

— И все эти годы ты носила исключительно форму? — с непонятной интонацией спросил мужчина.

— Она была удобной. — Я развела руками.

Змей вздохнул, но ничего не сказал, а расспрашивать подробнее уже не было возможности: мы свернули в небольшой пустой переулок, и пришла пора плести чары портала.

Если кто-то и заметил наше с Асписом отсутствие, то промолчал. Да и не сказалось оно ни на чем: к счастью, за это время никакой катастрофы не случилось, школа жила нормальной жизнью — и не поймешь с ходу, что здесь произошло уже два убийства.

Вернулись мы, несмотря на все задержки, вовремя, даже удалось немного повозиться с документами до того, как в кабинете начали собираться работники. Причем первым прибыл капитан, и мы с ним успели обменяться мнениями и планами.

Идею провокации он всесторонне одобрил, вслед за нами посетовал, что приходится привлекать ученика, но всерьез не протестовал — и отсутствие других вариантов признавал, и, кажется, не считал Бареса таким уж ребенком. Вполне справедливо, пожалуй.

Еще капитан дал понять, что не сидел все это время без дела: он умудрился составить очень подробный распорядок последних двух суток не только троих основных подозреваемых, но и остальных взрослых обитателей школы, включая даже себя, Асписа и меня. Последний список пестрел наибольшим количеством многозначительных пробелов: похоже, я единственная оставалась неопрошенной.

Пришлось почти поминутно вспомнить минувшие дни, да только это совсем ничего не прояснило: ночи-то я проводила в одиночестве, никто засвидетельствовать это не мог.

Зато обнаружилось любопытное обстоятельство: обе предыдущих ночи Сверта провела с Фалином. Причем, как поделился Власт, последний старательно все отрицал и настаивал на отсутствии у себя всяких свидетельств — берег репутацию женщины в ущерб собственному алиби. А вот змея, хоть и смущалась, но созналась почти сразу.

С одной стороны, это вроде бы шло ей в плюс, потому что Сверта не боялась признать отношения с человеком, просто смущалась, и я даже готова была порадоваться за рыжего. Но с другой — я не могла отделаться от мысли, что таким образом она отводила подозрения не только от мужчины. Тем более все остальные взрослые обитатели школы скучно проводили ночи в собственных постелях без свидетелей.

Да и алиби такое было шатким. Если это именно змея вкладывала нужные мысли в головы учеников, то она неплохо поднатрела во влиянии на чужое сознание, а значит, могла немного подтолкнуть разум рыжего к нужным мыслям. Например, начать вечер вместе, вместе уснуть — или

сделать вид, что уснула. А потом внушить мужчине уверенность, что проспала у него под боком до самого утра и никуда не выходила, и тихонько ускользнуть на час-другой.

В конечном счете получилось, что работу капитан проделал огромную, но никаких подвижек в расследовании это не вызвало. Понятно теперь, почему за идею с провокацией Цовер ухватился с не меньшим пылом, чем мы. Не было у нас другого способа выявить убийцу.

Каждый следующий, входя в кабинет, начинал свой визит с вопроса о ходе расследования и желая узнать подробности, и каждому мы одинаково отвечали, что проще подождать всех, чем пять раз повторять одно и то же. Чтобы охватить даже тех, кого мы с Асписом не подозревали, просто пригласили всю взрослую часть школьного населения, не считая второго прибывшего с капитаном стражника: просто потому, что повода позвать еще и его не нашлось.

Когда собрались, слово, по общему согласию, взял Цовер. Доклад вышел кратким и емким. С ходу подхватив нашу с Асписом идею, капитан очень аккуратно выкинул из рассказа те детали, которые могли вызвать у убийцы ненужные подозрения. И результат его доклада получился неутешительным.

— Что же получается, подозреваемых нет? — мрачно спросил Зарк, бросив недовольный взгляд на рыжего.

— Нет. Или одинаково подозреваются все, — развел руками капитан. — Я сразу предупреждал, что я не следователь.

— Мне это надоело! — резко бросил змей. — Сколько можно подвергать детей опасности? Сегодня же свяжусь с Советом, надо прекращать это. Я изначально утверждал, что в этом мире никто нам рад не будет!

— Погоди, завтра доложишь, — отмахнулся Аспис. — День ничего не изменит, а у меня есть идея, как можно найти следы.

— Какая еще идея? — хмуро уточнил черный змей.

— Ценная, — уголками губ улыбнулся блондин. — Зарк, учитывая, что подозреваемый, скорее всего, находится в этой комнате, как-то неразумно делиться подробностями плана вслух, согласись.

— Я-то хоть могу узнать, что будет происходить в школе? — вмешалась я, поддерживая игру.

— Вот завтра и узнаешь, — безмятежно отозвался Аспис. — Из учеников никто не пострадает, вообще никто не пострадает. Зато есть шанс выйти на убийцу или хотя бы найти... впрочем, не буду вдаваться в подробности.

— Значит, будем считать эту твою идею последней точкой, — вздохнула я. — Если и в этот раз ничего не получится... Глупая ситуация. Никогда не ощущала себя настолько бесполезной.

Понимающе нахмурились все, включая основных подозреваемых. Но я слишком хорошо знала: притворяться не так уж сложно, было бы желание, особенно если убийца тщательно подготовился заранее. Да, с учетом особенностей характера кому-то это дается проще, кому-то — сложнее. Но все в итоге упирается в силу желания. У меня же получилось через себя переступить, так почему не получится у кого-то еще?

— Ладно, давайте теперь, что ли, к насущным делам, раз мы все тут собрались. Как наши младшие?

Разговор о делах начался вяло, всех куда больше интересовали трагические события и их окончание. Но потом собрались, увлеклись, и встреча превратилась в обычное совещание.

На удивление — и, наверное, к досаде убийцы, если мы правильно догадались о его мотивах, — разжечь серьезные расовые конфликты среди учеников не удалось. Приезжих уж слишком тщательно и удачно отобрали, а наши... Может, они бы и пытались вслед за взрослыми ругать змеев, но сложно продолжать упорствовать в этой мысли, когда объекты осуждения не просто окружают тебя и сидят за одним столом, но ты сам — уже один из них. Если сначала случались мелкие стычки, то сейчас начались перегибы в другую сторону. Одна из приезжих юных змеек, например, так сдружилась с соседкой по комнате, что была полна решимости уговорить родителей ту удочерить.

Конечно, не все шло гладко, дети ссорились, но — совсем по другим поводам.

Все время, пока обсуждали рутину, я наблюдала за присутствующими. На то, что убийца себя выдаст, надеяться не приходилось, но я толком и не пыталась никого вычислить. Просто смотрела, слушала, спрашивала, обсуждала со всеми по очереди разные мелкие вопросы.

И под конец стало нестерпимо тошно. Потому что на совести кого-то из них, вроде бы искренне пекущихся о благе учеников, два трупа, два совсем молодых еще паренька, один из которых как раз принадлежал к числу воспитанников.

Я не благородная невинная дева, на моих руках много крови. Далеко не всегда я убивала в бою, приходилось обрывать жизни и безоружных, и беззащитных. Однажды убила даже ребенка, змееныша лет тринадцати. Его лицо до сих пор стояло перед глазами, хотя с того момента прошло уже лет десять. Я пыталась доказать себе, что не было другого выбора, что тогда я была не одна и мальчика просто не позволили бы отпустить, что в противном случае он сгорел бы на костре, а так — не успел ничего почувствовать. Но он все равно пополнил список моих кошмаров. И окончательно заставил понять, что так дальше жить нельзя.

Все мое дальнейшее существование было посвящено попыткам искупить вину и смыть кровь со своих ладоней. И я прекрасно сознавала, что именно чувство вины определяло мое поведение, и только потом уже — жалость, протест против идей и власти змееловов и другие высокие мотивы. И будет определять еще долго, до самой моей смерти, потому что искупить все это невозможно.

Да, я могла понять убийство стражника — как врага, которых не щадят. Но — Создатель! — кем нужно быть, чтобы хладнокровно зарезать *доверившегося*? Не того, к кому ты втерся в доверие, чтобы уничтожить, а мальчишку, которого учил, которого знал много лет?

Из всего ордена моя рука поднялась бы только на нескольких старших змееловов, начиная с магистра, — жестоких чудовищ, которых очень просто было ненавидеть. Но вот так, своего собственного воспитанника, не сделавшего ничего плохого? Глядя в глаза? Да потом еще так надругаться над телом, пытаюсь свалить вину на другого...

Мне кажется, для этого надо быть не просто сволочью — сумасшедшим.

И вот этот... *это* сейчас сидит рядом. Улыбается, что-то говорит об остальных учениках, изображает участие к убитым и желание поскорее узнать правду об их смерти. Создатель! Когда же эта война закончится?! И закончится ли вообще?..

С этими мыслями окончание совещания и уход коллег я встретила с облегчением. Теперь мне следовало потянуть время, сидя здесь, заодно поставить незаметный магический капкан из той основы, которую успел накидать Аспис: драться с убийцей насмерть в тесном кабинете в мои планы не входило. Потом закрыть кабинет, уйти к себе и незаметно вернуться, чтобы устроить засаду у сундука. Просто для подстраховки, вдруг мы не угадали и виновным окажется кто-то третий.

Самая ответственная часть дальнейшей подготовки ложилась на Асписа. Змею предстояло поделиться своими идеями с капитаном так, чтобы убийца мог подслушать, но не понял, что ему это разрешили. Я смутно представляла, как это возможно, но вслух сомнения не высказывала. Главное, чтобы знал белобрысый.

Все прошло неплохо, и за это во многом стоило поблагодарить Власта: идею он понял прекрасно и всячески помогал ее реализовать. Местами переигрывал, но Аспис предпочел не заострять на этом внимания. С молодежью капитан не сошелся — ни с пришлыми, ни с местными, предпочитал общество кухарки и хозяйственника, так что никто из основных подозреваемых не мог уличить его в неискренности.

Конечно, демонстративно пересказывать весь план в подробностях, да еще несколько раз, было бы глупо, поэтому мужчины ограничились намеками, полагаясь на сообразительность убийцы. Власт удивлялся, как это у змея получится искать по мертвой крови, расспрашивал про месячный пик силы и его особенности применительно к его магии. Ничего странного в таких расспросах не было: детали знали только те, кто работал с мировыми потоками, а остальные обычно довольствовались общими сведениями.

За это время мужчины успели пройти до лазарета, где Аспис навестил своего единственного пациента, как раз очнувшегося. Заглянули в импровизированный морг, где из-за отключенного отопления, открытых окон и неприятного соседства находиться не хотелось вовсе. Конечно, не лучшие условия, но это позволяло замедлить естественные процессы в трупe.

Думать о недавно еще живом молодом парне как о вещи было, наверное, очень цинично и неправильно, но Аспис и в юности не отличался особой сентиментальностью, а уж теперь — тем более. Не первый встреченный покойник, не последний, что толку дергаться и кусать локти, если ничего не изменить?

К тому же, несмотря на все неприятности, у змея было слишком хорошее настроение, чтобы какие-то посторонние размышления могли его испортить. Да, много проблем, убийца еще не пойман, и не факт, что будет пойман ночью. Да, предстояло ответственное и рискованное дело, причем ладно бы

только ему одному, но ведь еще и Бесу, который ждал приключения с большим нетерпением. Да, слова алхимика про волю богов, спровоцировавших резню среди своих детей, засели занозой и нервировали. Но Аспис все равно чувствовал себя довольным жизнью. И долго гадать о причинах подобного не приходилось, все дело было в Нори. В ее поведении и словах, в ее беспокойстве и сомнениях, в ее равнодушии. Главное — равнодушии, потому что в этом случае у него — у них — есть шанс.

Змей и сам удивлялся той легкости, с которой получилось вновь принять свои чувства, изменить отношение к женщине. Как будто не было всех этих лет и этих обид. О них напоминала только горечь в уголках глаз и губ Норики, залегшие там усталые складки. При этом перед глазами все равно отчетливо стояла ее улыбка — тогдашняя, теплая и открытая. И ее отсутствие сейчас, пожалуй, сильнее всего омрачало жизнь.

Аспис вернулся в свою комнату и попытался сосредоточиться на завтрашних уроках, когда в дверь постучали. Не дожидаясь разрешения, в комнату шагнул хмурый и очень недовольный Зарк.

— Что-то случилось? — искренне озадачился блондин, поднимая взгляд от собственных записей.

— Ты не брал шумку?

— Нет, — качнул головой альбинос и тут же нахмурился. — Зарк, мы же договорились подождать до завтра.

— И ты решил так подстраховаться? — едко спросил гость.

— Не говори ерунды, — поморщился Аспис. — Сказал же, это не я. Впрочем, если бы знал, что ты побежишь ябедничать, несмотря на обещание, может, и забрал бы артефакт. Но предупредил бы об этом, не волнуйся.

— Ябедничать?! То есть труп ученика и бродящий по школе убийца, на твой взгляд, совершенно рядовая ситуация, о которой не нужно сообщать? И бездействие местных, и то обстоятельство, что госпожа змеелов покрывает этого убийцу?

— А ты считаешь, что она покрывает? Полагаешь все-таки, что убийца Фалин? — Белый змей чуть склонил голову к плечу. — Что он пошел по стопам брата?

— А ты думаешь, нет? — Зарк угрюмо сложил руки на груди. — Думаешь, это сделал кто-то другой?

— Важно не то, что я думаю, а то, что мы можем доказать. Пока — ничего. Подожди до завтра, — миролюбиво попросил Аспис: он тоже уже давно научился держать лицо в любых обстоятельствах. — Завтра я сам помогу тебе в поисках шумки, если она так и не отыщется. Ты у Сверты спрашивал?

— Нет еще, — скривился тот. — Ладно. Завтра, значит. Спокойной ночи.

Аспис неопределенно кивнул, проводил гостя задумчивым взглядом, прислушиваясь к собственным ощущениям.

Для себя целитель только что все выяснил, но ловить собеседника на маленькой нестыковке не стал: просто оговорка, которая сама по себе ничего не доказывает. Мало ли, где черный змей мог слышать о почившем Вилоре-старшем и узнать о родстве с ним Фалина.

То есть, конечно, мало. Это было слишком давно, к подобным делам мира Зарк в то время уже не имел никакого касательства, сведения об учителях и обитателях школы им выдавали не столь подробные, чтобы в них вошли все умершие родственники. Нет, он наверняка тщательно готовился заранее и совсем не к преподавательской работе, знал о Карателе в родне рыжего и, значит, мог попытаться скопировать манеру фанатиков, пытаясь подставить Фалина.

Но это домыслы, а нужны улики. Потому что все это проделать мог не только он.

Разозлиться и возненавидеть Зарка не получалось. Было противно и хотелось помыть руки, но и только. Даже неинтересны были мотивы и оправдания, просто хотелось поскорее закончить это грязное дело и оставить оценку поступка убийцы судьям.

Еще присутствовало чувство облегчения: все же хорошо, что Сверта оказалась невиновна. Эту девушку было жаль, да и Витола ее участие в подобном расстроило бы. Старик и так сварлив без меры и страшно тоскует о прошлых, довоенных временах, а если бы выяснилось, что он промахнулся в своих оценках, уверенный, что змея здорова и неопасна...

С этой проблемы мысли перескочили на вопрос, с которым явился Зарк, а именно — на пропажу артефакта связи. Правда, ничего путного змей надумать не сумел, даже никаких совсем

фантастических версий, тут он был искренен с самого начала. Ну разве что действительно Сверта взяла артефакт безо всякого злого умысла, чтобы поговорить с кем-то из знакомых.

Как следить за своим «подопечным», Аспис прикинул уже давно. Зарк занимал комнату неподалеку, поэтому смысла сидеть под его дверью всю ночь белый змей не видел. Несколько простеньких следилок — тонкие ниточки магии, пересекающие проход, — должны были предупредить белого змея, когда кто-то проходил мимо. Никакой больше информации они не давали, были одноразовыми и имели маленькую дальность работы, но зато обладали одним неоспоримым достоинством: обмануть их почти невозможно, для этого требовалось не просто точно знать о наличии таких нитей, но к тому же примерно представлять их расположение.

Чтобы избавиться себя от ложных срабатываний, Аспис протянул нить заклинания непосредственно перед дверью Зарка — когда тот вернулся к себе, кажется так и не найдя артефакт. А дальше оставалось только ждать.

Впрочем, недолго: сигналка сработала через пару часов. На всякий случай проверив поисковым импульсом, не явился ли кто-то из учеников с неотложным делом, Аспис понял: началось. Магия обнаружила только мирно спящих обитателей соседних комнат, а вот Зарка не увидела вообще: лучший и исчерпывающий ответ, куда и зачем он направился.

В несколько больших глотков осушив фляжку, куда заблаговременно перелил половину «Вуали тени», Аспис тихо открыл дверь и бесшумно выскользнул наружу уже в змеином обличье.

На ночь свет в коридорах не выключали, но стеклянные сферы, наполненные энергией огня, светились через одну и тускло-тускло — достаточно лишь для того, чтобы не наткнуться на предметы. Они реагировали на приближение кого-то по коридору усилением света, но маскировка обоих мужчин была хороша, чтобы их активировать.

Смена облика на хладнокровный помогла скрыть тепло тела — температура изменялась за считанные секунды после оборота, зелье спрятало длинное змеиное тело от случайных глаз, оставив лишь размытый нечеткий силуэт, совершенно исчезающий в мгновения покоя. А от универсальных следящих чар укрыла магия.

Боги будто изначально предполагали, что мирное сосуществование змеев и людей рано или поздно закончится такой резней: именно змеиные чары лучше всего помогали укрыться от любого поиска. Конечно, это было не так уж просто и требовало определенной выучки, но Аспис за годы в подполье освоил навык в совершенстве.

Как оказалось, не он один, потому что Зарк демонстрировал не худшую подготовку, разве что тeneвым составом не озаботился. Значит, оценил его целитель правильно: черный змей не только владел мощными боевыми чарами, но и умел плести куда более тонкие.

Без малейшего удивления Аспис проводил Зарка до кабинета директора, гадая, что тот намерен предпринять. С безопасного расстояния проследил, как аккуратно он вскрывает защиту Норики, а после восстанавливает ее, уже скрывшись за дверью. Все это выдавало немалый и весьма специфический опыт.

Аспис уже собирался перекинуться, но перед этим машинально проверил, где находится Барес. К собственному огромному удивлению, обнаружил сына совсем рядом, в этом же коридоре. И едва успел отдернуть невидимый хвост, на который чуть не наступила спешащая к тому же кабинету Сверта.

В первое мгновение белый змей оторопел и просто не поверил своим глазам. Мелькнула даже мысль, что это какое-то нелепое совпадение и женщина просто пройдет мимо.

Но, конечно, не прошла. С защитой она обошлась не менее изящно, чем Зарк. Однако сколько неожиданных талантов обнаруживают школьные обитатели...

Аспис подался вперед, ближе к двери, но замер в нерешительности. Такой вариант, как появление сразу нескольких подозреваемых, они не рассматривали и не договаривались, как действовать в подобных обстоятельствах. И хотя внутри подняла голову тревога — все-таки противостоят одновременно двоим сложно даже очень опытному магу, — слабость эта была мгновенной. Аспис быстро наступил на горло собственному волнению и желанию срочно броситься на выручку. Нори — сильный боевой маг с большим опытом прямых столкновений, ей его участие скорее помешает, чем поможет.

— Бес, ты тут? — негромко позвал Аспис.

— Тут, — растерянно отозвался тот, справившись с замешательством. — А...

— Зарк тоже там. И я тоже озадачен.

— И что будем делать?

— Ждать, — твердо велел старший змей.

— Но...

— Мне тоже не очень-то нравится идея оставаться в стороне, но Нори такой «помощи» не оценит. Поэтому ждем.

Глава 12

ОТВЕТЫ В РУКАХ

Никогда не любила ждать. В юности еще и не умела, но жизнь заставила научиться. Терпеть, молчать, искать удобного момента — иногда неделями. Что в сравнении с этим пара часов? Особенно когда нет страха и даже сильно выраженного беспокойства.

Нет, разумеется, я волновалась за исход дела и хотела установить истину. Перебирала раз за разом в памяти все имеющиеся разрозненные факты, складывала так и этак, но ни к какому результату прийти не могла. Только все больше сердилась на короля, милостью которого оказалась в такой странной ситуации и теперь вынуждена не только заниматься совершенно чуждым мне делом, но даже начинаю скучать по недавнему прошлому, точнее — по тем возможностям, которые обеспечивал мой чин в ордене.

Звание ястреба давало огромную власть и очень широкие полномочия. Я никогда ими толком не пользовалась и почти не вспоминала о том, что могут мои погоны. А вот сейчас испытывала ностальгию, потому что...

Нет, законы под рукой Великого Змеелова были и исполнялись, и были они не так уж несправедливы, если рассматривать взаимоотношения только людей. Просто полномочия ястреба в подобной ситуации — когда нет шанса нормально расследовать убийства и есть риск их повторения — были бы гораздо шире, чем у директора школы. И вроде умом я понимала, что в любом случае не стала бы выбивать из кого-то признания силой, но мутному чувству сожаления это не мешало.

Пока сидела почти без движения на подоконнике в кабинете, за тяжелой гардиной, предаваться подобным мыслям было просто и как-то особенно приятно.

Схрон этот устраивал Аспис, тихо ругаясь себе под нос на странные, весьма далекие от целительства задачи, которые приходится решать. И строго предупредил, что контур одноразовый. Если единожды замкнуть (что могла проделать и я, маг другого направления), разорвать его можно будет только окончательно, вот и приходилось тренировать выдержку, стараясь лишний раз не шевелиться, чтобы случайно не зацепить близкие энергетические линии.

Впрочем, скоро терпение мое вознаградилось: тихий щелчок ручки и скрип открывшейся двери в ночной тишине прозвучали вполне отчетливо. Мимолетно восхитившись тонкости чужой работы — вмешательства в собственные защитные чары я даже не почувствовала, — прикрыла глаза в ожидании включения света.

Ночной гость с этим не спешил — стоял, кажется, у самой двери, прислушивался и присматривался к кабинету. Наверное, искал подвох и второй слой защиты, более серьезный. И такая, конечно, была — на сейфе и на ящиках стола, которые посетителя совершенно не интересовали.

Однако предпринять что-то незваный гость не успел: опять щелкнула дверная ручка. В первое мгновение я решила, что это Аспис не утерпел и все же ринулся на помощь. Но нет, второй посетитель вел себя с не меньшей осторожностью. И тоже очень аккуратно вскрыл защиту, и тоже восстановил ее за собой...

Не кабинет — проходной двор! Точно надо что-то делать с этими чарами, толку от них, как показывает практика, никакого.

Первый гость, кажется, быстро сообразил, что украдкой среди ночи явилась не хозяйка кабинета и не кто-то еще, имеющий право здесь и сейчас находиться. А может быть, и вовсе опознал второго, потому что спустя пару мгновений все же вспыхнул свет.

— И что ты тут делаешь? — прозвучал спокойный голос Зарка. Я сделала вывод, что первым был именно он: слишком невозмутимо держался для того, кто был уверен, что один в кабинете.

— Могу спросить то же самое! — огрызнулась Сверта.

А я, шурясь, с интересом взглянула на происходящее через специально для этого оставленную щелку между занавесками. Мне кажется или они действительно не очень-то удивились такому столкновению?

Зарк подошел к женщине, схватил ее за локоть отведенной назад руки, грубо вывернул.

— Прекрати! Что ты делаешь?! — гневно прошипела Сверта. Кричать, конечно, не стала, попыталась сопротивляться молча, но где уж там! Охнула, когда мужчина все же вырвал у нее из рук какой-то небольшой предмет, завернутый в лоскут. Мне не было видно, что это, но змей явно узнал.

— Вот, значит, как, — процедил он. — Дура!

Столько злости прозвучало в его голосе и такой напряженной стала поза, что я была уверена: ударит, у него явно чесались руки. Однако, к чести его, сдержался.

— На себя посмотри! — огрызнулась она. — Ты сюда случайно зашел, да?

— Не случайно. Но я не пытался тебя подставить. Ты действительно думаешь, что капитан настолько туп, что его не удивит забытый убийцей нож? Впрочем, нет, не забытый. Им сначала расчленили труп, а потом вернули обратно. В это серьезно кто-то должен поверить?

— А что мне еще оставалось делать? — Голос змеи дрогнул.

— Не лезть! — рыкнул Зарк. Схватил ее за плечо, встряхнул. — Никуда не лезть и делать то, что говорят. Только то, что говорят! Иначе мне бы не пришлось расхлебывать последствия!

Еще раз встряхнул. Голова женщины безвольно мотнулась, а взгляд — мне было это прекрасно видно — стал совершенно стеклянным, кукольным. Даже мне, стороннему наблюдателю, стало не по себе от этой картины, уж слишком неестественной стала вся наружность и особенно взгляд змеи. А Зарк вовсе отдернул руку, словно сгоряча схватился за что-то опасное или мерзкое, и невнятно ргнулся себе под нос.

— Не очень-то у тебя получается, — ответила Сверта ровным, невыразительным голосом, таким же искусственным, как взгляд. — По-моему, в виновность Вилора не верит никто, кроме тебя.

Змей опять выругался, рефлекторно отступил на полшага, но справился с эмоциями и ответил почти спокойно:

— Верят или нет, но капитан и Аспис должны опираться на улики, а не на собственное мнение о человеке. Будут улики — никуда они не денутся.

— А директриса наша на что должна опираться? — с брезгливыми нотками спросила Сверта.

— На хорошего мозгоправа, — хмыкнул Зарк. — Если тебе не помог, это не значит, что все остальные так же безнадежны.

— Не смей сравнивать! — взвилась женщина. Но зато сразу перестала напоминать куклу, и перемену эту я восприняла с облегчением. — Ты ничего не знаешь о моей жизни!

— Как и ты — о ее, — не впечатлился брюнет.

— Защищаешь?! Тоже виться вокруг начнешь, как Аспис?!

— Все-таки ты дура. — Змей со вздохом качнул головой и шагнул к сундуку. — И это никак не связано с болезнью. Иди к себе в комнату, и, богиней прошу, не нужно больше вмешиваться, я сам со всем разберусь!

— Переложить вину на меня? — сквозь зубы процедила змея.

— Переложить? — переспросил Зарк, оглянувшись через плечо. — Это ты нырнула мальчишку ножом, я только пытался минимизировать последствия! Сверта, иди, пока нас тут кто-нибудь не застал из-за твоих воплей.

Это он хорошо придумал, но мне-то что делать? Попытаться взять обоих или оставить ее на ожидающего за дверью Асписа? Или вообще отпустить, а потом аккуратно, без лишнего шума взять в ее собственной комнате? Будет ли при таких условиях считаться, что мы задержали ее на месте преступления?

Я все же разрушила защитный контур и сразу же замкнула чары ловушки.

Увы, на двух заговорщиков она рассчитана не была, и если мужчина замер у сундука, парализованный змеиными чарами, то Сверта метнулась в сторону. Накрыть ее каким-то еще заклинанием я попросту не успела. Чертыхнувшись, прыгнула на пол. А змея, сориентировавшись и сообразив, что бежать смысла нет — из школы-то все равно не выбраться! — в ярости кинулась на меня, сменив ипостась.

Красивая, темно-зеленая, с золотистым узором на спине и венчиком изумрудных с золотом перьев на затылке.

Отмечала я это все краем сознания, мельком, не отвлекаясь от драки. Отмечала — и жалела портить такую красоту. Привычно жалела: змеи в их чешуйчатом обличье всегда казались мне особенно красивыми.

Лучше всего в этой жизни я знала, как противостоять змеям в любом их виде и состоянии, и умела с ними сражаться. Меня вырастили для этого, потом долго натаскивали и оттачивали навыки в прямых столкновениях. Я могла убить медленно или быстро, покалечить, но плохо умела брать живьем. Не тот дар, не к такому меня готовили. А Сверта явно не собиралась сдаваться и атаквала грубо, нелепо, самоубийственно...

Я раз за разом отбрасывала ее, стараясь быть аккуратной и перебирая в памяти все чары, которыми владела. Пыталась накрыть разъяренную змею воздушным щитом, но без толку: он не рассчитан на такие упражнения, это защитные чары. А от безобидных пут и подножек юркая змея уворачивалась с легкостью.

Не знаю, сколько бы это продолжалось и чем закончилось, но, привлеченный грохотом, на пороге появился Аспис. Змея сначала отпрянула от него, а потом бросилась на таран.

Я что-то предпринять уже не успевала, зато не подвела змеиная реакция блондина. Правда, весьма неожиданная реакция: Аспис просто ударил ее рукой по морде, наотмашь. Змея отлетела к стене, где я все же сумела накрыть ее воздушным щитом.

Ругаясь сквозь зубы и баюкая левой правую руку, целитель поспешил к сменившей обличье женщине, которая лежала неподвижно и не подавала признаков жизни.

— Начинаю тебя бояться, — проговорила я, приближаясь. — Что с рукой? И что с ней?

— Сейчас узнаю, — проворчал Аспис. — Щит убери, никуда уже не денется.

Я послушалась, и змей обездвигил Сверту уже своими методами. Положил ей на лоб левую ладонь, опять ругнулся. Женщина была бледной, из носа сбежала тонкая струйка крови, и при взгляде на эту картину в груди собирался противный холодный комок. Не знаю, на какие чудеса способен Аспис, но без его вмешательства я бы не сомневалась в том, что Сверта — не жилец.

Лезть белому змею под руку со своими вопросами я, конечно, не стала. Чуть отступила, чтобы не нависать и заодно держать в поле зрения Зарка, который, по счастью, оставался под действием чар. В этот момент в кабинет осторожно заглянул Барес.

— Ну ничего себе! — тихо присвистнул он, оглядывая покореженные шкафы и разбросанные книги.

Только после этого я обратила внимание на разгромленный кабинет и мысленно выругалась. В пылу охоты все это проходило мимо сознания, а теперь...

Зато будет повод разобрать и расставить книги. Те, которые уцелели.

— Я могу чем-нибудь помочь? — продолжил тем временем Барес.

— Не знаю, — вздохнула я, бросив оценивающий взгляд на сидящего на коленях возле распростертого тела Асписа. — Кажется, единственное, чем можно тут помочь, это не мешать. Ты же не целитель?

— Увы. — Молодой змей развел руками. Стоять в проходе ему, кажется, надоело, и Бес шагнул в кабинет, аккуратно прикрыв за собой дверь. Подошел, кивнул на Сверту. — Что с ней?

— Сильный удар по голове, среди прочего, — ответила ему. — У твоего отца тяжелая рука. Хорошо, что он драться не любит.

К мысли о том, что змеи, особенно мужчины, физически сильнее людей, просто привыкнуть. Это необходимые для успешной войны с ними сведения, их всем юным змееловам вдалбливали на ранних этапах обучения очень надежно, с примерами. Молодые были особенно опасны только в змеином обличье, после третьей линьки изменения начинались и в человеческой ипостаси.

Все это жило в памяти, факты не вызывали удивления или других сильных эмоций. Но одно дело — знать, а совсем другое — видеть подтверждение.

Через пару минут я начала всерьез беспокоиться: светлая кожа змея приобрела зеленоватый оттенок, и выглядел он уже ненамного лучше пациентки. Потом, буквально мгновенно, заострились скулы и вокруг глаз сгустились тени. Носом пошла кровь, а потом я не выдержала и вмешалась.

— Хватит! — Опустившись рядом на колени, я оторвала его руку ото лба пациентки. — Аспис, ты сейчас себя угоришь!

— Я знаю, что делаю! — огрызнулся тот, сверкнув на меня глазами.

— Уверен? — уточнила, доставая из жилетного кармана платок, чтобы зажать мужчине нос.

Змей инстинктивно дернул головой, уворачиваясь, но разглядел алеющие пятна и, еще больше нахмурившись, забрал у меня платок.левой рукой.

— Что с правой? — кивнула я.

— Связки и пара мелких трещин, — сознался он и шмыгнул носом. Смерил тяжелым, непонятым взглядом лежащую неподвижно Сверту.

— А с ней? — кивнула я на змею.

— Все, — ответил коротко. — Внутренние ушибы и кровотечения, несколько серьезных травм головы. Я пытался, но... Создатель меня дернул все-таки зайти!

— Без тебя агония просто продлилась бы дольше, — поморщилась я. — Она явно не собиралась даваться в руки живой, а я... не умею безопасно обездвизивать.

— Боюсь, даже если бы умела, ее бы это не спасло, нашла бы другой способ, — вздохнул Аспис. Начал подниматься, но пошатнулся и едва не упал рядом с распростертой на полу змеей. За один локоть его успела подхватить я, с другой стороны поддержал Бес. Также вдвоем мы поставили переоценившего свои силы целителя на ноги.

Отказываться от помощи белый змей не стал. Несколько секунд постоял с закрытыми глазами, кажется, пережидая дурноту, потом медленно кивнул и огляделся.

— Змеиная кровь! Надо их обоих... куда-то, — пробормотал рассеянно.

— Да, действительно, — опомнилась я. — Бес, позови, пожалуйста, капитана, вряд ли он сейчас спит.

— Я быстро, — кивнул парень и опрометью кинулся прочь.

Несколько секунд прошло в неподвижной, напряженной тишине. Я еще не успела остыть после драки, оставалась собранной и напружиненной и подсознательно ожидала нападения, хотя ни Зарк, ни тем более Сверта на активные действия сейчас способны не были. Аспис, полуприкрыв глаза, погрузился в какие-то свои мысли. А потом, не меняя выражения лица, здоровой рукой обнял меня за талию и мягко, но настойчиво притянул к себе.

В первое мгновение я от неожиданности уперлась ладонями в его грудь, но волевым усилием заставила себя расслабиться и обняла в ответ, заодно поддерживая. Змей прижался щекой к моему виску, потерся, глубоко вздохнул.

Я молча уткнулась лбом в его шею, прикрыла глаза и попыталась выкинуть из головы все мысли до последней, сосредоточиться на ощущениях. На крепком жилистом теле мужчины, которое так приятно было обнимать, на прохладе кожи — после горячки драки она ощущалась словно глоток свежего воздуха. На сложном, резком запахе, который почему-то отлично помогал освободить голову от лишнего. И на почти пугающем ощущении уюта и спокойствия в этих объятиях — как будто и впрямь не было этих лет и этих обид. И одиночества. Которое я прекрасно знавала раньше, но к которому притерпелась и привыкла, и потому оно совсем не беспокоило. А вот теперь, из этих объятий, пугало до холодных мурашек по спине и кома в горле.

— Знаешь, чего мне сейчас больше всего хочется? — тихо проговорил Аспис. — Оказаться с тобой вдвоем где-нибудь в глухом дальнем углу мира и сделать вид, что всей остальной Тверди не существует.

— Заманчиво, — тихо хмыкнула я.

Змей на мгновение прижался к моему виску губами. Я знала, хоть и не видела: он закрыл глаза и едва заметно улыбнулся, отчего разгладилась хмурая складка между бровей.

— И с одной стороны, — размеренно продолжил Аспис, — за это желание стыдно. И за эгоизм. Потому что убийства, потому что во всем этом замешана Сверта, которую я сам только что... — осекся, замолк на несколько мгновений, однако продолжить фразу так и не смог, перескочил на другое: — Но у меня и безо всякого дальнего угла мира такое чувство, что все это лишнее и едва ли не выдуманное. А реальна — ты.

А я не могла на это ничего ответить, только прижалась крепче, ощущая странную резь в горле и колотье в груди. И на то, где мы находимся и что вокруг происходит, было плевать.

В таком положении нас и застал вернувшийся в сопровождении Цовера Бес. Капитан смущенно кашлянул, привлекая внимание, и я заставила себя разжать руки, отступить назад и вбок — недалеко, чтобы при необходимости успеть подхватить Асписа. И сделала вид, что не заметила его

руки, оставшейся на моей талии. И задумчивый, оценивающий взгляд Бареса предпочла не заметить: главное, враждебности в нем не ощущалось, а со всем остальным мы как-нибудь разберемся.

Появление капитана заставило встряхнуться и в итоге окончательно выпустить друг друга из объятий, полностью вернуться к действительности, в которой ждала суета и множество неприятных, но нужных дел. Тело женщины отнесли в ту же комнату, где лежал убитый ею парень, на Зарка надели ошейник и наручники, в которых в начале учебного года привезли в школу Кергала, и вынули из ловушки. Брюнет несколько секунд ошеломленно хлопал глазами, пытаясь осознать стремительно изменившуюся обстановку, но сопротивляться не стал.

Пока мужчины возились с оставшимся в живых преступником, я наскоро прибрала в кабинете. То есть собрала единым вихрем рассыпанные книжки, внутренне содрогаясь от такого кошмара, и всякие обломки с обрывками и свалила в кучу в углу, с тем чтобы потом разобрать аккуратно. Утешало здесь одно: кабинет располагался в учебном крыле, поэтому никто в соседних комнатах не жил и никого грохот не разбудил.

Потом все расселись. Капитан — за столом, мы с Асписом — по обе стороны от закованного и дополнительно опутанного чарами Зарка, а под шумок оставшийся Бес притулился у стенки на многострадальном сундуке. Чтобы не повторять несколько раз и ничего не упустить, я активировала иор: кроме основной задачи, он умел записывать звуки и давал возможность перенести это впоследствии на кристалл.

— Где Сверта? — спросил Зарк, пока все рассаживались. — Решили допрашивать отдельно?

— Само собой, — спокойно ответил на это капитан. — С ней уже поговорили, теперь вот до вас добрались.

— И она, разумеется, валит все на меня? — усмехнулся Зарк. Выглядел он подавленным, но при этом держался достойно, спокойно — это заслуживало уважения.

Цовер выразительно развел руками.

— А вы, конечно, будете валить все на нее?

— Зачем — все? Поделим поровну, — предложил змей. — Человека убил я. А Ирейм... с ним нехорошо получилось.

— То есть о первом убийстве вы не жалеете совсем, там получилось хорошо?

— Да ничего хорошего там не вышло. Если бы все пошло так, как было нужно, то... — отмахнулся Зарк. — Вот об этом жалею, да. И парня жалко. Но это война.

— Война кончилась, — вздохнул Цовер, кажется, понимая, что именно ему возразят.

— Вам пока так кажется. Но она не кончится уже никогда, и люди со змеями никогда больше не будут мирно жить вместе. Не стоит и пытаться.

— И именно поэтому вы решили начать с убийства не причастного?

— Это старый и не имеющий однозначного ответа вопрос. Смерть одного, способная предотвратить смерти многих, — это посильная плата? Жаль, что большинство в Совете не понимает, что пути назад нет. Нужно учиться жить на новом месте, а не стремиться в прошлое.

— И как должна была что-то предотвратить смерть одного мальчишки? — задал Власт вопрос, который мучил нас всех с самого начала этой истории: чего убийца хотел добиться?!

Оказалось, предположения были в целом верны. Совет пристально наблюдал не только за встречами в столице, куда отправилась большая делегация змеев, но и за нашей школой. Причем изначально было оговорено условие о невмешательстве в работу школы обеих сторон — для объективности. Конечно, все это не касалось крайностей вроде убийства, но здесь сыграл свою роль случай: в Релке начались волнения и стало не до нас. Иначе приехало бы не только доверенное лицо короля, но и кто-то из змеев, скорее всего — не один. Расследование превратилось бы в острый политический вопрос.

Под таким давлением следователь непременно должен был ухватиться за аккуратно подставленного Фалина. Возник бы свидетель и сообщил, кого видел. Обнаружилось бы воздействие на разум девочки, причем с помощью простого зелья, отменявшее алиби рыжего. Нарочитое, неудачное удушение «под змею», конечно, выяснилось бы при внимательном осмотре. Потом всплыло бы прошлое и история со старшим Вилором, и уже вряд ли кто-то поверил бы в невиновность рыжего.

Но все пошло наперекосяк сразу. Кергал оказался слишком ненадежным свидетелем и благополучно выкинул из головы встречу в парке, а Зарк тогда просто не понял, кто именно вышел ночью прогуляться. После этого не удалось придумать подходящий повод проверить Оташу. Потом не прислали следователя, и делом занялась наша небольшая компания, успевшая привязаться к Фалину и больше полагавшаяся на собственное чутье, нежели на факты, которые против воли Зарка начали складываться в уже совсем другую, не такую стройную картину.

Сверте во всем этом деле изначально отводилась скромная и почти мирная роль: аккуратно направлять мысли змеенышей в нужное русло, когда надо, подталкивая к ссорам или уж хотя бы к неприязни к людям.

Однако и здесь все получилось из рук вон плохо. Змеенышей для поездки отобрали слишком тщательно, и агрессии они не проявляли, местным тоже нечего было делить с пришлыми. Подпортил картину и все тот же Фалин, который обожал детей и с большим удовольствием возился с ними, независимо от расы и направления способностей: его просто не смогли не полюбить в ответ не только свои, но и приезжие змееныши.

Да и остальные взрослые, тепло отнесшиеся к ученикам, и безусловно принятый чешуйчатыми сверстниками Мангир — все это не укладывалось в планы. Не говоря уже о змеелове с пугающей репутацией в моем лице, на поверку оказавшемся убийственно спокойной и терпеливой особой, которую по непонятной причине искренне любили те, кто вроде бы должен был бояться и ненавидеть. О том, что на самом деле я этих детей спасла, в тот момент не знал никто из пришлых змеев.

Окончательно все покатило под откос, когда Сверта сорвалась на Ирейме. Подталкивая его к драке, она передавила, вызвала желание убить. И в первую очередь такое воздействие ударило по ней. Не зря вся работа с разумом и эмоциями считается наиболее сложной и опасной, а Сверта к тому же не являлась профессионалом в этой области. Искусственно вызванные злость и ненависть вернулись к ней, и змея оказалась к подобному не готова. Хрупкая психика, и без того искалеченная, не выдержала удара.

Поначалу Зарк этого не заметил и продолжал общаться с ней так, словно ничего не изменилось. Да и Сверта вроде бы держалась по-прежнему, пока не потребовалось повторное, более глубокое вмешательство в разум Ирейма.

Это в первый момент парень в горячке ничего не понял и не заподозрил подвоха. А позже, обдумав собственное поведение, всерьез испугался и хотел рассказать обо всем, искренне раскаиваясь в содеянном. Аспис при таком раскладе непременно заметил бы воздействие на разум, и Зарк постарался спрятать мальчишку, чтобы выкроить время. Сундук со стазисом — подошел для этого идеально.

Он обсудил проблему с сообщницей, и та согласилась почистить разум парня.

— Этого бы и отец не смог сделать, да еще незаметно, — задумчиво качнул головой Аспис, слушавший разговор коллеги и капитана с хмурым, потеряннным видом.

— Я никогда не сталкивался с воздействиями на разум, я боевой маг, — скривился Зарк. — Она уверяла, что сможет. Я и спорить не стал...

Не смогла. Когда не вышло совсем ничего, схватила со стола нож для бумаг и ударила парня, который как раз пытался в этот момент вылезти из сундука. Она, правда, уверяла сообщника, к которому прибежала за помощью, что Ирейм на нее набросился и она защищалась, но Зарк не поверил. Однако отступить было уже поздно, оставалось лишь попытаться скрыть последствия: бесследно избавиться от трупа не получилось бы, рано или поздно его бы нашли, пришлось импровизировать. Но это тоже вышло не очень-то убедительно.

— Зарк, я все понимаю, кроме одного, — растерянно проговорил Аспис. — На что ты рассчитывал? Спокойной жизни в том мире скоро придет конец, нам там не рады.

— Это ложь, — хмуро зыркнул на него Зарк. — Не нужно было допускать в Совет людей. Это ведь они убеждены, что нужно убираться поскорее. Потому что это у них нет будущего в том мире!

— Да ни у кого его нет! — скривился Аспис.

— О чем вы? — не выдержала я.

Аспис коротко пояснил, что водяные, мягко говоря, больше не рады пришельцам. Если сначала чувство новизны и любопытство сглаживали углы, то потом начали выявляться и недостатки. Пришельцы принесли с собой свои культурные ценности, которые начали завоевывать среди местных жителей сторонников. А самое главное, пришельцы казались внешне привлекательными, а от связей с ними рождались только змеи, и в этом углядели вполне справедливую угрозу

собственному народу. Да, в отдаленном будущем, но водяные оказались предусмотрительными.

Или все-таки не они сами, а их божество?..

В любом случае, когда змееловов свергли, беженцам недвусмысленно дали понять, что пора бы и честь знать. И хотя пока драться с ними никто не планировал, было бы неплохо убраться восвояси, и поскорее. Потому змеи так спешили с возвращением и потому были согласны рисковать.

Только нашлись и те, кто отказывался верить в подобный исход и настолько не желал возвращаться, что предпочел бы побороться за место под солнцем там, в соседнем мире. Тем более магически змеи были гораздо больше одарены, нежели водяные.

Во время этого рассказа Зарк недовольно морщился и всячески демонстрировал собственное несогласие со сказанным, однако не перебивал: свое отношение к происходящему он уже высказал.

После короткого пояснения допрос продолжился, но толком больше ничего выяснить не удалось. О мотивах сообщницы Зарк сказать не мог, а на вопрос о том, как они договорились, ответил невразумительное: «Случайно разговорились во время подготовки».

Не вызывало сомнений, что действовал Зарк не один. Конечно, своих сообщников среди членов делегации он не назвал и всячески отрицал их существование, но здесь ему уже никто не поверил. Наверняка этот некто занимал высокий пост и мог бы — то есть планировал — при необходимости подкинуть следователю нужные мысли и настоять на своем.

Мы с Властом состава змеиной делегации не знали, а вот Аспис уверенно назвал несколько имен. Но Зарк слишком хорошо себя контролировал и своего волнения ни на одном из них не обнаружил.

На этом допрос кончился. Зарка заперли в кладовке без окон, потратив изрядное количество времени и сил на ее запечатывание. Я предлагала использовать для временного заключения многострадальный сундук, но Аспис идею отверг: запас сил в чарах был близок к концу, и целитель, не умеющий работать с магией времени, не мог оценить, насколько их еще хватит. К тому же он был уверен, что Зарк никуда не денется и сбегать не станет.

А после мы опять вернулись в кабинет. До побудки оставалось чуть больше часа, поэтому ложиться спать сейчас никто не видел смысла.

В кабинете же ждал небольшой, но приятный сюрприз. Барес все это время вел себя тише воды, лишь бы не привлечь к себе внимания и не лишиться возможности узнать подробности, будучи отосланным к себе. Понятное желание, я бы на его месте тоже извелась от любопытства. Так вот, молодой змей решил принести пользу и организовал перекус. В кабинете одуряюще пахло кофе, а на большом блюде посреди стола высилась горка основательных «мужских» бутербродов — таких, в которых ломоть сыра или ветчины ненамного тоньше куска хлеба.

— Хороший у тебя сын, Аспис, — одобрительно сказал на это капитан. — За какие только заслуги достался?

— Сам теряюсь в догадках, — с иронией отозвался целитель. — Да ладно, не прикидывайся уже ветошью, кто тебя прогонит! Что мы, звери совсем? Большой мальчик уже, можно слушать всякие ужасы, вряд ли они тебя шокируют.

— Не скажи, — возразил тот. — Я до сих пор не могу поверить, что Зарк все это серьезно говорил. Неужели он действительно считал, что ввязаться в гарантированную войну против всего чужого мира лучше, чем вернуться сюда?

— Я тоже с трудом в это верю, — пожал плечами Аспис. — Он вроде бы умный мужик, воин, как можно столь бездарно оценивать расстановку сил? Ладно водяные, но их боги вряд ли примут нашу сторону! В любом случае риторика уж очень знакомая, есть группа старших змеев, которые отстаивают эту точку зрения. Насколько знаю, один из них — наставник Зарка. Наверное, он и промыл мозги. А Сверта... Она вообще очень внушаема и верила почти всем змеям, только людей не воспринимала. Убедить ее при желании было нетрудно.

— Но на что они рассчитывали? Ну не получилось бы со школой, но у нас же все равно выбора не оставалось. Разве нет? — с сомнением проговорил Барес.

— Скорее всего, провокация в школе — это не все. Очень может быть, что к волнениям в столице они тоже приложили руку. Нори, что-нибудь слышно оттуда? Как обстановка?

— Ничего нового, — вздохнула я. — Аспис, большинство моих столичных знакомых сейчас или мертвы, или сидят по камерам. Один король остается, но ему совсем не до нас. Чуть позже свяжусь с ним, отчитаюсь по результатам расследования и договорюсь о перевозке Зарка, может, он чем-то поделится в ответ. Ну и еще передам те имена, которые ты назвал, пусть будет осторожнее. Есть

там, в делегации, кто-то безусловно достойный доверия, чтобы король проводил чистку совместно с ним?

— Я напишу имена, — задумчиво кивнул змей. — И с отцом свяжусь, если найду шумку.

— Ну ладно, Зарк хоть что-то объяснил, — не выдержал Барес через несколько секунд, в которые мы сосредоточенно жевали и молча прихлебывали обжигающий горький напиток. — А Сверту-то чем зацепили? Она, конечно, доверчивая, но вряд ли стала бы слепо исполнять чужие приказы, не имея цели.

— Наверное, она тоже не хотела возвращаться. — Блондин пожал плечами. — Не хотела вспоминать прошлое или боялась его повторения, не верила в перемирие.

— Ты обещал рассказать, что с ней случилось, — напомнила я.

— С ней... — Змей глубоко вздохнул. — Ее отцом был Нарай Филар.

— Тот самый? — изумленно переспросила я. Собственно, дальше можно было и не расспрашивать: мне хватало фантазии представить развитие событий.

— Какой — тот самый? — любопытно спросил Барес.

— Один из наиболее одиозных приближенных Великого Змеелова, — отозвалась я. — Он... изучал змеев, не считаясь с чужим мнением о методах и не задумываясь о сохранности материала. Мне довелось с ним немного пообщаться, он кое-что преподавал в ордене. Незабываемо.

— В каком смысле? — вопросительно поднял брови Аспис.

— Во всех. Ты, наверное, просто с ним не пересекался. — Я неопределенно повела плечами. — Он был психопатом, но гениальным. Филар не ненавидел змеев и, если бы ему дали возможность, ровно с таким же отношением препарировал бы людей. Он просто не имел каких-то моральных, эмоциональных ограничений. Такой голый, равнодушный разум, занятый только познанием. Он и учеников воспринимал как подопытный материал, ставил на нас эксперименты. В основном поведенческие. Искусно стравливал между собой, провоцировал, проверял на устойчивость. Одного моего соученика довел до самоубийства. Но я-то столкнулась с ним уже более-менее взрослой и была из числа тех, кого ему прямо запретили использовать, а Сверта... Не представляю, каким он был отцом до того, как в ней проснулась сила, и уж тем более не могу представить себе женщину, которая вышла за него замуж и рожала ему детей. Но догадываюсь, что он мог сделать с юной змейкой и что она чувствовала в это время. Удивительно, как вообще выжила! Он изучал линьку, да?

— И это тоже, — кивнул целитель. — Правда, мне все больше кажется, что на самом деле она не выжила. Не знаю, что там осталось от личности и как со всем этим работал отец, но, похоже, она с самого начала была обречена на что-то подобное. Что все это в любом случае просуществовало бы только до первого сколько-нибудь значительного потрясения.

Немного помолчали. Насыщенная событиями ночь не давала ни единого шанса отдохнуть и расслабиться, а теперь, когда все это осталось позади, навалилась усталость. Голова с каждым мгновением все больше тяжелела, и все меньше хотелось что-то обсуждать и обдумывать. А еще было грустно и тошно — от всей этой истории, от проклятой войны, которая никак не кончится. От людей, от змеев и даже от богов.

— Ладно, господа, предлагаю на этом разойтись. Вряд ли Зарк врал насчет их со Свертой ролей в произошедшем, значит, убийц мы поймали, а с заговором разбираться — точно не наше дело.

— Пожалуй, чего теперь-то уже высидывать! — кашлянул Цовер и нарочито грузно поднялся. — Пойду отдыхать, это вы, молодые, ночами можете не спать. Хоть несколько часов, да вздремну.

Мы с Асписом проводили Власта завистливыми взглядами. Следом удрал Бес, все интересное здесь закончилось. Мы остались вдвоем.

— Может, в Бездну эти занятия? — со смешком предложил целитель.

— Да так и получается, — вяло улыбнулась я в ответ. — У нас и так учителей не хватало, что теперь делать — ума не приложу!

— Просить помощи, конечно. А пока Свергину малышню придется взять мне, других вариантов нет, — развел руками мужчина. На мгновение задумался и отмахнулся: — Да кого я обманываю, всех придется брать! Будем надеяться, шумку я все-таки найду и старшие войдут в наше положение, пришлют кого-то на замену. А с мальчишками разберемся сегодня днем, — резко перескочил он. — Сначала проверим, не ты ли мать кого-то из них, потом, если нет, проведу ритуал

для Кея и для тебя.

— Какой ритуал? — не сообразила я.

— Для поиска. Или ты передумала? — Змей привычным жестом слегка наклонил голову к плечу.

— Нет, только... у тебя что, рука уже зажила? — спросила с иронией. — И силы восстановились? Аспис, мне, конечно, очень хочется узнать правду и сделать это как можно скорее, но дело не настолько срочное, чтобы отдавать на него последние силы. Проверим мальчиков, когда ты поправишься, и, если нет, поищем в следующем месяце.

Аспис явно хотел возразить, но, пошевелив пальцами правой руки, болезненно поморщился.

— Посмотрим ближе к делу.

В этот момент нас прервал, заставив вздрогнуть от неожиданности, мелодичный перезвон. Только через пару секунд я сообразила, что это проснулся иор.

— Мысли он слышит, что ли? — пробормотала себе под нос, рассматривая полупрозрачный образ короля Орлена, возникший над кристаллом. — Доброе утро, ваше величество!

— Утро? — озадаченно переспросил он. — Ах да, в самом деле. Норика, у меня хорошая новость: сегодня освободится человек, смогу прислать вам специалиста...

— Да уже не надо, ваше величество, — со смешком перебила его. — Мы уже разобрались. Лучше присылайте конвой для убийцы и кого-нибудь забрать тела.

— Тела? — Голос короля прозвучал совсем уж растерянно.

— Давайте я лучше с самого начала вкратце перескажу, что тут у нас случилось, — вздохнула я. И принялась за доклад.

Впрочем, ничего принципиально нового я Орлену не сообщила. Во всяком случае, о том, что далеко не все змеи настроены на перемирие и желают вернуться, в столице уже знали и без нас. Организаторы этого небольшого заговора — те самые члены Совета Старших, которых вспомнил Аспис, — развили бурную деятельность в Релке, где вызвали беспорядки. Только они, похоже, и сами не ожидали столь грандиозного успеха: просчитать, что своими действиями спровоцируют недобитых змееловов, эти интриганы не смогли.

В общем, все то время, пока мы вяло пытались отловить преступника, там действительно было совсем не до нас. И так сложилось, что основных заговорщиков накрыли как раз вчера утром и до сих пор продолжались допросы и обыски. Теперь вот наконец наметился просвет, и Орлен поспешил нас обрадовать. А обрадовали в итоге мы его.

С конвоем все оказалось куда проще, чем со следователем, его король пообещал прислать через полчаса, а заодно поговорить с остальными змеями из делегации о замене учителей. Все же заговор заговором, а детей учить надо и школу доводить до ума — тоже.

Так и получилось, что еще до завтрака школу покинули и Зарк, и оба тела. Наверное, я много о чем могла подумать в связи с этим, пожалела бы Сверту с ее трагической судьбой, да и черного змея — тоже. Вот только на это банально не осталось времени: пришлось спешно вспоминать собственное детство и занятия по контролю силы, чтобы хоть как-то помочь Фалину вместо Сверты.

Правда, рыжему больше требовалась помощь иного рода. То обстоятельство, что змея просто использовала его для создания себе алиби и на самом деле она — убийца, здорово выбило мужчину из колеи. Кажется, Сверта всерьез запала ему в душу, и подобного финала он совсем не ожидал. Но как поддержать его в этом, я не представляла, и потому просто не лезла.

Глава 13

ИСТИНА В КРОВИ

Ночные приключения заставили Бареса подумать о многом. Имелись общие, философские вопросы вроде степени виновности Сверты. Она ведь была больна и едва ли могла отвечать за свои поступки. Но в какой мере ответственность за эту трагедию ложится на Вигола, который лечил ее и посчитал здоровой для такой поездки? Или как Зарк, умный и не склонный к беспричинной жестокости мужчина, мог ввязаться в это дело и почему не сумел найти другой выход? Был ли он вообще, этот «другой выход»?

Были вопросы личные. Ради чего сам Бес мог бы пойти на убийство? Защищаясь — наверное, а еще?

Были простые, практические. Например, кого им пришлют в качестве учителей теперь?

А еще не давал покоя предстоящий ритуал. До него оставалось всего несколько часов, Барес хотел провести его после занятий, и с каждой минутой становилось все больше не по себе. Мучила неуверенность. А получится ли? А надо ли вообще ему что-то выяснять? Конечно, это все были мгновенные слабости, и от своей идеи Барес не отказался бы ни за что, но неизвестность... тревожила.

Змей опять, как много раз до этого, пытался представить себе мать, как будто может увидеть ее уже сегодня, как будто она жива — и не мог. Она неизменно оставалась размытым тусклым пятном неопределенной наружности, попеременно похожим то почему-то на деда, то на каких-то случайных знакомых. Если бы еще отец предпочитал какой-то определенный тип и Бес знал, какой, было бы проще. Но, сколько он себя помнил, никаких близких женщин в жизни того не случилось. Сейчас-то он знал причину, а до этого... честно говоря, не очень-то его занимал этот вопрос.

Причина, кстати, намекала на скорые изменения в ближайшем окружении, и об этом тоже не получалось не думать. Конечно, в его возрасте уже было бы странно ревновать отца, и Бес даже был готов искренне за него порадоваться. Но волновался. Потому что никогда прежде не видел Асписа таким рассеянно-взъерошенным, и речь, конечно, не о внешнем виде. Потому что Норика — змеелов в чине ястреба, и хотя ее жестокость и безжалостность оказались явно преувеличены, но звание-то она получила не просто так! Вряд ли она, конечно, ночью тихо прирежет змея, такого варианта Барес не рассматривал даже в шутку: видно было, что чувства у них взаимные, да и не производила госпожа Неро, как ни крути, впечатления фанатички или лицемерной дряни. Но именно теперь бороться с предубеждением было особенно трудно.

Наконец, Бес совершенно не представлял, имеет ли право рассказывать что-то о ночных событиях друзьям. Да и хочет ли, честно говоря? Конечно, тянуло поделиться кое-какими мыслями, да и подразнить скучающего Рагрора собственным приключением, но... Слишком горький у всех этих событий привкус. И не лучше ли просто перевернуть эту страницу, сделав вид, что ничего не произошло?

— Бес, ты все еще с нами? — легко толкнула его в бок Тори.

— Да, извини, — виновато улыбнулся Барес. — Задумался.

Приобнял за талию, коснулся губами виска — не столько приласкав, сколько пытаясь вернуть себя в реальность.

— Ну Бес! — шикнула змейка, вспыхнув от смущения. Но убрать руку парня даже не попыталась, только метнула быстрый взгляд на сидящего напротив брата: сегодня был первый день, когда Мангиру разрешили покинуть лазарет.

— Извини, — повторил змей и нехотя убрал руку.

— Как я, оказывается, много пропустил, — с усмешкой заметил старший брат, поочередно обведя выразительным взглядом сестер.

— Не доверяешь? — уточнил Барес вроде бы весело, но подобрался. Беспокойство Мара, который привык нести за девочек ответственность, можно было понять, и ссориться с ним не хотелось, но упускать Тори он точно не собирался.

— Нет, почему? Тебе-то точно доверяю. — Он покосился на Кергала и нервно хмыкнул. — Но как-то неожиданно...

— Не переживай, мы и тебе хорошую девочку найдем, — легкомысленно отмахнулась Дорика, не обратившая на беспокойство брата никакого внимания.

— Уже страшно. — Мангир передернул плечами, а сестра его тем временем продолжила:

— Вот смотри, например...

Дальше пошло перечисление сокурсниц, к сватовству откровенно смущенного темой Мара с удовольствием подключились и Рори с Леймом, и все это окончательно превратилось в балаган.

— Бес, ты в порядке? — тихо обратилась к нему Торики, хмурясь. — Ты какой-то взвинченный и помятый.

— Волнуюсь, сегодня же подходящее время для ритуала, — со вздохом признался он. Правда, только в одном из своих переживаний, так и не определившись, что делать с остальными. Мгновение помолчал и все же предложил: — Составишь компанию?..

— Конечно, — с готовностью отозвалась Торики, смущенно улыбнулась и добавила: — Я сама хотела предложить, мало ли что. Но думала, может, посторонние на такие обряды не допускаются или тебе будет неприятно.

— Спасибо, — просто ответил на это Барес. На душе у него сразу стало заметно легче.

Все-таки хорошо, что отец занят и вряд ли найдет время понаблюдать: его присутствие Беса, скорее всего, смутило бы и заставило куда больше нервничать, опасаясь допустить малейшую ошибку. А вот поддержка девушки была как нельзя кстати.

Как все-таки хорошо, что он нашел здесь Торику! Стоило приехать уже хотя бы ради этого.

Вскоре молодого змея избавили и еще от одного вопроса: что говорить и говорить ли вообще друзьям. За завтраком Норики вкратце рассказала о произошедшем, не скрывая ни имена виновных, ни их цели и мотивы. Невозмутимо ответила на каверзные вопросы «из зала», а все рассуждения в духе «не заговор ли это змееловов» быстро пресек Аспис одним простым вопросом — а какая роль в заговоре отведена ему? Обвинять целителя язык не повернулся ни у кого, так что на этом обсуждение идеи прекратилось.

Правда, школа гудела от новостей весь день, а поскольку занятия вели те же учителя, на всех уроках из них, конечно, пытались выудить подробности. Предсказуемо интересовали всех два вопроса: как так получилось и что теперь будет со школой. Старшие, как могли, старались успокоить взбудораженных учеников, но пока получалось плохо: требовалось время, чтобы все переварить и принять.

В общем, учеба весь день не ладилась с обеих сторон — и ученикам было не до того, и учителя никак не могли утрясти изменения и понять, кто, кого и чему теперь будет учить. В итоге на это безобразии махнули рукой и просто отменили на сегодня последние два занятия. Завтра предстоял выходной, и, наверное, за оставшееся время они надеялись навести порядок.

Барес решил, что это судьба, и не стал откладывать проведение ритуала на вечер. Все нужное он припас давно, да и подходящую комнату присмотрел — их было несколько в поместье, очищенных от всего лишнего кабинетов разных размеров, предназначенных для проведения практических занятий поодиночке и в группах. Для Торики Бес заботливо принес из соседнего кабинета стул и поставил его чуть в стороне. Девушке при виде этой картины почему-то стало смешно. Наверное, нервное: беспокойство змея передалось и ей.

Кропотливая и долгая подготовка выглядела, с одной стороны, обыденно, а с другой — было в этом что-то зловещее. В том, как ровно ложилась на гладкий белый мрамор пола — интересно, что было в этой комнате раньше? — вязь непонятных значков и запутанных линий, нанесенных специальным угольным карандашом. Издалека казалось, что линии имеют бурый оттенок свернувшейся крови. И отделаться от текущего по спине холодка никак не получалось, пусть Торики умом понимала, что все это видимость, что любой ритуал для любого другого направления магии начинался бы так же — будь то построение портала неопытным магом, еще не способным проделать все нужные манипуляции «на лету», или наполнение силой сложного артефакта, или призыв урагана. Эти полосы и символы — просто основа для силовых линий слишком сложного или слишком мощного для создателя заклинания. Но в сочетании с кровью все это пугало.

А вот Барес, наоборот, сосредоточившись на деле, незаметно для себя полностью успокоился. Недавнее волнение было вполне естественным, но на самом деле молодой змей прекрасно знал, что нужно делать. Стоило сконцентрироваться, и даже усталость после бессонной ночи отступила, вытесненная предвкушением.

На рисунок ушло не меньше получаса, еще столько же — на его проверку и привязку к большой карте мира, разложенной тут же, на полу. Окинув все это внимательным взглядом, Бес решительно вздохнул и подошел к Торики. Опустился перед ней на корточки.

— Заскучала? — улыбнулся напряженно, взял ладони девушки в свои.

— Волнуюсь, — отозвалась она. — Выглядит зловеще, и ты такой сосредоточенный... Все получится! — добавила твердо и, подавшись вперед, осторожно коснулась губами его губ. И тут же отстранилась, пылая красными щеками. Невиданная смелость! До сих пор Торики даже обнимать его первая не решалась, даже наедине.

Бес широко улыбнулся, быстро поцеловал в ответ — гораздо увереннее, чем это вышло у девушки, — и только после этого поднялся.

— Теперь точно получится!

Напитанный силой узор зачаровывал. Баресу некогда было любоваться его красотой, а Тори, наблюдая со стороны, забыла и о своем смущении, и о беспокойстве. Она уже умела видеть магические энергии — да, получалось это пока не всегда, и совсем не получалось со слабыми чарами, но тут, скорее, сложно было не заметить. Сила водной стихии текла искрящимися бирюзовыми потоками по линиям узора на полу, поднималась высокими арками от символа к символу, собиралась в огромный кружевной шар, в центре которого стоял спокойный и сосредоточенный молодой мужчина. И всю комнату пересекали сверху вниз, тускнея к потолку и полу, дымные, широкие, полупрозрачные следы — часть энергетических линий, пронизывающих и питающих собой мир. Уже не страшно, не зловеще, но захватывает дух.

Не стало страшнее даже тогда, когда Бес полоснул себя по руке загодя приготовленным ножом, капли крови упали на рисунок, и энергетический шар обрел пульсирующую багряную сердцевину.

Но Бесу для восхищения и трепета вполне хватало того, что он ощущал. Лежащая под ногами карта вдруг обрела объем и жизнь, словно смотрел змей не на кусок бумаги с высоты собственного роста, а на саму Твердь с макушки небесного купола.

Стоило подумать об этом, и он въяве ощутил давящую прохладу небосвода, почувствовал его легкую дрожь от прикосновений катящегося по поверхности солнца. И вдали, за волнующимся морем, проступило невообразимо огромное змеиное тело, свернутое кольцом. От осознания мощного потока силы, текущего по этому кольцу и, кажется, порождающего те линии, что пронизывали весь мир, вздыбились волосы на затылке.

Потрясенный и до глубины души пораженный этим не то реальным, не то построенным в воображении зрелищем, Барес далеко не сразу собрался и вспомнил, что происходит и зачем все это затевалось. А очнувшись, поспешил потянуть нужную ниточку, пока еще оставались силы.

Разобраться в получившейся картине удалось далеко не сразу. Но в конце концов Бес решил, что несколько тусклых, едва заметных точек на карте, разбросанных по всей Тверди, — это отдаленная родня. Поскольку ни одной яркой точки там не было, Барес предположил, что, кроме Кея, братьев у него больше нет — во всяком случае, в этом мире.

Расстроиться оттого, что мать так и не удалось найти, он не успел, потому что отчетливо ощутил не две, а *три* теплых и ярких точки совсем рядом. Отец и Кергал ощущались похоже, они вдвоем находились где-то совсем близко, буквально за стеной. А вот третья...

В этот момент Барес понял, что сил почти не осталось. Еще немного — и либо в расход пойдет жизненная энергия, либо он просто потеряет сознание. Пришлось спешно сворачивать ритуал.

Перед глазами на мгновение потемнело, навалилась тяжесть. Но почти сразу змей сообразил, что это не от усталости: просто до сих пор, в том странном состоянии *всевидения*, не было ощущений тела.

— Бес? Ты как? — окликнула его Тори, не решаясь переступить странно посеревшие, похожие на пыль нити рисунка.

— Немного не рассчитал силы, но все в порядке, — поспешил заверить он. Подвигал плечами, ощутив, что они затекли, и, на ходу разминая онемевшие руки, шагнул к змейке — просто чтобы ее успокоить.

— Это было... впечатляюще, — облегченно улыбнулась она. — А ты... нашел что-нибудь?

— Найти-то нашел, — вздохнул он. — Но не представляю, что с этой находкой делать и как это вообще возможно. Пойдем поймаем моего отца. Может, он что-нибудь прояснит.

Долго искать Асписа не понадобилось, он обнаружился в соседнем зале для практических занятий, почти таком же, как только что покинутый молодыми змеями. А вот подождать пришлось: по иронии судьбы он проводил тот же ритуал, какой закончил сейчас Барес.

Намного лучше чувствовать себя целитель не стал. Плотно перевязанная правая рука не просто не зажила, но еще и постоянно болела, и это ноющее ощущение не добавляло хорошего настроения.

Сказывалась бессонная ночь, и потраченные на бесплодную попытку вытащить Сверту силы не спешили восстанавливаться в полном объеме. Сейчас бы не проводить сложные ритуалы, а проспать сутки кряду.

Вот только одно дело — не помочь прямо сейчас Нори. Это грустно, обидно и очень неприятно заставлять ее ждать еще месяц, но силы свои Аспис оценивал здраво. Но совсем другое — не выполнить данное Кергалу обещание. Парень едва только выбрался из своей скорлупы, начал верить окружающим, начал общаться и даже дружить... Кто знает, как он воспримет отказ и просьбу подождать? Поймет ли, не посчитает ли обманом? И целитель решил не рисковать доверием сына, а выжать из себя еще немного пользы для окружающих. В конце концов, основную часть сил для ритуала можно позаимствовать из окружающего пространства, а остатки уж как-нибудь наскребет.

Когда хмурый, сосредоточенный Барес и встревоженная его настроением Торика тихо вошли в комнату, ритуал уже был в разгаре. Только в центре начертанной символами фигуры сейчас находились двое — колдующий целитель и со спокойным любопытством озирающийся по сторонам Кель, который совсем не выглядел взволнованным. А чуть в стороне маялась, меряя шагами гладкий пол, Дори.

— А вы что тут делаете? — шепотом спросила она, когда сестра с Бесом приблизилась.

— Мы к отцу, — дернул головой Барес.

— Благословения просить? — захихикала Дорика, пытаясь таким образом избавиться от охватившего ее нервного напряжения. Ее близняшка тут же смущенно вспыхнула и метнула на сестру обиженный взгляд, а Бес невозмутимо ответил:

— Можно подумать, у него найдутся какие-то возражения! Но нет, пока не за этим. — Он выделил голосом «пока» и приобнял Тори, отчего та застеснялась еще больше.

Однако вместо того чтобы отстраниться, спрятала пылающее лицо на плече пария. Потому что это все, конечно, жутко смущало, но... приятно же! И объятия его, и вообще то, что он рядом — такой большой, сильный, теплый и надежный, красивый, добрый и самый замечательный. И мягкая, но недвусмысленная опека, и эта его непрошибаемая уверенность в будущем, причем совместном...

— А вот напрасно! — назидательно сообщила Дори.

— Ты сейчас дошутишься до того, что вас тоже благословят на радостях, — с иронией заметил Бес. — Вам-то по тому же адресу предстоит обращаться.

— Ну нет, мы еще маленькие, — фыркнула змейка, которую, в отличие от сестры, смутить было сложно. — Вот сначала доучимся, и вообще. Это ты у нас взрослый!

За этой бестолковой болтовней они не заметили, что ритуал уже закончился: у Асписа он вышел гораздо короче, чем у сына.

— Ну надо же, какая группа поддержки, — раздался усталый, насмешливый голос старшего змея, что заставило всех остальных умолкнуть и обернуться.

— Ну что? — Тут же посерьезнев, Дорика устремилась навстречу.

— Боюсь, ничем порадовать не могу, — качнул головой Аспис и ободряюще сжал плечо сына. — Больше никаких близких родственников среди живых я не нашел. Увы.

Кель, который все видел сам во время ритуала и, конечно, понял показанную отцом картину, задумчиво хмурился, но особенно подавленным не выглядел. Наверное, где-то в глубине души он всегда знал правду. Может быть, даже помнил — где-то там, за белой пеленой, отделяющей прошлое.

Дори шагнула к парню, поймала его ладонь.

— Ну и ладно. У нас вот вроде есть, а толку? — недовольно проговорила она. — Не расстраивайся!

— Все в порядке, — уголками губ улыбнулся Кергал и сказал вслух то, что думал: — Кажется, я с самого начала это знал.

— Я, собственно, по этому вопросу и пришел, — вставил Бес и рассеянно взъерошил волосы на затылке. — Родственник есть, только с ним все сложно. С ней.

Очень хотелось спать, но вместо этого я прихлебывала крепкий кофе, изучая переданные из

столицы документы. Змеи решили вопрос с похвальной быстротой, и мне уже предоставили бумаги сразу на четырех будущих учителей, до приезда которых оставалось продержаться всего пару дней: прибыть они должны были не из столицы, а из соседнего мира. Конечно, хоть сколько-нибудь полным досье меня никто не обеспечил, там даже изображений не было. Но зато указали возраст, направление и опыт работы, очень краткую биографию в духе «родился там-то, попал в другой мир тогда-то при таких-то обстоятельствах, работал там-то». А еще привели словесные портреты, причем сложилось впечатление, что составлял их какой-то опытный следователь: сухо, емко, кратко, с указанием особых примет и очень знакомыми оборотами.

По всему выходило, что змеи действительно настроены дружелюбно и хотят искупить свой промах: прислать обещали исключительно опытных учителей, психически устойчивых и не помышляющих о мести. Правда, Зарк тоже на первый взгляд казался таким. Надо бы показать эти имена Аспису, вдруг он хоть кого-то знает и сможет добавить пару более достойных доверия слов, чем утверждения незнакомых мне змеев из делегации.

Но это все второстепенно, а пока я занялась перекраиванием расписания под новых коллег, благо их профессиональные качества были указаны более чем подробно. И по всему выходило, что жизнь школы скоро станет похожа на жизнь нормального, полноценного учебного заведения.

Интересно, почему змеи не прислали такую отличную команду сразу, а отделались прежней тройцей? Тоже небось происки заговорщиков. Куда смотрели остальные, конечно, интересно, но вопрос этот стоило задать и королю, который тоже прислал одного Фалина. Или они для начала хотели посмотреть, как вообще уживутся дети и уживутся ли?

Когда в дверь постучали, я все еще возилась с расписанием, но уже была близка к финалу: на третий раз это далось проще, да и учеников у нас не так много, если разобраться, а значит — и классов. Подняв взгляд от исчерканного листа черновика, я рассматривала вошедшую компанию с возрастающим недоумением: близняшки и Аспис с обоими сыновьями, причем все одинаково безуспешно пытались скрыть веселье.

— Это что за процессия? — обратилась я к самому старшему, который вошел последним и прикрыл дверь.

— Это группа морального давления, — непонятно ответил змей, обошел стол и невозмутимо присел на его край рядом с моей правой рукой.

— Аспис? — Я настолько растерялась, что даже не смогла возмутиться. Откинулась на спинку кресла, быстро обвела взглядом рассеившуюся у стола молодежь. — Что происходит?

— Ну, если совсем вкратце, я пришел сообщить, что свадьба назначена через две недели.

— А не рановато ли им? — Я хмуро уставилась на близняшек, но те совершенно не устыдились, только переглянулись заговорщицки и пакостно захихикали. Даже Тори. — Или что, там уже выбора нет?

— Не обижай детей, — фыркнул Аспис. — Они ведут себя исключительно прилично. Откуда только такие мысли?

— Ну, для начала — из истории появления части их на свет, а с наследственностью не поспоришь.

— Хм. Ладно, уела, — обезоруживающе улыбнулся целитель. — Но вообще речь не о них, а о нас с тобой.

— Если ты находишь эту шутку остроумной, то у меня плохие новости! — Дурачество змея начало откровенно раздражать.

— Какие уж шутки! Но согласись, внебрачные дети, тем более двое, — это как-то совсем неприлично для директора школы.

— Дети? — переспросила я, окончательно перестав что-то понимать. — Двое?!

— Ну, Бес родной, а Кель — тоже родной, но через нас. Двое же лучше, чем один, а?

Я опять обвела взглядом молодежь. Девчонки продолжали веселиться, их происходящее приводило в восторг, Кергал весело улыбался, но, скорее, за компанию, и не было похоже, что все это сильно его трогает. А вот Барес смотрел внимательно, напряженно и улыбался несколько виновато и нервно.

— Создатель! — выдохнула я, прикрыв лицо ладонями и пытаюсь хоть чем-то заполнить возникшую в голове сосущую пустоту. Тщетно: мыслей не было вовсе. — И чья была идея сообщить новости вот в такой форме?

— Коллективная, — поспешил Бес перебить готового высказаться отца. — Мы...

— Строго говоря, мы не придумали как, — махнул рукой посерьезневший Аспис. — Решил попробовать пошутить, разрядить обстановку, но... Глупо получилось, согласен. Извини. Наверное, я просто устал, в голове вата.

— У меня теперь тоже, — пробормотала я растерянно.

— Ладно, в таком случае я... попробую исправиться. Идите погуляйте, родителям надо поговорить, — обернувшись, велел он.

— Но... — начала Дори, однако сестра толкнула ее локтем в бок.

— Мы пойдем, — за всех решил Бес.

Я проводила молодого змея напряженным, жадным взглядом, но, к счастью, оглядываться тот не стал. Дверь открылась и закрылась, повисла тишина.

— Прости, — еще раз повiniлся Аспис. — Мы, пока шли, так хорошо все распланировали, идея показалась отличной. Но, похоже, взяли с места в карьер, не надо было это на тебя так вываливать.

— Да уж, это было... неожиданно, — судорожно вздохнула я, поежилась и подняла укоризненный взгляд на змея. — Ты все-таки провел ритуал? Почему не начал с простого?

— Бес сам прекрасно справился, — уголками губ улыбнулся Аспис. Несколько секунд помолчал, собираясь с мыслями и давая возможность собраться мне.

— Если он не стал скрывать, пришел, значит...

— Он не держит зла и настроен подружиться, — без труда понял недосказанное Аспис. — Я вкратце объяснил, как все получилось и что ты не виновата в случившемся. Мне кажется, он принял эту новость с облегчением. Бес действительно очень хотел знать правду. Парню, конечно, как и тебе, нужно привыкнуть, но, по-моему, он даже рад, что это оказалась именно ты.

— Почему? — растерялась я.

— Потому что сбудется его мечта, вполне нормальная для любого найденыша и сироты: настоящая семья. Бес, конечно, уже взрослый, чтобы не слишком нуждаться в материнской заботе и нежности, но мечта ведь не всегда поддается здравому смыслу.

— То есть про свадьбу через две недели ты не шутил? А ты не слишком гонишь коней? Аспис, это...

Пока я говорила, змей поймал мои руки и настойчиво, сильно потянул к себе, заставляя встать. Обнял.

— А какой смысл ждать, Нори? Я уже говорил тебе, что в любом случае не отступлюсь. Чем не повод, согласишься? Я воспитываю твоего ребенка, так что ты, как честная женщина, обязана выйти за меня замуж, — опять развеселился змей.

— Безумие какое-то, — пробормотала я и устало ткнулась лбом в его плечо.

— Просто нам надо наверстать двадцать лет жизни. Не так-то это легко! — В голосе змея звучала теплая, ласковая насмешка. — Нори, пойдем, ну его в Бездну это твое расписание.

— Куда пойдем? — Я запрокинула голову, чтобы взглянуть ему в лицо.

— Ко мне.

— Наверстывать?

— По сути возражений не имею, — улыбнулся целитель, — но ты переоцениваешь мои физические возможности. Наверное, старею, но я предлагаю скучно лечь спать, потому что ни на что больше я сейчас не способен. А вот как начнется утро — это мы с тобой узнаем завтра, по обстоятельствам.

— Иди, конечно, — опомнилась я. — Мне тут...

— Нори, я не просто хочу лечь спать — я хочу лечь спать с тобой.

— Почему ты все время меня перебиваешь? — должно было прозвучать возмущенно, но получилось вяло и тоскливо.

— Не все время, а когда ты пытаешься от меня сбежать. Пойдем. Тебе тоже нужно отдохнуть, это я как целитель говорю.

С минуту мы простояли неподвижно. Змей, высказавшись, никуда не тянул и не торопил, а я в очередной раз пыталась разобраться. В происходящем, в этом мужчине, а особенно — в себе.

Было заманчиво отдаться потоку, позволить Аспису все, что захочет. Но от перемен захватывало дух, было страшно, и все никак не получалось включиться в эту новую жизнь целиком. Я едва смирилась со стремлением змея сблизиться, еще только начала верить, что из этого может получиться что-то хорошее, а тут — опять... И новости о том, что Бес — оказывается, мой сын, и эти нелепые разговоры про свадьбу... Создатель, что вообще взбрело ему в голову?!

— Аспис, я понимаю, почему ты спешишь. Не понимаю, правда, почему спешишь *так*, ну да боги с ним. Но давай без вот этого «свадьба через две недели».

— Погорячился, да? — тихо хмыкнул он. — Самое забавное, я где-то в глубине души понимаю, что веду себя ненормально. Просто несколько... ошалел от радости. Я давно не чувствовал себя таким живым, это пьянит. И до смерти страшно потерять тебя снова.

— То есть не только у меня от этого вихря кружится голова? — спросила я с облегченной улыбкой. Как хорошо, что Аспис услышал и не продолжил упрямо гнуть свою линию...

— Не только, у меня тоже, — понимающе усмехнулся он. — И у Беса, наверное. А вообще, кажется, у всего мира — оттого что война кончилась. Хорошо, что сейчас не весна, иначе вообще сумасшествие было бы. Пойдем. Может, в чем-то я сейчас неадекватен, но про необходимость поспать — серьезен как никогда.

— А спать непременно вместе — это тоже целительское предписание? — с иронией спросила я, но позволила змею утащить себя к выходу.

— Почти. Мне просто очень этого хочется, пользуюсь случаем. Давно мечтал.

— Тогда же, когда хотел свернуть шею?

— Раньше, — коротко дернул головой змей. — Когда мы встречались украдкой и ты спешила удрать, пока не хватились наставники, — несколько мгновений помолчал. — Наверное, это тоже причина...

— Причина чего?

— Хочется обнимать тебя прилюдно, открыто жить вместе, всему миру показать, что ты — моя. Потому что никогда не мог себе этого позволить, а хотелось. Может, ты мне в душу поначалу так запала именно потому, что было нельзя...

— То есть теперь, когда станет можно, выпадут? — вроде бы спросила с иронией, но тут же поняла — ответ на этот вопрос меня всерьез заботит.

— Глупостей не говори, — отмахнулся Аспис.

Мы наконец дошли до его комнаты, и змей, пропустив меня вперед, запер дверь и замкнул магический контур защиты. Хорошей, надежной.

— Мне уже почти страшно, — сообщила со смешком. — Ты собрался держать осаду?

— Нет, я просто не хочу, чтобы кто-нибудь явился и испортил отдых, — хмыкнул он и на ходу стянул рубашку. — Надеюсь, ты не обидишься и не запишешь меня в неряхи, если я пренебрегу водными процедурами? Сил нет совсем.

— А? — Я вздрогнула, встряхнулась и медленно качнула головой, взявшись за пуговицы жилета. — Да ерунда.

Чешуя у мужчины имела не только на лице, серебристо-белый орнамент змеиной кожи покрывал локти, широкой лентой тянулся вдоль позвоночника. До зуда в пальцах захотелось ее коснуться — там, где чеканный узор плавно переходил в светлую тонкую кожу. Мгновение подумав, я решила — а почему нет? Я же здесь, в конце концов, для этого тоже!

Аспис уже успел разуться и распрямился как раз тогда, когда я подошла. Замер, когда мои пальцы медленно двинулись от шеи вниз — частью по чешуе, частью по коже.

— Так странно, — проговорила я тихо. — Никак не могу привыкнуть. Ты вроде бы не изменился, но одновременно — совсем другой. Глаза, перья эти, когти...

— Тебе неприятно? — Змей обернулся, слегка хмурясь.

А я не стала гоняться за его спиной, точно так же осторожно, кончиками пальцев очертила контур лица вдоль мелких чешуек.

— Не знаю... — пробормотала рассеянно. — Нет, конечно нет, — добавила спустя пару секунд, тряхнув головой. — Это необычно, но красиво, и я рада, что змеям больше не нужно прятаться. Просто красиво — со стороны, и у меня никак не получается связать в мыслях этот новый облик с тобой. Закрываю глаза — и вижу тебя того. И во сне... — проговорила совсем тихо, но осеклась.

Наверное, не стоит говорить о том, что во сне он такой, каким я видела его в последний раз, — изможденный, злой, обреченный. Раз за разом исчезающий в языках пламени. Моего пламени.

— Могу убрать. — Аспис улыбнулся уголками губ.

— Нет! — поспешно возразила я. — Так лучше. Просто нужно привыкнуть, ко всему... Что ты делаешь? — спросила озадаченно, когда змей зачем-то поймал кончик моей косы.

— Расплетаю. По ним я тоже соскучился. А ты не отвлекайся! Или мне тебя раздеть? — Улыбка стала лукавой и хищной.

— Кто-то уверял, что способен сейчас только лечь спать? — не удержалась я от улыбки и блаженно прикрыла глаза, когда змей, расплетя косу, запустил мне в волосы обе ладони, одной протягивая пряди сквозь пальцы, а второй — слегка массируя затылок.

— Расстегнуть пару пуговиц я все же сумею. Змеиная кровь!.. — пробормотал Аспис, с шумом втянув ноздрями воздух. — Они даже пахнут так же... Как хорошо, что ты их не остригла. — Голос зазвучал приглушенно, чуть хрипло, и от этого звучания по спине прокатилась волна слабой дрожи, словно змей слегка коснулся туго натянутых струн где-то внутри моего тела.

Ответить я не смогла, почему-то перехватило дыхание. Вместо этого крепко обняла, огладила спину змея от талии вверх, к плечам широко раскрытыми ладонями.

Как и грозился, Аспис в итоге стащил с меня блузку, но на этом его помощь закончилась, дальше уже было удобнее раздеваться самостоятельно. Почему-то никакого стеснения я не чувствовала, хотя тогда, много лет назад, так и не прекратила до конца смущаться — слишком мало времени мы провели вместе, а с тех пор я донага раздевалась только наедине с собой.

— Это... откуда?

В какой-то момент, когда я повернулась спиной, змей поймал за плечо. По коже невесомо пробежали пальцы другой руки, заставляя терять связь с реальностью, и я не сразу поняла, о чем речь.

— Я ведь нарушила закон, спутавшись со змеем и покрывая его, — неопределенно пожалала плечами, сообразив, что он про шрамы. Старые, белые, они много лет уже не доставляли проблем. Пусть змеев-целителей в ордене не было, но алхимики тоже способны на многое. А подышать от воспаления меня не оставили — слишком ценили.

Рука на моем плече сжалась крепче. Пальцы вновь повторили узор линий на спине.

— Не слишком приятное зрелище?

Аспис сначала тихо выругался, потом прижался ко мне со спины, крепко обнял обеими руками.

— Даже думать такое не смей! Ты прекрасна. Просто... жаль, что эту мразь нельзя убить еще раз. Еще *несколько* раз.

Уточнять, кого он имеет в виду, было излишне — и так ясно.

— Пусть его. Зато мы живы, — тихо пробормотала в ответ, наслаждаясь близостью.

Аспис опять едва слышно ругнулся, но тему развивать не стал. Так и повалился на постель, не выпуская меня из объятий, и улегся, прижимаясь сзади.

Хорошо. Спокойно.

И я как-то вдруг поняла, что меня тоже уже не волнует, сколько прошло лет и что заставило нас расстаться. Какая разница, если живем мы сейчас, и в этом «сейчас» совпали так точно, что близость чужого тела совсем не беспокоит, а чувство омерзения, которое вызывали внутри чужие прикосновения, кажется просто нелепым сном.

От быстрого бега сердце колотилось в горле, мешая дышать. Ноги казались неподъемно тяжелыми, норовили подвернуться на каждом шаге, но я продолжала бежать — быстрее, вперед, петляя по узким черным улицам, раскрашенным алыми всполохами. А за мной по пятам, загоняя, текло злое

рыжее пламя.

Огонь стелился по улицам, заполняя их собой. Горели не дома — горел сам воздух, и раскаленный вал с острым сухим треском катился по пятам, обдавая удушливо-жарким дыханием спину.

Я знала, чем это кончится, но продолжала бежать, на что-то еще надеясь. Отчаянно хотелось жить, и я не могла заставить себя остановиться и встретить опасность лицом к лицу: вперед гнал древний, животный страх.

В стену в конце короткого тупика я влетела с разгона и не почувствовала боли. Вжалась в нее и зажмурилась плотнее, ожидая, пока огонь лизнет спину.

А стена вдруг обняла прохладой, отгораживая от яростно ревущего пламени.

— Чшш, все хорошо, это просто сон, — ласково прошептала темнота.

Виска нежно коснулись губы, спину огладила твердая ладонь, и я провалилась в сон снова, на этот раз — без сновидений.

Пробуждение оказалось настолько приятным, насколько это вообще возможно: из объятий сна меня выманили запахи. Терпкий и горький — кофе, щекочущий небо предвкушением — яичницы с жареными колбасками. Еще до того как окончательно проснуться, я почувствовала, что голодна как Бездна, и только потом открыла глаза.

Где нахожусь — поняла не сразу, на это понадобилось несколько секунд. Поначалу удивилась вкусным запахам, а потом обнаружила полулежащего поверх одеяла Асписа, который наблюдал за мной с ироничной улыбкой.

— Ага, значит, со способом пробуждения я угадал, — весело заметил он и подался вперед, чтобы вжать меня в матрас и сладко, долго поцеловать. — Завтрак на столе.

— Кофе в постель? — насмешливо уточнила я.

— Могу вылить, — засмеялся змей. — Но вряд ли тебе это понравится. Нет, я понимаю, о чем ты, не надо на меня так смотреть. Но мне кажется, за столом удобнее завтракать, разве нет?

— Согласна, еще и умывшись предварительно.

— Ванная там.

Он еще раз коротко меня поцеловал и упал навзничь, позволяя выбраться из-под одеяла. Только теперь я обратила внимание, что змей полностью одет.

Впрочем, чему тут удивляться! Как бы иначе он добыл завтрак?

Сама я набросила блузку и босыми ногами прошлепала в указанном направлении. Странно, но смущение не появилось и теперь, словно я одна в комнате. Не захотелось прикрыться, надеть штаны.

Впрочем, нет, с одиночеством это было глупо сравнивать. Потому что сейчас, под пристальным взглядом мужчины, просыпались и совсем иные чувства. Знакомые, но стертые и приглушенные временем, которые, но странной прихоти судьбы, будил во мне только он.

От умывания прохладной водой в привычно тяжелой после долгого сна голове прояснилось. Например, вспомнились ночной кошмар и его финал. Не вызвало сомнений, что — или, вернее, кто, — послужило причиной столь неожиданного конца сновидения. И такой конец понравился мне несравнимо больше привычного.

А еще было странно и даже немного обидно: почему-то казалось, что разбудит меня Аспис... иначе. И, Змея меня сожри, я вчера прекрасно понимала это и уж конечно знала, чем закончится совместная ночевка. Но... Неужели змей настолько дотошно решил выполнить мою просьбу «не спешить»? Мелькнувшую тревожную мысль, что Аспис мог вообще передумать развивать отношения, я решительно отбросила. Страхи страхами, но не нужно ударяться в настолько уж дикие фантазии. Не за одну же ночь он передумал в самом деле! Да и не стал бы он меня в таком случае кормить завтраком и целовать.

В итоге из ванной я вышла немного напряженная и заинтригованная. Совершенно озадачило и то обстоятельство, что завтрак был накрыт на одного.

— А ты? — растерянно спросила я.

— А я уже, — улыбнулся змей, сидящий в кресле напротив, — их было два возле изящного круглого

столика. — В отличие от тебя я завтрак не проспал.

— Я... что? — пораженно уставилась на змея. — А сколько времени?!

— Уже к полудню.

— Создатель! Надо было меня раньше разбудить!

— Зачем? — слегка пожал плечами Аспис. — Ничто не горит, никто не умирает, и нет никакого смысла куда-то срочно бежать и всех спасать.

— Но сколько можно дрыхнуть?

— Сколько нужно. И это я тебе опять же как целитель говорю. — Тон его стал очень строгим, змей примерно так же командовал мной, когда оперировал Мангира. Потом он, похоже, опомнился и смягчился: — Нори, ты очень измотана. Постоянные кошмары — это не просто дурные сны, проснулся и забыл, а серьезная проблема. Ну а систематическое недосыпание тем более не полезно, оно истощает. Не веришь мне — внимательно посмотри в зеркало. Я тебя и сейчас-то разбудил только для того, чтобы нормально накормить, потому что есть тебе тоже надо.

— Боги, с кем я связалась! — вздохнула я.

— Правильно, их стоит за это поблагодарить, — невозмутимо кивнул змей, уткнулся в какую-то книгу — наверное, чтобы не отвлекать, и велел: — Ешь.

Я не заставила уговаривать себя дольше, за завтрак принялась решительно и разделалась с ним минут за пять, благо все остыло. Только кофе заглатывать не стала, предпочла растянуть удовольствие.

Аспис, будто почувствовав мой взгляд, отвлекся от чтения.

— Ну хоть с аппетитом проблем нет, — улыбнулся он.

— И никогда не было, — хмыкнула я. — Ладно, и что дальше? Пропишешь постельный режим и питание по часам?

— Заманчиво, — хищно сощурился он. — В конце концов, сегодня выходной или нет?

— Выходной сегодня у детей, а нам надо...

— Нори, ты стала ужасной занудной, — тихо засмеялся змей. Поднялся, наклонившись вперед, поймал мою руку за запястье и потянул. — Иди ко мне.

Сердце подпрыгнуло к горлу, а внизу живота в мгновение собрался теплый клубок предвкушения.

Аспис привлек меня в объятия, поцеловал — вдумчиво, изучающе, обещая, что это только начало.

— Мне нравится идея про постельный режим на весь день, — повторил он свою мысль, мягко, но настойчиво тесня меня к кровати. — Надеюсь, ты не собираешься удрать именно сейчас?

— И остаться без десерта? — улыбнулась я в ответ. — Вот еще! Ты чего? — спросила, потому что в этот момент змей вдруг замер, разглядывая меня с непонятым выражением лица.

Он медленно качнул головой, потом все же пояснил:

— Знаешь, я хоть и надеялся, что это временно, но все равно боялся, что больше ее не увижу.

— Кого?

— Твою улыбку. Вот эту, легкую и яркую. Я ведь в нее сначала влюбился и только потом — во все остальное. — Аспис кривовато улыбнулся, но как-то ответить на это признание не дал, поцеловал снова — жадно, напористо, тут же потянул наверх мою блузку.

Вдруг стало совсем не до разговоров, да и посторонним мыслям вскоре не осталось места. Мы целовались, ласкали друг друга — то исступленно и почти зло, словно мстя за прошедшие годы, то осторожно и трепетно, знакомясь вновь и позволяя телам вспомнить.

Если целовать его ключицы, а потом слегка прикусить тонкую кожу на горле, можно услышать тихий хриплый стон. И после этого какое-то время невозможно делать хоть что-то еще, потому что Аспис опрокидывает меня на постель, прижимает к ней руки и целует почти с отчаянием, долго, жадно, пока хватает дыхания.

Когда его ладони — твердые, шершавые — плавно и медленно скользят с моей груди вниз, по бокам

к талии, словно пытаюсь обхватить разом все тело, в голове и груди появляется звенящая легкость, и я выгибаюсь навстречу его губам, начинающим дорожку из поцелуев у солнечного сплетения.

Если сжать его локти, с силой провести вверх к плечам, наслаждаясь ощущением упругой твердости мышц, можно увидеть сверкнувшую в ярких глазах насмешливую улыбку. Мне всегда нравилось чувствовать, сколько в этих руках силы и какой ласковой она может быть, а его всегда забавляла эта мелочь.

Когда огня внутри становится столько, что одной уже невозможно с этим справиться, мои пальцы с силой впиваются в его плечи или бедра и с губ срывается не оформленная в слова мольба. Но змей, конечно, понимает, и... Создатель, какие у него делаются в это мгновение глаза! Жажда и нежность, удовольствие и предвкушение, восхищение — в темной глубине расширенных зрачков.

Больше нет одиночества, нет страхов и сомнений, только одно на двоих наслаждение и счастье обретения. И если для того, чтобы все-таки быть вместе, действительно надо было пройти через все эти годы... Кажется, я уже ни о чем не жалею.

А потом мы лежали на сбитой постели и жались друг к другу, словно от холода, хотя кожа еще блестела от пота, а дыхание все никак не удавалось восстановить.

— Так странно... — пробормотала я.

— Опять? — иронично хмыкнул змей.

— Постоянно, — возразила со смешком. — Странно оглядываться назад и понимать, какой была жизнь все эти годы. Как будто я лежала в сундуке со стазисом, но почему-то могла считать время. А сейчас оказывается, что мир совсем другой. Ощущения, вкус, краски...

— Хорошее определение, — задумчиво похвалил Аспис. — Очень меткое.

Конечно, весь день провести в кровати мы не смогли. Это только поначалу кажется заманчивым, и некоторое время удовольствие от близости затмевало реальность, но потом она осторожно постучалась в дверь — фигурально выражаясь. Незаметно завязался разговор о школе, я начала расспрашивать о тех змеях, которые должны были вскоре прибыть, потом мы начали обсуждать учебу и старших учеников, кто из них чем занимается и кому надо на что поднажать... В общем, через три часа мы, приняв душ, одетые и собранные, шли на обед.

И это тоже было странно. Нет, конечно, не то обстоятельство, что мы выбрались из постели или вообще вернулись в действительность, странными были ощущения. Вроде бы та же школа, те же коридоры, те же ученики, но словно кто-то смахнул с окружающего мира толстый слой пыли и заодно снял с моих плеч почти неподъемную тяжесть. Кроме шуток, я действительно ощущала, что дышится легче, а плечи расправляются сами собой, словно до этого я ходила сгорбившись, невзирая на выработанную в ордене безупречную выправку.

Ученики здоровались и поглядывали на нас с любопытством — не знаю уж, сказалось ли внутреннее состояние на внешнем облике и у нас на лице было написано что-то такое, или для удивления хватало моих расплетенных — впервые не то что за дни в школе, за годы! — волос. Я хотела собрать их в привычную косу, но Аспис столь проникновенно попросил оставить все как есть, что не поднялась рука.

В столовой за учительским столом нашлись только хмурый Фалин и Ежина, которая как могла развлекала рыжего. На мой взгляд, идея была неудачной и стоило бы оставить коллегу в покое. Он взрослый мужчина, а не пылкий юнец, способный свести счеты с жизнью по такому поводу. Однако лезть со своими советами не стала, только кивнула им приветственно и вместе с Асписом уселась с другой стороны стола, причем мужчина оказался спиной к залу.

— О чем ты задумалась с таким хмурым видом? — насторожился змей.

— О Бесе, — ответила честно. — Я не представляю, как с ним быть. Я хотела найти сына и рада, что с ним все хорошо, но... Мои представления об этом и мечты заканчивались на том, что я найду его и он не будет держать на меня зла. Но он уже большой мальчик, считай — взрослый мужчина. Зачем ему какая-то посторонняя женщина, пусть и родня по крови?

— Насколько понимаю, вы с ним в одинаковом положении, — ободряюще улыбнулся Аспис. — Барес очень хотел найти мать, но, по-моему, сейчас испытывает те же затруднения. Он мечтал найти, а вот что с ней делать дальше — не задумывался. Мне кажется, сейчас уже ты торопишь события: Все наладится. — Он ободряюще накрыл мою ладонь своей.

— Наверное. — Я неопределенно пожала плечами и улыбнулась. — Только я ничего не тороплю, я просто отвечаю на твой вопрос.

После обеда мы устроились в кабинете и, как ни странно, были в основном заняты делом. Аспис помог прибраться, снял пару разбитых дверей со шкафов, а больше мебель не пострадала. Мы расставили книги, разобрали бумаги, потом привели в порядок мои наброски будущего расписания. Было в этом особенное удовольствие — делать что-то вместе. Обсуждать, прижимаясь плечом к плечу, соприкасаться руками, обниматься, изредка отвлекаться на поцелуи... И уже казалось, что так было всегда, что вместе мы провели полжизни, а расставание было просто одним затянувшимся и пугающе правдивым ночным кошмаром, который утро изгладило из памяти.

А вот ближе к ужину ждал сюрприз: защита Стрелолоиста сообщила, что на подъездной дороге стоит извозчик и просит дозволения проехать на территорию. Я разрешила.

— Ты чего? — уточнил змей, когда я отодвинула документы.

— Кто-то приехал. Шесть человек или змеев, включая, видимо, извозчика. Надо проверить. Могли наши будущие коллеги прибыть раньше?

— Почему нет? — пожал плечами Аспис. — Пойдем, мне тоже интересно.

— Замерзнешь, — протянула я с укором.

— Ну ты же меня погреешь? — широко улыбнулся змей, и я только махнула рукой. Куда денусь!

На улице опять снежило, но в этот раз — мелкой искристой пылью. Ветер дул, но нас от него защищало здание, а вот наверху вились и свистели белые вихри.

В этих краях вообще занятная погода. Теплое длинное лето, мягкая осень, а потом вдруг — короткая, вьюжистая и снежная зима, укрывающая толстенным одеялом не только горы, но и всю Твердь до самой воды. Лютых морозов не бывает, но ветры дуют такие, что лишний раз нос из дома не высунешь. Зимой почти не выходят на воду, корабли предпочитают переждать пору штормов: затишья редки и слишком коварны, чтобы рисковать.

А весна — долгая, мягкая и неторопливая. Снег тает, напитывает землю, и до следующей зимы приходит тепло, приносит обильные урожаи, которых за год успевают собрать два, а иногда и три. Благодатный край. Сонный, уютный.

Здесь, на крыльце, уже поджидал Мрон Таврик. С нами он поздоровался скупым кивком и продолжил наблюдать за приезжими.

Из большой крытой повозки, которую тянули две крепких мохноногих лошади, выгружались люди. Точнее, змеи: я узнала двоих из них, наиболее приметных, по словесному портрету. Долговязого, похожего на журавля мужчину с угольно-черными волосами и юркую, подвижную молодую женщину с двумя медными косами.

Странность состояла в том, что пришлых змеев было пять. Вопросы вызывал старик, который точно не значился в списке. Кажется, он прошел уже шестую, последнюю линьку, за которой следовало угасание. Но, видимо, прошел недавно, потому что был весьма бодр и еще крепок.

— Змеиная кровь! — с непонятной усталостью в голосе ругнулся Аспис. Он стоял рядом, укрытый от холода пологом моих чар, едва заметным по дрожанию воздуха вокруг. — А его-то зачем сюда принесло?

— Все плохо? — любопытствовала я, не спеша, впрочем, беспокоиться.

— А Змея знает! Зависит от цели визита. Просто это мой отец, — ошаршил змей.

— Ты не рад его видеть? — уточнила на всякий случай. А то отношения в семьях бывают разные, достаточно вспомнить Мангира с близняшками.

— Зависит от цели визита, — со смешком повторил Аспис. — Мы не враждуем, если ты об этом. Но он при желании может кому угодно испортить если не жизнь, то настроение точно. Тяжелый характер.

За это время змеи достали свои вещи, кто-то из них расплатился с возницей, и тот прикрикнул на лошадей, тронул поводья. Основную часть багажа подхватили двое младших мужчин, женщины взяли какую-то мелочовку и пару пухлых, но явно легких свертков. Свой небольшой чемодан старик нес сам.

Пока здоровались, настороженно смотрели друг на друга. Аспис сохранял невозмутимость и приставать к отцу с расспросами не спешил, я тоже делала вид, что все нормально. Прошли в дом, в тепло, обменялись там положенными вежливыми фразами. Я высказала радость оттого, что змеи сумели прибыть раньше, они вежливо заверили, что просто не могли бросить детей в беде. Дальше

Мрон вызвался проводить всех в комнаты, никто возражать не стал.

Аспис последовал за ними, наверное желая все-таки поговорить с отцом, а я предпочла вернуться в кабинет. Змею расставание явно не слишком-то понравилось, но возражать он не стал и с благословляющим легким поцелуем отпустил.

Глава 14

СЧАСТЬЕ НА ЛАДОНИ

— Нет, ну как же это все-таки здорово! — с умильным видом вздохнула Дорика, когда вся компания сидела за столом в обед.

— Что именно? — озадачилась ее сестра, которой в этот момент было не до окружающего мира: Барес помогал разобраться с заклинанием пузыря — простейшими защитными чарами магии воды, которые могли укрыть от дождя. С них обычно начиналось обучение, и Торике они пока не давались совсем.

— Ты вообще по сторонам не смотришь, что ли? — фыркнула Дори. — Ты глянь, какая сегодня Нори!

— А какая? — заинтересовались уже даже парни.

— Ну... прическу поменяла, ей так хорошо, — осторожно заметил Мангир, покосившись на учительский стол.

— Мужчины! — Дори со страданием в голосе закатила глаза. — Счаст-ли-вая она! Прическа... Ну неужели не видно, а? Они же так друг на друга смотрят! Тьфу!.. — махнула она рукой, когда парни только выразительно пожали плечами и скорчили недоуменные гримасы. — Какие вы все-таки невнимательные. А еще здорово, что она оказалась вашей мамой. Ну то есть мамой Беса, но можно считать, что вашей. А когда мы закончим учебу и поженимся, то и нашей будет! Здорово же, ну?

— Дори! — Ее близняшка, вспыхнув от смущения, попыталась призвать сестру к порядку. — Может, давай мы сначала доучимся?!

— Ой, да что тут осталось!.. — легкомысленно отмахнулась та.

— То есть «пузырь» у тебя уже получается легко и непринужденно? — с иронией спросил Мангир.

— Ты зануда, — вздохнула Дорика. Но тему продолжать не стала, потому что проблема у сестер была общей.

После обеда все привычно обосновались в комнате парней — там было просторно и вполне уютно. Даже Кергалу было там на удивление хорошо, хотя, как оказалось, просторные помещения он не любит: когда взамен прежней комнаты ему выделили совсем крошечную каморку без окна, куда едва влезли кровать и стол, молодой змей почувствовал себя в ней прекрасно. Впрочем, скорее всего, дело было в том, что в собственной комнате Кель спал, а здесь — бодрствовал.

Но вскоре ряды их поредели: Рагрору быстро надоело «тратить лучшие годы на зубрежку», и он отправился на поиски развлечений, подбив на это Лейма, который не очень-то и сопротивлялся. Неожиданно, кажется, даже для самого себя с ними отправился Мангир, и в комнате осталось четверо.

За болтовней и уроками время до вечера прошло быстро. Благодаря присутствию Беса, который все это уже проходил, остальным было проще — есть у кого спросить совета. А Барес в помощи не особенно и нуждался, для обучения ему вполне хватало книг. Иногда только возникали вопросы, требовавшие помощи старших, но далеко не на все из них могли ответить имевшиеся в школе учителя — другая специализация. Поэтому приходилось вгрызаться в учебники с особенным упорством, обращаться к дополнительной литературе и тоже разбираться самостоятельно.

Здесь их вечером и нашел нежданно нагрянувший старший родственник в сопровождении не очень-то довольного такой радостью Асписа.

— Дед? — искренне удивился и обрадовался гостю Бес. — Привет! Ты какими судьбами?

— Привет-привет, — усмехнулся тот, обнимая внука. Притихших девушек окинул цепким, но вроде бы одобрительным взглядом, улыбнулся и второму внуку: — Иди и ты сюда. Ишь, похож-то как, тоже наша порода!

Кергал от объятий уклоняться не стал.

— Хорошо, что ты все-таки приехал, — сказал он.

— Все-таки? — озадачился Аспис. — То есть он был в курсе?

Кель виновато опустил глаза, но продолжил улыбаться, а Витол насмешливо хмыкнул.

— Мальчишка до меня по шумке достучался. Сообразительный — жуть, даже странно, в кого. — Он

бросил ехидный взгляд на сына. — Интересно ему было. Очень уж, говорит, похожи.

— Погоди, по шумке?! — еще больше растерялся целитель. — Кель, а где ты ее взял?

— У Зарка. — Тот пожал плечами. — Ему-то она не нужна.

— И сейчас она где?.. — спросил Аспис осторожно.

— В комнате, — также спокойно отозвался молодой змей. — А что?

— Да уже ничего. — Целитель со смешком махнул рукой. — Ты очень удачно ее стянул. То есть одолжил. Вовремя. Значит, в гости тебя позвал Кель? — обратился он к отцу.

— От тебя-то разве дождешься! А парню моя помощь кстати придется. Да и вообще у вас тут такой бардак — Змея знает что происходит! Надо же было поставить над школой мало того бабу, так еще и змеелова! Я им сразу говорил: ничего хорошего не выйдет...

Барес озадаченно нахмурился, Аспис устало вздохнул и явно вознамерился возразить, но не успел.

— Не смейте так говорить про Норика! — резко поднялась с места Дори.

— Это еще почему, милое дитя? — с иронией спросил Витол. И девушка совершенно вскипела.

— Потому что это ее и наша школа! А всяких *пресмыкающихся* сюда никто не звал!

Кергал, совершенно не понимающий, что происходит и почему девушка вдруг так вспыхнула, осторожно поймал ее за локоть, пытаясь привлечь внимание. Напрасно. Когда это получилось, ничего хорошего не вышло, Дорика вырвала руку и прошипела уже ему:

— Вот ты его позвал, с ним и обнимайся! — рывком захлопнув тетрадь и подхватив сумку, она выбежала прочь, не обратив внимания на оклик сестры, и громко хлопнула дверью.

— Я пойду догоню ее. — Тори виновато улыбнулась Аспису, избегая смотреть на его отца, торопливо собрала вещи и, быстро клюнув Беса губами в щеку, тоже убежала.

В комнате повисла тишина.

— Прекрасно, — устало вздохнул белый змей. — Ты сюда за этим пришел?

— Попытаться навести порядок? — желчно усмехнулся Витол. — Разумеется. Дисциплинка...

— Тогда лучше уходи прямо сейчас. Этим детям нужны знания и спокойная жизнь, а не твоё брюзжание. А Норика... Она мать Беса и женщина, которую я люблю. Тебе лучше поскорее свыкнуться с этой мыслью.

— Тебе что, мало было змееловов в жизни? — почти сплюнул старик.

— Змееловов больше нет. И к этому тебе тоже стоит привыкнуть, — спокойно возразил Аспис. — Спасибо, Витол, я оценил попытку принять участие в моей жизни и жизни парней, можешь заканчивать. Нет, в самом деле, твоё беспокойство понятно, и Келю твоя помощь как специалиста пригодится. Как целитель, ты можешь помочь и остальным детям, кое у кого из них есть проблемы, пусть и не такие выраженные. Но и только. Я не хочу тебя выгонять, но прежние ошибки повторять не буду. Если ты станешь упорствовать и вести себя в том же духе, я не постесняюсь применить силу, чтобы выставить тебя прочь.

Несколько мгновений они стояли друг против друга. Молодые змеи в разборки старших не лезли, Кель вообще смотрел на них почти испуганно, не понимая происходящего. А Барес удрученно хмурился, почти в точности копируя гримасу отца, и сейчас любой сторонний наблюдатель легко заметил бы, как эти двое похожи.

— Старика на улицу выкинешь? Отца? — усмехнулся Витол.

— Нет. А вот хама, который полезет не в свое дело, — легко.

— Я тебя услышал, — хмыкнул старший змей. — Пойду найду этого... как его? Мрон, что ли? Устал что-то с дороги, отдохну. Кель, с тобой утром поговорим, хорошо?

Змееныш кивнул, напряженно следя за старшими. Когда дверь закрылась за спиной Витола, облегченно выдохнули все трое.

— Почему?.. — вопросительно уставился Кергал на отца, напряженно хмурясь. Что именно «почему», он вот так с ходу сформулировать не сумел, но этого и не требовалось.

— Витол — сложный и неуживчивый змей, — медленно, подбирая слова, проговорил Аспис. — Он все пытается сейчас наверстать то, что упустил в моем детстве. Занятый пациентами и своей работой, на меня он почти не обращал внимания, растила меня мать. Потом она умерла, и для Витола боль потери оказалась очень неожиданным и сильным ударом. А тут еще эпидемия, война... В общем, он попытался сблизиться со мной, но получилось плохо. Мне тогда было примерно как вам сейчас, только характер другой, вспыльчивый и упрямый... ну почти как отец, да, только более горячий. Конечно, мы разругались, наговорили друг другу много всякого и несколько лет не виделись вовсе. Потом уже помирились, когда я с Бесом перебрался туда, к водяным. Только годы Витола не смягчили, Бес вон не даст соврать. Но зато я немного поумнел и теперь хоть понимаю, что он это не со зла, а просто заботу по-другому выражать не умеет.

— С дедом проще всего молча слушать, а потом делать по-своему. — Барес со смешком поделился жизненным опытом.

— Тактика хорошая, но у меня не всегда получается. — Аспис выразительно развел руками. — Вообще поразительно, как такой талантливый и даже почти гениальный мозгоправ, знаток душ, может иметь столько проблем в общении с окружающими. Наверное, правильно говорят, что у тех, кто долго работает с душевнобольными, тоже свои болезни проявляются. — Он покрутил рукой у виска.

— И что теперь? — Нельзя сказать, что Кергал понял все до последнего слова, но главное усвоил и немного успокоился.

— Да все будет нормально, не волнуйся. Он остынет и потихоньку привыкнет.

— А Дори? — грустно нахмурился Кель.

— Дори тоже остынет, — ободряюще улыбнулся старший змей. — Просто извинись перед ней завтра за деда. Она не на тебя разозлилась — на него.

— Извиниться? — Кергал вопросительно выгнул брови. — Но я же ничего не сделал...

Аспис с Баресом переглянулись и одинаково рассмеялись.

— Все равно извинись, — фыркнул Бес. — С девушкой это никогда не будет лишним.

— Почему?

— Потому что девушки — существа эмоциональные и чувствительные, — терпеливо объяснил Аспис. — Сейчас она расстроена и обижена, причем на тебя тоже, хотя ты просто сидел рядом. Тут извинения будут... В общем, если ты извинишься — это будет значить, что ты сожалеешь, что ей было грустно и обидно. Ты же сожалеешь? Ну вот. А просьба прощения — это такой способ сказать приятное и успокоить.

— Это сложно, — поморщившись, вздохнул Кергал.

— Ну... добро пожаловать во взрослую жизнь! — опять засмеялся Аспис.

— Да, па, раз ты здесь! — опомнился Барес и заодно постарался перевести тему. — Я тут думал над поиском по мертвой крови, и есть у меня одна идея. Только мне кажется, я просто чего-то не понимаю и не учитываю, а то уж слишком просто все выходит...

Когда в дверь кабинета постучали, я в первый момент удивилась — все-таки ждала я только Асгшса, а он вряд ли стал бы утруждать себя подобным. Но тут же вспомнила, что в школу прибыло несколько новых змеев и им наверняка что-то от меня понадобится. Поэтому, когда дверь открывалась, ждала именно их. Когда в кабинет шагнул хмурый и сосредоточенный Витол Чарит, чутье подсказало, что пришел он решать совсем не рабочие вопросы.

— Еще раз добрый вечер. Чем могу помочь? — проявила я вежливость.

Но змей молча подошел к моему столу, уселся в кресло напротив и вперил в меня тяжелый, колющий взгляд. Я торопиться не стала, молча разглядывала его в ответ — первый раз в сознательном возрасте видела пожилого змея. После пятой, а уж тем более шестой линьки они не умеют полностью восстанавливать человеческий облик, поэтому во время охоты на змеев им было сложно спрятаться. И сил у стариков, конечно, меньше — физических, и магические потоки «деревенеют», сложные или мощные чары даются с большим трудом. Боевые в том числе.

Глаза у Витола были уже совершенно змеиные, желтые, с тонкой пленочкой третьего века в дополнение к обычному. Узор желто-коричневой, песчаного цвета чешуи покрывал лоб, виски,

нижнюю челюсть; брови целиком состояли из мелких золотисто-коричневых перышек. Светлые, совсем как у Келя, коротко подстриженные волосы кое-где серебрились — поседел он своеобразно, не целиком и неравномерно. Среднего роста, сухой и жилистый, одет неприметно и удобно — высокие ботинки, плотные темные штаны, серый свитер с геометрическим узором.

Если немного отрешиться от цвета и большего проявления во внешности змеиных черт, несложно заметить семейное сходство — и с сыном, и с обоими внуками. Но больше всего — с Кергалом, тот оказался почти копией деда.

— Вот ты, значит, какая, — нарушил молчание змей. — Ну, Аспис себе не изменяет — хороша. А если еще подкрасить и приодеть — то вообще ух какая! Неудивительно, что клюнул.

— Вы пришли предложить мне услуги портного и парикмахера? — вежливо удивилась я, хотя уже стало понятно: пришел он ругаться. — Благодарю, но меня и так все устраивает.

— Ах да, госпоже змеелову форма привычнее, — ухмыльнулся старик.

— В ней определенно удобнее, но так тоже неплохо. — Я пожала плечами. — Давайте уже к делу. Вы зачем пришли? Не обсудить же мои предпочтения в одежде, верно?

— Что тебе нужно от Асписа? — кажется, предложение говорить прямо змей принял с некоторым облегчением. — Мало ему вашей братии, недостаточно крови попортили?

— При всем моем уважении, это наше с Асписом дело — что и кому из нас от кого надо, — ровно отозвалась я.

Претензии и тон старого змея, как ни странно, совершенно не раздражали, даже немного забавляли. Однако какие новые и необычные ощущения... Конечно, никакого разнообразия в моей личной жизни никогда не было, и про опыт вообще говорить глупо, но что-то подсказывает: отец жениха, закатывающий невесте истерику, — это не совсем по канонам.

— Твое-то твое, но лечить его потом мне!

— А вам приходилось его лечить? — Я нахмурилась. Однако это новость, о таком Аспис не упоминал. Впрочем, о чем я, не стал бы он мне жаловаться!

— Так он и дался, — скривился змей. — Да только наблюдать за этим живым трупом тоже то еще удовольствие!

Я мгновение помолчала, оценивая сказанное. Да, наше с Асписом расставание ударило по обоим, и наверняка змей не так уж легко его пережил. Вот только...

— При всем моем уважении, господин Чарит, вы явно сгущаете краски или недооцениваете сына, — задумчиво качнула я головой. — Живым трупом он не был даже после допроса у Великого Змеелова. Тот, кто не хочет жить, не бежит от смерти.

— Так это была ты! — вдруг резко подался он вперед, а взгляд полыхнул ненавистью. — Та девка, которая его предала! Добить захотелось? — Он приподнялся с места. — Оставь его в покое, ты...

— Успокойтесь, господин Чарит! — осадила его резким окриком. Тон за годы практики был отработан на курсантах, сработал и тут. Змей неожиданно для себя самого запнулся, во взгляде мелькнула растерянность, но ее почти сразу вновь смыла злоба. — Я понимаю ваше беспокойство как отца, но могу только посочувствовать. Даже если бы я хотела прекратить отношения с вашим сыном, есть еще его мнение на этот счет, которое он высказал весьма однозначно. И вам не кажется нелепым пытаться уберечь взрослого мужчину от вероятной душевной травмы в будущем, нанеся ту же самую травму сейчас?

— Еще скажи, что тебя заботит его душа! Подстраховаться захотела, отмываться от крови! — процедил он, но на место сел. — Сколько я повидал тех, кто прошел через ваши руки!..

— Мне жаль, — ответила ровно и вполне искренне. — Но прошлое и будущее — в ведении Долгой Змеи, если вы желаете что-то изменить — обращайтесь непосредственно к ней. Что до крови на моих руках — отвечать за все это я буду не перед вами и не здесь, а там, — я показала глазами вверх, — у Создателя на суде.

Змей устало выругался себе под нос, прикрыл глаза, потер когтистыми пальцами виски. Кожа рук у него почти полностью была змеиной, только на ладонях узор тусклый и едва заметный — кажется, там она тоньше и мягче.

Я тоже помолчала, потом проговорила ровно:

— Мне кажется, этот разговор зашел в тупик. Давайте попробуем подытожить сказанное.

Оправдываться за прошлое и просить прощения не стану, перед вами лично я ни в чем не виновата. Я не откажусь, как бы вам этого ни хотелось, ни от Асписа, ни от Беса. Ни от Келя, если он этого захочет.

— Зачем они тебе? — почти выплюнул старик.

— Какая разница, если вы уже ответили себе на этот вопрос, а меня просто не услышите? — я пожала плечами.

— А ты попробуй.

— Я люблю Асписа и полжизни мечтала только о том, чтобы наш сын оказался жив, даже когда считала ребенка мертвым. Но я же чудовище и лицемерная тварь и не могу просто хотеть семью, правда? — Я не удержалась от улыбки.

И сама удивилась, как легко дались эти слова, как приятно было сказать это вслух.

Да, люблю. Каким бы неправдоподобным безумием это ни казалось спустя все годы, обиды и тоску. Несмотря на то что считала погибшим, по-прежнему люблю и, наверное, любила всегда, так и не поверив до конца ни в предательство, ни в смерть.

Да, мой сын. Пусть ни он, ни я пока в это до конца не поверили, но никуда нам от этого открытия не деться. И мы обязательно научимся быть ближе и наверняка подружимся. Время упущено, и, конечно, как бы ни хотелось, по-настоящему родными мы вряд ли станем, но видеть его, знать, что он жив и счастлив, — уже прекрасно.

Да, семья. Теплое, полузабытое слово. То, чего у меня не было большую часть жизни. То, о чем я никогда не решилась бы даже мечтать.

Отказаться от всего этого по прихоти незнакомого старика? Ни за что. Один старик уже испортил мне половину жизни, второму я этого не позволю.

Ответить и вообще как-то отреагировать на эти слова собеседник не успел: дверь распахнулась, и на пороге появился Аспис.

— И почему я совсем не удивлен? — нахмурился он. — Нори, что бы он ни...

— Все в порядке. — Я с усмешкой оборвала белого змея. — Мы мирно обсудили школьные дела.

— И почему я тебе не верю? — качнул головой Аспис, но недовольная складка на лбу разгладилась, и вообще он заметно расслабился. — И что же вы обсудили?

— Твой отец интересовался, чем может помочь ученикам. Мне кажется, такой опытный целитель, да еще и специалист по разуму, лишним не будет, но пока сложно поставить конкретные задачи. Кроме того, есть ощущение, что растрачивать его время на наши проблемы — это как иором орехи колоть. Даже Кель уже вполне идет на поправку без более серьезных мер. Но господин Чарит обещал обдумать все до завтра.

— Да, — кашлянул тот, не сводя с меня взгляда. Уже не злого, но какого — непонятно. — До завтра.

— Доброй ночи, господин Чарит, — кивнула я.

Под напряженным взглядом сына старший змей вышел, аккуратно прикрыл за собой дверь. Только после этого Аспис окончательно успокоился, подошел ко мне и присел на край стола.

— Ругаться приходил? — спросил понимающе. Я только развела руками: опять врать не хотелось, но и ябедничать по таким пустякам — тоже. Но змей истолковал все правильно. — Да можешь не отвечать, я и так знаю. Он...

— Он просто беспокоится, — перебила я, слегка сжав колено змея, которое как раз оказалось под рукой. — Все в порядке, правда.

Аспис поймал мою ладонь, потянул, заставляя подняться, и, расставив ноги для удобства, крепко обнял.

— Наверное, это даже здорово, что мы с тобой оба такие взрослые, серьезные и умудренные опытом, — проговорил он со смешком. — Все понимаем, на мелочи не обижаемся, точно знаем, чего хотим. Были бы молодые-горячие — уже несколько раз разругались бы, а?

— Твой отец тем более немолод, но ругаться ему это совсем не мешает, — улыбнулась я в ответ, не поднимая головы с крепкого плеча. — А мы... Не знаю. Но уже совсем не хочется вспоминать, что было, и предполагать, как бы оно могло повернуться. Хочется просто жить. С тобой. И даже можно

немного ругаться, если очень надо.

— Это значит «да»? — За показной иронией отчетливо слышалось напряжение, вопрос действительно его волновал.

— Конечно. А что, были варианты?

Змей промолчал, видимо не желая развивать тему. Мы немного так постояли — молча, обнявшись; уж очень не хотелось шевелиться и нарушать это чувство умиротворения и покоя. А потом пошли на ужин — рука об руку, на ходу обсуждая прибывших змеев и прикидывая, к чему на самом деле можно привлечь Витола.

Говорят, Долгая Змея по своей воле способна изменить прошлое. Так, может, если очень захотеть, и у нас получится? Немного, совсем чуть-чуть. Только для нас двоих.

Решиться на разговор было трудно. И хотелось, и нужно было, но все равно — так странно и тревожно, что даже представить начало этого разговора не получалось. Барес с иронией сознавал, что Норика испытывает, похоже, те же затруднения, но это понимание не помогало, и легче от него не становилось.

Дошло до того, что Бес поймал себя на чувстве зависти к Торике и ее сестре, а вернее — к той легкости, с которой они общались с госпожой змееловом. А сам он, к собственному стыду, никак не мог переступить через мысли о прошлом и представление о ее репутации.

Но именно эти чувства окончательно дали понять, что так дальше нельзя, и Барес улучил момент после занятий, когда Норика была одна в кабинете. Застыл перед дверью на несколько мгновений, глубоко вздохнул и отрывисто постучал, отрезая себе путь к отступлению.

В первый момент на лице ее проступило удивление, потом она нерешительно улыбнулась и поднялась. Пару секунд оба смущенно помолчали, потом Норика нашлась:

— Привет. Проходи...

— Добрый вечер, — взволнованно ответил Барес. Собственная неуверенность злила, он не привык к таким чувствам, но побороть ее пока не получалось.

Они сели, разделенные письменным столом, неловко помолчали, не зная, с чего начать и что вообще говорить. Первой не выдержала Норика.

— Может, пойдем прогуляемся? — предложила напряженно. — Снегопад вроде бы закончился, а от холода можно защититься магией.

— Пойдем, — с облегчением согласился Бес.

До ближайшего выхода в парк шли молча, украдкой косясь друг на друга. Молодой змей пытался смотреть на женщину, которая шла рядом с ним, отстраненно, временно отложив все воспоминания, как будто только что увидел.

Все-таки то обстоятельство, что они разобрались и помирились с Асписом, благотворно сказалось на обоих. Заметно повеселели, ожили, пропало напряжение из глаз, даже словно помолодели, что ли? За них Барес был безусловно рад. Да и за себя, наверное, тоже, просто... еще не до конца.

Столкнувшись в какой-то момент взглядами, они одинаково смутились и поспешно сосредоточились на дороге под ногами.

Солнце зимой не баловало эти края, над парком висели тяжелые тучи. Вокруг очищенных магией дорожек высились нешуточные сугробы. Но холод действительно не ощущался: Норика, как и обещала, защитила от него магией, отчего видение заснеженного парка стало еще более необычным.

— Снег такой странный, — заговорил Барес. — Умом понимаешь — замерзшая вода, видишь белый мягкий пух, а на ощупь он холодный и твердый. Тори смеется, а я никак привыкнуть не могу.

— Там, где вы жили, снега нет? — спросила Норика.

— Нет, там всегда тепло. Я видел его в детстве, но давно, плохо помню.

— Тебе нравилось там, в другом мире?

— И да и нет. — Молодой змей неопределенно пожал плечами. — Мир хороший, красивый.

Водяные... Тоже красивые, но они слишком чужие. Рагрор говорит, что я просто зануда. А по мне они уж слишком легкомысленные и необязательные, с ними тяжело. Неприятно, когда взрослые существа думают только о себе. Конечно, среди змеев и людей такие тоже есть, но их не так много и не в такой степени.

— Ты очень рассудительный, — с легкой улыбкой в уголках губ заметила Норика, задумчиво качнув головой. И добавила негромко: — Действительно странно, в кого.

— Может, в тебя? — мгновение помолчав, осторожно предположил Бес, решившись и на продолжение серьезной темы, и на переход на «ты».

— Сомнительно, — усмехнулась она. — Я ведь боевой маг. Я всегда была порывистой, эмоциональной и даже немного сумасбродной. Иначе вряд ли бы так легко поддавалась обаянию твоего отца. — Улыбка стала немного грустной, но это была светлая грусть.

— Значит, в кого-то из более дальних родственников, — со смешком предположил Барес. — Может, в бабушку? Отец говорит, что она как раз была спокойной и доброй. А твои родители?..

— Я их почти не помню, — неуверенно пожала плечами Норика. — Наверное, это странно, потому что мне было почти тринадцать, когда они заболели. Они, старший брат и младшая сестра. Но все это какими-то обрывками помнится, смутно. Наверное, у нас с Келем похожие проблемы, только ему досталось сильнее. Я помню, что мы вроде бы хорошо жили, дружно, и родителей я любила. Только нет какого-то цельного образа.

Несколько секунд они шли молча, но сейчас тишина тяготила уже не так сильно, как в самом начале. Словно взведенная внутри пружина тревоги ослабла, и дышать стало легче.

— По-моему, у многих такая проблема, — заметил Барес. — Тори тоже почти не помнит родителей. Но она и вспоминать не хочет. Для них с Дорикой ты, кажется, гораздо ближе...

— Их можно понять, — задумчиво пожала плечами она. — Когда мать без сожалений отправляет тебя на костер, лучше и не знать такой матери.

— Наверное, — рассеянно кивнул Бес. — Это, оказывается, очень сложно представить.

Дорожка уперлась в небольшую изящную беседку и там закончилась. С неба опять посыпался снег, пока еще редкий и мелкий, и они, не сговариваясь, шагнули под низкий свод. Остановились с той стороны, где беседку не занавешивал полог прикрытого снегом плюща. Барес плечом привалился к столбу, рассеянно глядя на сад снаружи, Норика принялась бездумно выводить пальцем узор на снегу, покрывавшему широкие перила, — кажется, просто пыталась занять руки.

— Что — это?

— Таких родителей. Когда я представлял, что нахожу мать, когда думал о ней... о тебе, — запнулся он, раздраженно тряхнул головой и продолжил: — Я понимал умом, что это может оказаться совершенно любая женщина, что она могла сознательно меня бросить, по какой-то причине не прервав беременность раньше. Но только умом. В глубине души всегда верил, что если мать жива, то найдется какая-то весомая, убедительная причина... Правда, дальше этого в своем воображении все равно не заходил. Страшновато, — нервно хмыкнул он.

— Да уж, Аспис прав, у нас с тобой схожая проблема, — неуверенно улыбнулась Норика, поднимая на него взгляд. Рассеянно качнула головой. — Ты очень на него похож. Не только лицо — мимика, жесты. Странно даже, как я сразу не обратила внимания... Забавно, насколько у нас с близняшками оказались схожие вкусы. — Улыбка стала шире, Норика повернулась уже всем корпусом. Но руку с перил не убрала, словно без этого не могла стоять.

— Да, интересно совпало, — весело отозвался Бес. — За Келя радостно: Дори его растормошит, даже если будет сопротивляться.

— Эта может, — хмыкнула Нори.

Потом сделала короткий шаг вперед, кажется затаив при этом дыхание. Улыбка померкла, а взгляд наполнился непонятной тревогой и напряжением. Она подняла руку, но опять замерла и тихо, даже робко спросила:

— Можно?

Бес не понял, что именно она хотела сделать, но растерянно кивнул — вряд ли что-то плохое.

Норика прерывисто вздохнула и едва ощутимо коснулась кончиками неожиданно теплых после возни в снегу пальцев его щеки. Так же осторожно, словно боялась причинить боль, провела по

коже от виска к подбородку. Пальцы ее едва заметно дрожали.

Молодой змей в первое мгновение замер в смятении, не зная, что предпринять в ответ на это движение, а потом решился и неуверенно накрыл женскую ладонь своей. Рука ее оказалась сухой и твердой, шершавой, совсем не женской. Глаза влажно блеснули, Норика нервно закусила губу и порывисто подалась вперед, крепко обняла парня, уткнувшись лбом в плечо.

Барес опять замер, растерялся, но все-таки в ответ неуверенно обнял вздрогнувшие от этого прикосновения плечи.

Это ощущение тоже было очень странным, и опять оно противоречило тому, что говорил разум. Последний напоминал, что госпожа Неро — опытный боевой маг, хладнокровный офицер ордена Змееловов, пусть и в прошлом. Вот только он не мог объяснить, почему этот офицер сейчас дрожит, безуспешно пытаясь сдержать слезы, а ощущения — как раз могли.

Почему-то Барес до этого момента совершенно не задумывался — применительно к поискам матери — о том, что он уже вообще-то здоровый лоб, и не предполагал, как будет при встрече выглядеть в глазах этой самой матери. А она, оказываясь, совсем не строгая и ни капли не грозная и, несмотря на всю свою силу и прошлое, очень похожа на Торику — тонкая и хрупкая. И как же все-таки здорово, что они с отцом ее нашли...

Назвать ее мамой не то что вслух, но даже в мыслях пока не получалось. Но и прежние мысли и тревоги куда-то незаметно сгинули, оставив тепло и покой в душе.

Барес несколько раз задумчиво провел ладонью по мягким волосам. Приглядевшись, с удивлением понял, что не показалось, это не игра света, среди каштановых прядей действительно серебрились тонкие нити седины. А она ведь еще совсем молодая...

Молодой змей рассеянно подумал: наверное, хорошо, что отец — альбинос и по нему не видно. На нем эта война тоже наверняка оставила бы следы. Да, в общем, и так оставила, он тоже должен был сейчас выглядеть чуть иначе.

Стало горько и тошно. Хорошо, что самое плохое позади...

— Прости. — Через некоторое время Норика нашла в себе силы успокоиться, немного отодвинулась, чтобы утереть рукавом слезы. Выглядела она донельзя смущенной и растерянной и стеснялась поднять глаза. — Только Аспису не говори, что я тут расклеилась, а то он меня точно на постельный режим переведет, — попросила она, пытаясь за шуткой скрыть собственное смятение.

— Не скажу, — серьезно пообещал Барес и протянул Норике свой платок. Та приняла его с благодарным кивком. Промокнула покрасневшие глаза, выразительно шмыгнула носом. — Все будет хорошо, — зачем-то тихо сказал он.

— Теперь — наверное, — улыбнулась в ответ Нори. Глубоко вздохнула, окончательно успокаиваясь и беря себя в руки. — Спасибо!

Бес сразу понял, что речь сейчас совсем не о платке, и улыбнулся в ответ.

— Тебе спасибо. Пойдем? А то ужин пропустим.

— Пойдем, — кивнула Норика.

В школу они вернулись в молчании, но молчание это было совсем другим — спокойным, уютным. И Бес чувствовал — не просто верил, а точно знал — что теперь действительно все будет хорошо.

С появлением новых учителей в школе стало гораздо больше порядка, это заметили все уже к концу первой недели. Набор предметов расширился и вполне соответствовал представлениям о нормальном образовании, у учеников день был полностью занят уроками и вечер — домашними заданиями, а у учителей оставалось время на нормальную подготовку к занятиям, причем по тем предметам, которые были ближе к их специальности.

Решив этот насущный вопрос, начали задумываться о наведении еще большего порядка, а именно — найме счетовода, за которого отдувался Мрон, секретаря, обязанности которого пока лежали на Норике, и помощника целителя, который мог бы дежурить в лазарете. Вопрос встал тем острее, что в выходной должна была прибыть еще группа учеников — змеенышей, собранных по столице и окрестностям, частью беглецов, а частью — сознательно спрятанных родителями. Среди них предполагалась и пара взрослых везунчиков, и тут уже было самое время порадоваться присутствию Витола Чарита. Конечно, проблемы у них наверняка менее острые, чем у Кергала, но это не значит, что помощь не нужна совсем.

Да и на Келе присутствие деда сказалося благотворно: он стал не только осваиваться в настоящем, но и вспоминать прошлое. Совсем не радостное, потому что детство было нищим и голодным, и в канализацию он попал отнюдь не из хорошего дома и не тогда, когда обрел змеиные таланты. Еще до того они вместе с матерью ютились в какой-то ночлежке после смерти официального отца Кергала. Судя по всему, женщина и сама не знала, что у ее сына был другой отец. Во всяком случае, вспоминала она только мужа, и больше никаких мужчин.

Но эти воспоминания сейчас, к счастью, не причиняли такой боли, какую могли бы. Сложно всерьез страдать о прошлом, когда в настоящем все хорошо, есть родные, друзья, любимая девушка и интересное занятие. Тем более помнилось все это через какую-то дымку, картины прошлого словно выгорели за минувшие годы.

В результате Аспис переживал куда сильнее сына: он так и не сумел вспомнить женщину, которая родила Келя. Ему не давала покоя мысль, что, если бы он знал, все могло обернуться иначе.

Может, если бы он раньше попытался найти мать Бареса или задумался о какой-то другой родне... Впрочем, до серьезного самобичевания не доходило. Целитель отдавал себе отчет, что «если бы» — плохой аргумент для жизни и для истории.

И даже несмотря на эти неприятные открытия и мысли, белый змей чувствовал себя совершенно счастливым.

Именно сейчас об этом, впрочем, Аспис не думал. Выдалось «окно» между занятиями, и змей тратил это время с пользой, проверяя самостоятельные работы самых маленьких учеников, с которыми он изучал биологическую энергетику. Физическое устройство живого и неживого дети проходили в младшей-школе, а с обретением магии добавляли еще одну точку зрения на эти вещи. Приходилось, правда, повторять многое из пройденного прежде, но это было нормально даже для благополучных детей.

От занятия отвлек короткий быстрый стук в дверь. Дождаться разрешения визитер не стал.

— Привет. — Аспис удивленно поздоровался с отцом. — Какими судьбами? — все-таки спросил, отчаявшись угадать самостоятельно. Явно ничего страшного или срочного не произошло, слишком Витол спокоен, а зачем еще он мог явиться, белый змей не представлял.

— Поговорить, — пожал тот плечами, подтащил стул к учительскому столу, за которым сидел целитель, устроился на нем вальяжно, немного развальясь. — Что я, с сыном поговорить не могу?

— Что-то случилось? — еще больше озадачился младший змей.

— Это еще почему?

— Потому что это единственный повод нам поговорить. Разве нет? — вопросительно вскинул брови альбинос.

— Попусту болтать не любим, да, — хохотнул гость.

— Ну и? — подбодрил Аспис.

— Расскажи, что было со Свертой, — хмуро попросил Витол.

Белый змей понимающе кивнул: в общих чертах отец эту историю знал и, наверное, сильно переживал происшествие, если только теперь решился выспросить подробности.

Много времени рассказ не занял. Старик не задавал никаких вопросов и лишь угрюмо молчал, все больше хмурясь.

— Да. Не хотел же я ее отпускать... — тяжело вздохнул он, когда после рассказа повисла тишина.

— Так зачем?..

— Ну не запирать же! — развел руками Витол. — Сама рвалась. А я, старый дурак, даже порадовался. Думал, зря волнуюсь, вон как девчонка хорошо себя чувствует, возвращаться не боится. Поработал хорошо, да... Будет мне за самоуверенность.

— Почему она вообще на такое пошла? — спросил Аспис, хотя предположения на этот счет у него имелись.

— Да уж не своим умом догадалась, — проворчал отец. — Это все Белес, старая сволочь. Был бы человеком — небось с Великим Змееловом под ручку ходил бы, та же порода.

Ответ не удивил. Речь шла об одном из тех членов Совета и змеиной делегации, которых арестовали

в столице. Под его руководством Сверта училась, Белес был лучшим из оставшихся в живых специалистов по магии времени. Наставник являлся одним из тех, кто имел наибольшее влияние на молодую змею, а значит, мог убедить ее в чем угодно.

— Мразь, — тихо вздохнул Витол. — Не пожалел ведь девочку...

Аспису оставалось только согласно промолчать. Непонятно, на что рассчитывал Белес? Участие в таком преступлении не могло не сказаться на психике Сверты. Даже если оставить за скобками моральную сторону вопроса, полагаться на нее было откровенно глупо. Неужели никого более подходящего не нашлось? Или он просто не поверил заключению Чарита-старшего? Вообще неудивительно — эти двое друг друга недолюбливали еще с тех пор, как вместе преподавали в столичном университете. Аспис толком не знал, с чего начался их конфликт, но прекрасно помнил, что они при каждой встрече обменивались колкими замечаниями.

— За что Белес так тебя не любит? — пользуясь случаем, спросил он.

— За твою мать, — отозвался Витол. — Мы за ней оба ухаживали, но выбрала она меня.

Пару минут помолчали. Аспис не торопил, но все больше недоумевал: вроде бы все выяснили, старик никогда не был сентиментален и вряд ли желал продолжить обсуждение своей покойной пациентки. Да, не самый светлый момент его жизни, но трагедии случались в ней и раньше, и переносил мозгоправ их стойко.

Тогда что его до сих пор здесь держит?

— Я еще про эту твою птицу поговорить хотел. — Старший змей поерзал, устраиваясь поудобнее, сцепил пальцы в замок.

— Птицу? — Брови альбиноса озадаченно приподнялись.

— Да директрису нашу, — поморщился старший.

— Норикю. — Аспис медленно кивнул. Разговаривать сразу окончательно расхотелось, но выставить отца ему наглости не хватило — тот пока слишком прилично себя вел, что было странно.

— Ну да.

— И что ты нового можешь про нее сказать? — спросил, потому что отец умолк. — Я, кажется, ясно выразил свое отношение к этому вопросу.

— Да ясно, ясно, — отмахнулся старик. Окинул задумчивым взглядом классную доску, сел ровнее, оглядел свои руки. — Ты скажи своей птице, чтобы ко мне зашла.

— Зачем? — Аспис совершенно потерял нить разговора.

— Кошмары ей снятся? Спит плохо? — с другой стороны зашел Витол. — Совесть-то беспокоит...

— Какое твое дело? — грубо оборвал целитель.

— Да я не о том! — Старый змей раздосадованно поморщился. — Есть у нее там кое-что по моей части. Поправить бы надо. Она и так не помрет, но само когда еще пройдет, если вообще пройдет. А поправить несложно, по чуть-чуть в несколько приемов.

— Ты хочешь ей помочь? — Аспис в изумлении уставился на отца, решив в первый момент, что ослышался. Но тут же нахмурился, потому что в голову закралась другая, куда более здравая мысль. — Если ты хочешь так до нее добраться, и после этого твоего вмешательства она...

Да не собираюсь я ей мозги сжигать! — недовольно дернул щекой Витол. — Помочь... не то чтобы очень хочу, но помощь ей пригодится.

— Погоди, — осознал целитель наконец то, что можно было понять с самого начала. Только поверить сложно, проще отрицать очевидное. — Ты что, мириться пришел?

— Помочь хочу, — неопределенно пожал плечами отец, продолжая разглядывать доску.

Младшему змею очень захотелось съехидничать, тем более повод такой благодатный, но сдержался. Не стал обострять, настаивать на извинениях, на признании ошибок. То, что отец пришел, было красноречивее всех покаяний, а требовать большего... Не тот характер. Он и сейчас уже переступил через себя, и это дорого ему стоило. Если подумать, Аспис никогда не видел отца таким взволнованным, смятенным и неуверенным. Тот, конечно, не железный и не чужд нормальных чувств, только прятал все это обычно очень глубоко. А сейчас вот волнение прорвалось наружу, и это впечатляло.

Но от вопроса все-таки не удержался:

— И что заставило тебя изменить мнение о Норике?

Тот опять повел плечами и нехотя ответил:

— Ну прошлое не отмоешь, конечно, но... Не врет она. Уж в этом-то я понимаю. Да и на тебя хорошо влияет. Гляди — остепенился, веселый, довольный. С мальчишками она нормально, да и девочки эти ее... забавные.

На несколько секунд повисла тягучая, неловкая тишина. Аспис не затягивал паузу намеренно, он просто боролся с растерянностью и пытался подобрать слова.

— Хорошо, я с ней поговорю, — только и смог сказать в итоге. — Думаю, не откажется.

Витол удовлетворенно кивнул и несколько расслабился. Но опять повисла неловкая тишина: оба мужчины не привыкли обсуждать какие-то личные, семейные вопросы в тоне, отличном от обмена язвительными замечаниями. Кажется, старший змей хотел сказать что-то еще, но так и не подобрал нужных слов, потому что, поднявшись, кивнул на прощанье и двинулся к двери.

Но на пороге все же замер, обернулся, смерил сына немигающим взглядом и тихо сказал:

— Я рад, что у вас с этой птицей все ладится.

— Спасибо. А птица-то почему?

— Так ястреб же. — Витол снова пожал плечами и вышел.

А Аспис с рассеянной улыбкой откинулся на спинку стула, бездумно глядя в окно. На душе было удивительно спокойно и мирно. И, что бы ни случилось в прошлом, жизнь, похоже, только начинается — хорошая, настоящая. Правильная.

Эпилог

Люди и змеи

Все-таки в этих местах очень яркая, бурная, сумасшедшая весна, особенно поначалу. Всего неделю назад завывали лютые, безжалостные метели, а сейчас солнце греет и светит так, что смотреть больно.

Соскучившиеся по хорошей погоде обитатели пойества, конечно, вовсю пользовались выходным днем, и в парк высыпали почти все. Из тяжелого, мокрого снега ученики вместе с учителями строили большую крепость, кто поменьше — с воплями носились вокруг, швыряясь тяжелыми плотными снежками и от души валяясь в снегу.

Мне вроде бы хотелось принять участие в общей суете, но было неловко. Казалось, мое вмешательство только все испортит и в это веселье я попросту не впишусь. Но чувства обиды и оторванности от окружающих от этого не возникало, потому что в равной степени мне совсем не хотелось шевелиться, было приятно жмуриться на солнце и наблюдать за возней со стороны. И я встала чуть поодаль, облокотилась о перила парадной лестницы, пригляделась внимательней.

Оказалось, не одна я не участвовала в веселье.

На одной из скамеек по ту сторону дороги сидел Витол Чарит, укутанный в теплую куртку, и благодушно наблюдал за молодежью. Сложившиеся у нас взаимоотношения можно было назвать «вооруженным взаимоуважительным нейтралитетом». А если углубляться в подробности, то мне даже нравился этот желчный старик. Умный, острый на язык, когда он перестал видеть во мне смертельного врага, превратился в весьма интересного собеседника. Мы с ним норой пикировались к взаимному удовольствию, чаще всего — на каких-то заседаниях. Пару раз Аспис пытался вмешаться, но потом понял, что такой стиль общения устраивает обоих, и махнул рукой.

Не бегал со всеми и Барес — лежал в стороне, сложив длинное змеиное тело в кольца и прикрыв глаза. У парня наступила пора первой линьки, змеи в такие моменты обычно вялые и сонные. Долго это не тянется, меньше недели, но состояние очень характерное. Сплетаясь с ним в клубок, дремала и Тори — ей до линьки было далеко, змейка ленилась за компанию. Ее в принципе не привлекали шумные забавы, а уж развлекаться без Беса тем более не стала бы.

За зиму оборот уверенно освоили все наши юные ученики, и сейчас то тут то там мелькали длинные разноцветные хвосты.

Некоторые ученики просто бродили по дорожкам заснеженного парка. Прогуливались, о чем-то оживленно болтая, Ежина с Фалином, но эти двое с перелома года вообще не особенно смотрели по сторонам, все больше друг на друга. Отойдя от разочарования со Свертой, рыжий благополучно разглядел в жизнерадостной библиотекарше девушку. А та, насколько я могла судить, и вовсе положила на Фалина глаз с первого дня знакомства в школе, и тем более не возражала. Так что их роман стремительно развивался и уверенно двигался к закономерному итогу. Пара из них получилась удивительная: по отдельности-то каждый словно светился изнутри, а уж вместе влюбленные легко могли заменить нашей маленькой школе солнце.

А вот Кель с Дорикой, конечно, нашлись в гуще веселья. Кергал, может, и рад был посидеть в сторонке, но не с этой заводилой под боком. Впрочем, недовольным жизнью он совсем не выглядел, но на него сейчас вообще было приятно посмотреть. За зиму парень набрал веса, перестал быть таким болезненно тощим, как-то весь выпрямился, расправил плечи и заметно похорошел. Дори его ревновала, но совершенно беспочвенно, Кель явно определился в своих симпатиях окончательно. В этом постоянстве и стремлении к серьезным отношениям они с братом были удивительно похожи.

Сейчас Кергал уже вполне оправился от всех потрясений. Казался, конечно, гораздо моложе своего реального возраста — по нашим прикидкам, он был старше брата на несколько лет, но линять пока не собирался и вообще поведением тянул на ровесника близняшек. Зато совершенно нормального, здорового. Можно сказать, сэкономил несколько лет жизни, съеденных войной и охотой на змеев.

В остальном мире — там, за пределами Стрелолоста — тоже потихоньку начиналась весна. Змеи возвращались домой. Пока осторожно, пока только самые смелые и в крупные города или вот такие тихие уголки вроде Столбов, но и это уже было здорово. Налаживались оборванные связи с соседними мирами. Потихоньку восстанавливалась нормальная жизнь.

Школа наша теперь была полностью заселена, появились обещанные ученики с человеческой магией, новые учителя и работники. Но она была только первой — змеенышей понемногу начали учить и в других местах. В столичный университет возвращались преподаватели-змеи, восстанавливали закрытые змееловами кафедры. Витолу предложили возглавить одну из них, и он

согласился, так что к лету должен был нас покинуть. И это правильно, там его опыт был куда более кстати, потому что ученикам его помощь уже стала не нужна.

Появилась только одна тревожная новость, но и ту, подумав, сложно было назвать по-настоящему плохой. Оказывается, в нашем мире в последние несколько лет очень сильно упала рождаемость. Змееловы проблему замалчивали, сейчас эта информация всплыла. Но если вспомнить откровения Язода Самоса, может быть, оно и к лучшему? Может быть, наши боги сделали выводы из прошлого опыта?..

Тем более легко оказалось принять эту новость благодаря тому, что мы с Асписом в статистику не попали, — чуть меньше месяца назад обнаружилось, что к двум взрослым парням, а также близняшкам и Мангиру скоро добавится кто-то маленький. Мой змей почему-то не сомневался, что девочка, а я... просто радовалась жизни, и в мыслях о настоящем и будущем почти не оставалось места прошлому.

Словно почувствовав мой взгляд, Аспис распрямился, оставив большой снежный ком, и обернулся. Я не удержалась от ответной улыбки, помахала рукой, и целитель, бросив пока свое занятие, потрусил ко мне. Раскрасневшийся, перья на бровях топорщатся, влажные волосы дыбятся слипшимися иголками; улыбка — сияющая, теплая, и даже вертикальные зрачки уже не привлекают внимание.

Сейчас Аспис казался совсем мальчишкой, бесшабашным и беззаботным.

— Никогда не привыкну видеть тебя на холоде в одной блузке, — качнул головой змей, расстегивая куртку. Обнял меня, распахнув полы и укрыв ими, и я, конечно, не стала сопротивляться, хотя не мерзла. Все равно было приятно прижаться к разгоряченному телу, ощутить крепость родных объятий. — Выспалась?

— Не то слово, — ответила куда-то в воротник его рубашки. — Но просыпаться с тобой мне нравится больше...

Говорят, зима — время обновления мира. Целительный сон, в который боги погружают Твердь и ее обитателей. Раньше я об этом не задумывалась: там, в прошлой жизни, не было повода сравнивать разные сезоны года и искать в их различиях некий сакральный смысл. Но именно сейчас, в этом году, мир удивительно точно отвечал старой присказке. Мир, наша школа, вся моя жизнь... Зима вместе с тающим снегом уносила с собой все грустные и тяжелые мысли, мрачные воспоминания.

И я бы совершенно не удивилась, что все это не случайно. Что боги намеренно выбрали для своего вмешательства именно зиму — по каким-то их божественным законам. Неспроста прошлый перелом тоже случился зимой: выползла на свет зеленая гниль, и рухнули прежние связи. Но теперь у меня появился повод любить это время года.

Впрочем, не только его. Каждый новый день, каждую минуту, прожитую не потому, что надо и глупо умирать просто так, а потому, что хочется и есть ради чего жить.